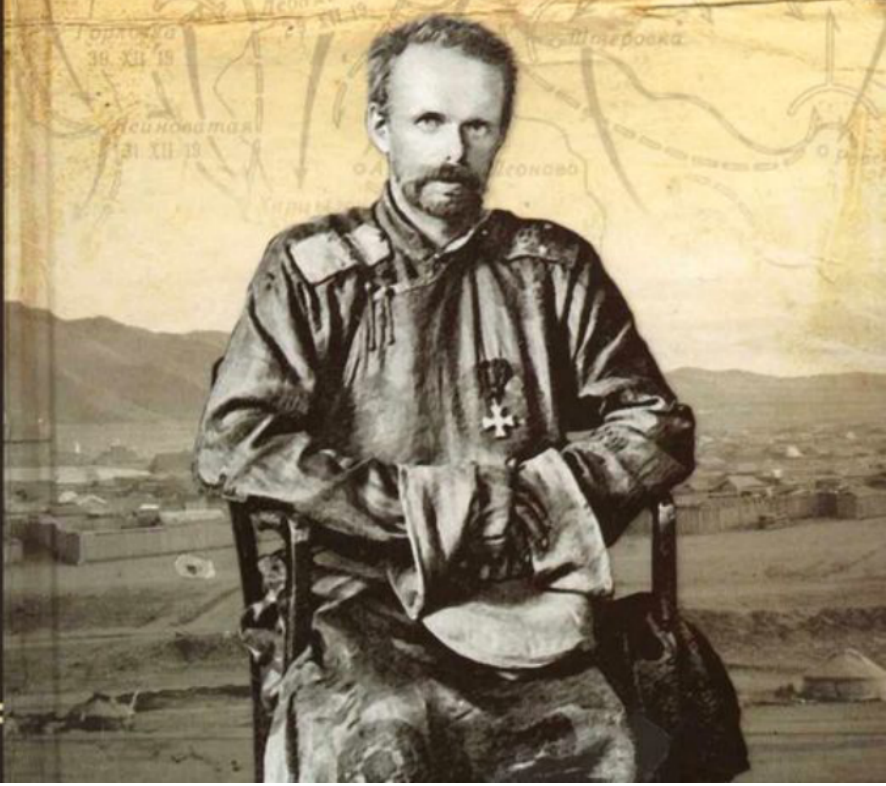
А.В. Жуков

БАРОН УНГЕРН

Путь русского офицера

А.В. Жуков

Барон УНГЕРН



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Личность генерал-лейтенанта Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга была выдвинута на первые роли в истории противостоянием «двух непримиримых России — красной и белой», сошедшихся в смертельной схватке, из которой победительницей выйти могла лишь одна сторона…

Книга А. В. Жукова рассказывает о судьбе барона Унгерн-Штернберга, одного из руководителей Белого движения в Забайкалье и Монголии, убежденного монархиста и идейного противника революции. Автор рассматривает весь комплекс религиозных, политических, национальных взглядов барона Унгерна — «последнего крестоносца».

- Андрей Жуков
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40

Андрей Жуков
БАРОН УНГЕРН
Даурский крестоносец или буддист с мечом

Глава 1
Родословная

… Когда в 1956 году советскому руководителю Н. С. Хрущеву доложили, что правительство ФРГ собирается назначить первым послом ФРГ в СССР представителя одной из ветвей древнего рода Унгернов, то его ответ был категоричен: «Нет! Был у нас один Унгерн, и хватит!» Этот исторический полуапокриф, полуанекдот свидетельствует о том, что древний и разветвленный род Унгернов продолжает входить в политическую элиту современной Европы, в своеобразный закрытый аристократический клуб ее самых известных фамилий.

Впрочем, история родового древа баронов Унгернов выглядит довольно запутанной и противоречивой. Вот как она изложена со слов самого барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга Фердинандом Оссендовским в своей книге «И звери, и люди, и боги»,[1] на которую нам предстоит еще неоднократно ссылаться: «Я происхожу из древнего рода Унгерн фон Штернбергов, в нем смешались германская и венгерская — от гуннов Атиллы — кровь. Мои воинственные предки сражались во всех крупных европейских битвах. Принимали участие в Крестовых походах, один из Унгернов пал у стен Иерусалима под знаменем Ричарда Львиное Сердце. В трагически закончившемся крестовом походе детей погиб одиннадцатилетний мальчик Ральф Унгерн. Когда храбрейших воинов Германской империи призвали в XII веке на охрану от славян ее восточных границ, среди них был и мой предок — барон Халза Унгерн фон Штернберг. Там они основали Тевтонский орден, насаждая огнем и мечом христианство среди язычников — литовцев, эстонцев, латышей и славян. С тех самых пор среди членов ордена всегда присутствовали представители моего рода. В битве при Грюнвальде, положившей конец существованию ордена, пали смертью храбрых два барона Унгерн фон Штернберга. Наш род, в котором всегда преобладали военные, имел склонность к мистике и аскетизму.

В шестнадцатом-семнадцатом веках несколько поколений баронов фон Унгерн владели замками на земле Латвии и Эстонии. Легенды о них живут до сих пор. Генрих Унгерн-Штернберг по прозвищу Топор был странствующим рыцарем. Его имя и копье, наполнявшие страхом сердца противников, хорошо знали на турнирах Франции, Англии, Испании и Италии. Он пал при Кадисе от меча рыцаря, одним ударом рассекшего ему шлем и череп. Барон Ральф Унгерн был рыцарем-разбойником,

наводившим ужас на территории между Ригой и Ревелем. Барон Петер Унгерн жил в замке на острове Даго в Балтийском море, где пиратствовал, держа под контролем морскую торговлю своего времени. В начале восемнадцатого века жил хорошо известный в свое время барон Вильгельм Унгерн, которого за занятия алхимией называли не иначе как «брат сатаны». Мой дед каперствовал в Индийском океане, взимая дань с английских торговых судов. За ним несколько лет охотились военные корабли, но никак не могли его поймать. Наконец деда схватили и передали русскому консулу, тот выслал его в Россию, где деда судили и приговорили к ссылке в Прибайкалье…»

Практически почти дословно ту же версию истории рода Унгернов приводит в своей книге «Бог войны — барон Унгерн», изданной в 1934 году в Шанхае, и А. С. Макеев, бывший адъютантом барона в Монголии в 1921 году. Однако к сочинениям как Ф. Оссендовского, так и А. Макеева многие современные историки призывают относиться с осторожностью: в свое, казалось бы, документальное повествование о реальных встречах и личных беседах с бароном Ф. Оссендовский аккуратно вплетает вымысел и собственные фантазии. Представляется совершенно справедливым мнение историка Белого движения А. С. Кручинина, утверждающего, что сочинения Оссендовского сослужили памяти барона Унгерна чрезвычайно скверную службу. Кроме того, следует принять во внимание и такой факт: Унгерн рассказывал Оссендовскому ту версию своей биографии, которую он сам разработал для себя, выбросив из реальной цепи событий отдельные звенья, казавшиеся ему излишними, не отвечавшими созданному им самим грозному образу «бога войны». Соответственно, образовавшиеся лакуны восполнялись собственными, придуманными бароном вставками. «Надо думать, что Унгерн сознательно спрямлял пространство своей полулегендарной генеалогии», — указывает в книге «Самодержец пустыни» современный российский писатель Л. А. Юзефович. Одной из подобных «подмен-вставок» в семейную хронику стала история о «деде-пирате». На самом деле реальный дед Унгерна по отцовской линии служил в должности управляющего суконной фабрикой в местечке Кертель на острове Даго (ныне — остров Хийумаа, Эстония) вплоть до самой своей смерти и, разумеется, никогда и нигде не «каперствовал».

В действительности в Индии бывал прапрадед Унгерна — Отто Рейнгольд-Людвиг Унгерн-Штернберг, но отнюдь не как пират, а как простой путешественник. В молодые годы он добрался до индийского порта Мадрас, где был арестован англичанами как «подозрительный иностранец», — шла

Семилетняя война… Интересные подробности о биографии прапрадеда, получившего прозвище Кровавый, приведены в упомянутой нами книге Л. А. Юзефовича.

Исторический Отто-Рейнгольд-Людвиг фон Штернберг родился в 1744 году в Лифляндии. Он получил очень хорошее образование — окончил Лейпцигский университет, путешествовал, подвизался при дворе польского короля Станислава Понятовского. Позже он переехал в Санкт-Петербург, а в 1781 году приобрел у своего школьного товарища графа Штенбока имение Гогенхольм на острове Даго. Здесь барон и прожил до 1802 года, когда был увезен в Ревель, судим и сослан в Сибирь — в Тобольск, где и умер десять лет спустя. О бароне ходили страшные легенды, о суде над «пиратом-камергером» слухи поползли по всей Европе. Отзвуки этих слухов и легенд продолжали звучать и почти полвека спустя. Знаменитый французский путешественник, маркиз А. де Кюстин, оставивший довольно скандальные записки о своей поездке в Россию в 1839 году, так излагает одну из дошедших до него историй: *«Напоминаю вам, что пересказываю историю, слышанную от князя К***:*

«Барон Унгерн фон Штернберг был человек острого ума, объездивший всю Европу; характер его сложился под влиянием этих путешествий, обогативших его познаниями и опытом. Возвратившись в Санкт-Петербург при императоре Павле, он неведомо почему впал в немилость и решил удалиться от двора. Он поселился в диком краю, на принадлежавшем ему безраздельно острове Даго, и, оскорбленный императором, человеком, который казался ему воплощением человечества, возненавидел весь род людской.

Происходило это во времена нашего детства. Затворившись на острове, барон внезапно начал выказывать необыкновенную страсть к науке и, дабы предаться в спокойствии ученым занятиям, пристроил к замку очень высокую башню, стены которой вы можете теперь разглядеть в бинокль». Тут князь ненадолго умолк, и мы принялись рассматривать башню острова Даго.

«Башню эту, — продолжал князь, — барон назвал своей библиотекой, а на вершине ее устроил застекленный со всех сторон фонарь — бельведер — не то обсерваторию, не то маяк. По его уверениям, он мог работать только по ночам и только в этом уединенном месте. Там он обретал покой, располагающий к размышлениям. Единственные живые существа, которых барон допускал в башню, были его сын, в ту пору еще ребенок, и гувернер сына. Около полуночи, убедившись, что оба они уже

спят, барон затворялся в лаборатории; тогда стеклянный фонарь загорался таким ярким светом, что его можно было увидеть издалека. Этот лжемаяк легко вводил в заблуждение капитанов иностранных кораблей, нетвердо помнящих очертания грозных берегов Финского залива. На эту-то ошибку и рассчитывал коварный барон. Зловещая башня, возведенная на скале посреди страшного моря, казалась неопытным судоводителям путеводной звездой; понадеявшись на лжемаяк, несчастные встречали смерть там, где надеялись найти защиту от бури, из чего вы можете сделать вывод, что в ту пору морская полиция в России бездействовала Стоило какому-нибудь кораблю налететь на скалы, как барон спускался на берег и тайком садился в лодку вместе с несколькими ловкими и смелыми слугами, которых держал нарочно для подобных вылазок; они подбирали чужеземных моряков, барахтавшихся в воде, но не для того, чтобы спасти, а для того, чтобы прикончить под сенью ночи, а затем грабили корабль; все это барон творил не столько из алчности, сколько из чистой любви к злу, из бескорыстной тяги к разрушению.

Не веря ни во что и менее всего в справедливость, он полагал нравственный и общественный хаос единственным состоянием, достойным земного бытия человека, в гражданских же и политических добродетелях видел вредные химеры, противоречащие природе, но бессильные ее укротить. Верша судьбами себе подобных, он намеревался, по его собственным словам, прийти на помощь Провидению, распоряжающемуся жизнью и смертью людей.

Однажды осенним вечером барон, по своему обыкновению, истребил экипаж очередного корабля; на сей раз это было голландское торговое судно. Разбойники, жившие в замке под видом слуг, несколько часов подряд перевозили на сушу с тонущего судна остатки груза, не заметив, что капитан корабля и несколько матросов уцелели и, взобравшись в лодку, сумели под покровом темноты покинуть гибельное место. Уже светало, когда барон и его приспешники, еще не завершив своего темного дела, заметили вдали лодку; разбойники немедля затворили двери в подвалы, где хранилось награбленное добро, и опустили перед чужестранцами подъемный мост. С изысканным, чисто русским гостеприимством хозяин замка спешит навстречу капитану; с полнейшей невозмутимостью он принимает его в зале, расположенной подле спальни сына; гувернер мальчика был в это время тяжело болен и не вставал с постели. Дверь в его комнату, также выходившая в залу, оставалась открытой. Капитан повел себя крайне неосмотрительно.

— Господин барон, — сказал он хозяину замка, — вы меня знаете, но не можете узнать, ибо видели лишь однажды, да притом в темноте. Я капитан корабля, экипаж которого почти целиком погиб у берегов вашего острова; я сожалею, что принужден переступить порог вашего дома, но я обязан сказать вам, что мне известно: среди тех, кто нынче ночью погубил моих матросов, были ваши слуги, да и вы сами своей рукой зарезали одного из моих людей.

Барон, не отвечая, идет к двери в спальню гувернера и бесшумно притворяет ее.

Чужестранец продолжает:

— Если я говорю с вами об этом, то лишь оттого, что не намерен вас погубить; я хочу лишь доказать вам, что вы в моей власти. Верните мне груз и корабль; хоть он и разбит, я смогу доплыть на нем до Санкт-Петербурга; я готов поклясться, что сохраню все случившееся в тайне. Пожелай я отомстить вам, я бросился бы в ближайшую деревню и выдал вас полиции. Но я хочу спасти вас и потому предупреждаю об опасности, которой вы подвергаете себя, идя на преступление.

Барон по-прежнему не произносит ни слова; он слушает гостя с видом серьезным, но отнюдь не зловещим; он просит дать ему немного времени на размышление и удаляется, пообещав гостю дать ответ через четверть часа. За несколько минут до назначенного срока он внезапно входит в залу через потайную дверь, набрасывается на отважного чужестранца и закалывает его!.. Одновременно по его приказу верные слуги убивают всех уцелевших матросов, и в логове, обагренном кровью стольких жертв, вновь воцаряется тишина. Однако гувернер все слышал; он продолжает прислушиваться… и не различает ничего, кроме шагов барона и храпа корсаров, которые, завернувшись в тулупы, спят на лестнице. Барон, объятый тревогой и подозрениями, возвращается в спальню гувернера и долго разглядывает его с величайшим вниманием; стоя возле постели с окровавленным кинжалом в руках, он следит за спящим, пытаясь удостовериться, что сон этот не притворный; наконец, сочтя, что бояться нечего, он решает сохранить гувернеру жизнь».

— В преступлении совершенство — такая же редкость, как и во всех прочих сферах, — добавил князь К***, прервав повествование. Мы молчали, ибо нам не терпелось узнать окончание истории. Князь продолжал: — «Подозрения у гувернера зародились уже давно; при первых же словах голландского капитана он проснулся и стал свидетелем убийства, все подробности которого видел сквозь щель в двери, запертой бароном на ключ. Мгновение спустя он уже снова лежал в

постели и благодаря своему хладнокровию остался в живых. Лишь только барон вышел, гувернер тотчас же, невзирая на трепавшую его лихорадку, поднялся, оделся и, усевшись в лодку, стоявшую у причала, двинулся в путь; он благополучно добрался до континента и в ближайшем городе рассказал о злодеяниях барона полиции. Отсутствие больного вскоре было замечено обитателями замка; однако ослепленный предшествующими удачами преступник-барон поначалу и не подумал бежать; решив, что гувернер в припадке белой горячки бросился в море, он пытался отыскать его тело в волнах. Меж тем спускающаяся из окна веревка, равно как и исчезнувшая лодка, неопровержимо свидетельствовали о бегстве гувернера. Когда, запоздало признав этот очевидный факт, убийца вознамерился скрыться, он увидел, что замок окружен посланными для его ареста войсками. После очередной резни прошел всего один день; поначалу преступник пытался отрицать свою вину, но сообщники предали его. Барона схватили и отвезли в Санкт-Петербург, где император Павел приговорил его к пожизненным каторжным работам. Умер он в Сибири. Так печально окончил свои дни человек, служивший благодаря блеску своего ума и непринужденной элегантности манер украшением самых блестящих европейских салонов».

Таким образом, род баронов Унгернов вошел в анналы мировой литературы. Но то — литература. В реальной жизни, как водится, все обстояло гораздо прозаичнее. Предки барона, проживавшие на острове Даго, у побережья которого действительно часто терпели крушение корабли, были людьми мирными и законопослушными. Об этом свидетельствует и запись, которую 21 мая 1853 года сделал в своем дневнике начальник штаба корпуса жандармов небезызвестный Леонтий Васильевич Дубельт: «14 мая отправившийся из Кронштадта в Лондон английский пароход «Нептун» разбился о подводный камень близ острова Даго. Пассажиры и груз, в том числе 50 тысяч полуимпериалов, принадлежащих барону Стиглицу, спасены. Пассажиры приняты были самым гостеприимным образом помещиком бароном Унгерн-Штернбергом».

Материалы судебного процесса на Отто-Рейнгольда-Людвига Унгерн-Штернберга были изучены двести с лишним лет спустя, в 1920-х годах, венгерским исследователем Чекеи, обнаружившим, что причиной ссылки барона в Сибирь стала ссора с одноклассником, продавшим барону Гогенхольм, в то время — уже эстляндским генерал-губернатором. В книге «Самодержец пустыни» Л. А. Юзефович приводит отрывок из исследования Чекеи: «Барон был человеком прекрасного воспитания, начитанным и образованным… Он был бесстрашным моряком,

знающим и трудолюбивым земледельцем, прекрасным отцом… Славился щедростью и проявлял заботу о своих людях. Кроме того, он построил церковь. Он страдал ностальгией по прежней жизни и отличался нелюдимостью. Местная знать не смогла по достоинству оценить незаурядную личность барона». Практически все то, о чем писал в двадцатых годах прошлого века венгерский исследователь об одном из предков Р. Ф. фон Унгерн Штернберга, с полным основанием можно было отнести и к его потомку. Непонимания и одиночества нашему герою хватало при жизни, непонимание продолжается и десятки лет спустя после его смерти. Но обо всем по порядку. Пока же нам предстоит вернуться к родословной барона.

М. Г. Торновский, офицер, воевавший в дивизии генерал-лейтенанта Р. Ф. Унгерн-Штернберга во время Гражданской войны, лично знавший барона и оставивший интереснейшие воспоминания «События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах», написанные в Шанхае в 1942 году, так, в частности, отзывался о сочинениях А. С. Макеева и Ф. Оссендовского: «Прочитал 5–6 биографий о генерале Унгерне, но все они в основном не отвечали истине. Сплошной вымысел в изложении Ф. Оссендовского и списанный у него есаулом Макеевым…» Сведения, которые излагает М. Г. Торновский в своих «Воспоминаниях…», очевидно, следует признать наиболее достоверными. Правда, Торновский весьма самокритично оценивал свой труд: «Биография в нижеизложенной вариации в какой-то степени верна, — писал он, — но страдает целым рядом «провалов», кои заполнить не удалось за неимением источников или разноречивости таковых». Находясь в эмиграции в Шанхае, Торновскому довелось встретиться с дальним родственником барона Р. Ф. Унгерна, камер-юнкером бароном Рено Леонардовичем фон Унгерн-Штернбергом, бывшим до революции вторым секретарем посольства Российской империи в Вашингтоне. Встреча эта состоялась, скорее всего, в самом конце 1940-го или в 1941 году.

Рено Леонардович фон Унгерн-Штернберг уделил разговору с Торновским несколько часов. Их беседа оказалась весьма плодотворной и смогла прояснить много неясных мест, связанных с историей рода Унгернов и биографией самого Романа Федоровича. Особую ценность данной беседе придало то, что Рено Унгерн фон Штернберг оказался держателем самой полной родословной всего дома Унгернов — «Унгариа», изданной в Риге в 1940 году. Обложку «Унгариа» украшал родовой герб фон Унгерн-Штернбергов: щит с лилиями и шестиконечной звездой в центре, увенчанный короной и девизом: «Звезда их не знает

заката».[2] Сведения, которые почерпнул М. Г. Торновский из семейной хроники дома «Унгариа», стали основой для написания наиболее достоверной биографии генерал-лейтенанта Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга. Итак, обратимся к родословной дома фон Унгерн Штернбергов, изложенной в «Воспоминаниях…» М. Г. Торновского.

«Примерно в начале двенадцатого века из Венгрии в Галицию переселились два родных брата де Унгариа. Оба женились на родных сестрах славянского князя Лива. Отсюда пошли два старейших рода Унгернов и Ливиных (очевидно, правильнее Ливенов. — *Примеч. А. Ж.),* впоследствии светлейших князей. Из Галиции де Унгариа с семьей переселились в Прибалтику. Во время владения Прибалтикой Ливонским орденом де Унгариа становятся баронами Унгернами («Венгерцами»), а во время владычества в Прибалтике шведов услужливый историк, писавший семейную хронику, прибавил к фамилии «Штарнберг», отыскав какое-то родство рода Унгариа с чешским графом Штарнбергом». Следовательно, делал вывод М. Г. Торновский, — «основная кровь рода Унгернов — венгро-славянская. С течением времени к ней в большой доле примешивалась кровь германская и скандинавская».

Во времена господства в Прибалтике Ливонского ордена многие из дома Унгернов переселились в Пруссию. Во времена шведского владычества ряд Унгернов переселились и в Швецию. Таким образом, в истории Пруссии и Швеции в тринадцатом-семнадцатом веках встречается фамилия Унгерн-Штернберг. Все выходцы из дома Унгернов принадлежали к высшим слоям прусского и шведского обществ и занимали в этих странах весьма высокие посты. Баронское достоинство было пожаловано Унгерн-Штернбергам шведской королевой Христиной в 1653 году. (Интересно, что по той же самой шведской королевской грамоте от 1653 года в баронское достоинство были возведены и представители рода Врангелей, потомок которых, генерал барон П. Н. Врангель, был командиром барона Унгерна во время Первой мировой войны.) Баронский титул обозначал непосредственного вассала монарха В России титул барона был введен Петром I. После включения Прибалтийского края в состав Российской империи тот же Петр I издал указ о признании прав прибалтийского дворянства и «о причислении оного к российскому».

«Основоположником русского дома баронов Унгерн-Штернберг являлся барон Рено,[3] — пишет далее Торновский. — При завоевании царем Петром Прибалтики барон Рено Унгерн оказывал царю большое содействие по освоению русскими вновь

завоеванного края. С другой стороны, барон Рено Унгерн выговорил у царя Петра много привилегий для края, особенно для дворянства. Он (барон Рено Унгерн. — *Примеч. А. Ж.)* был первым предводителем дворянства Прибалтийского края. У барона Рено было много сыновей, откуда и пошел большой дом баронов Унгернов. Все они владели в Прибалтике значительными земельными угодьями и даже островами в Балтике. Так, остров Даго принадлежал одной из ветвей баронов Унгернов. Все бароны Унгерны пользовались полным доверием и близко стояли к престолу русских императоров в течение двух веков, до самого конца 1917 года. Больших постов бароны Унгерны в России никогда не занимали. Они предпочитали оставаться у себя в Прибалтике — на своей земле, занимая по выборам всякие посты, но часть баронов Унгернов служила в армии и в дипломатическом корпусе». Следует также добавить, что бароны Унгерн-Штернберги владели многочисленными замками в Эстляндии и Лифляндии, а их род был внесен в дворянские матрикулы (родословные книги) всех трех прибалтийских губерний Российской империи.

В 1910 году в Санкт-Петербурге вышел капитальный двухтомный труд известного русского генеалога С. В. Любимова «Титулованные роды Российской империи». В книгах были собраны сведения о более чем 800 дворянских родах России. В небольших отдельных статьях-справках содержалось множество любопытных и важных сведений по генеалогии и истории представителей различных дворянских титулованных фамилий. При написании этой работы С. В. Любимов максимально использовал наиболее ценные источники и литературу по генеалогии русского дворянства. Этот своеобразный справочник ценен прежде всего тем, что содержит обобщающие сведения о наиболее известных дворянских фамилиях, собранные незадолго до 1917 года, когда практически на многие десятилетия история русского дворянства перестала существовать.

«Род баронов фон Унгерн-Штернбергов происходит от Иоганна Штернберга, переселившегося из Венгрии в Ливонию в 1211 году», — говорится в книге С. В. Любимова. Ни о Галиции, ни о дочерях легендарного князя Лива никаких упоминаний у Любимова не имеется. О баронском достоинстве Унгернов говорится следующее: «Грамотой римского императора Фердинанда I от 7 февраля 1534 года Георг фон Унгерн-Штернберг возведен, с нисходящим его потомством, в баронское Римской империи достоинство.

Грамотой шведской королевы Христины от 2 (17) октября 1653 года Вольдемар, Отто и Рейнгольд фон Унгерн-Штернберги

подтверждены в баронском достоинстве.

Высочайше утвержденным 20 декабря 1865 года мнением Государственного совета за дворянской фамилией фон Унгерн-Штернберг признан баронский титул». Таково мнение русской генеалогической науки о происхождении рода Унгернов. Особо отметим, что в литературе встречаются разные написания полного титульного имени Унгернов: Унгерн фон Штернберг, фон Унгерн-Штернберг или просто Унгерн-Штернберг. В соответствии с написанием, приводимым в справочнике «Титулованные роды Российской империи», мы останавливаемся на полном наименовании барона как фон Унгерн-Штернберга. Для удобства мы также будем просто именовать его по первой части фамилии Унгерн или Унгерн-Штернберг — в таком варианте фамилия барона упоминалась в официальных послужных списках.

Здесь нам необходимо сделать некоторое отступление, чтобы, с одной стороны, рассказать читателю о роли, которую сыграло немецко-шведское дворянство в истории Российской империи, а с другой стороны, попытаться понять сами дух и атмосферу того общества, в котором рос и воспитывался Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг.

Широкий приток иностранцев, в частности немцев и шведов, на русскую службу начался, как известно, с Петра I. Тогда же в состав Российской империи вошли земли Прибалтийского края, населенные немцами и шведами. Советская историческая наука, руководствовавшаяся «единственно верным и правильным учением» марксизма-ленинизма, главным инструментом исследования и критерием оценки того или иного исторического события избрала так называемый классовый подход. В соответствии с методом «классового подхода» определялась и роль немецко-шведской, «остзейской» аристократии в русской истории.

Подавляющее большинство немцев и шведов, присягнувших в XVIII веке на службу новому отечеству — Российской империи, были дворянами. А дворянство, в полном соответствии с теорией «классового подхода», есть класс угнетателей, класс сугубо реакционный. Помимо всего прочего, на оценке роли немцев-остзейцев в русской истории, безусловно, сказывались и непростые русско-немецкие отношения, наложившие свой отпечаток на весь XX век. В результате роль немцев-остзейцев (к ним помимо собственно немцев относили также шведские, шотландские и швейцарские фамилии, состоявшие на русской службе) в развитии русского общества, армии, науки, культуры и т. д. расценивалась советскими историками как крайне негативная. «Немецкое засилье», «прусские порядки», «палочная

система» — вот лишь небольшая часть определений, коими оперировали советские историки, рассматривавшие русско-немецкие взаимоотношения.

Лишь в последние годы в современной исторической литературе появилась иная, более справедливая, оценка роли немецко-шведского фактора в развитии русского общества, в частности армии и флота. Почему русские императоры так охотно принимали немцев и шведов на военную службу? Эта традиция была свойственна и для XVIII века, и для XIX века, сохранялась она и в первые десятилетия XX века. Современный историк Сергей Волков объясняет подобную пронемецкую политику высоким профессионализмом, исполнительностью и дисциплиной немецкого и шведского элемента: «Они отличались высокой дисциплиной, сравнительно редко выходили на протяжении службы в отставку, держались достаточно сплоченно, к тому же многие из них имели высшее военное образование». Бывшие потомки членов рыцарских орденов были настоящими профессионалами, глубоко впитавшими в себя дух многих поколений средневековых воинов Христовых.

Следует отметить еще и то, что протестантская часть немецкого и шведского элемента в русской армии отличалась высокой нравственностью, поэтому связанных с их именами скандалов, особенно на почве «женского вопроса», практически не наблюдалось. Немцы и шведы отличались от остальных офицеров так называемым остзейским типом: сдержанностью, воспитанностью, холодностью, переходившей порой в чопорность, умением вести светскую беседу и в то же время «держать дистанцию». При этом следует заметить, что, вопреки распространенному мнению о «богатых немцах-эксплуататорах», якобы «бессовестно наживавшихся на страданиях прибалтийских и русских крестьян», большинство остзейских баронов находились, несмотря на все свои пышные титулы, как правило, в весьма стесненных материальных обстоятельствах.

Остзейцы заняли место не желавших служить русских дворян, активно использовавших привилегии, дарованные им в соответствии с первым пунктом «Манифеста о вольности дворянству» (1762 г.): согласно данному пункту, дворяне по своему желанию могли устраняться от государственной службы или вообще покидать пределы России (пункт 4). Дореволюционный русский историк А. Е. Пресняков так оценивал роль и место остзейских дворян в государственной системе Российской империи: «Среда остзейского дворянства — с ее архаическими и монархическими традициями — стала особенно близкой царской семье в период колебаний всего политического

европейского мира».

Вот как известный художник Алексей Бенуа описывает в своих воспоминаниях двух типичных офицеров-остзейцев: «Оба (барон К. Делингсгаузен и граф Н. Ферзен) были типичными «остзейцами», оба сильно белокуры, оба говорили по-русски правильно, но с легким немецким акцентом, оба были отлично воспитаны и изысканно вежливы… Граф Ферзен сохранял всегда дистанцию, что и соответствовало его характерно германской, абсолютно прямой осанке, его высокому росту и «аполлоническому» сложению». Чрезвычайно любопытным представляется также замечание А. Бенуа о своих товарищах, что «они никогда не впадали в сплетни».

Необходимо также отметить высокую преданность представителей остзейских родов правящей в России династии Романовых. Царская династия являлась для них олицетворением собственных моральных и нравственных идеалов. Офицер лейб-гвардии Семеновского полка, позже генерал-майор А. А. фон Лампе, принадлежавший к тому же специфическому кругу, что род баронов Унгерн-Штернбергов, писал уже после падения монархии, в 1917 году: «Страна, которая приютила моих предков, стала для меня настоящей Родиной, и настолько, что я, как умирающий гладиатор, гибну, но шлю ей последний привет и питаюся одной надеждой — мое проклятие победителю приведет его к поражению, и, таким образом, я, умирая, достигну цели — освобожу Родину… Родине я дал все…»

Многие представители немецко-шведского дворянства вступали в смешанные браки, принимали православие и постепенно окончательно «обрусевали». В1913 году на службе в Русской Императорской армии числилось 1543 генерала. Из них немецкие фамилии носили 270 человек. Интересно, что среди генералов немецкого происхождения православных было даже больше, чем протестантов: 154 и 113 человек соответственно. Среди них были такие «откровенные по своему происхождению» немцы и шведы, как барон П. Н. Врангель (фамилия датского происхождения, XII век), о котором мы уже говорили выше, генерал, будущий главнокомандующий русской армией в 1920 году; герцог Г. Н. Лейхтенбергский, ставший в эмиграции одним из руководителей монархического движения; граф Ф. А. Келлер (шведского происхождения, XVII век), «первая шашка русской армии», герой Первой мировой войны, убежденный монархист, расстрелянный петлюровцами в Киеве зимой 1918 года; граф А. П. Беннигсен, командир Сводно-кирасирского полка в Добровольческой армии; министр двора граф С. К. Фредерикс; командир Семеновского полка полковник Г. А. Мин, подавивший

со своим полком московский мятеж в декабре 1905 года, а позже погибший от рук террористов, и многие другие.[4] Переход в православие являлся одним из признаков сплочения, консолидации офицерского корпуса. Впрочем, и невзирая на вероисповедание, подавляющее большинство офицеров ощущало себя русскими «по присяге и долгу».

Именно в этой, «остзейской среде», в которой культивировались средневековые рыцарские ценности долга, чести, преданности своему сюзерену, произошло формирование взглядов и характера барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга. Рыцарство в его представлении как бы преобразовывалось в офицерство, унаследовавшее средневековые рыцарские традиции и психологию. Многие представители остзейской аристократии, служившие в лучших, гвардейских частях Русской Императорской армии, имели древние тевтонские корни. Например, графский и баронский род Менгденов, один из родоначальников которого, Иоанн фон Менгден, был даже магистром Тевтонского ордена в Ливонии; один из предков баронского рода Розенов, Вольдемар, состоял в числе рыцарей ордена, а другой — Георг — являлся фохтом ордена; представители графского рода Цеге фон Мантейфелей были связаны с Ливонским орденом — филиалом Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в Прибалтике. К Тевтонскому ордену имел прямое отношение, как мы помним, и один из предков барона — Халза Унгерн-Штернберг.

Известно, что сам барон чрезвычайно интересовался своей генеалогией. Практически все офицеры Азиатской конной дивизии, служившие под началом Унгерна (А.С. Макеев, М. Г. Торновский, В. И. Шайдицкий, Н.Н. Князев и ряд других), были в той или иной степени информированы о родовом древе дома Унгернов. Барон часто вспоминал о своих предках даже в разговорах со случайными собеседниками, пытаясь осмыслить собственное место и роль в родовом древе Унгернов. 15 сентября 1921 года, во время заседания революционного трибунала в Новониколаевске, рассматривавшего «Дело гражданина Унгерна», на вопрос председателя суда Опарина «Чем отличился Ваш род на русской службе?» — Унгерн ответил: «72 убитых на войне». Предки Унгерна, как и представители других остзейских родов, честно служили Российской империи. За свое дворянство и связанные с ним привилегии они рассчитывались самой твердой валютой — собственной кровью и самой жизнью.

Один из предков Романа Федоровича — барон Карл Карлович Унгерн-Штернберг — служил в русской армии под командованием знаменитого полководца П. А. Румянцева, под его началом сражался в Семилетней войне (1755–1762 годов). После

восшествия на престол императора Петра III был назначен его генерал-адъютантом. К. К. Унгерн-Штернберг являлся одним из наиболее приближенных к императору лиц. После гибели Петра III в результате заговора, организованного графом Н. Паниным и братьями Орловыми, К. К. Унгерн-Штернберг был отставлен от двора и отправился служить в армию. В 1773 году штурмовал Варну, был ранен и вышел в отставку. В 1796 году новый император Павел I вновь призвал на службу близкого друга своего покойного отца императора Петра III и произвел его в чин генерала от инфантерии. Не случайно и наш герой, Роман Федорович Унгерн-Штернберг, чрезвычайно ценил императора Павла I и чтил его память.

… 11 апреля 1762 года, за три месяца до своего восшествия на русский престол, будущая императрица Екатерина II родила от князя Григория Григорьевича Орлова сына Алексея. Незаконному сыну великой императрицы были пожалованы в наследственное владение село Бобрики и городок Богородицк — оба в Тульской губернии. По названию села ребенку дали фамилию — Бобринский. Алексей Григорьевич Бобринский учился в кадетском корпусе, служил в кавалерии, путешествовал. Выйдя в отставку в чине бригадира, поселился в Ревеле. Императорским указом от 12 ноября 1796 года бригадиру АГ. Бобринскому было пожаловано звание Графа Российской империи. Указ подписал император Павел I, сводный брат А. Г. Бобринского, через шесть дней после смерти их матери Екатерины II. Граф Бобринский вернулся на службу, был назначен командиром 4-го эскадрона Конной гвардии, через год получил звание генерал-майора. Женат был Бобринский на Анне Доротее (Анне Владимировне), дочери Волдемара Конрада Фрейхерра фон Унгерн-Штернберга — одного из представителей разветвленного остзейского рода О графине А. В. Бобринской, урожденной фон Унгерн-Штернберг, есть много заметок в дневниках АС. Пушкина, и, в частности, такая: «Старуха Бобринская всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот».

Еще один из родственников Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга — О.К. фон Унгерн-Штернберг, герой Отечественной войны 1812 года, поручик, позже ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка. Принимал участие в заграничных походах русской армии в 1813–1814 годах, был ранен в «Битве народов» (Лейпциг, 1813 год). После войны командовал Изюмским гусарским и Александрийским гусарским полками.

В двух сборниках-мартирологах «Офицеры российской гвардии» и «Офицеры российской кавалерии», составленных историком Сергеем Волковым, приведены имена членов дома фон

Унгерн-Штернбергов — участников Первой мировой и Гражданской войн. Посмотрим на этот список:

• «Барон Унгерн фон Штернберг, Михаил Леонардович, родился 12 сентября 1870 г. Из дворян… сын офицера… Полковник, командующий собственным Е. И. В. конвоем. В Добровольческой армии с 1917 г. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода, затем в управлении Кубанского края. В эмиграции во Франции. Умер 15 января 1931 г. в Каннах…»

• «Барон Унгерн фон Штернберг, Рудольф Александрович. Полковник лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. В эмиграции в Латвии…»

• «Барон Унгерн фон Штернберг Эдуард Рудольфович. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка. Эвакуирован… из Новороссийска на корабле «Русь». В эмиграции в Германии…»

• «Барон Унгерн фон Штернберг (Михаил Леонардович?). Полковник. В Донской армии, ВСЮР и Русской армии в лейб-гвардии Атаманском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий».

• «Барон Унгерн фон Штернберг. Штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. В Северо-Западной армии; в мае 1919 года — командир 1-го батальона Островского полка».

• «Барон Унгерн фон Штернберг Александр Александрович. Офицер 11-го гусарского полка. В эмиграции…»

• «Барон Унгерн фон Штернберг Василий Владимирович. Корнет. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи».

Мы видим, что многие близкие и дальние родственники Р. Ф. Унгерна приняли самое активное и непосредственное участие в Белом движении, сражаясь в его рядах вплоть до ноября 1920 года, когда остатки Русской армии под командованием генерала П. Н. Врангеля морским путем были эвакуированы из Крыма.

… Среди 72 родственников барона, павших на поле боя за «веру, царя и Отечество», последним по счету был кузен Унгерна, также барон Фридрих фон Унгерн-Штернберг. После объявления мобилизации он вступил вместе со своим двоюродным братом во 2-ю армию под командованием генерала Самсонова, которая в августе 1914 года перешла русско-германскую границу и сражалась в Восточной Пруссии. Через несколько недель, после изнурительных боев, армия Самсонова оказалась в немецком окружении близ восточнопрусского города Сольдау. Не желая пережить поражение и плен, барон Фридрих Унгерн фон Штернберг предпочел разделить участь своих погибших товарищей и пошел один (!) в самоубийственную атаку под огонь

германских пулеметов.

Глава 2
Детство

Со старинной фотографии, более чем вековой давности, смотрит на сегодняшних читателей семилетний мальчик, наряженный в кавказский халат с газырями, белую папаху и аккуратные черные сапожки. На поясе у мальчика — небольшой игрушечный горский кинжал. Одной рукой ребенок держится за рукоять кинжала, вторую он заложил за поясок… Сколько подобных фотографий детей, одетых в кавказские халаты и цыганские платья, хранилось в семейных альбомах обывателей, населявших великую Российскую империю? Семилетние дети в костюмах горцев, напряженно застывшие в позах, специально придуманных для фотосъемки, чрезвычайно похожи друг на друга. Они выглядят очень серьезными — осознают ответственность момента… Сейчас из аппарата вылетит птичка и вечность застынет на твердой карточке с надписью «Фотоателье Ливенстрема. Ревель». Впрочем, семилетние мальчики вряд ли что-нибудь понимают про Вечность. А нам, сегодняшним, живущим в начале XXI века, все-таки кажется, что этот мальчик — не такой как все. «У него особенный взгляд, он видит нечто, недоступное нам», — говорим мы себе, разглядывая старую фотографию. Мы знаем, что этот семилетний ребенок в костюме горца (или казака?) — будущий генерал-лейтенант, «рыцарь Белой Идеи», «черный барон», «бог войны», «грозный Махакала Востока»… Словом, мы знаем, что перед нами Роман Федорович Унгерн-Штернберг. Это единственное, что знает о себе и сам мальчик со старой фотографической карточки. Будущее сокрыто от него… Все еще впереди, все еще предстоит…

Родился Роман Федорович Унгерн Штернберг 29 декабря 1885 года в австрийском городе Граце — его родители, Теодор-Леонгард-Рудольф Унгерн Штернберг и София-Шарлотта Фрайин фон Вампфен, много путешествовали по Европе. К моменту рождения наследника они состояли в браке уже около шести лет. С датой рождения барона возникает множество недоразумений — в некоторых источниках его днем рождения значится 22 января 1886 года, аттестационная тетрадь Морского кадетского корпуса и ряд послужных списков датой рождения указывают 10 января 1886 года, а послужной список 1-го Нерчинского полка — 28 декабря 1887 года! Вся эта неразбериха произошла из-за разницы календарей, действовавших в России и Европе.

Юлианский календарь, которым официально пользовалась

Российская империя в конце XIX века, отставал от принятого в Западной Европе григорианского календаря на 12 дней. Супруги фон Унгерн-Штернберги зарегистрировали новорожденного по принятому в Австро-Венгрии григорианскому календарю. Позже, когда младший Унгерн поступал в Морской кадетский корпус, писарь, переводя григорианский календарь в юлианский, по ошибке прибавил 12 дней к числу 29 декабря, вместо того чтобы вычесть эти дни. Эта ошибка благополучно перенеслась в документы полковых канцелярий. До сих пор искаженная дата рождения Унгерна встречается во многих современных публикациях.

Разобравшись с точной датой рождения, попробуем далее разобраться и с тем, как нарекли будущего «бога войны» при крещении. Л. А. Юзефович указывает, что «по традиции, распространенной в немецких дворянских семьях, мальчик был назван тройным именем — Николай-Роберт-Максимилиан. Позднее он отбросил последние два, а первое, основное, заменил более близким по звучанию начального слога славянским — Роман. Новое имя ассоциировалось и с фамилией царствующего дома, и с летописными князьями, и с суровой твердостью древних римлян. К концу жизни оно стало казаться как нельзя более подходящим его обладателю, чье презрение к смерти, воинственность и фанатичная преданность свергнутой династии вкупе с некоторой, в расхожем понимании, романтической экзальтированностью, также откликающейся в этом имени, были широко известны. По отцу, Теодору-Леонгарду-Рудольфу, сын стал Романом Федоровичем».

Что и говорить — версия красивая. Немного непонятно, причем здесь «романтическая экзальтированность» — но оставим сие на совести автора данной цитаты. Следует сказать, что для протестанта, а род Унгернов конфессионально принадлежал к евангелически-лютеранской церкви, и в соответствии с традициями, распространенными в немецких дворянских семьях, вполне возможно тройное имя. Однако метрическое свидетельство Р. Ф. Унгерн-Штернберга нам неизвестно, также как и свидетельство о крещении (конфирмации). Оба этих документа прилагались при прошении, поданном отчимом Романа Федоровича, бароном О. Ф. Гойнинген-Гюне, директору Морского кадетского корпуса о зачислении его пасынка в корпус.

> «Желая определить на воспитание в младший специальный класс Морского кадетского корпуса пасынка моего барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга, я, нижеподписавшийся барон О. Ф.

Гойнинген-Гюне, имею честь препроводить при сем метрическое свидетельство о рождении и крещении его и другие документы, о получении которых прошу уведомить…»

Отметим, что имя будущего кадета указанно четко и недвусмысленно — «Роман Федорович». Данное прошение датировано 1 августа 1902 года — Роману Унгерну было шестнадцать с половиной лет. Трудно предположить, что несовершеннолетний молодой человек мог по своему хотению «отбросить» последние два имени, а основное заменить «близким по звучанию». Во всех же известных нам официальных документах, начиная с 1902 года, будущий генерал именуется исключительно как «барон Роман Унгерн-Штернберг». Заметим еще, что многие близкие и дальние родственники Романа Унгерна также носили русские (или русифицированные) имена — Василий Владимирович, Александр Александрович… Младший брат барона, родившийся в 1888 году и получивший имя Роберт-Эгинхард-Максимилиан, изменил имя на Константин.[5]

Верным представляется нам объяснение, предложенное современным российским историком А. С. Кручининым: «западное» имя Роберт использовалось в немецкоязычной среде, в обиходе между родственниками Романа Федоровича, которые русифицировались гораздо в меньшей степени, чем он сам. В каких-то случаях, отмечает А. Кручинин, «семейные или дружественные имена-прозвища накрепко приставали к человеку — так произошло, например, с одной из ближайших подруг государыни Александры Феодоровны, фрейлиной Юлией Александровной Ден, в большинстве источников и даже библиографических ссылок навсегда оставшейся Лили Ден».

Несмотря на то что многие представители дома Унгерн-Штернбергов, как и большинство выходцев из остзейской среды, сделали неплохую карьеру на службе в Русской Императорской армии и флоте, и отец, и дед Романа были сугубо штатскими, мирными людьми. О деде Романа Федоровича нами уже говорилось выше, теперь же подробнее присмотримся к биографии отца — Теодора-Леонгарда-Рудольфа Унгерн-Штернберга.

Он был самым младшим ребенком в семье, имея четырех старших братьев и сестер. Женился в возрасте двадцати трех лет, в 1880 году, успев к тому времени закончить курс философии Лейпцигского университета. Мы уже говорили выше, что утверждения советских, идеологически ангажированных историков о «несметных богатствах остзейских баронов», в

большинстве случаев, мягко говоря, далеки от истины. Отец Унгерна, будучи самым младшим, пятым ребенком в семье, просто-напросто не мог рассчитывать на сколько-нибудь приличное наследство. По-видимому, его брак с Софией-Шарлоттой Фрайин фон Вампфен был типичным браком по расчету — после свадьбы у супругов нашлись средства на довольно длительное путешествие за границей.

В 1886 году семья Унгернов вернулась в Россию и через некоторое время обосновалась в Ревеле. Летом 1887 года глава семейства, служивший в Департаменте земледелия Министерства государственных имуществ, выехал в служебную командировку на Южный берег Крыма, чтобы изучить перспективы развития там виноградарства. Результатом поездки стал солидный научный труд Унгерна-старшего «О виноделии на Южном берегу Крыма», изданный в Санкт-Петербурге в 1888 году. Однако семейная жизнь родителей Романа Унгерна не сложилась — в 1891 году они развелись, что было не характерно для протестантских семей, свято ценивших освященные церковью узы супружества.[6] Пятилетний Роман остался с матерью. Три года спустя София-Шарлотта вновь вышла замуж, на этот раз за остзейского барона Оскара Гойнинген-Гюне. Во втором браке у нее родилось двое детей, мальчик и девочка — сводные брат и сестра Романа Федоровича. Большая семья постоянно проживала в Ревеле, там же Унгерн и пошел учиться в ревельскую Николаевскую гимназию.

Полного гимназического курса Роману Унгерну закончить было не суждено. Кузен Романа, позже ставший его биографом, Арвид Унгерн-Штернберг так писал о своем брате: «… несмотря на одаренность, вынужден был покинуть гимназию из-за плохого прилежания и многочисленных проступков». Об одаренности Романа Унгерна позже вспоминали практически все, кто сталкивался с ним в гимназические и кадетские годы. Основываясь на беседах с Рено Унгерн-Штернбергом, М. Г. Торновский пишет в 1942 году: «Научно-умственный багаж его к 17 годам был вполне достаточным. Знал хорошо немецкий, русский, французский языки и удовлетворительно английский язык. Ум его способен был разбираться в сложных философских вопросах». Для многих наших современников знание хотя бы одного иностранного языка на уровне «читаю и перевожу со словарем» представляется уже въедающимся умственным достижением. В конце XIX века три иностранных языка были событием не выдающимся, а всего лишь «вполне достаточным».

После исключения из гимназии Роман Унгерн был определен для продолжения образования в частный пансион Савича в

Ревеле. Он много читает, причем читает не все подряд, «запоем», а с большим разбором: Данте, Гете, Достоевский… Он увлекается философией, средневековой и современной, читает модного в то время философа Анри Бергсона. Современники отмечали, что при себе молодой барон всегда имел какую-нибудь философскую книгу, для удобства чтения разрывая ее на отдельные листы. Следует отметить, что круг чтения Романа Унгерна был весьма нестандартным для молодых людей конца XIX века. В джентльменский набор молодого русского интеллигента входят книги Льва Толстого, А. П. Чехова, Дм. С. Мережковского, декадентский журнал «Мир искусства», из философии — труды Маркса и его последователей, Плеханов, французские философы-позитивисты… Это было общим поветрием — не были исключением и молодые офицеры. Так поручик Антон Деникин, один из будущих руководителей Белого движения, учившийся примерно в это же время в Академии Генерального штаба, в свободное от занятий время изучает работы марксиста Петра Струве, сатирические памфлеты А. Амфитеатрова, читает и более серьезную «нелегальщину». Круг чтения барона, безусловно, указывает на человека, склонного к самоуглубленности и философской рефлексии, эмоциональной вовлеченности, проявляющего интерес к метафизическим основам бытия.

На характер Романа Унгерна наложили свой отпечаток и семейные неурядицы. Как писал в своих «Записках» командир Унгерна, барон П. Н. Врангель: «Барон Унгерн с самого раннего детства оказался предоставленным самому себе. Его мать… вышла вторично замуж и, по-видимому, перестала интересоваться своим сыном». Это предположение Врангеля похоже на правду и получает косвенное подтверждение в записи, сделанной в Аттестационной тетради Р. Ф. Унгерн-Штернберга, которая велась преподавателями Морского кадетского корпуса: «Нравственное положение кадета в семье. 1905, январь. Имеет плохие отношения с отчимом».

Прошение о принятии на воспитание в младший специальный класс Морского кадетского корпуса барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга, отрывок из которого был приведен нами выше, было подано его отчимом 1 августа 1902 года. После сдачи вступительных экзаменов, как гласит выписка из Приказа по Морскому кадетскому корпусу № 125 от 5 мая 1903 года, «потомственный дворянин лютеранского вероисповедания Р. Ф. Унгерн-Штернберг, получивший воспитание в частном пансионе Савича, зачислен на казенный счет в младший специальный класс». Через несколько дней после зачисления Роман Унгерн отбыл со своим классом в море, в свое первое

учебное плавание.

Рассказывать о детских и юношеских годах барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга представляется достаточно сложным: свидетельств людей, хорошо знавших молодого барона, практически не осталось. Сам же Унгерн свои юношеские годы вспоминать не любил — по его мнению, в них не было ничего примечательного, что выделяло бы молодого кадета из десятков тысяч его современников, учившихся в многочисленных кадетских корпусах по всей Российской империи. Годы обучения Романа в кадетском корпусе не получили должного осдещения в литературе о нем. Все известные нам биографы барона пишут об этом периоде его жизни скороговоркой — отсутствие фактического материала часто лодменяется непроверенными фактами, домыслами, выстраиванием сомнительных конструкций, в которых характер и дела уже взрослого барона Унгерна, генерала белой армии, проецируются на поступки юного кадета Морского корпуса и подчас даже объясняются ими.

Достаточно подробно о пребывании Романа Унгерна в Морском кадетском корпусе говорит историк Андрей Кручинин. Свой рассказ он основывает на записях, сохранившихся в дошедшей до нас Аттестационной тетради кадета Р. Ф. Унгерн-Штернберга. Обратимся к материалам, изложенным А. С. Кручининым:

«Вряд ли Унгерн был хорошо подготовлен к службе; тем не менее новая жизнь воспринимается им, как можно предположить, с энтузиазмом, а первая аттестация, датированная 12 августа, даже начинается со слов: «Очень хороший кадет». Правда, продолжение не столь «заздравное» — «… но ленив, очень любит физические упражнения и прекрасно работает на марсе (то есть управляется с парусами, что требовало сноровки и смелости). Не особенно опрятен. Сильный от природы, «очень хорошего поведения» (было начато «отличн.», но не дописано, может быть, из-за единственного взыскания за курение в неположенном месте), «очень исправный» по службе, он был по оценке начальства «мало прилежен» и «мало внимателен» лишь на учебных занятиях, однако и последнее обстоятельство почти не сказалось на полученных по итогам плавания баллах.

Но лето сменилось осенью, а по-своему увлекательное и бывшее, очевидно, в новинку для Романа плавание — серыми и однообразными учебными буднями и в его аттестационной тетради записывается взыскание за взысканием…»

Правда, характер проступков, совершенных кадетом Уцгерном, не носит ничего экстраординарного — обычные дисциплинарные нарушения, присущие многим молодым людям,

обучающимся в закрытых учебных заведениях воинского типа, где дисциплине уделяется повышенное внимание, а требования внутреннего распорядка весьма жестки и не допускают даже малейших послаблений.

На кадета Унгерна регулярно накладываются дисциплинарные взыскания «за курение в неположенном месте», за привычку залеживаться в постели после сигнала побудки, за «невнимательное стояние в церкви», за опоздания на занятия, за «прибытие из отпуска с длинными волосами»… Основных наказаний было два — лишение отпуска (увольнения) на различные сроки и дисциплинарный арест. Вообще, сам стиль поведения кадетов Морского корпуса отличался некоторой нарочитой расхлябанностью и демонстративным нарушением дисциплины — так, по их мнению, должны были себя вести настоящие «морские волки». Тем не менее поведение кадета Унгерна в первом полугодии 1903/04 учебного года оценивалось как весьма удовлетворительное и даже «хорошее» — восьмью баллами по двенадцатибалльной шкале оценок, принятой в корпусе.

Тем не менее итог обучения за 1903/04 годы оказался обескураживающим: Учебно-воспитательный совет Морского кадетского корпуса постановил оставить кадета Унгерна «на второй год в младшем специальном классе». Причиной тому было не поведение кадета, которое, как мы отметили выше, преподаватели корпуса оценивали как «очень хорошее» или «посредственное» (что также было приемлемым). Нарушения дисциплины, которые допускал Унгерн, не носили ничего вызывающего и чрезвычайного. Они были вполне рядовыми для кадетской среды. «Сгубили молодца не проказы, — указывает А. Кручинин, — а навигация с астрономией. Астрономия вообще была страшилищем для морских кадет; не давалась они и Унгерну. Другим камнем преткновения стал предмет, именуемый «Навигация и лоция«… Нельзя сказать, что Роман был совсем неспособен к точным наукам: плохие отметки по другим предметам ему удавалось исправить». Средний годовой балл кадета Романа Унгерна, за вычетом навигации и астрономии, оказался довольно высоким — 8,3. Тем не менее учебный 1904/05 год он начал снова в младшем специальном классе.

Еще раз заглянем в Аттестационную тетрадь кадета Унгерна: нарушения дисциплины и, соответственно, взыскания сыплются на него как из рога изобилия.

«2 июня. (Унгерн находился в очередном летнем плавании. — *А. Ж.)* Стоя при вахтенном начальнике, уходил со своего места и на замечания вахт, начальника: «Куда Вы все уходите, несмотря

на то что Вам приказано быть на шканцах», — отвечал: «Я не рассыльный, чтоб стоять на одном месте». Стр.<огий> арест на 3 суток и ставить на время отдыха на шканцы в течение месяца…

15 июля. Курил на палубе, будучи дежурным по палубе. Стр.<огий> арест на 3 суток.

17 июля. Будучи арестован, убежал из карцера и гулял по шканцам, пока часовой уносил посуду от обеда. Продолжен арест на 1 сутки».

Психологически состояние Унгерна вполне объяснимо: посчитав, что с ним обошлись несправедливо, оставив его на второй год, молодой человек начинает вести себя все более вызывающе. Ничего не изменилось и после того, как Унгерн сошел на сушу и продолжил занятия в классах.

«Ноября 18. Выслан из класса за драку с товарищем. Не был на веч.<ернем> уроке Зак.<она> Божия. Идя во фронте, держал руку в кармане. Стр.<огий> арест на 3 сут….

Ноября 26. Был на гимнастике не в своем отделении…

Декабря 2. Испачкал стол чернилами и на замечание преподавателя ответил: «Я это делаю по привычке».

Декабря 3. Просил дежурного офицера выйти из класса и, не получив разрешения, встал и вышел. Написано родителям.

Декабря 14. Выслан из класса на уроке кораб.<ельной> арх.<итектуры>: во время урока, которого не знал, на замечание преподавателя: «Ваше объяснение не понятно» ответил: «Очень жаль». Строгий арест на 2 сут…

1905. Январь 25. Выслан из класса за то, что в то время, когда помощник инспектора делал замечание, смеялся. Строгий арест на 1 сутки».

Унгерн ведет себя, словно сознательно напрашиваясь на новые неприятности. И они не замедляют себя ждать. 8 февраля 1905 года родителям Унгерна отправляют письмо следующего содержания: «Предложено родителям барона Унгерна-Штернберга, поведение которого достигло предельного балла (4) и продолжает ухудшаться, взять его на свое попечение в двухнедельный срок, предупредив их, что если по истечении этого времени означенный кадет не будет взят, то он будет из корпуса исключен».

На этом завершилась морская карьера младшего гардемарина Романа Унгерн-Штернберга. 12 февраля 1905 года он покидает стены корпуса, а 18 февраля Приказом по корпусу № 49 исключается из списков кадет, как «взятый по прошению на попечение родителей». Некоторые исследователи биографии барона Унгерна, беллетристы, пишущие о нем, утверждают, что в годы Гражданской войны барон только до предела развил те

разрушительные и деструктивные начала, которые проявлялись в нем во время учебы в Морском кадетском корпусе. Что можно на это ответить? Можно только лишь напомнить, что подлинные разрушители Российской империи — В. И. Ульянов-Ленин и А. Ф. Керенский — прекрасно учились и в гимназии, и в университете, отличались прилежанием в учебе и примерным поведением, нежно любили своих домашних. В отличие от Унгерна, выпускник Симбирской мужской гимназии Владимир Ульянов получил замечательную характеристику, подписанную директором Ф. М. Керенским: «Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих преподавателях гимназии не похвальное о себе мнение… В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова»…

Спустя три месяца после оставления Морского корпуса, 10 мая 1905 года, молодой барон Роман Унгерн, оставив и «попечение родителей», поступил добровольцем в 91-й Двинский пехотный полк, дислоцировавшийся в Ревеле, «на правах вольноопределяющегося 1-го разряда». На восточных окраинах империи завершалась неудачная для России Русско-японская война.

В феврале 1905 года, когда из Морского корпуса исключали несостоявшегося адмирала Унгерна, русская армия потерпела тяжелейшее поражение под Мукденом, предопределившее общую неудачу в этой войне. Через несколько дней после того как Роман Унгерн вступил в ряды Русской Императорской армии, в Россию пришло телеграфное сообщение о катастрофе русского флота в Цусимском проливе. Неудачно складывающаяся война, поражения русской армии — все это, безусловно, находило самый живой отклик у патриотически настроенного молодого остзейского барона. Не прошло и трех недель, как «вольнопер» Унгерн был переведен на «пополнение войск Наместника Дальнего Востока»… 8 июня 1905 года барон прибыл к месту назначения на театр военных действий и был зачислен в 9-ю роту 12-го пехотного Великолуцкого полка.

В современной литературе встречается утверждение, что к моменту прибытия вольноопределяющегося Унгерна на Дальний Восток, боевых действий уже не велось, войска стояли без движения. Действительно, крупных войсковых операций после мая 1905 года не проводилось ни русской, ни японской стороной. Войска, в основном, проводили разведку, пробирались в расположение противника с целью посеять панику, устраивали засады, стремились захватить пленных, боролись с шайками

хунхузов, равно досаждавших и русским, и японцам.

Количество и, главное, качество русских войск на Дальнем Востоке продолжало возрастать. Качество же японских войск, наоборот, падало. Командующий армией генерал от кавалерии А. В. Каульбарс писал начальнику Оренбургской казачьей дивизии генерал-майору В. П. Грекову: «Объявите всем, что в настоящее время мы готовы к самому энергичному продолжению войны, так как силы наши быстро растут». Части русской армии усиливались, обретая структуры, более отвечавшие требованиям современной войны: в полках формировались специальные пулеметные команды, модернизировался артиллерийский парк. Реальные боевые столкновения с японцами продолжались до 20 августа 1905 года, когда в войска была разослана телеграмма следующего содержания: «Никаких активных действий не предпринимать, потерь избегать, сохраняя всю бдительность и обороноспособность». Наконец было заключено временное перемирие, вступившее в силу с 12 часов дня 3 сентября 1905 года.

Что делал, чем занимался Роман Унгерн во время этой «странной войны»? Барон П. Н. Врангель пишет в своих «Записках», что Унгерн «зачисляется вольноопределяющимся в армейский пехотный полк, с которым рядовым проходит всю кампанию. Неоднократно раненный и награжденный солдатским Георгием, он возвращается в Россию…» Здесь налицо явная ошибка П. Н. Врангеля, также принимавшего участие в войне с Японией. Во всех известных «Послужных списках Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга» в графе XIV, в которой отражалось «Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии…» приводились следующие сведения: «Участвовал в походах против Японии, в сражениях не был». Тем не менее барон Унгерн получил Светлобронзовую медаль за поход в Русско-японскую войну. Согласно Высочайшему указу медалью награждали воинов, участвовавших «в одном или нескольких сражениях против японцев на суше или на море». Кроме того, прослужив всего несколько месяцев, 14 ноября 1905 года вольноопределяющийся 1-го разряда барон Унгерн получает чин ефрейтора. Единственным «походом», за который Унгерн мог получить Светло-бронзовую медаль и быть представленным к повышению в чине, остается участие в разведывательных и диверсионных рейдах казачьих отрядов. Наконец, в октябре 1906 года, после 12 месяцев армейской службы (несмотря на то, что Р. Ф. Унгерн-Штернберг поступил на службу в полк 8 мая 1905 года, срок его

службы, в соответствии с Приказом военного ведомства от 1896 года, исчислялся только с 1 сентября 1905 года. — *А. Ж.),* Унгерн «переведен в Павловское военное училище юнкером рядового звания, на правах вольноопределяющегося 1-го разряда, в младший класс».

«Медаль, не соответствовавшая реальным заслугам; производство; командировка в училище не московское (Великолуцкий полк в мирное время стоял в Московском округе), а петербургское, да еще самое почетное — Павловское… — все это, в самом деле, слишком похоже на действие некой «руки», продвигавшей дворянского «недоросля» с неудачно складывающимся началом карьеры», — пишет о загадках биографии Унгерна А. Кручинин.

Действительно, молодому барону помогали, «оказывали протекцию». В этом нет ничего ни постыдного, ни удивительного. Остзейские бароны всегда отличались своей спаянностью и взаимовыручкой, практически все немецкие дворянские семьи Прибалтики состояли в родстве или свойстве. Но молодой барон Унгерн действительно тянул солдатскую лямку в строевых войсках, причем, непосредственно в Маньчжурии, а не «кантовался», как модно ныне говорить, в тыловых частях или при штабе. «Рукой», которая поддерживала Романа Унгерна, был генерал Павел Карлович Эдлер фон Ренненкампф, прославившийся в 1900 году в Китайском походе, при подавлении восстания ихэтуаней, а во время Русско-японской войны командовавший 7-м Сибирским корпусом. Как говорится в родовой хронике «Унгариа», бабушка Р. Ф. Унгерна по отцовской линии, Натали-Вильгельмина, была урожденная Ренненкампф и состояла в родстве с Павлом Карловичем. Но о генерале Ренненкампфе мы еще будем говорить ниже, а пока, 24 октября 1906 года барон Унгерн прибывает в Павловское пехотное училище в Санкт-Петербурге.

Глава 3
Служба

Роман Федорович Унгерн-Штернберг возвращался из Маньчжурии в Россию, охваченную смутами и беспорядком, — только-только была сбита первая волна того, что советские историки будут именовать «Первой русской революцией 1905–1907 годов». Изданный императором Николаем II Манифест от 17 декабря 1905 года, наконец давший России конституцию, не удовлетворил радикально настроенные революционные круги. Профессиональные революционеры, поддержанные либеральной интеллигенцией, требовали «полной власти народа» и «упразднения отжившей монархии». На многочисленных митингах, проходивших по всей России, надрывались марксистские, эсеровские и кадетские ораторы. «В армии идет сильная пропаганда… Запасные нижние чины только разлагают армию», — писал дальневосточный корреспондент «Нового времени». На всем протяжении Транссибирской магистрали действовали забастовочные комитеты, Советы рабочих и солдатских депутатов.

Зимой 1905/06 года приходили многочисленные сообщения из Читы, Красноярска, Иркутска о создании на местах республик. Во Владивостоке революционеры фактически захватили власть, арестовав коменданта крепости генерала Казбека. Бунтовали главным образом демобилизуемые запасные солдаты. Из японского плена возвращались распропагандированные левыми агитаторами солдаты и матросы. Главнокомандующий русскими войсками на Дальнем Востоке генерал Линевич пребывал в полной прострации, издавая взаимоотменяющие друг друга приказы и распоряжения. Военный губернатор Забайкалья генерал Холщевников, поддавшись шантажу новообразовавшихся Советов и революционных комитетов, распорядился передать силам «народной самообороны» несколько вагонов с оружием (свыше 30 тыс. винтовок) и боеприпасами, беспрекословно утверждал все постановления рабочих и солдатских митингов… Огромная страна все больше и больше погружалась в пучину анархии.

В данной ситуации, по сути, единственной надежной опорой правительства, возглавляемого графом С. Ю. Витте, оказались войска и командиры, прошедшие всю военную кампанию 1904–1905 годов. Восстановление порядка на Транссибирской магистрали было возложено на отряд под командованием

генерала П. К. Ренненкампфа, родственника и покровителя барона Унгерна. Войска Ренненкампфа восстанавливали управление на железной дороге, усмиряли примкнувших к бунтовщикам «запасных». Бойцы Ренненкампфа останавливали мятежный эшелон и высаживали солдатиков на крутой мороз. Заставляли их маршировать по снегу тридцать верст до следующей станции. Там продрогших и присмиревших вояк грузили в ожидавший их порожняк.

Следом на очереди была Чита. Ренненкампф полностью блокировал город и потребовал его сдачи. После нескольких дней переговоров мятежники капитулировали. Все рабочие отряды, народная самооборона, то есть те, кого сейчас именуют незаконными вооруженными формированиями, были разоружены, а их главари и активисты преданы суду военного трибунала. Так генерал действовал на всех участках своей зоны ответственности. Позже советские историки, вслед за Ем. Ярославским, вспомнившим на суде над Р. Ф. Унгерном, как «бароны Ренненкампфы прошлись по кровавым полям Сибири… в 1905 году», назовут П. К. Ренненкампфа «кровавым карателем», «палачом забайкальских рабочих и крестьян», хотя на самом деле генерал действовал исключительно в рамках процессуальных норм военного времени, бессудных расстрелов и экзекуций не проводил. За что и заслужил упрек от другого барона, генерала Меллер-Закомельского, который двигался по Транссибу навстречу Ренненкампфу всего с двумя сотнями варшавских гвардейцев. Меллер-Закомельский говорил: «Ренненкампфовские генералы сделали большую ошибку, вступив в переговоры с революционерами и заставив их сдаться. Бескровное покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления…»

Пройдет десять с небольшим лет… В 1918 году генерал П. К. Ренненкампф отвергнет предложение видного большевика Антона Антонова-Овсеенко занять один из командных постов в формирующейся Красной армии и будет зверски убит красногвардейцами на таганрогском кладбище в ночь на 1 апреля 1918 года. А в это же время его дальний родственник и протеже Роман Федорович Унгерн-Штернберг поведет войну с революционной чумой в «диких степях Забайкалья», в тех же местах, где отражал первый натиск русской революции генерал П. К. Ренненкампф.

Революционные волнения в Прибалтике, в частности в Эстляндской губернии, где проживало множество родственников Романа Федоровича, помимо социальной приобрели также и национальную окраску. Прибалтийские крестьяне люто ненавидели своих немцев, точно так же, как ирландские фермеры

— англо-шотландских лендлордов. Эстонские и латвийские земледельцы, ставшие в 1918 году основной опорой большевистской власти, вырезали обитателей остзейских замков и усадеб целыми семьями. Не делалось исключений ни для стариков, ни для малых детей. Не менее жестоко наводил порядок в Прибалтике карательный Северный отряд под командованием генерал-майора свиты Его Величества А. А. Орлова. Обе воюющие стороны — и мятежники, и правительственные войска — действовали в полном соответствии с универсальным законом любой гражданской войны. Закон этот гласит: «Что нам, то и вам!» Сантиментам и моральным рефлексиям здесь не могло быть места. Впрочем, случалось, не выдерживали даже боевые офицеры: так, в припадке нервного расстройства покончил с собой ротмистр-кавалергард Назимов из отряда генерала Орлова. Крестьяне, застигнутые с оружием в руках, а также семьи, в которых были обнаружены какие-либо предметы из разграбленных домов, без пощады расстреливались на задворках остзейских усадеб, ставших опорными пунктами правительственных войск. Как и в отряде генерала П. К. Ренненкампфа, тон у Орлова задавали недавние участники сражений Русско-японской войны.

В Северном отряде служил и отлично зарекомендовал себя штабс-ротмистр барон П. Н. Врангель, будущий командир барона Р. Ф. Унгерна во время Первой мировой войны. Благодаря таким генералам и офицерам, как П. К. Ренненкампф, А. А. Орлов, П. Н. Врангель, первая революционная волна, накатившаяся на Российскую империю, к концу лета 1906 года резко пошла на убыль. Революционеры отныне делали ставку на индивидуальный террор.

Из Маньчжурии Унгерн на некоторое время заезжает в Ревель, где проживали мать, отчим и другие родственники. Несмотря на революционные волнения в окрестных мызах и хуторах, обстановка в самом городе была относительно спокойной. Повидавшись с родными и придя немного в себя после года с лишним армейской службы, Р. Ф. Унгерн-Штернберг отправляется в Санкт-Петербург, дабы продолжить воинскую службу уже в качестве юнкера Павловского пехотного училища.

Павловское пехотное училище было детищем военного министра Александра II, Д. А. Милютина. Именно Д. А. Милютину принадлежала идея создания Павловского и Константиновского военных училищ в Санкт-Петербурге и Александровского — в Москве. Павловское пехотное училище возникло в 1863 году и насчитывало приблизительно 300 воспитанников. Юнкера проходили двухлетний срок обучения.

Каждый срок делился на два периода — зимний и летний. Летом юнкера выводились на Дудергофское озеро под Красным Селом. В зимний период занятия проводились в классах и на плацу — на базе самого училища.

Г. А. Бенуа, выпускник Павловского пехотного училища, вспоминал: «Два года в училище пролетали незаметно в постоянных занятиях на огромном манеже, где мы занимались маршировкой и лихими ружейными приемами».

В программу военных училищ входил блок гуманитарных дисциплин — русский язык и литература, политическая история, иностранные (французский и немецкий) языки, а также Закон Божий. Гуманитарные дисциплины занимали 30 % времени общей недельной учебной нагрузки. «Естественные дисциплины» (математика, физика, химия) занимали 22,5 % от общего курса. Остальное учебное время, то есть 47,5 %, было отдано специальным военным наукам — тактика, артиллерия, военная топография, военная администрация, фортификация и ряд других наук. Впрочем, данный курс варьировался и довольно часто менялся. Основной целью программы было «приближение военных знаний юнкеров к войсковой жизни…» Все вышеперечисленные дисциплины осваивались юнкерами в зимний период обучения. Летом предстояли практические занятия. Г. Бенуа приводит перечень занятий, проводившихся на летних лагерных сборах: стрельба, строевые учения, съемка местности, фортификация и саперные работы, сомкнутый и рассыпной строй, батальонные учения… «Нередко ходили церемониальным маршем развернутым строем роты», — вспоминал Бенуа.

Каждое военное училище отличалось своей особой атмосферой, своими писаными и неписаными традициями. В обществе существовал определенный стереотип взглядов на то или иное училище. Николаевское кавалерийское училище (любимое детище Николая I до 1865 года именовалось Николаевское училище гвардейских юнкеров) окружал ореол «шагистики и солдафонства». Юнкера-«александровцы» считались «прогрессивными и свободомыслящими». Выпускники Павловского пехотного училища — «честные служаки и парадные офицеры». В Пажеском корпусе собраны юноши «из лучших дворянских семей».

Начальник охраны императора Николая II генерал А. И. Спиридович в своих воспоминаниях привел ряд характерных мифологем, сопровождавших каждое военное училище: «О каждом училище имелись свои подробные сведения. Александровское училище в Москве — нестрогое и даже

распущенное, офицеры не подтягивают, смотрят на многое сквозь пальцы, учиться нетрудно, устраиваются хорошие балы.

Из двух пехотных петербургских Константиновское много легче Павловского. Отношение офицеров хорошее, похожее на корпусное. Училище расположено около Обуховского моста; прозвище — Обуховские институтки. Павловское училище самое строгое: муштровка сильная, дисциплина страшная, солдатчина, требуют строй и гимнастику. Зовут — Павлоны-солдафоны».

Именно в «самом строгом» военном училище предстояло провести два года юнкеру Р. Ф. Унгерн-Штернбергу, человеку, уже успевшему, в отличие от многих своих товарищей, «понюхать пороху» на Русско-японской войне.

Мы помним, что проблемы с дисциплиной возникали у барона Унгерна еще в период обучения в Морском кадетском корпусе. Можно себе представить, сколь трудным было приспосабливаться к павловским порядкам независимому и самоуглубленному молодому человеку.

О двух годах, проведенных Унгерном в стенах Павловского пехотного училища, нам известно совсем немного. Приходится опираться на единичные сведения. Барон П. Н. Врангель упоминает в своих «Записках» об учебе Унгерна, но буквально одной строкой: «… он возвращается в Россию (после окончания Русско-японской войны. — *Примеч. А. Ж.)* и, устроенный родственниками в военное училище, с превеликим трудом кончает таковое». В описываемое время сам Петр Николаевич Врангель тоже учился в Санкт-Петербурге, но только в Николаевской академии Генерального штаба (в нее он поступил в сентябре 1907 года) и лично своего будущего подчиненного знать не мог. Мы уже отмечали выше, что в своих «Записках» у П. Н. Врангеля допущено в отношении биографии Р. Ф. Унгерна довольно много неточностей. Это представляется вполне естественным: барон Врангель писал свои воспоминания в эмиграции в середине 1920-х годов, когда Романа Федоровича Унгерна уже не было в живых, да и в русском рассеянии трудно было разыскать людей, лично знавших юнкера Унгерна в 1906–1908 годах. Казалось, прошло-то всего лишь каких-нибудь десять-пятнадцать лет, а на самом деле — целая эпоха. Однако в данном случае П. Н. Врангель, очевидно, не погрешил против истины — известно, что Павловское училище юнкер Р. Ф. Унгерн-Штернберг окончил по второму разряду, то есть с весьма относительными успехами в учебе.

Большинство павлонов — выпускников Павловского пехотного училища — выпускались, как правило, в гвардейские полки. Но Р. Ф. Унгерн избирает совершенно иную, нетипичную

для выпускника блестящего столичного училища стезю. Накануне окончания полного курса наук приказом по Забайкальскому казачьему войску от 7 июня 1908 года барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг зачисляется «в войсковое сословие этого войска с припиской к выселку Усть-Карынскому…» 15 июня 1908 года Унгерн производится в офицерское звание — в хорунжие 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Арвид Унгерн-Штернберг объяснял это странное назначение тем, что Роман Федорович всегда мечтал служить в кавалерии, а как выпускник пехотного училища данное желание он мог осуществить только в казачьем полку. Для молодого выпускника Павловского училища кавалерия оставалась блестящим родом войск, покрытым от непосвященных дымкой средневекового рыцарского романа.

Тем не менее вопросы у нас все равно остаются. Почему Р. Ф. Унгерн поехал служить именно в Забайкалье, а не в другие казачьи части, например на Дон? Если он мечтал о кавалерии, что помешало ему изначально поступить в кавалерийское училище? Мы можем лишь строить свои догадки, предположения… В Забайкалье продолжал служить родственник семьи Унгернов — генерал П. К. Ренненкампф. К тому времени он командовал 3-м Сибирским корпусом. Возможно, год армейской службы, проведенный на Дальнем Востоке, оставил у Унгерна сильные и яркие впечатления об этом, действительно красивейшем крае… Возможно, что на востоке молодому офицеру, не блиставшему в военных теоретических премудростях, было легче проявить себя, сделать достойную карьеру… Догадки и предположения — весьма зыбкая, ненадежная почва для историка, но в данном случае нам не предоставляется другого выхода. Пожалуй, нам только остается согласиться с М. Г. Торновским, писавшим: «С зачислением в казачье сословие хорунжий барон Унгерн как бы порвал связь и с прибалтийскими баронами Унгернами. Какие мотивы заставили хорунжего барона Унгерна сделать столь серьезный шаг — неизвестно. Разгадку нужно искать в складе характера. В бытность в Маньчжурии, проезжая через Забайкалье, барону Унгерну приглянулись просторы и дебри Забайкалья, где мятущаяся душа и склонность к авантюрам могли бы найти выход».

При производстве в офицеры, перед выходом в часть, Р. Ф. Унгерн-Штернберг, как и абсолютно все выпускники военных училищ Российской империи, подписал следующий документ: «Я, барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг, даю сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, Думам, Управам и прочим, под какими бы они названиями ни

существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду и что не только членом оных обществ по обязательству, чрез клятву или честное слово не был, да и не посещал и даже не знал об них, и чрез подговоры вне лож, Дум, Управ, как об обществах, так и о его членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал». Как отмечает В. Г. Черкасов-Георгиевский, подобное обязательство оставалось неизменным с первой половины XIX века. Разумеется, никаких гарантий от участия офицеров в тайных обществах и нелегальных организациях подобная подписка не давала, да и дать не могла. Примеров тому, к сожалению, — великое множество.

Однако ниже у нас еще будет повод поговорить о данном документе, а пока барон Р. Ф. Унгерн отправляется в 1-й Аргунский казачий полк. Согласно послужному списку барона, к месту дислокации полка Унгерн прибывает 27 июля 1908 года и назначается младшим офицером 2-й сотни. Мы помним о желании Романа Унгерна проходить службу в кавалерийских частях, однако для выпускника пехотного училища одного желания было мало. По воспоминаниям сослуживцев Унгерна по Аргунскому полку, кавалерийская подготовка молодого хорунжего явно хромала. В Павловском училище преподавались общие основы кавалерийского дела, юнкера занимались выездкой в манеже, но все тонкости кавалерийской езды, а тем паче рубки, джигитовки им были практически неизвестны.

Тем не менее Унгерну повезло — командиром его сотни оказался замечательный мастер верховой езды и вообще кавалерийского дела сибирский казак Прокопий Петрович Оглоблин, позже ставший генерал-майором белой армии Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Благодаря Оглоблину Унгерн быстро изучил езду и рубку и считался в полку одним из лучших — как наездников, так и рубак. «Ездит хорошо и лихо, в седле очень вынослив» — так характеризовал его командир сотни. В устах потомственного кавалериста-казака Оглоблина такая характеристика стоила дорогого.

1-й Аргунский полк дислоцировался в Цурухае, недалеко от монгольской границы. Изысканных и утонченных развлечений от офицеров казачьего полка, расквартированного в глухой забайкальской степи, естественно, ожидать не приходилось. Свободное от службы время холостые офицеры, как и офицеры всех времен и армий мира, делили между охотой (особым успехом у офицеров пользовалась, в частности, охота на лисиц, которую Унгерн очень полюбил и стал ее знатоком) и вполне заурядными пьянками. Так, один мемуарист, довольно неблагожелательно настроенный к барону, вспоминал, что, с

одной стороны, «Унгерн был прекрасно воспитанный, тихий, застенчивый молодой человек, особенно стеснявшийся в присутствии дам», а с другой — «он был очень беспокойный офицер, причинявший массу неприятностей командному составу. Его пристрастие к спиртным напиткам не знало границ. И в опьяненном виде становился другим человеком, совершенно нетерпимым в обществе».

Претендующий на объективность в своем изложении биографии барона Унгерна М. Г. Торновский так пишет о первых служебных шагах молодого казачьего офицера: «Первые служебные шаги хорунжего Унгерна в полку не были блестящими: много пил, был буйным во хмелю, с товарищами близко не сходился, не любил повседневной размеренной жизни. Безудержно вспыльчивый, замкнутый, гордый, самолюбивый, в умственном отношении стоял выше среднего уровня офицеров-казаков, жил в стороне от полковой жизни». В этом описании все до боли знакомо, все узнаваемо. Русская провинциальная, а в особенности гарнизонная жизнь представляла (и представляет до сих пор) серьезное испытание для любого неординарного, выходящего за пределы простых, естественных интересов образованного человека. Лекарство, коим лечится провинциально-гарнизонная тоска, также известно и, увы, совсем неоригинально.

О буйствах Унгерна во хмелю легенды продолжали ходить и десятилетия спустя. Следует также отметить, что от своей страсти к алкоголю прежде всего пострадал сам барон. Позже он сам признавался, что «напивался до белой горячки». Инциденты, связанные с поступками Романа Федоровича под воздействием алкогольных паров, служили поводом к взысканиям начальства, арестам, сказывались на продвижении по службе. Под конец жизни Унгерн сделался абсолютным трезвенником, спиртные напитки и наркотики не употреблял совершенно, пьяных категорически не переносил. Уличенных в пьянстве офицеров и солдат по приказу барона сажали на лед, загоняли в холодную воду «до полною вытрезвления», наказывали бамбуковыми палками — ташурами. Застигнутых «за распитием» по приказу Унгерна без шинелей отсылали на всю ночь в пустынные места, где им дозволялось лишь развести костер. Только на следующий вечер провинившимся было позволено возвратиться в свои части. Помилованного пьяницу барон спрашивал: «Ну что, думается мне, кружка горячего чаю будет для вас теперь вкуснее ханшина?» И добавлял: «Ну то-то же, ступай и не пей больше!»

Разумеется, в таком отказе от искусственных стимуляторов было осознание собственной слабости перед воздействием

алкоголя. И в то же время для идеалиста Унгерна употребление алкоголя было совершенно невозможно и по другой причине: в то время когда гибла величайшая империя, когда велась беспощадная борьба с абсолютным злом, воплощенным в большевизме, когда жертвовать приходилось буквально всем (родственными связями, товарищескими привязанностями, супружескими отношениями), когда требовалась невероятная концентрация всех душевных и физических усилий, традиционное русское расслабление «за рюмочкой» представлялось ему невозможным, недопустимым. Похожее нетерпимое отношение к спиртному и прочим маленьким «радостям жизни» отличало еще одного «рыцаря Белой идеи», воевавшего с большевиками на юге России, — полковника Михаила Гордеевича Дроздовского. Желающие вступить в добровольческий отряд М. Г. Дроздовского давали специальную подписку, в которой среди прочего значился и такой пункт: «Обязуюсь вплоть до окончательной победы над большевиками не употреблять спиртных напитков и не играть в карты».

Чрезвычайно показательными в данном случае являются слова Унгерна, обращенные к участникам спонтанно возникшей в перерыве между боями офицерской пирушки — непосредственно к самим офицерам и их спутницам: «Ваша родина гибнет… Это позор для всех русских людей… но вы не понимаете… не чувствуете этого… Думаете только о вине и женщинах… А вы, сударыни, отдаете себе отчет, что происходит с вашим народом? Нет? Для вас его будущее безразлично. Как и судьба ваших мужей на фронте, которых, возможно, уже нет в живых. Вы не женщины! Я глубоко почитаю настоящих женщин, их чувства сильней и глубже, чем у мужчин — но вы не женщины! Вот что, сударыни. Еще один такой случай — и я прикажу вас повесить!» В подобном нравственном максимализме, на наш практический взгляд чрезвычайно наивном, и заключался, однако, весь характер барона, заключалось и его одиночество.

Воздержание от алкоголя имело для Унгерна своеобразное религиозное значение — это был своего рода пост, сродни тем постам, что устанавливали для себя воины рыцарских орденов на время Крестовых походов… Подобное же самоотвержение и самоограничение было характерным и для русской традиции — во время Смуты нижегородские посадские люди были готовы заложить не только имущество, но и своих жен и детей, чтобы собрать средства на формирование ополчения. В1812 году лучшие дворянские роды России отдавали свои фамильные усадьбы под госпитали для раненых. Вспомним хотя бы сцену эвакуации Москвы из романа Льва Толстого «Война и мир»… В

1914 году императрица Александра Федоровна вместе со старшими дочерьми надевали фартук и косынку сестры милосердия, работали в перевязочной и операционной Царскосельского госпиталя…

Но нетерпимое отношение к спиртному выработается у барона гораздо позже — во время Гражданской войны. С корпоративной офицерской попойкой связана и история, из-за которой хорунжему Унгерну пришлось оставить свой полк. Неумеренное потребление спиртного в обществе, которое по своему культурному, образовательному уровню, вообще по своему менталитету кардинально отличалось от жизненных установок барона, неминуемо должно было привести к серьезному конфликту. Во время одной из попоек в офицерском собрании сотник Михайлов, большой приятель Унгерна, поссорившись с ним, обозвал барона «проституткой». Подобные оскорбления в офицерской среде требовали немедленного удовлетворения путем дуэли.

Однако Унгерн смолчал, не потребовав от Михайлова ни извинений, не послал ему и вызов на поединок. «Возмущенные офицеры, — пишет один из воспоминателей, при сем инциденте, кстати, не присутствовавший, — потребовали суда чести над Унгерном и Михайловым».

Суд чести состоял из командира 2-й сотни П. П. Оглоблина и офицеров полка. Суд чести потребовал объяснений от Унгерна; почему он никак не реагировал на оскорбление? Унгерн и на суде не дал никакого ответа. По постановлению суда чести Унгерн и Михайлов были исключены из полка, а так как они были молодые офицеры, то, чтобы не портить им карьеры, обоим скандалистам предложили выбрать полки, в которые они должны были бы перевестись. Унгерн перевелся в 1 — й Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк, который стоял в Благовещенске; второй же офицер, Михайлов, предпочел выйти со службы в отставку. Такова версия происшедшего, изложенная человеком, настроенным к барону не слишком благожелательно.

Свою версию данного инцидента дает М. Г. Торновский: виновником происшествия оказывается сам барон Унгерн. «По пьяному делу», пишет Торновский, Унгерн оскорбил сотника М. (Михайлова. — *А. Ж.)* и «в ответ получил саблей удар по голове. Рана скоро зажила, но ранение в голову впоследствии вызывало сильные головные боли. Оба виновника скандала должны были оставить полк». Сходная версия присутствует и в «Записках» барона П. Н. Врангеля: «Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во

хмелю, Унгерн затевает ссору с одним из сослуживцев и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову. След от этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнейшие головные боли и, несомненно, периодами отражаясь на его психике. Вследствие ссоры оба офицера должны были покинуть полк».

Единственное, что не вызывает сомнений во всей этой истории, только одно — это след от ранения в голову шашкой. В описании внешности барона Унгерна, составленном 1 сентября 1921 года в Иркутске пленившими его красными, имеется указание: «На лбу рубец, полученный на востоке, на дуэли…»

К новому месту службы хорунжий Унгерн отправился одиночным порядком, верхом, в сопровождении лишь охотничьей собаки. Один из мемуаристов, правда, дает более красочную картину отбытия Унгерна к новому месту службы: «Из полка Унгерн выехал на осле, в сопровождении собаки и ручного сокола, пребывание которого на плече Унгерна оставило несмываемые следы. Проделав путь в 1000 верст при всяких лишениях, Унгерн прибыл в Благовещенск и зачислился в полк». Из разноречивых свидетельств можно сделать только один вывод: весь путь из Забайкалья на Амур (более 1200 километров!) Унгерн проделал один, сопровождаемый лишь своей собакой. Он выбрал кратчайший маршрут следования — по безлюдным охотничьим тропам, через хребет Большой Хинган. Питание в пути барон добывал исключительно охотой и рыбной ловлей. Местного проводника-орочена через несколько дней пути Унгерн отпустил — у того пала лошадь. Не многие коренные забайкальцы, прирожденные охотники и следопыты, изучившие в этих краях каждую тропку, решились бы на подобную одиссею. Это было тяжелое и чрезвычайно рискованное путешествие, хорошо запомнившееся всем забайкальцам и амурцам. Через двадцать с лишним лет, уже находясь в эмиграции в Харбине, один из современников барона писал: «Некоторые офицеры вспоминают до сих пор смелую «прогулку» барона». Для самого же Унгерна эта поездка стала отличным поводом для проверки собственных возможностей и настоящей «школой выживания».

На восточных окраинах Российской империи царила глубокая тишина — новой войны с Японией, которой после Портсмутского мирного договора, положившего конец военным действиям, ожидали многие русские офицеры, не предвиделось. Более того, в результате дипломатических маневров русского правительства и причудливых изгибов мировой политики Япония превращалась в союзное Российской империи государство. Мечты о реванше оказывались несостоятельными.

Барон Унгерн изучает новые, еще незнакомые ему места Амурского края. Идет рутинная армейская служба. Вместе с подразделениями своего полка летом и осенью 1910 года Унгерн принимает участие в трех карательных экспедициях в Якутию, где произошли волнения местного населения и стычки якутов с русскими переселенцами.

Еще одна загадка, связанная с пребыванием Унгерна в Забайкалье, имеет отношение к так называемому ордену военных буддистов, который Унгерн якобы создал среди офицеров своего полка. Об ордене военных буддистов упоминают Ф. Оссендовский и А. С. Макеев. Вот что пишет об этой тайной организации бывший адъютант барона в книге своих воспоминаний «Бог войны — барон Унгерн» (глава «Унгерн о себе»): «Я… морской офицер, но русско-японская война заставила меня бросить специальность и перейти в Забайкальское казачье войско. Всю свою жизнь я посвятил войне и изучению буддизма. В Забайкалье я пытался создать орден военных буддистов, но безуспешно. Великий дух мира поставил у порога нашей жизни карму, которая не знает ни милости, ни злобы… Я имел намерение организовать в России орден военных буддистов. Для чего? Для защиты нормального эволюционного процесса и процесса человечества и для борьбы с революцией, ибо я убежден, что эволюция приближает нас к божеству, а революция — к зверю… Русские интеллигенты обладают способностью к критике, но не к творчеству… У них нет никакой воли, и они только говорят, говорят, говорят… Как и русские мужики, они ни к чему не привязаны. Их любовь, их чувства — одно воображение… Их мысли и настроения родятся и умирают вместе с брошенными на ветер словами, не оставляя никакого следа…

Вот поэтому-то мои единомышленники очень скоро стали нарушать постановления ордена военных буддистов. Да, ордена мне организовать не удалось! Но все же я собрал вокруг себя триста человек изумительных смельчаков и храбрецов, выказывавших свое геройство на германском фронте, а позже — в борьбе с большевизмом. К сожалению, теперь из них уцелели лишь немногие».

В этом монологе, который А. С. Макеев приписывает барону Унгерну, много ошибочного и недостоверного. Начнем с того, что Унгерн морским офицером никогда не был — он даже не перешел в старший класс Морского кадетского корпуса. Мы знаем, что барон чрезвычайно гордился своей родословной, своими предками, но лично о себе и перипетиях собственной биографии рассказывать не любил, своими действительными подвигами никогда не хвалился. Так, на просьбу рассказать о том, при каких

обстоятельствах его наградили Георгиевским крестом, Унгерн отвечал: «Зачем это? Ведь ты там не был и с обстановкой не знаком…» Кроме того, все собеседники, действительно встречавшиеся с бароном, вне зависимости от своих симпатий или антипатий к нему, единодушно выделяют присущую Унгерну «безусловную честность». Зачем Унгерну, закончившему престижное Павловское училище, было говорить, что он морской офицер? Скорее всего, Унгерн упоминал о своей учебе в Морском корпусе, а Макеев сам «произвел» барона в морские офицеры.

Большим знатоком буддизма Унгерн также никогда не был, да и никогда из себя такового не изображал — встречаясь в 1921 году в Урге с Д. П. Першиным, хорошо знавшим религию и обычаи монгол, Унгерн спрашивал его: «Я слышал, что вы занимаетесь буддизмом и дружите с Маньчжуршри-ламой. Не сообщите ли чего-либо интересного в этом отношении? Очень этим интересуюсь и хотел знать…» Наконец, сам буддизм, являющийся доктриной уничтожения жизни земной для обретения высшей и истинной жизни Будды, признающий тщетность всех земных усилий, иллюзорность человеческого бытия, менее всего способен выработать активную и наступательную жизненную позицию, которая только и способна была противостоять действиям революционеров. Вполне резонно заметил по этому поводу историк Андрей Кручинин: «… чем могла религия, проповедующая… отрешение от всего мирского, пассивное и равнодушное к окружающему «самосовершенствование» во имя будущего растворения в безымянной и безликой «нирване», прельстить барона Унгерна, вся жизнь которого была исполнена активной деятельности, проникнута духом целеустремленности, направлена на изменение господствующего миропорядка и борьбу со злом, каким его видел потомок рыцарей? Барон никогда не был и вряд ли мог быть «созерцателем», так что, вопреки общепринятой версии, приходится говорить о его европейском мировосприятии, чуждом восточной религиозно-философской традиции».

Вспомним также и об обязательстве не вступать в какие-либо тайные общества, подписанном Унгерном при его производстве в офицеры. Не будем наивными — подписание подобного документа отнюдь не гарантировало неучастие военнослужащих в подобных организациях. Так, в 1908 году в Петербурге была образована так называемая Петербургская военная ложа, в которую входил целый ряд перспективных офицеров русской армии (М. В. Алексеев, А. И. Деникин, А. В. Колчак, А. М. Крымов, А. С. Лукомский и другие) и общественные деятели, вроде «октябриста» А. И. Гучкова. Есть сведения и об участии в

масонских ложах ряда русских офицеров. Однако в целом консервативно и монархически настроенная часть русского офицерства всегда крайне негативно относилась к членству в каких бы то ни было тайных организациях. Причем подобное негативное отношение к «тайным обществам» сохранялось у них даже и тогда, когда перестали существовать Российская империя, династия Романовых, которым приносили присягу. Подобные предложения отклоняли многие русские офицеры-эмигранты. Так, бывший семеновец, в эмиграции ставший одним из руководителей Русского общевоинского союза (РОВС), А. А. фон Лампе, писал: «Сегодня Соколов-Кречетов[7] уговаривал меня вступить в местную масонскую ложу и довольно красноречиво говорил о том, что налаживаются отношения с немецкими масонами, что-де, мол, именно я, как никто другой, подхожу для связи с ними как военный, играющий роль, белый и т. д. Любопытство во мне есть, но веры и сознания, что туда надо идти, нет совершенно».

Известно также о существовании среди русских военных и представителей высшей аристократии тайных обществ, ставивших цели, в принципе сходные с целями «ордена военных буддистов»: защиту монархии и правящей династии, активное противодействие революции, борьбу за сохранение традиционных укладов русской жизни. Во второй половине XIX века была образована тайная организация «Священная дружина», ставившая своей целью «противодействие нигилизму и революции». Уже после окончания Первой мировой войны в Германии возникает «рыцарское образование» под названием «Ауфбау» («Возрождение»), вдохновителем которой считается адъютант последнего немецкого кайзера Вильгельма II, командир Балтийской дивизии, генерал-майор граф Рюдигер фон дер Гольц. В «Ауфбау» входили и русские офицеры, в частности, представители аристократических фамилий П. П. Скоропадский и В. В. Бискупский. Русские офицеры, состоявшие в организации, по словам В. В. Бискупского, хорошо понимали мистическое значение русского монархизма, осознавая, что с его падением рухнула не одна только Российская империя, но и вся традиционная консервативная Европа.

Думается, что в отдаленных гарнизонах русской армии, к тому же в казачьей среде, чей образовательный уровень и жизненные ценности существенно отличались от установок и исканий столичного офицерского общества, создание организации, подобной «ордену военных буддистов», скорее навлекло бы на ее инспиратора подозрения в «крамоле» и «франкмасонстве».

… Интересно прочитать сохранившиеся аттестации хорунжего Унгерна за 1911 и 1912 годы. 1911 год: «Службу знает хорошо и относится к ней добросовестно. К подчиненным нижним чинам требователен, но справедлив… Умственно развит хорошо. Интересуется военным делом. Благодаря знанию иностранных языков знаком с иностранной литературой. Толково и дельно ведет занятия с разведчиками. Прекрасный товарищ. Открытый, прямой с отличными нравственными качествами, он пользуется симпатией товарищей». В заключение командир сотни подъесаул Кузнецов, составивший аттестацию, отмечал: «… заслуживает выдвижения». Однако вывод аттестационного совещания был иным: «К командованию сотней не подготовлен».

1912 год: «… увлекается и склонен к походной жизни. Умственно развит очень хорошо… В нравственном отношении безупречен, между товарищами пользуется любовью. Обладает мягким характером и доброй душой. Общее заключение: Хороший». Любому, читающему эти строки, ясно: это отнюдь не формальная аттестация-отписка, которых пишется множество: «не был, не замечен, не привлекался». Командир 1-й сотни Кузнецов нашел нужные слова, чтобы характеризовать молодого офицера. «Мягкий характер», «добрая душа» — не увязываются слова из офицерской аттестации с образом барона с задатками маньяка, алкоголика, потребителя опиума и гашиша, «необузданного от природы», склонного к насилию патологического типа, каковым изображают барона его недоброжелатели и строящие свои хитроумные конструкции современные беллетристы.

5 октября 1912 года высочайшим приказом хорунжий барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг был произведен в чин сотника «за выслугой лет». Послужной список барона отнюдь не блестящий, но в то же время и вполне приемлемый: в графе под вопросом «Подвергался ли наказаниям или взысканиям» отмечено: «Не подвергался». В это время Унгерна снова потянуло в Забайкалье — неподалеку от русской границы разрастались столкновения между монголами, добивавшимися независимости, и китайцами. Россия, имевшая собственные интересы в Монголии, не могла оставаться безучастной к событиям близ своих рубежей. Унгерн подает прошение о переводе в Забайкальское казачье войско — оттуда есть неплохие шансы попасть на войну, инструктором в формируемую монгольскую армию. В 1913 году 2-й Верхнеудинский казачий полк был передислоцирован на стоянку в Монголию, объявившую к тому времени о своем отделении от Китая. Однако командир Амурского полка полковник Раддац отказался отпустить барона из своей части. Унгерн был перспективным офицером, с ним командование связывало

определенные надежды. Следивший за событиями, развивавшимися в Монголии, по газетным сообщениям, Унгерн подает прошение об увольнении от службы «по домашним обстоятельствам» и зачислении в запас по Забайкальскому казачьему войску. 13 декабря 1913 года барон Унгерн был зачислен в запас и причислен к войсковому сословию Забайкальского казачьего войска. Не дожидаясь оформления всех необходимых бумаг, он отправляется в Монголию, очевидно, не ранее августа 1913 года, как частное лицо, в одиночку, точно так же, как и прибыл из Забайкалья. Известие о зачислении в запас барон получает уже в Халхе — Внешней Монголии.

Глава 4
Монголия

Едва ли наиглавнейшим стратегическим направлением внешней политики Российской империи на протяжении нескольких столетий были Балканы и Константинополь. Освобождение славянских народов от османского владычества, установление контроля над черноморскими проливами и, наконец, водружение православного Креста над храмом Святой Софии в Константинополе — вот основные русские внешнеполитические приоритеты в XVIII–XIX веках. Однако в девяностых годах XIX века, с приходом нового императора Николая II, приоритеты и стратегии политики империи все более смещались на восток. То, что Николай II принимал дальневосточное направление близко к сердцу, не вызывает сомнений. Будучи наследником престола, он совершает грандиозное путешествие, посещает Индию, Китай, Японию. Уделявший огромное внимание развитию российского флота император искал незамерзающий порт, который должен был обеспечить господство Российской империи на Тихом океане. В России думали о Востоке: англичане усиленно стремились на север, в Гималаи и Тибет, где неизбежно должны были столкнуться с Россией, завоевавшей в семидесятые годы XIX Среднюю Азию. Передовые части британской армии медленно, но верно приближались к южным и восточным границам России, становясь реальной угрозой для ее безопасности. Не мог не вызывать тревоги и формировавшийся англо-японский союз. Япония, вышедшая на мировую арену после многовековой изоляции, стремилась к утверждению своего влияния в Китае, Корее и Монголии. 30 сентября 1900 года император Николай II принял в Большом зале Ливадийского дворца посольство далай-ламы XIII во главе с лхарамбой Агваном Доржиевым, прибывшим из Тибета. Доржиев передал Николаю II письмо и подарки от далай-ламы: медное позолоченное изображение Будды с прекрасным одеянием, чудодейственные пилюли — «рилу», составленные из многих драгоценностей и имевшие силу уничтожать яд, слитки золота, старинный жемчуг и тибетскую бирюзу. Русский епископ Митрофан (Зноско) позже писал о том, что тибетское посольство поднесло русскому царю подлинные одежды Будды. «Тебе одному принадлежат они по праву и ныне прими их от всего Тибета», — произнес тибетский лама.

Бурят из Забайкалья, Авган Доржиев (1854–1938), в 19-

летнем возрасте отправился с паломниками в Тибет. Он окончил высшую богословскую школу при монастыре Дэпун, получил ученую степень лхарамба, был назначен наставником-воспитателем юного далай-ламы. Сам Доржиев писал, что в частных беседах он рассказывал далай-ламе, «как мои сородичи, состоя в подданстве русского царя, свободно, без всяких притеснений, исповедают свою буд дийскую религию и пользуются всей защитой правительства». Это был уже не первый визит Доржиева к императорскому двору — в 1898 году он побывал в Петербурге. Николай II тогда принял Доржиева и выразил пожелание получить письменное обращение от далай-ламы. В 1900 году состоялись также переговоры Доржиева с министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом, военным министром А. Н. Куропаткиным и министром финансов С. Ю. Витте. На следующий год Доржиев вновь прибыл в Петербург во главе небольшого тибетского посольства (7 человек). 23 июня 1901 года посольство Тибета было принято императором в Петергофском дворце. В результате переговоров Доржиева с Ламсдорфом МИД России направил российского бурята Б. Рабданова в качестве консула России Дацзяньлу (Китай), получив ему собирать информацию о положении в Тибете. У военного министра А. Н. Куропаткина Доржиев просил помощи оружием, а также вел переговоры о посылке русских военных инструкторов в Тибет. Куропаткин дал согласие на поставку тибетцам партии легкого стрелкового оружия, а вопрос о посылке инструкторов так и не был решен ввиду жесткого противодействия британского правительства: активность России в Тибете расценивалась в Англии как наносящая ущерб британским интересам. Поездки Доржиева в Россию явились поводом, которым воспользовался вице-король Индии лорд Керзон для организации вооруженной экспедиции в Тибет. 6 ноября 1903 года отряд английских войск под командованием генерала Макдональда и полковника Ф. Янгхазбенда получил приказ о продвижении в Тибет. 22 декабря 1903 года английский отряд занял тибетский пограничный пост Пари. Весной 1904 года начались военные столкновения — англичане дважды разгромили отряды тибетцев, стремившихся преградить им путь. Как писал очевидец, участник экспедиции Ф. Уоддель, «сипаи начали отнимать ружья у тибетских воинов, раздались непроизвольные выстрелы, и тогда солдаты экспедиции, сикхи и сипаи, окружившие тибетцев с трех сторон, дали залп, еще и еще…» «Эта чернь, — продолжал Уоддель, — не имевшая возможности устоять против сосредоточенного огня нашего войска, через несколько секунд отошла, побросала оружие и бросилась бежать изо всех сил, конечно, не очень быстро

благодаря крутизне. Большая часть тибетцев, пробегая под нашим огнем, падала; на них сыпался град наших пуль и шрапнельных горных батарей, которые разрывались вверху; они погибли почти все, до одного человека. Между тем наша… пехота безжалостно преследовала толпу рассеянных и беспорядочно спешивших беглецов из числа тех тибетцев, которые находились на более далеком расстоянии; их тела усеяли дорогу на протяжении нескольких миль… В общем тибетцы потеряли около 300 убитых, 200 раненых и 20 пленников. У нас было ранено 13 человек…» Таковым был итог этого побоища. 10 апреля 1904 года англичане вторично разбили тибетские отряды, а 4 августа английский отряд вошел в Лхасу. Далай-лама XIII отказался вести переговоры с англичанами и покинул столицу Тибета, отправившись в Монголию.

Сообщения о вступлении на территорию Тибета английского отряда многими в России воспринимались с тревогой — императором, военным руководством, общественным мнением. Общее представление о происходящем сводилось к тому, что «англичане обошли русских» и нарушили определенное равновесие сил в этой части Азии. Представители «протибетского лобби» в кругах столичной элиты (П. А. Бадмаев, князь Э. Э. Ухтомский, великие князья Николай Михайлович и Константин Константинович, востоковеды Г1. П. Семенов-Тян-Шанский, Ф. И. Щербатский) пробуждали правительство занять более решительную позицию в «тибетском вопросе». 14 января 1904 года Николай II принял в Зимнем дворце подъесаула 1-го Донского казачьего полка Н. Э. Уланова и Бакши (вероучителя) Д. Ульянова — будущих руководителей группы калмыков-буддистов, следующих в Лхасу. Военный министр А. Н. Куропаткин так изложил в своем дневнике впечатления от аудиенции: «Докладывал о посылке калмыка, подъесаула Уланова, в Тибет разузнать, что там делается и особенно что з» там делают англичане… Государь соизволил, чтобы это была частная поездка на свой страх и риск. Приказал посоветовать Уланову, «разжечь там тибетцев против англичан».

После длительного путешествия калмыки достигли Лхасы (в пути скончался подъесаул Н. Э. Уланов). Англичан в столице Тибета к этому времени уже не было. Калмыки нанесли визиты тибетским руководителям, посетили монастыри, приобрели буддийские трактаты. Д. Ульянов подал регенту монастыря Тиримпоче доклад, в котором со ссылками на мифологию буддизма проводил мысль, что тибетцам следует искать покровительства России и Китая, а не Англии. В августе 1905 года экспедиция двинулась в обратный путь.

В контексте взаимоотношений русского самодержавия и буддизма любопытными представляются замечания современного российского историка Сергея Илюшина: «… Русский государь воспринимался носителями традиционного (средневекового, архаического) мировоззрения, независимо от их конфессиональной принадлежности, как полностью соответствующий определенным священным параметрам миродержец… Все российские монархи после Екатерины II рассматривались ламами высоких посвящений как воплощения почитаемой в Тибете богини Цагаан Дара-эхэ (Белой Тары). А в 1908 году государю Николаю II от Бакши буддистов-калмыков Дона… была поднесена драгоценная мандала «Тринадцатиричный Ваджраб-хайрава» — трехмерная модель Вселенной, обладающая, как считалось, «волшебными» свойствами карта буддийского космоса, посвященная одному из самых «сильных» охранительных божеств. Уникальность этого дара состояла не только в его ценности, но и в духовной мотивации этого дарения как ритуального подношения почитаемому царю, покровительствующему буддизму и в этом сопрягающемуся с величайшими властителями древности… Накануне и во время Первой мировой войны на русского царя с надеждой смотрели представители всех традиционных («реликтовых») религиозных меньшинств на Востоке: иранские зороастрийцы — «гебры», члены древнехристианских церквей — и несториане, и монофизиты… Буддисты и ведантисты строили хитроумные генеалогические теории, выводящие династию Романовых от ведического царя Раманы… Дело в том, что феномен русской монархии сверхэтичен и сверх-историчен. Образ белого царя, «держащего свой престол на краю Севера», тем и был силен, что имел прежде всего духовный смысл и эсхатологическую направленность. Именно традиционный, охранительный смысл монархии и мог бы стать формообразующим, действующим фактором в новую эпоху…»

Николай II, безусловно, внимательно прочитал Памятную записку о противодействии англичанам, составленную крещенным бурятом Петром Александровичем Бадмаевым[8] в январе 1904 года: «Тибет — ключ Азии со стороны Индии. Кто будет господствовать над Тибетом, тот будет господствовать над Кукунором и над провинцией Сычуань; господствуя над Кукунором — господствовать над всем буддийским миром, не исключая и русских буддистов, а господствуя над Сычуанью, господствует и над всем Китаем. Очевидно, англичане ясно сознают, что, завладев Тибетом, они через… Монголию будут иметь влияние, с одной стороны, на наш Туркестан, а с другой —

на Маньчжурию… Они никогда не уйдут с занятой позиции и, возбуждая против нас весь буддийский мир, они в действительности сделаются единственными господами над монголо-тибето-китайским востоком. Неужели истинно русский человек не поймет, сколь опасно допущение англичан в Тибет, — и японский вопрос нуль в сравнении с вопросом тибетским: маленькая Япония, угрожающая нам, отделена от нас водой, тогда как сильная Англия очутится с нами бок о бок».

П. А. Бадмаев был убежденным монархистом и сторонником усиления русского влияния на Востоке. Он строил грандиозные планы по включению Монголии, Китая и Тибета в сферу влияния Российской империи, не исключая полного присоединения этих стран. 13 февраля 1893 года он писал отцу Николая II, императору Александру III: «… народы Азии искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. Они… относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы ему. Весь Восток симпатизирует России, и русского царя называют на Востоке… белым царем, богатырем…» (Еще в XVIII веке монголы объявили императрицу Екатерину II воплощением Белой Тары — всевидящей богини милосердия. С тех пор все русские цари династии Романовых считались у монголов и тибетцев воплощением богини Цагаан Дара-эхэ (Белой Тары). — *А. Ж.)*.

После неудачно сложившейся Русско-японской войны требовалось усиление российского военного присутствия на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, у границ Халхи-Монголии и на Тибете… Вообще расширение Российской империи на юго-восток входило в геополитические планы Николая II. По словам историка Р. В. Багдасарова, именно «под этим углом зрения следует рассматривать и возведение в Петербурге крупнейшего в Европе буддийского молитвенного здания. Вопрос о строительстве храма детально обсуждался государем с Авгоном Доржиевым 04.08.1907 года; тогда же Николай Александрович передал свое приглашение приехать в столицу и далай-ламе. Первая служба в храме Калачакры состоялась 21 февраля 1913 года и была приурочена к 300-летию дома Романовых… Беспрецедентная в тогдашней Европе свобода предоставлялась исламу. 3 февраля 1910 года в столице началось строительство величественной соборной мечети. За архитектурную основу был взят мавзолей Гур-Эмира в Самарканде, где находится гробница Тимура… Следует отметить, что действия государя, выражавшиеся в лояльном отношении к таким нехристианским конфессиям, как ислам и буддизм, вызывали непонимание и сопротивление у целого ряда иерархов Русской православной

церкви, не желавших, по словам современного историка Романа Багдасарова, «разделить с Николаем II ответственность за новую религиозную политику». Так, известный церковный публицист, издатель «Троицких листков» архиепископ Никон (Рождественский) требовал остановить строительство «капищ» в Санкт-Петербурге, максимально ограничить деятельность нехристианских конфессий. Никон и иже с ним не могли понять одной очевидной вещи: логика развития любой империи диктует предельную лояльность в вопросах вероисповедания. Николай II являлся отцом всех народов, входивших в империю, и не мог себе позволить унижать тех нехристиан, которые, исходя именно из своих традиций, желали послужить русскому престолу.

… Халха-Монголия, или Великая Степь (таково было древнее название этой страны) давно привлекала самое пристальное внимание и российского МИДа, и Генерального штаба Императорской армии, и Священного Синода Греко-российской православной церкви, и десятков тысяч русских торговцев, промышленников, золотоискателей, и просто любителей приключений. Российское Императорское географическое общество (ИРГО) снаряжало в Великую Степь многочисленные научные экспедиции. Монголию, пустыню Гоби, пути в Тибет исследовали экспедиции Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, В. Потанина, православные духовные миссии, просто предприимчивые торговые люди. Монголия была своеобразным ключом к Центральной Азии, отсюда открывалась дорога в таинственный Тибет, куда так стремились британцы, отсюда предоставлялась возможность активного влияния на политику пекинского императорского двора. Особенное значение Монголия приобретала в свете усиливавшегося стремления европейских держав, а также Японии и набиравших силу Северо-Американских Соединенных Штатов к экономическому и политическому доминированию в многомиллиардном Китае. В апреле 1905 года, когда Русско-японская война была в самом разгаре, в административный центр Халхи — Внешней Монголии, Ургу, был командирован действительный член Императорского Географического общества, капитан русской армии Петр Кузьмич Козлов. Все расходы по командировке капитана Козлова несло русское военное ведомство — П. К. Козлов был военным разведчиком и работал, как ныне говорят, «под прикрытием» ИРГО. В своем письменном отчете о командировке в Монголию сам Петр Кузьмич сообщал: «В апреле месяце текущего 1905 года я был командирован по высочайшему повелению в Ургу, в целях приветствования тибетского далай-ламы от ИРГО; вместе с тем Главный штаб возложил на меня поручение изучить современное

состояние Северной и Восточной Монголии». В своем докладе П. К. Козлов сообщает, в частности, любопытные сведения о настроениях и симпатиях монголов: «Монголия вся совершенно спокойна и дружественно расположена к России, чему в значительной степени мы обязаны в настоящее время отличным отношениям с правителем Тибета[9]. Обаяние и престиж далай-ламы действительно огромны. Урга только теперь увидела всех монгольских князей, открыто льнущих под совет далай-ламы… Монголия беспрепятственно продает армии рогатый скот, баранов и лошадей. Нынешнее лето в Монголии отличалось крайней сухостью, бездождьем, вызывающим опасения за пастбища. Трехсотенный отряд хунхузов, состоящий на службе у русской действующей армии, по справкам, работает блестяще в нашу пользу. Соседние монголы также». Но не только капитан П. К. Козлов вел разведывательную работу в интересах Российской империи. Весной 1906 года для усиления русского политического и экономического влияния в Монголии в Харбине была учреждена так называемая монгольская агентура, во главе которой был поставлен офицер-разведчик, подполковник Генерального штаба Александр Дмитриевич Хитрово. Этот чрезвычайно деятельный человек сделал очень много для усиления русского влияния в Монголии. В августе 1914 года он примет участие в конференции с представителями Китая и Монголии, будет назначен пограничным комиссаром в Кяхте. По словам петербургского востоковеда и историка И. И. Ломакиной, Хитрово «отличался от всех других русских чиновников особой активностью, кстати, совсем не поощряемой на Востоке инициативой». Линия судьбы А. Д. Хитрово трагически пересечется в 1921 году с судьбой бароиа Унгерна. Бывший полковник царской армии Алексей Дмитриевич Хитрово будет арестован в Урге и убит в унгерновской контрразведке. О причинах такого печального конца мы можем только гадать. Вот что писал о гибели Хитрово Д. П. Першин, русский чиновник, директор открытого в 1915 году Монгольского национального банка, живший в то время в Урге и оставивший написанные в 1933 году воспоминания «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак»: «Полковник Хитрово был ярким примером того времени, когда считали, что военный человек — универсальный человек и будет везде на месте, куда ни поставь. Такая тенденция на окраинах часто была в административном отношении сущим наказанием и создавала в окраинах ряд таких осложнений, которые затем и распутывать было трудно. Хитрово был живым примером всего этого, хотя лично был человек недурной и, вероятно, служи он по военной части, то был бы на месте. Ведь сам же он не

переваривал «атамановщины», какой она народилась, например, в Забайкалье, в лице Семенова…» После неожиданного ареста Хитрово был расстрелян и Першин, как ни пытался, так и не смог дознаться до причин, приведших отставного полковника к столь трагическому концу.[10]

Правда, мы забежали почти на полтора десятка лет вперед. Пока же, в начале XX века, русские переселенцы, купцы, промышленники интенсивно осваивали Внешнюю Монголию, находившуюся уже более двухсот лет под управлением Пекина. Л. А. Юзефович дает следующую картину монгольской действительности: «Были проведены скотопрогонные тракты, открывались ветеринарные пункты и фактории. Сибирские ямщики стали полными хозяевами на двухсотпятидесятиверстной дороге между пограничной Кяхтой и столицей Монголии — Ургой. Но это все не шло ни в какое сравнение с масштабами китайской колонизации. Нарастал поток переселенцев, распахивались пастбища, хошунные князья лишались своей наследственной власти в пользу пекинских чиновников, чьи законные и, главное, незаконные поборы перешли все мыслимые пределы. При торговых операциях обмануть простодушных кочевников не составляло никакого труда, процветало ростовщичество. Фактически все монгольское население оказалось в долговом рабстве у китайских фирм. Но покорность монголов казалась безграничной, неспособность к сопротивлению — фатальной…». Центральное китайское правительство, желая закрепить за собой все права собственности на естественные богатства Монголии, препятствовало появлению на ее территории не только русских, но любых иностранных предпринимателей, ограничивало ввоз дешевых (а потому пользовавшихся спросом) русских товаров. В начале века Монголия исправно вносила в казну императорского Китая ежегодный налог в размере 14 млн золотых рублей. Монгольская знать, по словам П. А. Бадмаева, «оказалась игрушкой в руках китайских властей». Однако время потрясений, революций и переворотов все-таки пришло и в Великую Степь. В результате китайской революции 1911 года пала маньчжурская династия Цинь, правившая Срединной империей с 1644 года. Революционный пожар вспыхнул и в Халхе — Внешней Монголии.

Антиманьчжурский переворот был совершен в ноябре 1911 года при негласной, но весьма существенной поддержке России, просить о которой ездила в глубокой тайне представительная монгольская депутация во главе с местным князем Хандованом. Царское правительство, убеждая монгольскую делегацию быть умеренной в своих требованиях, твердо дало понять, что

Российская империя будет оказывать поддержку Монголии в деле сохранения самобытного строя и не допустит ввода китайских войск во Внешнюю Монголию.

18 ноября 1911 года на улицах Урги глашатаи зачитали обращение князей нескольких влиятельных аймаков (областей): «Мы, монголы, отныне не подчиняемся власти маньчжурских и китайских амбаней (наместников). Их власть уничтожается, и они, вследствие этого, должны вернуться на родину». По соглашению влиятельных князей и лам на престол правителя Монголии был возведен ургинский первосвященник VIII Богдо-гэгэн Джебцзун-Дамба-хутухта, получивший титул «многими возведенный богдо-хан» (т. е. избранный народом всемонгольский монарх). Маньчжурский гарнизон был разоружен и выпровожен в Китай. Также было сформировано новое монгольское правительство из пяти человек, которое возглавил сам Богдо-гэгэн. Русские казаки из консульского конвоя поддерживали порядок в городе, не допуская насилия и грабежей, обычно идущих рука об руку с любой революцией.

Кстати, одну из сотен русского консульского конвоя в Урге возглавлял Григорий Михайлович Семенов, в недалеком будущем — атаман, один из вождей Белого движения на Дальнем Востоке. Четверть века спустя он будет вспоминать об этих днях в своей книге мемуаров «О себе. Воспоминания, мысли и выводы», написанной в эмиграции в Китае в 1936 году. «По распоряжению нашего консула я со взводом своих казаков взял на себя охрану Амбаня — китайского резидента в Урге, дворец которого подвергался опасности быть разграбленным возбужденной монгольской толпой, — вспоминал Г. М. Семенов. — Доставив Амбаня в наше консульство, я не ограничил этим свое вмешательство в развертывающиеся события и, видя, что наличие вооруженного китайского гарнизона… раздражает толпу и вызывает ее на эксцессы, со своим взводом казаков, уже по собственной инициативе, разоружил китайских солдат… После этого, получив сведения о назревавшем нападении на Дайцинский банк в Маймачене, я со взводом отправился туда и, заняв его, предотвратил, таким образом, неминуемый грабеж и расправу со служащими банка…

Авторитета одной нашей сотни, стоявшей в Урге, и одного взвода, принявшего под моей командой непосредственное участие в событиях, оказалось достаточно для того, чтобы сохранить порядок в Урге и направить революционное движение по определенному руслу».

Таким образом в Монголии произошла бескровная анти-китайская революция. Ныне подобные перевороты называют

«бархатной революцией» или «революцией роз».

Уже 29 декабря 1911 года русское правительство сделало официальное заявление о событиях во Внешней Монголии: «Провозгласив в Урге свою независимость и избрав ханом своего духовного главу… монголы обратились к России за поддержкой. Императорское правительство ответило монголам на эту просьбу советом действовать умеренно и постараться найти почву для соглашения с Китаем… Не желая вмешиваться в происходящую в Китае борьбу и не питая агрессивных замыслов в Монголии, Россия, однако, не может не интересоваться установлением прочного порядка в этой соседней с Сибирью области, где имеются крупные русские торговые интересы». Русский дипломат И. Н. Крупенский докладывал в Петербург из Пекина о своих беседах с министром иностранных дел нового китайского правительства: «Я выразил министру, что мы не можем согласиться на устранение нас от решения вопроса, затрагивающего наши интересы, и что мы должны получить гарантию, что в Монголии не будет восстановлена китайская администрация».

Осенью 1912 года в Монголию прибыл специальный уполномоченный от российского правительства И. Я. Коростовец, командированный для оказания содействия монголам в деле создания нового государства. На него выпала чрезвычайно деликатная миссия: согласовать требования монголов с осторожной политикой русского правительства, которое ни в коем случае не желало какого-либо обострения отношений с Китаем. Монгольские представители продолжали настаивать на предоставлении полной независимости новому государству, но, в конце концов, российскому эмиссару удалось убедить их принять компромиссный план, разработанный в Санкт-Петербурге.

21 октября 1912 года в Урге было подписано соглашение между правительствами Российской империи и Монголии. Китайские войска, амбани, другие представители китайской власти были удалены с территории Внешней Монголии. В Хушир-Булане, близ Урги, по соглашению с Россией открывалась монгольская военная школа с русскими инструкторами во главе. Это русско-монгольское соглашение вызвало бурю возмущения в Китае. Несмотря на то что маньчжурская династия Циней пала, новое китайское республиканское правительство не собиралось мириться с утратой своей северной провинции. Война с китайцами велась и на северо-западе Внешней Монголии, в Кобдоском округе, и на территории Внутренней Монголии.

Унгерну, изнемогавшему в Благовещенске от скуки и общества казачьих офицеров, людей, знавших и понимавших

службу, но в остальном весьма недалеких и считавших барона за человека «со странностями», подобная война была весьма кстати. Именно к ней он готовил себя, когда в одиночку скитался по дальневосточной тайге. Не спортивный, не научный интерес, как у известного путешественника Арсеньева, двигал им. Потомок крестоносцев, он был рыцарем, который призван к войне от самого своего рождения, а ничего другого делать он не хотел. «Крестьяне должны обрабатывать землю, рабочие — работать, а военные воевать», — через восемь лет скажет он на допросе. Он действительно был рыцарем «в те паскудные времена, когда рыцарством и не пахло», — скажет позже об Унгерне один из его собеседников. Рыцарь Унгерн жил в мире, в котором не оставалось места рыцарству, не оставалось места вере в идеальное, в абсолют. Была вера в пресловутый прогресс, в науку; кто-то верил в искусство; кто-то — просто «в естественный ход вещей»… Рыцарю, рожденному для войны, не было места в этом мире. Воевать — из-за чего? «За Веру, Царя и Отечество»? Для секуляризированного современного общества, в котором приходилось жить барону, это были весьма отвлеченные понятия. Современный мир верил в цивилизацию и прогресс, а они не были совместимы с войной. Великая Степь и населявшие ее туземные племена имели о цивилизации и прогрессе понятия более чем отдаленные… Унгерн искал в монгольских кочевниках той простоты и веры, какая была в средневековой Европе, когда в каждом доме жил домовой, а каждой церкви — Бог. В монгольских юртах, в урочищах, в отрогах гор и озерах жили боги, демоны, духи погибших воинов.

«Облик конников-монголов казался созвучным любимой его мечте о возвращении к рыцарским временам. Ведь рыцарство в его представлении было прежде всего народом конников. И если представить, что для его сурового сердца все прекрасные черты человеческой натуры, то есть истинная воинская доблесть, честность и идейная преданность своему долгу, достигали высоты идеала лишь в рыцарскую эпоху, то нам понятна станет вся тайна очарования Монголии, глубоко затронувшая его душевный мир», — писал позже об Унгерне один из его офицеров. Однако «потомки Чингисхана» в действительности отнюдь не были похожи на средневековых рыцарей.

Крещеный бурят Петр Александрович Бадмаев помимо знания тайн тибетской медицины обладал также весьма хорошо развитой практической жилкой. Он писал докладные записки царю и в Генеральный штаб о развитии горной промышленности в Забайкалье, о необходимости постройки железных дорог на Кольском полуострове и в Монголии, об экспансии русских

товаров на азиатский рынок. Никаких иллюзий насчет монгольского и сопредельных ему народов Петр Александрович не питал. «Прирожденная лень монголов», «отсутствие всякого знания и образования кроме буддийского, поддерживающего суеверие», «довольство и удовлетворенность бюджетами пастушеской жизни» — из этих слов Бадмаева видно, что состояние современных ему монголов он совсем не идеализировал. Рыцарь Унгерн, мечтавший о воскресении эпохи Крестовых походов, видел в монголах то, что хотел, — потомков Чингисхана, живущих в естественности и простоте, не отравленных бациллами цинизма, пошлости, буржуазности, расчетливости, — этими надежными спутниками современной европейской цивилизации.

Унгерн ехал в Кобдоский округ в августе 1913 года. До начала Войны (войны с большой буквы), которая перевернет все устои современного миропорядка, остается ровно год. В Кобдо идут бои между монголами и китайцами. Активное участие в боях принимают и русские: как военные инструкторы, так и регулярные части — 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, своего рода «ограниченный контингент».

Об обстоятельствах этой поездки барона Унгерна в Монголию сохранились воспоминания А. В. Бурдукова — русского колониста, доверенного представителя крупной российской компании, являвшегося по совместительству корреспондентом либеральной газеты «Сибирская жизнь». Алексей Бурдуков представлял собой тип человека, абсолютно и категорически противоположного барону. Он занимался поставками промышленных товаров из России и закупками сырья в Монголии, имел собственную факторию на реке Хангельцик в Кобдоском округе, был человеком торговым, практическим. После революции он нашел общий язык с новой властью, работал представителем Центросоюза в Монголии, вернувшись в новую Россию — Советский Союз, занимался преподавательской деятельностью в Ленинградском университете, писал воспоминания… Но все это будет позже. Пока же Бурдуков с неприязнью рассматривает своего спутника, которого навязал ему русский консул в Улясутае Вальтер. «Он был поджарый, обтрепанный, неряшливый, обросший желтоватой растительностью на лице, с выцветшими застывшими глазами маньяка», — вспоминал позже об Унгерне Бурдуков. Скрытое недружелюбие сквозит в данном описании за каждым словом. Особенно отметим бурдуковский пассаж о «застывших глазах маньяка». Ну какое, в самом деле, впечатление мог произвести на торгового человека, либерала Бурдукова, «русский офицер,

скачущий с Амура через всю Монголию, не имеющий при себе ни постели, ни запасной одежды, ни продовольствия…» Сами бурдуковы, собираясь в дальнюю дорогу, не забывают ничего — ни запасных теплых носков, ни фотографической карточки своей семьи… Мы не будем утверждать, что подобная предусмотрительность — это плохо, а унгерновская непрактичность — хорошо. Не в том дело. Просто в данном случае сталкиваются два типа людей, живущих, с одной стороны, в едином времени и пространстве, а с другой стороны, существующих словно в параллельных, не пересекающихся друг с другом измерениях.

На протяжении совместного пути негативное отношение Бурдукова к Унгерну только усиливается — торговый человек просто не понимает барона-рыцаря и даже боится его. С плохо скрытым упреком Бурдуков вспоминает: «Унгерна занимал процесс войны, а не идейная борьба во имя тех или других принципов. Главное для него — воевать, а с кем и как — не важно. Он повторил, что 18 поколений его предков погибли в боях, на его долю должен выпасть тот же удел…

Мы все время скакали во весь дух, почти на каждой станции он дрался с улачами (погонщики, почтовые курьеры. — *А. Ж.),* и мне было стыдно перед монголами, что у нас такие невоспитанные офицеры, и я мысленно ругал консула, подсунувшего мне такого спутника. Сказать же что-нибудь этому сумасбродному человеку было просто опасно».

В этом маленьком отрывке воспоминаний Бурдукова все показательно. В нем заключается та пропасть, которая разделяет воина-рыцаря барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга и практических, простых, цивилизованных и культурных «общечеловеков» вроде А. В. Бурдукова. Унгерна, действительно, не занимала «идейная борьба во имя тех или других принципов» (он сам подтвердит это восемью годами позже, на допросе у красных) — он просто служил своему государю, которому присягал, своей стране — Российской империи, которую как офицер был обязан защищать, «не щадя живота своего». Люди, подобные Бурдукову, со всеми своими «принципами» и «идейной борьбой», на самом деле были готовы служить всем подряд — царю, Временному правительству, Верховному правителю адмиралу Колчаку, коммунистической власти, да хоть и китайскому императору, лишь бы им только предоставили возможность «спокойно жить» и «делать свое дело». Таких людей всегда было подавляющее большинство, они являются опорой любого режима, любого политического строя, и именно они создают в обществе стабильность. «Нормальный» Бурдуков совершенно не понимает и не принимает искренности

барона, рассказывающего ему о своих предках — прибалтийских рыцарях; внешний вид Унгерна — грязный мундир, потертые брюки, сапоги с дырявыми голенищами — вызывает у него отторжение.

В ходе путешествия произошел эпизод, поразивший Бурдукова. Во время ночной поездки путники потеряли тропу. Дорога проходила по болоту, среди прибрежных камышей. Монгольский погонщик остановился и отказался двигаться дальше. «Сколько ни бил его Унгерн, тот, укрыв голову, лежал без движения, — вспоминал Бурдуков. — Тогда, Унгерн, спешившись, пошел вперед, скомандовав нам ехать за ним. С удивительной ловкостью, отыскивая в кочках наиболее удобные места, он вел нас около часу, часто попадая в воду выше колена и, в конце концов, вывел из болота, но тропку нам найти так и не удалось.

Унгерн долго стоял и жадно втягивал в себя воздух, желая по запаху дыма определить присутствие жилья: наконец сказал, что станция близко, и мы поехали за ним. Действительно, через некоторое время вдали послышался лай собак. Эта необычайная настойчивость, жестокость, инстинктивное чутье меня поразили».

Безудержная энергия Унгерна, его настойчивое стремление успеть на свою войну, его скачка навстречу собственной гибели, которую он ждет, которая должна состояться, — все вместе это вызывало у размеренного и правильного торговца инстинктивный страх, сквозь который прорывались удивление и скрытое восхищение. С каким-то облегчением заканчивает Бурдуков свою «меморию» об Унгерне: «Консул Люба и начальник русского отряда в Кобдо полковник Казаков отнеслись к добровольческой затее Унгерна отрицательно и не пустили его на службу к монголам, так что ему пришлось вернуться в Россию». Поколебавшееся было мироздание вернулось для Бурдукова на свое место.

Ввод российских воинских частей на территорию Внешней Монголии, в частности в Кобдоский округ, несколько утихомирил воинственный пыл китайцев, не желавших мириться с утратой северных земель. Во 2-й Верхнеудинской дивизии служил один из немногих близких друзей Романа Федоровича — Борис Петрович Резухин, во время Гражданской войны ставший заместителем Унгерна по Азиатской конной дивизии. У Резухина Унгерн позаимствовал новое обмундирование, в котором на следующий день после прибытия в Кобдо встретил его Бурдуков, — барон шел представляться российскому консулу и начальнику русского отряда в округе.

На фоне предстоявших трехсторонних российско-монголо-китайских переговоров и сложившегося во Внешней Монголии

зыбкого военно-политического равновесия одинокий отставной русский офицер, к тому же стремившийся повоевать, был, безусловно, крайне нежелательной фигурой. Тем не менее начальство предпочло не отказываться от услуг Унгерна, и вскоре барон был прикомандирован в качестве сверхштатного офицера к конвою русского консула.

Один из русских жителей Кобдо того времени, Иван Кряжев, вспоминал, что Унгерн держался от общества «на особицу», ни с кем не заводил близкого знакомства и пребывал почти всегда в одиночестве. Иногда он вдруг, ни с того ни с сего, в иную пору и ночью, собирал казаков и гиком мчался с ними через город куда-то в степь.

«Волков гонять, что ли, ездил? Толком не поймешь, — вспоминал русский поселенец. — А потом вернется, запрется у себя и сидит один, как сыч. Но, сохрани Боже, не пил, всегда был трезвый. В нем что-то будто не хватало…» Л. А. Юзефович очень ухватился за последнюю фразу из рассказа Кряжева и так откомментировал ее: «… не ему чего-то не хватало, а именно в нем. Эта странная пустота в душе, никакими социальными причинами, как обстоятельствами биографии, не объясняемая, выдавала себя лишь в глазах. Бурдуков говорит о выцветших застывших глазах маньяка». Другой мемуарист описывал их как «бледные», третий вспоминает о «водянистых, голубовато-серых, с ничего неговорящим выражением, каких-то безразличных». На немногих сохранившихся фотографиях Унгерна тоже заметна в его взгляде некая стертость, глаза кажутся не холодными, а скорее белесыми. Видимо, у него были плохо развиты окологлазные мышцы… Этот физиологический дефект связан обычно с недоразвитием эмоциональной сферы…» В данном случае мы вновь сталкиваемся с попыткой объяснить последующий жизненный путь барона с позиций совершенно нормального интеллигентного человека, живущего в конце XX века. Но к обычным интеллигентским рефлексиям Унгерн был склонен менее всего. Наверное, адекватную историю барона Унгерна мог рассказать только какой-нибудь средневековый романист вроде Рамона Луллия или Кретьена де Труа. Кстати, сами авторы средневековых рыцарских романов открыто признавали, что их повествовательная манера «неистова». «Тот ветер страстей, что веет над их произведениями, уносит прочь скуку сценических ограничений, свойственных спектаклям, которые ставит реальная жизнь», — говорит исследователь средневековой культуры Морис Кин. Обладавший средневековым сознанием Унгерн кажется нашим современникам человеком «параноического склада», «кровавым мистиком», наделенным к

тому же «психическими патологиями» и «принципиальным человеконенавистничеством». Человек, наделенный подобным сознанием, вряд ли найдет понимание и сочувствие у современных интеллигентов, живущих в политкорректном и преисполненном практицизма обществе.[11]

Свое пребывание в Монголии Унгерн использует для знакомства с обычаями и нравами обитателей Великой Степи. С монгольским языком он в это время был совершенно не знаком — Бурдуков вспоминает, как во время их совместного путешествия барон «добросовестно записывал монгольские слова, пытаясь учиться говорить». В свободное время Унгерн объезжает все значительные населенные пункты Внешней Монголии. Он побывал во многих буддийских монастырях, завел знакомства с представителями местной аристократии и духовенства. Такое его поведение разительно контрастирует с представлениями о бароне как о «сыче», «нелюдиме» и «мизантропе». Быт и образ жизни монголов, мало изменившиеся со времен Чингисхана, оказываются ему понятными и интересными. Поручик Н.Н. Князев, служивший в Азиатской конной дивизии, писал, что Унгерн «до краев наполнился теми настроениями, которые дают и волнистые дали Монголии, и ее причудливые храмы, и стада-многотысячных дзеренов (антилоп-джейранов. — *А. Ж.),* спокойно пасущихся на зеленых коврах ее необъятных падей, и ее люди, как бы ожидающие могучего толчка, чтобы пробудиться от векового сна, и даже, может быть, дымки над юртами и монотонное медленное скрипение повозок какой-нибудь монгольской семьи, перекочевывающей в беспредельность…»

Круг монгольских знакомств барона установить ныне довольно сложно: мы в очередной раз вступаем на зыбкую почву догадок, предположений. Леонид Юзефович пишет о встречах барона Унгерна с легендарным монгольским «полевым командиром» Джа-ламой, объявившим себя наследником монгольского князя Амурсаны, борца за независимость Монголии XVIII века, замученного китайцами. Правда, Юзефович пишет об этом крайне осторожно. Он предполагает, что познакомить Унгерна с Джа-ламой мог… Бурдуков: «Унгерн прожил в Кобдо более полугода. За это время Бурдуков, постоянно туда наезжавший из своей фактории, наверняка встречался с ним и мог свозить его в… ставку Джа-ламы. Вряд ли Унгерн упустил бы возможность повидать этого человека…» Разумеется, Унгерн такой возможности не упустил бы. Однако мы помним, сколь неприятное впечатление об Унгерне вынес Бурдуков из их совместного путешествия. Вряд ли он стал бы возить «сумасшедшего» и «невоспитанного» барона (которого к тому же,

по собственному признанию, Бурдуков просто боялся) знакомиться с кем бы то ни было.

Напротив, историк Ирина Ломакина в своей интереснейшей книге «Грозные Махакалы Востока» со всей определенностью указывает, что «он (Унгерн. — *А. Ж.)* не встретился с Джа-ламой в 1912 году, уехал из Монголии». Биографические сведения об Унгерне в это время крайне скупы, противоречивы и даже фантастичны.

… В 1991 году в журнале «Гиперборея» («интеллектуальный орган новых Сил Севера») под псевдонимом Леонид Охотин была опубликована статья конспиролога А. Г. Дугина «Унгерн — бог войны». По концентрации фантастических эпизодов, фигурировавших в ней, данная работа не уступала иному роману «фэнтези». Приведем лишь один из подобных эпизодов, особо примечательный тем, что его неоднократно воспроизводили в своих трудах, посвященных барону, самые разные авторы:

«В 1912 году Унгерн посетил Европу: Австрию, Германию, Францию.

По сведениям, сообщенным Краутхофом в его книге об Унгерне «Ich Befehle» — «Я приказываю», — в Париже он встретил и полюбил даму своего сердца, Даниэллу. Это было в преддверии Первой мировой войны. Верный своему долгу по призыву царя, барон вынужден был вернуться в Россию, чтобы занять свое место в рядах Императорской армии. На родину Унгерн отправился вместе со своей возлюбленной, Даниэллой. Но в Германии ему угрожал арест как офицеру вражеской армии. Барон предпринял поэтому чрезвычайно рискованное путешествие на баркасе через Балтийское море. В бурю маленькое судно потерпело крушение, и девушка погибла. Самому ему удалось спастись лишь чудом. С тех пор барон никогда уже не был таким, как прежде. Отныне он не обращал никакого внимания на женщин. Стал предельно аскетичен во всем и невероятно, нечеловечески, жесток».

Конечно, все вышеприведенное — не более чем вымысел, романтическая сказка, отчасти смахивающая на бред. В зрелом возрасте Унгерн вообще не бывал в Западной Европе (исключение — боевые действия во время Первой мировой войны), однако с помощью данной душераздирающей легенды в стиле латиноамериканских «мыльных» сериалов отдельные авторы пытаются объяснить жестокость и мрачную замкнутость барона, вывести его склонность к мизантропии…

Большинство биографов Унгерна приводят гораздо менее романтичные, но более достоверные версии жизненного пути барона.

Так, М. Г. Торновский пишет, что Унгерн оставался в

Монголии вплоть до самого вступления России в Первую мировую войну — 19 июля (1 августа нового стиля) 1914 года: «… при объявлении Германией войны России барон Унгерн из Кобдо спешит в Читу… чтобы с первым отходящим казачьим полком поехать на театр военных действий. Но в Чите выяснилось, что забайкальские казаки не предназначаются к отправке в первую очередь ввиду неопределившейся позиции Японии, и когда забайкальцы пойдут на войну и пойдут ли еще — неизвестно. Барон Унгерн едет самостоятельно на запад и поступает в один из второочередных полков Донского казачьего войска, действующего на Австрийском фронте». Такие же сведения приводит в своих воспоминаниях об Унгерне еще один из офицеров его дивизии, Н.Н. Князев: «Известия о вспыхнувшей на Западе войне были для барона зовом из мира грозной действительности. Роман Федорович спешит вступить в казачьи ряды. В Чите он выясняет, что забайкальцы получили распоряжение оставаться на местах. Одиночным порядком барон едет на фронт и поступает в один из действующих полков Донского казачьего войска…»

По другим сведениям, Унгерн покинул Монголию в конце 1913 года, вернулся в Россию. Начало войны застало его в Ревеле, где он вместе со своим двоюродным братом Фридрихом вступает в ряды Императорской армии. В сохранившемся послужном списке Р. Ф. Унгерна имеется запись: «По объявлении мобилизации, призван на службу в 34-й Донской казачий полк действующей армии…» Барона Унгерна, отставного сотника Забайкальского казачьего войска, не имеющего ни полноценной гражданской профессии, ни семьи, ни каких-либо сбережений, ждет его первая настоящая война.

Глава 5
Война

В начале минувшего века многие обеспеченные русские семьи предпочитали выбирать для отдыха германские курорты: целебные воды, хорошие врачи, умеренные цены, да и вообще чисто и культурно. Выражение «поехать в Баден-Баден» стало «крылатым» благодаря писателю Д. Хармсу значительно позже, но в начале XX века каждое лето «на водах» в Баден-Бадене и других немецких курортных местечках собирался весь русский аристократический бомонд.

Не было исключением и лето 1914 года. 28 июня прозвучал выстрел в Сараеве — боснийский серб Гаврило Принцип, член тайной военизированной организации «Млада Босна», застрелил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу графиню Софию фон Гогенберг. Трагический парадокс заключался в том, что эрцгерцог имел в Австро-Венгрии репутацию славянофила, был женат на чешке (София фон Гогенберг принадлежала к одному из старых чешских дворянских родов) и был решительным противником военной конфронтации с Российской империей.

Вооруженное столкновение Австро-Венгрии и России наследник австрийского престола считал гибельным для обеих монархий: «Война с Россией — это для нас конец… Неужели австрийский император и русский царь должны свергнуть друг друга и открыть путь революции?» Это было воистину пророческое замечание.

Несмотря на то что после сараевского убийства политическая ситуация в Европе ухудшалась с каждым днем, большинство европейцев не верило в неизбежность грядущей войны. Среди них были и довольно крупные (соответственно, хорошо информированные) военные чины. Состоятельные русские офицеры и генералы, выехавшие вместе с семьями на немецкие курорты, не торопились прерывать свой отдых. Тем не менее война приближалась, и приближалась неотвратимо.

В конце июня 1914 года генерал от кавалерии А. А. Брусилов отдыхал на немецком курорте Бад-Киссинген, известном своими целебными водами. Один из последних мирных европейских вечеров запомнился ему особо: «В тот памятный вечер весь парк и окрестные горы были великолепно убраны гирляндами, флагами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными

декорациями, изображавшими московский Кремль, его церкви, стены, башни. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это очень удивило и заинтересовало. Но, когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен», мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, рассыпаясь со всех гор на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего и громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей наклонялись и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского «1812 год». Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее просто не стало предела, когда сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот апофеоза фейерверка загремел немецкий национальный гимн.

«Так вот в чем дело! Вот чего им хочется!» — воскликнула моя жена. Впечатление было сильное. «Но чья возьмет?» — подумалось мне».

«Великая война» — так первоначально именовали в Европе войну 1914–1918 годов. В России ее называли «Второй Отечественной». «Первой Отечественной» была война с Наполеоном в 1812 году.

После начала войны император Николай II находился под сильнейшим влиянием воспоминаний о войне 1812 г. Перед объявлением манифеста в Зимний дворец была доставлена икона Казанской Божьей Матери, перед которой молился, отправляясь на войну с Наполеоном, фельдмаршал М. И. Кутузов. Само зачтение Манифеста происходило в точном соответствии с церемонией 1812 года. Страна испытала необычайный взрыв патриотических чувств. В неподдельном народном энтузиазме было нечто величественное. Это без исключения отмечали все очевидцы разворачивающихся грозных событий. «Объявление войны Францией вызвало манифестации перед французским посольством. Петербург еще больше забурлил. Толпы народа всякого звания и положения ходили по улицам с царскими портретами и флагами и пели «Спаси, Господи, люди Твоя». Кричали бесконечное ура», — писал современник. Запасные офицеры, не дожидаясь мобилизационных предписаний, вступали в отправлявшиеся на фронт полки…

Прибалтийские немцы и шведы не были исключением. Их родиной была Российская империя, они давали присягу на верность русскому царю, за них они и были готовы воевать, «не

щадя живота своего». В действующую армию вступили и многочисленные родственники барона. Несмотря на патриотическую позицию, которую заняло остзейское дворянство, в России вспыхнула волна шпиономании. В любом носившем немецкую фамилию подозревали германского агента. Вот что писал о «шпионских историях» первых дней великой войны генерал А. И. Спиридович, начальник охраны царской семьи, владевший, в силу своего положения, всей полнотой информации: «В первые же дни в Петербурге заговорили о шпионаже немцев. Имя графини Клейнмихель, у которой будто бы был политический салон, где немцы черпали нужные сведения, было у всех на устах. Рассказывали, что ее арестовали. Говорили, что за измену расстреляли бывшего градоначальника Д. Все это были досужие сплетни, вздор, но им верили. Были даже очевидцы расстрела».

Шпиономания не была исключительно русским явлением. В той или иной мере она охватила все воюющие страны, о чем после войны убедительно писал руководитель австро-венгерской разведки В. Николаи. Вскоре поиски шпионов стали сходить на нет. Однако ненадолго. Первое же тяжелое поражение 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии (в ее рядах, как мы помним, погиб кузен барона Унгерна — Фридрих) вызвало новую волну сплетен, слухов, обвинений в мнимых изменах. «Стали болтать об измене генерала Ренненкампфа, стараясь объяснить этим поражение. Конечно, это был полный вздор», — пишет генерал Спиридович. Однако последствия этих слухов были поистине ужасны. Особенно разлагающе они действовали на обстановку в тылу. «Возникло новое странное явление, которое неизменно продолжалось затем всю войну. Всякий нелепый слух об измене в тылу вызывал злорадство, хотя измена вредила нам же, а никому иному… Говорили о существовании у нас германофильской партии… Вновь вспыхнуло недоброжелательство ко всему немецкому. Все немецкое порицалось. Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Некоторые стали менять немецкие фамилии на русские. Штюрмер сделался Паниным, хотя все продолжали звать его Штюрмером…»

Выдающийся русский военный мыслитель и стратег генерал А. А. Свечин замечательно описал тот вред, который способны принести как армии, так и тылу безудержные поиски вражеских агентов: «Надо опасаться легенд о шпионах, они разъедают то доверие друг к другу, которым сильно государство… Сеется страх перед шпионами, создается какая-то тяжелая атмосфера общего предательства; в народной массе… культивируется тупая боязнь; а страх измены — нехороший страх; все это свидетельствует

прежде всего о растущей неуверенности в своих силах. Ум человеческий отказывается искать простые объяснения грозным явлениям. Серьезные неудачи порождают всегда и большие суеверия. В числе таковых… видное место занимают суеверия о шпионах… Жертвы нужны — человеческие жертвы — объятому страхом людскому стаду».

Мы так подробно написали о шпионской истерии в России потому, что, во-первых, она оказала серьезнейшее влияние на сам ход военной кампании, а во-вторых, самому барону Унгерну на фронте пришлось столкнуться с проявлением недоверия и прямым обвинением в измене, высказанном ему в лицо вышестоящим начальником. Но об этом мы поговорим еще ниже.

Сотник Роман Федорович Унгерн-Штернберг вступил в 34-й Донской Казачий полк в день выхода Высочайшего манифеста об объявлении войны Германии. С самых первых дней военных действий он заслужил репутацию храброго и умного офицера, берегущего своих казаков и не допускающего неоправданных потерь. В одной из аттестаций военного времени непосредственный начальник барона Унгерна напишет удивительные слова, совершенно нехарактерные для типичного «канцелярита», коим писались подобные документы: «Во всех случаях боевой службы есаул барон Унгерн-Штернберг служил образцом для офицеров и казаков, и этими и другими горячо любим. *Лично преклоняюсь перед ним* (выделено нами. — *А. Ж.)* как образцом служаки царю и родине».

34-й Донской Казачий полк входил в состав частей 5-й армии (командующий — генерал от кавалерии П. А. Плеве), которая вела бои в составе Юго-Западного фронта, принимала участие в Галицийском наступлении летом — осенью 1914 года. За осенние бои в Галиции сотник Р. Ф. Унгерн получает свою первую награду — орден Св. Георгия 4-й степени. По статуту данного ордена, учрежденного в 1769 году императрицей Екатериной II, им награждались только за особые конкретные подвиги на войне. Орден Св. Георгия 4-й степени в течение всего периода своего существования являлся самой почетной наградой Российской империи. Следует отметить, что кавалерами ордена Св. Георгия 4-й степени за 1914–1917 годы стало всего 3504 человека (в том числе осенью 1915 года император Николай II).

Барон Унгерн получил свою награду за то, что 26 октября 1914 года, находясь у фольварка Подборек, в 400–500 шагах от окопов противника, «под действительным ружейным и артиллерийским огнем, давал точные и верные сведения о местонахождении неприятеля, вследствие чего были приняты меры, повлекшие успех последующих действий». Этот орден

Унгерн чрезвычайно ценил и постоянно носил его. На фотографии 1921 года, снятой во время судебного процесса над бароном в Новониколаевске, за несколько дней до казни, Унгерн стоит под конвоем двух красноармейцев, в монгольском национальном халате «дэли», с орденом Св. Георгия на левой стороне груди. «Из уважения к его храбрости, — писал А. С. Макеев, — большевики не содрали с плеч погон и не сорвали беленький крестик». По легенде (правды в данном случае мы никогда уже не узнаем), в ночь перед расстрелом Роман Федорович изгрыз зубами своего Георгия, не желая, чтобы после его смерти орден стал «сувениром» какого-нибудь комиссара.

Служившие во время Гражданской войны в дивизии барона Унгерна офицеры знали, что их командир весьма внимательно относится ко всем, кто был награжден Георгиевскими орденами. Особенно ценил Унгерн тех, кто получил Георгиевские кресты за Великую войну, вплоть до февраля 1917 года. Георгиевские кресты, пожалованные при Временном правительстве, Унгерн почитал как бы «второсортными» — обстоятельства многих награждений выглядели весьма сомнительными. Так, например, Георгиевским крестом с формулировкой «за заслуги перед революцией» был награжден в апреле 1917 года фельдфебель 2-й роты учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка Тимофей Кирпичников. Конкретно «заслуги» Кирпичникова перед революцией выразились в том, что он убил штабс-капитана И. С. Лашевича и возглавил мятеж команды, или, как писали позднее, «поднял восстание в войсках во имя свободы». Примечательно, что награждение Кирпичникова производил командующий войсками Петроградского округа генерал Л. Г. Корнилов.

Н.Н. Князев, служивший в дивизии Унгерна в чине поручика начальником комендантской команды (то есть своеобразной «личной гвардии» Унгерна), вспоминал о церемонии, коей было обставлено прибытие в дивизию новых офицеров: «Штаб-офицеры получили приказание лично представиться начальнику дивизии. Беседа барона с некоторыми из них не была лишена некоторой доли оригинальности. По словам полковника Кастерина, барон Унгерн молча подошел к нему и, указывая на орден Св. Георгия, красовавшийся на груди полковника, быстро спросил: «Что это?» Кастерин покосился в направлении бароновского пальца и ответил, что это Георгиевский крест. «Что это такое?» — повторил вопрос барон. Кастерин решил отрапортовать несколько подробнее: «Орден Святого великомученика и победоносца Георгия, жалуемый гг. офицерам за храбрость». «Да нет. Я не о том вас спрашиваю. Скажите — кто пожаловал?», — совершенно

уже нетерпеливо произнес барон. «Государь император», — доложил тогда полковник. Складка на лбу барона разгладилась. С любезностью светского человека он усадил полковника, предложил курить и выразил удовольствие видеть его в рядах своей дивизии. Интересно, какой прием ожидал бы полковника, если бы орден был заслужен им в революционное время?» — задавался Князев вполне риторическим вопросом.

За относительно короткое время сотник Р. Ф. Унгерн-Штернберг становится легендарным героем Юго-Западного фронта. Сослуживцы рассказывали о его невероятных по безумной храбрости подвигах: он неделями пропадал в тылу у противника, корректировал стрельбу русской артиллерии, сидя на дереве над вражескими окопами… «В боевом отношении он был всегда выше всякой похвалы. Его служба — это сплошной подвиг во славу России», — уже в 1916 году отзывался об Унгерне командир его полка.

В течение первого года войны — с августа 1914 по сентябрь 1915 года — Унгерн получил пять ранений, по счастью, не тяжелых. Он избегал прекрасно оборудованных санитарных поездов и полевых госпиталей, предпочитая до выздоровления оставаться в обозе запасного полка. Его сослуживцы отмечали удивительную выносливость барона — его не влекло никуда с позиций, он был не знаком с чувством утомления и мог подолгу оставаться без сна и пищи, как бы забывая о них. Пригодились ему казавшиеся сумасбродными и бессмысленными одиночные странствия по забайкальской тайге и монгольским степям, без продовольствия и соответствующей экипировки. В этом не было никакой патологии и извращенной любви к человекоубийству. Многие ныне пишущие об Унгерне оценивают его поведение как «граничащее с безумием». Но если и было в нем безумие, то лишь то, которое русский военный теоретик Е. Э. Месснер считал «краше мудрости, краше всех прочих безумств — «рыцарское безумство» — честь». Барон Унгерн был честным солдатом в полном смысле этого слова. Свою работу он ценил и любил и старался выполнять ее насколько можно хорошо.

Даже недоброжелатели, говоря об Унгерне, единодушно отмечают ту любовь и доверие, которыми пользовался барон у рядовых казаков. Так было на протяжении всех его войн. Уже в 1920-х годах в Монголии рядовые казаки, по возрасту много старше своего командира, называли тридцатипятилетнего Унгерна «наш дедушка». Подобные эпитеты являются показателем одной из высших степеней доверия подчиненных к своему командиру.

«В строевом отношении он был безупречен, — пишет об

Унгерне сослуживец. — Он проявлял широкую заботливость о казаках и конском составе. Его сотня и обмундирование лучше других, и его сотенный котел загружен всегда, может быть, полнее, чем это полагалось по нормам довольствия». Обратим внимание на последние слова: что они значат? Барон П. Н. Врангель, характеризуя своего подчиненного офицера Унгерна, писал о «странных противоречиях» его натуры: «Несомненный оригинальный и острый ум, и рядом с этим поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость, и рядом с этим безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность и удивительное отсутствие элементарных требований комфорта…» По воспоминаниям сослуживцев известно, что мать регулярно высылала барону весьма значительные суммы. Очевидно, что эти деньги тратились Унгерном на дополнительную «загрузку» сотенного котла, на улучшение быта подчиненных.

Прекрасно выразился об этом свойстве Унгерна историк А. С. Кручинин: «Барон не делал различий между своими деньгами и хозяйственными суммами своей сотни отнюдь не в том смысле, который обычно вкладывается в эти слова, и, похоже, считал собственный карман — тоже казенным достоянием».[12] Подобное поведение укладывалось в рамки средневековой рыцарской этики: рыцарь несет ответственность за тех, кто доверился ему и отправился с ним в поход, он не может бросить своих подчиненных на произвол судьбы. Этому правилу барон Унгерн оставался верен до конца жизни. Через несколько лет один из самых резких критиков барона отметит эту черту Романа Федоровича: «… за бароном пойдут, потому что барон никогда не бросит, барон умеет и знает, когда нужно поддержать».

Безусловно, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг смотрелся осколком средневекового рыцарства, залетевшим случайно на совсем не рыцарскую войну. Несколько лет назад на российские киноэкраны вышел французский фантастический фильм «Пришельцы», рассказывающий о средневековом рыцаре и его оруженосце, волею колдовства перенесенных в современное западное общество. Наверное, подобным «пришельцем из Средневековья» выглядел барон Унгерн. Правда, следует заметить, что в германской армии был свой «пришелец». Речь идет о военном летчике Манфреде фон Рихтгофене, по иронии судьбы также носившем баронский титул. Манфреда фон Рихтгофена современники часто называли «последним рыцарем XX века». Поразительно много параллелей, совпадений можно обнаружить в биографиях двух баронов: фон Унгерн-Штернберга

и фон Рихтгофена.

Манфред фон Рихтгофен был на пять лет младше Унгерна. Он также получил преимущественно домашнее воспитание, учился в частном пансионе, позже был отправлен в кадетский корпус, где был отнюдь не самым прилежным учеником. Сам фон Рихтгофен позже вспоминал годы своего пребывания в кадетах: «Для меня оказалось очень тяжелым переносить всю строгую дисциплину училища и в точности исполнять приказы. Учиться мне не нравилось, и я делал только минимум, чтобы как-нибудь отделаться. На мой взгляд, неправильно было делать больше, чем просто достаточно, и поэтому я трудился как можно меньше. Последствием этого стало то, что мнение учителей обо мне было очень невыгодным…

Особенно я имел склонность ко всякого рода опасным шалостям. В один прекрасный день мы с приятелем Франкенбергом взобрались на знаменитую Валыптаттскую колокольню и привязали к концу шпиля мой носовой платок. Я до сих пор прекрасно помню, как трудно было отрицать свою причастность к этому…

Гораздо больше мне нравился институт в Лихтерфельде. Там я не чувствовал себя настолько изолированным от мира и понемногу начал жить более человеческой жизнью… Разумеется, мне очень хотелось попасть как можно скорее в армию… Мне очень нравилось служить в моем полку: что может быть лучше для молодого человека, чем кавалерия!

… О времени моей учебы в Военной академии скажу лишь вкратце. Это напоминает мне времена кадетского корпуса, и воспоминания эти не самые приятные…»

Из вышеприведенного отрывка легко установить схожие внешние факторы в биографиях Унгерна и Рихтгофена: нелюбовь к школе и систематическим занятиям, игры и развлечения, сопряженные с риском для жизни, благоговение перед самым «рыцарским» родом современных войск — кавалерией. Но более важным, чем внешнее сходство, является внутреннее родство, общее ощущение одиночества и изолированности в современном мире, повышенный интерес к истории своих предков, отношение к понятиям долга и чести. «Последнему рыцарю германской армии» капитану барону Манфреду фон Рихтгофену, также как и барону Р. Ф. Унгерн-Штернбергу, была суждена короткая жизнь: капитан Рихтгофен погиб 21 апреля 1918 года, в неполные тридцать лет. Средневековые рыцари редко доживали до старости и умирали в своих замках.

Между тем война, на которой им довелось сражаться, менее всего напоминала средневековые Крестовые походы или

рыцарские турниры. К середине 1915 года стало ясно, что данная война приобретает затяжной характер. Во всех воюющих армиях произошло полное истощение наступательных сил.

«… В Европе установились новые границы, — пишет британский историк Д. Киган. — Они не имели ничего общего с прежними, кое-как охраняемыми, проницаемыми границами, которые можно было пересечь без предъявления паспорта на редких таможенных постах и в других местах». Новые границы больше напоминали земляные валы римских легионеров, охранявших империю от набегов северных варварских племен. Земляные укрепления использовались в войнах и прежде: во время Гражданской войны 1861–1865 годов в США, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, во время последней Русско-японской войны. Но ничто не могло сравниться по протяженности, глубине и сложности с оборонительной системой, развернувшейся в 1915 году по территории всей Европы: от Мемеля на Балтике до Черновиц на Буковине, от Ньивпорта в Бельгии до швейцарской границы в районе Фрайбурга линия земляных укреплений протянулась на 2000 километров. Колючая проволока, изобретение американских ковбоев XIX века, начала появляться весной 1915 года, натянутая между противоположными окопами. Была построена целая система подземных укрытий — блиндажей, а также вспомогательные и резервные линии в тылу.

Но по сути своей окопная линия представляла собой обычную канаву, достаточно глубокую, чтобы укрыть человека, и достаточно узкую, чтобы быть трудноуязвимой целью для навесного огня при артобстреле. Окопы были снабжены выступами, призванными улавливать осколки и шрапнель, рассеивать взрывную волну, пригодными для того, чтобы встречать атакующих винтовочным и пулеметным огнем с более близкой дистанции.

Технические характеристики окопов зависели от состояния почвы: в сырой или каменистой земле их делали неглубокими, с высокой земляной насыпью на внешней стороне, на которую обычно выкладывались мешки, набитые песком. Чем суше и податливее была земля, тем в меньшей степени она требовала инженерных придумок: деревянной крепи или плетня вдоль внутренних стен окопа. Однако блиндажи в таком случае требовалось делать более глубокими. Они превращались в целую систему подземных катакомб, в которые приходилось спускаться по лестницам. Линия передовой представляла собой основную линию обороны и сооружалась с большим запасом прочности.

Не существовало никакой стандартной, или типовой, системы

траншей. Их вид менялся в зависимости от местности и от фронта. На широких участках Восточного фронта нейтральная полоса — пространство, разделяющее передовые противоборствующих сторон, — составляла две-три тысячи метров. В других же местах нейтральная полоса могла иметь ширину триста-четыреста метров, а в иных случаях — и того меньше.

В условиях подобной «окопной войны» попытки наступления и вообще любые атакующие действия, как правило, оказывались обреченными на неуспех. От «стратегии сокрушения», господствовавшей в европейской военной науке начала XX века, обе воюющие стороны перешли к «стратегии измора», или «позиционной войне». В подобной войне, когда войска неделями, а то и месяцами стояли на своих позициях, не предпринимая активных масштабных наступательных действий, огромное значение имели действия диверсионных частей регулярной армии, или, как тогда их называли, по аналогии с Отечественной войной 1812 года, «партизанских отрядов».

Подобные отряды должны были решить еще одну специфическую задачу — поднять боевой дух русской кавалерии, в основной массе отведенной с передовых позиций. Отряды набирались из добровольцев-офицеров, казаков и солдат кавалерийских частей. Всего было сформировано около 50 таких отрядов различного состава, находившихся в ведении походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича. Однако партизанская война получила лишь локальное, ограниченное развитие. Многие организованные отряды либо бездействовали, либо «безобразничали», обращая, по словам генерала Г. Богаевского, «свою энергию и предприимчивость против мирных жителей». В то же время весьма хорошо себя зарекомендовали отряды под командованием Б. В. Анненкова, Л. Ф. Бичерахова, И. Ф. Быкадорова, А. Г. Шкуро и ряда других командиров.

Барон Унгерн далеко не сразу оказался в подобном отряде. Когда полк родного Забайкальского войска прибыл к месту военных действий, Унгерн подал прошение о возвращении в свое войско и 1 декабря 1914 года был прикомандирован к 1-му Нерчинскому казачьему полку Уссурийской дивизии. Перевод Унгерна в Нерчинский полк вызвал большой интерес среди офицеров и казаков: кавалеры высшего военного ордена Российской империи встречались нечасто. Но новоприбывший сотник Унгерн о своих боевых делах практически ничего не рассказывал: по дивизии лишь ходили глухие слухи, что «Роман Федорович заслужил орден за взятие с сотней донцов какой-то

высоты на Австро-Германском фронте. Слышно было, что подвиг этот являл собой случай выдающегося героизма», — писал позже сослуживец Унгерна.

Сразу же по прибытии в полк барон бросается на передовую — долгое пребывание в тылу, без «дела», без войны, казалось ему невыносимым. Он принимает участие в боях у селений Млады-Цеханов, Швендры-Радзвяны, Пепеляны… 5 июня 1915 года его награждают орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» «за отличия в делах против неприятеля», как сухо сообщают строки из послужного списка. Однако пришедшие на смену кавалерийским атакам позиционные бои не могут удовлетворить Унгерна: его импульсивной натуре требуются активные действия, конные атаки, риск, адреналин в крови. В сентябре 1915 года Унгерна командируют в «Конный отряд особой важности при штабе Северного фронта» — сводную фронтовую часть, которая должна была вести глубокую разведку в тылу противника, проводить диверсионные акции, осуществлять захват языков, проводить топографические съемки местности у передовых позиций противника — словом, выполнять то, что в учебниках по военной стратегии начала XX века обозначалось как «партизанское дело».

… Профессор тактики Николаевской академии Генерального штаба генерал Б. М. Колюбакин любил задавать поступающим в академию офицерам свой «коронный» вопрос. Колюбакин просил определить одним словом, каким, по мнению офицера, должен быть настоящий партизан. Какое бы определение ни давал поступающий — «отважный», «сметливый», «напористый», «выдержанный», — все эти ответы не устраивали генерала Он считал, что все понятия о партизане должны быть сведены к одному — «отчаянный». Сотник Р. Ф. Унгерн-Штернберг как нельзя лучше подходил под это колюбакинское определение партизана.

В книге О. Хорошиловой «Войсковые партизаны Великой войны» собраны уникальные документальные свидетельства о боевых действиях партизанского отряда под командованием атамана Л. Н. Пунина, в которых принимал участие и сотник Унгерн.

«В февральских боях отряда принимал активное участие сотник барон Унгерн-Штернберг — один из наиболее лихих, храбрых офицеров отряда Пунина. Вояка от мозга и костей, он… жил войной, совершая столь же быстрые, сколь и дерзкие набеги в тыл германцев… Во время перехода болота Тируль Унгерн-Штернберг… заметил идущих по лесу правее себя немцев… Затаившиеся у неприятеля на фланге партизаны, пропустив обе

их колонны, бросились в атаку. Казаки-уссурийцы внесли панику в ряды противника, захватили двух пленных, но и сами чуть не поплатились жизнью — оправившиеся от шока германцы мгновенно открыли убийственный огонь. Лишь благодаря своей малочисленности, а следовательно, максимальной мобильности, партия Унгерн-Штернберга удачно ушла от преследования…

С 18 по 23 февраля эскадрон Унгерна фон Штернберга продолжал вести разведки у болота Тируль. В столкновении с германцами был ранен сорвиголова Унгерн-Штернберг, в связи с чем 27 февраля от 110-й пехотной дивизии была назначена специальная медицинская комиссия для освидетельствования здоровья офицера. После полученного ранения сотник на время покидает отряд».

Уже из этого описания боевых действий, составленного атаманом Л. Н. Луниным, мы видим то, что повторится, в гораздо больших масштабах, во время Гражданской войны. Манера ведения боя как у сотника, так и у генерал-лейтенанта Унгерн-Штернберга останется практически неизменной: лихая атака на превосходящие силы противника; неожиданность, опрокидывающая все расчеты врага; пренебрежение любыми обстоятельствами, мешающими проведению операции. Наличие желания, твердой воли и энергии компенсирует любые неблагоприятные ситуации, считал сам Унгерн. Позже, на допросе у чекистов, он произнесет одну фразу, которую, если бы захотелось, он мог поставить своим личным девизом: «Все можно сделать — была бы энергия». Однако далеко не все люди, окружавшие Унгерна, могли выдержать заданный им темп. В непонимании этого обстоятельства, как справедливо указывает А. С. Кручинин, крылись причины его позднейших неудач. Унгерновский максимализм впоследствии дорого обойдется прежде всего самому барону.

Во время службы Унгерна в «Конном отряде особой важности» с ним происходит инцидент, весьма важный для понимания характера барона, его представлений о нормах и правилах воинской чести. Следует оговориться, что данный эпизод приводит в своем «Жизнеописании…» барона Унгерн-Штернберга некий А. Грайнер, посетивший его по сведениям, приводимым Леонидом Юзефовичем, в качестве корреспондента одной из американских газет. Биография Унгерна, изложенная Грайнером, ныне хранится в Государственном архиве Эстонской Республики в Тарту. Основанный скорее на недостоверных слухах, чем на близком личном знакомстве с Унгерном, грайнеровский труд содержит множество больших и малых ошибок, непроверенных фактов, слухов и т. п. Тем не менее

обратимся к интересующему нас эпизоду.

Вот что пишет Грайнер: «Герман Лютер — сын пастора Лютера из собора Св. Екатерины в Эстонии — описал случай, который говорит о довольно суровом обхождении и манерах русских военных. Лютер был в то время поручиком и служил связистом при штабе генерала Леонтовича… При каждом удобном случае генерал говорил окружающим, что штаб посетит высокопоставленное лицо… Это лицо — Роман Унгерн-Штернберг со своими казаками, прибывающий для командования разведкой. Уже в первый день после приезда генерал Леонтович сказал за столом, что в их кругу появился предатель, и бросил несколько резких слов в адрес барона. Роман Унгерн вел себя как ни в чем не бывало. Едва накрыли стол, как он обратился к генералу со словами: «Генерал, повторите, что вы сказали», дал ему несколько пощечин и вышел из комнаты. Все присутствующие офицеры, не говоря уже о самом генерале, схватились за оружие. Придя в себя, Леонтович тотчас отдал приказ об увольнении барона. Но, поскольку тот был георгиевским кавалером, его не отдали под военный трибунал, однако золотую саблю Георгия, к которой он был представлен, Унгерн так и не получил. Этот случай стал известен из-за запроса полковника Александра фон Ледер-Врангельсхофа, а также генерала Безобразова и стал причиной увольнения генерала Леонтовича в разгар войны. Генерал Безобразов дал указание… отстранить Леонтовича от должности не как обычно — «голубым письмом» через почтового офицера — а телеграммой, как это делалось во всей армии».

Эта загадочная история с обвинениями в измене и пощечинами нуждается в разборе и некотором комментарии. Итак, время действия — между октябрем 1915 и летом 1916 года, когда барон Унгерн служит в особом отряде. Генерал-лейтенант Леонтович Евгений Александрович в описываемое время — начальник 3-й кавалерийской дивизии. Генерал-адъютант Владимир Михайлович Безобразов — командир Гвардейского корпуса, позже — командующий войсками гвардии, георгиевский кавалер, отлично зарекомендовавший себя в кампании 1914–1915 годов.

На страшном обвинении в предательстве, брошенном Леонтовичем в адрес Унгерна, следует остановиться поподробнее.

Весной 1916 года в России вспыхивает новая волна шпиономании, воплощением которой стало печально знаменитое дело жандармского полковника С. И. Мясоедова. Само же «мясоедовское дело»[13] стало следствием катастрофы 10-й русской армии в декабре 1914 года в Восточной Пруссии. В полной мере оценить масштабы этой катастрофы в Ставке,

которую возглавлял дядя Николая II, великий князь Николай Николаевич-младший, оценить сумели лишь к лету 1915 года. Генерал А. А. Мосолов указывал в своих воспоминаниях: «Ставка выдвинула в свое оправдание две причины неудач: недостаток снарядов и германский шпионаж. Козлом отпущения стал военный министр Сухомлинов. Для подтверждения этих тезисов по требованию великого князя Николая Николаевича сменили военного министра… а для подтверждения версии о шпионаже был повешен жандармский полковник Мясоедов и начались ссылки лиц, носивших немецкие фамилии». Источником напряженности являлось и существование разногласий в высших кругах Российской империи о перспективах и целесообразности продолжения войны с Германией. В светских салонах Петрограда и Москвы вовсю циркулировали слухи о весьма активной деятельности так называемой партии мира, главной сторонницей которой якобы была сама императрица Александра Федоровна. С деятельностью «партии мира» соотносили имена военного министра В. А. Сухомлинова, министра внутренних дел Н.А. Маклакова и Г. Е. Распутина. К группировке решительных сторонников продолжения войны, политически ориентирующуюся на Великобританию, принадлежали великий князь Николай Николаевич, московский градоначальник Ф. Ф. Юсупов-старший, отец будущего убийцы Г. Е. Распутина Феликса Юсупова-младшего. Не вдаваясь сейчас во все обстоятельства позорной и, как оказалось, трагической для России «мясоедовской интриги», приведем три свидетельства весьма информированных и компетентных людей, принадлежавших к тому же к различным военнополитическим лагерям.

Один из руководителей германской разведки полковник Вальтер Николаи писал в мемуарах: «Жандармский полковник Мясоедов был одним из лучших ее (русской секретной службы. — *А. Ж.)* представителей. Вынесенный ему во время войны смертный приговор за измену в пользу Германии совершенно непонятен».

Великий князь Андрей Владимирович, будучи лицом весьма пристрастным, ввиду теплых взаимоотношений с Николаем Николаевичем-младшим, тем не менее отмечал в своем дневнике: «К сожалению, ни следствием, ни судом новых фактов, освещающих это дело, установлено не было. Даже факт сообщения сведений неприятелю остался лишь в гипотезе… Конечно, все это бросило тень на Сухомлинова, который несколько лет тому назад горячо защищал Мясоедова от нападок Гучкова с трибуны Государственной думы».

Весьма осведомленный в различных подковерных интригах

жандармский генерал А. И. Спиридович много позже напишет о «деле Мясоедова»: «С Мясоедовым расправились в угоду общественному мнению. Он являлся ответчиком за военные неудачи Ставки в Восточной Пруссии. О его невиновности говорили уже тогда… Но те, кто сделал «дело Мясоедова», и главным образом Гучков, были довольны. В революционной игре против самодержавия они выиграли первую и очень большую карту… Ставка шла навстречу общественному мнению. Слепая толпа требовала жертв. Слабая Ставка великого князя их выбрасывала, не думая о том, какой вред она наносит Родине».

К «делу Мясоедова», широко освещавшемуся на страницах российской либеральной прессы, оказался причастен и был осужден один из дальних родственников Романа Федоровича Унгерн-Штернберга. Вторая причина крылась в самом происхождении и в немецкой фамилии барона. Русские интеллигенты и либералы, после 1 августа 1914 года вдруг ставшие ревнителями «русской национальной идеи» и «всеславянского единства», обвиняли в прогерманских настроениях и тайной подготовке сепаратного мира даже императрицу Александру Федоровну. Столичная пресса вовсю бесчестила людей, носивших немецкие фамилии, то есть, объективно, наиболее преданных династии и престолу. На крайнюю опасность для государственного строя России разыгравшейся антинемецкой истерии указывал в служебной записке начальник Московского охранного отделения полковник А. С. Мартынов: «Такой взрыв (речь идет немецких погромах, прокатившихся по Москве летом 1915 года. — *А. Ж.)* может только оказаться репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва… Неудачи на войне ускорят ход событий и выдвинут в жизнь такие силы, о которых сейчас трудно предполагать. Совершающиеся события имеют большую важность, и трудно сказать, какие формы они примут». Именно на почве неуверенности и подозрительности, инспирированной определенными кругами в «высших сферах» и обильно сдобренной либеральным навозом, произрастали инвективы генерала Леонтовича.

Дикая и позорная выходка Леонтовича, оскорбившего боевого офицера, дворянина, георгиевского кавалера, вдобавок ко всему младшего по званию, получила, как говорится, «асимметричный ответ». Однако, по законам военного времени сотник барон Унгерн, применивший физическое насилие в отношении лица, старшего по званию, подлежал немедленному аресту и суду военного трибунала. В данном случае Унгерна спасло вмешательство генерала Безобразова, помимо прочего, бывшего

председателем офицерской думы георгиевских кавалеров, человека, приближенного ко двору да и просто пользовавшегося в офицерских кругах большим уважением и авторитетом. Кроме всего данный инцидент наглядно продемонстрировал, что русский офицерский корпус постепенно утрачивал чувство корпоративной солидарности. Многие офицеры, в том числе и высшие, особенно из числа приближенных к столичным либеральным кругам (в том числе и думским), не гнушались сбором сплетен да и прямой клеветой в адрес своих товарищей по армейскому сословию. Это еще раз показало, на какой опасный путь встала ведомая закулисными кукловодами русская либеральная элита.

За отличия в делах против неприятеля в составе «Конного отряда особой важности» Унгерна награждают орденами Св. Станислава 4-й степени с мечами и бантом и Св. князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 15 августа 1916 года Унгерн возвращается в свой полк и назначается в 1-ю сотню младшим офицером. Через две недели следует двойное производство в чин: 3 сентября 1916 года Унгерна производят в подъесаулы, а на следующий день — в есаулы. В это время 1-м Нерчинским казачьим полком уже командует барон П. Н. Врангель.

22 августа 1916 года в Лесистых Карпатах у высоты Дил 1-й Нерчинский полк прорывает оборону немцев и врывается в траншеи противника. Захвачено более сотни пленных, масса оружия, боеприпасов. В этом бою были ранены и командир полка, полковник барон П. Н. Врангель, и офицер 1-й сотни полка сотник барон Р. Ф. Унгерн. Оба они, несмотря на раны, остались в строю.

6 сентября 1916 года барона награждают еще одним орденом — на этот раз Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. После августовских боев 1-й Нерчинский полк удостоился особой чести — шефства цесаревича Алексея. Нерчинцы формировали полковую депутацию во главе с командиром полка бароном Врангелем, которая должна была отбыть в Петроград для представления «молодому шефу» — наследнику престола цесаревичу Алексею. В делегацию должны были войти наиболее отличившиеся в боях казаки и офицеры Нерчинского полка, в том числе все георгиевские кавалеры. На австрийском фронте наступило временное затишье — после летних боев стороны вновь перешли к позиционной «окопной» войне. Нерчинская дивизия была отведена с фронта на отдых в армейский резерв на Буковину.

21 октября 1916 года есаул Унгерн вместе со своим другом подъесаулом Артамоновым получили от командира полка

краткосрочный отпуск в город Черновцы — на три дня. Полтора месяца назад Унгерну довелось провести в Черновцах две недели — он поправлялся после ранения, полученного в бою 22 августа, занимая номер в местной гостинице «Черный орел». Этой злополучной гостинице было суждено сыграть роковую роль в жизни барона.

Приехав из части на попутном автомобиле в Черновцы поздно ночью 21 октября, Унгерн и Артамонов отправились по знакомому адресу. Однако получить номер без разрешения от коменданта города отпускникам не удалось. Вполне возможно, что рядовая ситуация с отсутствием номеров в гостинице и могла бы разрешиться как-нибудь иначе, однако беда была в том, что перед отъездом в Черновцы друзья решили выпить спирта. Как признавался в своих показаниях сам Унгерн, «в тот день я пил спирт, но в таких количествах, что не был в состоянии опьянения». О том, как разворачивались дальнейшие события, лучше всего судить по рассказу самого барона.

> «Швейцар гостиницы отказался дать нам номер без удостоверения коменданта города. Я решил отыскать вверху известного мне лакея: не найдя, я спустился вниз. Там уже был городовой и три патрульных нижних чина; подъесаула Артамонова не было. Швейцар чего-то тут увивался, кричал, что это безобразие. Я сильно рассердился и хотел ударить его шашкой в ножнах, но промахнулся и разбил стекло в дверях. Я не помню, чтобы ударил швейцара рукой по лицу… В гостинице были свободные номера, но нам не позволили оставить там даже своих вещей. Я отправился в комендантское управление. Поднимаясь по лестнице, я услыхал громкий возбужденный разговор подъесаула Артамонова, очевидно, с комендантским адъютантом и понял, что адъютант не дает удостоверения на номер. Там, в комендантском управлении, есть адъютант, который хотел меня раненого удалить из гостиницы «Черный орел», и я к нему за это питал неприязненное чувство… Зайдя в комнату, где разговаривал подъесаул Артамонов с адъютантом, я настоящего принял за того самого адъютанта, к которому у меня было враждебное чувство. Приблизившись, я, насколько помню, сказал: «Кому тут морду бить», возможно, что сказал и «а, сволочь, прапорщик». Адъютанты… как раз были в чине прапорщика. Услышав мои слова, адъютант стал пятиться назад и заслонил лицо руками. Тогда я махнул

на него своей шашкой в ножнах; но ударил ли я его, не помню, не чувствовал, возможно, что задел кончиком ножны. Твердо помню, что рукой, с целью нанести удар по лицу, я на него не замахивался. Адъютант куда-то ушел. Я сел в кресло переждать, что будет дальше; подъесаул Артамонов тоже ждал. Явился другой адъютант и арестовал меня, причем сам отстегнул мою шашку. Я страшно сожалею, что оскорбил не того адъютанта, который отличается своим некорректным отношением к офицерам, а другого, и вообще сожалею о случившемся. Особенно мне неприятно то, что я оскорбил человека, который ничего худого мне не сделал и которого раньше я даже не видел».

Самое замечательное в этих показаниях, данных есаулом Унгерном военному следователю штаба 8-й армии 26 октября 1916 года, — это предельная искренность и непосредственность самого барона. «Я страшно жалею, что оскорбил не того адъютанта… а другого…» Затем следует дежурная оговорка любого провинившегося: «… вообще сожалею о случившемся…» И, наконец, фраза, действительно сказанная от всего сердца: «Особенно мне неприятно, что я оскорбил человека, который ничего худого мне не сделал…»

К пояснениям, данным при расследовании сего происшествия самим бароном, нам следует сделать одно примечание. Во все времена, во всех армиях и на всех войнах существует глубокая неприязнь между боевыми фронтовыми офицерами и офицерами штабов, комендатур, тылового обеспечения, то есть всеми теми, кого фронтовики именуют «тыловыми крысами». В большинстве случаев следует заметить, что «тыловые крысы» свое прозвище вполне оправдывают, умудряясь проворачивать различные коммерческие сделки, махинации и прочие «гешефты». Не зря говорит русская пословица: «Кому война, а кому — мать родна». Так что то презрение, что испытывает любой фронтовой офицер к тыловику, если и не оправдано, то понятно и извинительно.

Пока шло следствие и собирался военный суд, делегация 1-го Нерчинского полка отправилась в Петроград. Унгерн, как георгиевский кавалер и один из самых лучших офицеров Нерчинского полка, по праву мог претендовать на поездку в столицу. Однако вместо встречи с наследником престола он был вынужден давать показания армейскому суду. Аттестацию на Унгерна для суда составлял командир Уссурийской дивизии генерал-майор А. М. Крымов.[14] Выше мы уже приводили из нее ту блестящую оценку, которую дал барону его командир. И все же

давайте еще раз перечитаем эти строки: «Во всех случаях боевой службы есаул барон Унгерн-Штернберг служил образцом для офицеров и казаков, и этими, и другими горячо любим. Лично преклоняюсь перед ним как пред образцом служаки Царю и Родине…» Когда генерал так пишет о своем офицере — это дорогого стоит. Замещавший отбывшего в Петроград командира полка П. Н. Врангеля полковник Маковкин, в свою очередь, дополнил аттестацию словами: «Его боевая служба — сплошной подвиг во славу России».

Многие из авторов, писавших об Унгерне, утверждали, что командир полка барон Врангель не слишком-то жаловал своего офицера. Однако, даже находясь на представлении цесаревичу, Врангель не забывает о своем подчиненном и телеграфирует из Петрограда председателю суда: «Офицер выдающийся во всех отношениях, беззаветно храбр, рыцарски благороден и честен, по выдающимся способностям заслуживает всяческого выдвижения…» Телеграмма послана 19 ноября 1916 года. Слова, сказанные об Унгерне всеми возможными его начальниками, — не формальное желание «отмазать» своего подчиненного, не просто корпоративная солидарность. Это искреннее желание насколько возможно смягчить участь «выдающегося офицера» и «любимого товарища», каковым в действительности был Унгерн и для своих казаков, и для своих командиров. И никакие современные беллетристы, объясняющие и этот, и последующие поступки барона Унгерна болезненными патологиями и фрейдистскими толкованиями, не в состоянии опровергнуть данных свидетельств командиров барона Унгерна.

Приговор военного суда прозвучал 22 ноября 1916 года. Корпусной суд 8-й армии постановил: «Есаула 1-го Нерчинского полка… Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга, 29 лет от роду, за пьянство, бесчестие и оскорбление дежурного офицера словами и действием во время исполнения сим последним служебных обязанностей подвергнуть заключению в крепости на два месяца с ограничениями некоторых прав и преимуществ по службе…» Срок отбывания наказания считался подсудимому с момента задержания, то есть с 22 октября 1916 года. Фактически, однако, барон наказания более не отбывал — в тот же день, согласно выданному предписанию, есаул барон Унгерн был отправлен в свою часть, находившуюся на передовой. Война продолжалась, боевые опытные офицеры, недостаток которых уже ощущала русская армия, необходимы были в строю.

В эти же дни в Петроград прибыли казаки и офицеры Нерчинского полка для встречи с наследником престола. 26 ноября 1916 года, в день праздника кавалеров ордена Святого

Георгия, все кавалеры Георгиевского креста и Георгиевского оружия были приглашены в Народный дом, где в высочайшем присутствии императора Николая II был отслужен торжественный молебен и дан обед всем георгиевским кавалерам. Если бы не пьяная драка в Черновцах, барон Унгерн вполне мог бы присутствовать на этой встрече. Командир 1-го Нерчинского полка барон П. Н. Врангель, бывший на вечере в Народном доме, в своих мемуарах дал одно из последних изображений русского государя во время его царствования: «Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как Государь в сопровождении Наследника вышел к нам. Я представил Государю офицеров, и сверх моего ожидания Государь совершенно свободно, точно давно знал их, каждому задал несколько вопросов; полковника Маковкина (того самого, что несколькими днями ранее писал на Унгерна аттестацию. — *А. Ж.)* он спросил, в котором году он взял Императорский приз; есаулу Кудрявцеву сказал, что он знает, как он во главе сотни 22 августа первым ворвался в окопы противника… Я лишний раз убедился, какой острой памятью обладал Государь, — во время моего последнего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах, и этого было достаточно, чтобы Государь запомнил подробности…»

Война продолжалась. Жить Российской империи оставалось чуть больше трех месяцев.

Глава 6
Революция. Крушение

Событиям так называемой Февральской революции 1917 года, приведшим к крушению русской монархии, посвящены десятки, если не сотни, тысяч исследований, монографий, воспоминаний. Мы не ставим перед собой всеобъемлющей задачи проанализировать экономические, политические, социальные причины, приведшие Российскую империю к трагическому концу. Нас интересует духовный, мистический смысл падения Русского государства, а также те частности и детали, напрямую или косвенно связанные с Р. Ф. Унгерн-Штернбергом, с превращением его из вполне рядового офицера Русской Императорской армии в грозного «бога войны», объявившего «священный крестовый поход» против большевиков — могущественных властителей Советской России, возникшей на обломках некогда великой «белой империи» русского царя.

Замечательный русский философ А. Ф. Лосев однажды в частном разговоре сказал своему собеседнику, что сокровенный смысл и все духовные последствия возможного падения Российской империи, русской монархии, были понятны в начале XX века считаным единицам.

Подавляющее большинство из тех «видных общественных деятелей», кто расшатывал империю, призывал к упразднению монархии, в то же время вполне искренне желал служить новой, «демократической, республиканской России», позже встав на борьбу с новым большевистским режимом, не понимали, что русский император является не просто легкосменяемым главой государства, вроде французского президента или английского премьер-министра, а представляет собой сакральную, мистическую фигуру. Ликвидировав сам институт монархии, завели механизм собственного самоуничтожения. Русский царь был не просто верховным лицом государства. Личность царя сама по себе носила на себе отсвет иного бытия, Горнего мира (знаменитый итальянский философ-традиционалист Ю. Эвола писал о существовании «божественной расы королей»), что подтверждалось таинством помазания на царство. Подобных тонких, «нематериальных» вещей не могли понять представители армии и церкви — структур, которые в силу своего положения должны были бы являться главными инструментами проведения монаршей воли. Они воспринимали царя как всего лишь политическую фигуру. О том, сколь опасно подобное

заблуждение, прекрасно сказал английский ученый Д. Фрэзер, автор известной книги «Золотая ветвь»: «Божественная личность является источником как благодеяний, так и опасности, ее надлежит не только оберегать, но и остерегаться. Священный организм вождя… содержит в себе мощный заряд магической и духовной силы, разряжение которого может иметь фатальные последствия для всякого, кто приходит с ним в соприкосновение… Божественная личность подобна огню. При соблюдении надлежащих запретов из него можно извлечь много полезного, но опрометчивое прикосновение или пренебрежение границами обжигает или губит нарушителя». В связи с этими словами Д. Фрэзера мы можем задуматься о весьма печальной судьбе, постигшей первооткрывателей гробницы Тутанхамона, или о тех воистину трагических обстоятельствах, последовавших за вскрытием гробницы Тамерлана 22 июня 1941 года… [15]

Именно полным отсутствием подобного духовного понимания можно объяснить как антиправительственные действия думской либеральной оппозиции, расшатывавшей основы русской государственности, так и пассивную реакцию на февральский переворот армии и церкви, то есть тех самых сил, которые, по идее, должны были первыми выступить на защиту русского царя. Русская оппозиция самодержавию, включавшая в себя практически весь генералитет и высший церковный клир, совершенно не понимала той роли, которую играла монархия в организации всего русского общества. Генералы и промышленники, думские и церковные деятели после 1905 года внезапно ощутили себя самостоятельными игроками на политическом поле Российской империи. Самодержавный монарх становился помехой для их политических планов и карьерных амбиций. Пойдя навстречу революционной власти и поддержав свержение монархии, тогдашняя российская элита не смогла верно предугадать дальнейшего развития событий и остановить расползание революции.

Любопытно, что примерно в то же самое время сходные ощущения испытывали и германские генералы: Гинденбург, Людендорф, Тренер… Высшие военные чины как Германии, так и России оказались не в состоянии понять, что их планы довести войну «до победного конца» без императоров, которые, казалось, только мешали им, обречены на провал уже потому, что сами-то генералы не были самодостаточными игроками на политическом поле, как бы самим генералам этого ни хотелось. Как только не стало императоров Вильгельма II и Николая И, с разной скоростью исчезли все те, гражданские и военные, все, кто мнил себя «самостоятельными политиками» и «творцами истории», но

не мог понять опасности, исходившей от подобного рода переворотов, особенно в ходе великой войны.

Э. Людендорф задним числом так оценивал деятельность германского генералитета в 1916–1917 годы: «Я предостерегал против попыток пошатнуть положение императора в армии. Его Величество было нашим Верховным Главнокомандующим, вся армия видела в нем своего главу, мы все присягали ему в верности. Этих невесомых данных нельзя было недооценивать. Они вошли в нашу плоть и кровь, тесно связывали нас с императором. Все, что направлено против императора, направляется и против сплоченности армии. Только очень близорукие люди могли расшатывать положение офицерского корпуса и Верховного Главнокомандующего в такой момент, когда армия подвергается величайшему испытанию». Это позднее прозрение выдающегося немецкого военачальника в полной мере может быть отнесено к его русским коллегам.

… Ситуация, складывавшаяся на фронте к концу 1916 года, была для России более чем благоприятной. В этом единодушны практически все объективные историки Первой мировой войны. Широко известны слова У. Черчилля о ситуации в Российской империи: «Ее корабль пошел ко дну, когда гавань уже была видна. Она уже пережила бурю, когда все обрушилось на нее. Все жертвы принесены, вся работа завершена… Долгие отступления закончились; снарядный голод побежден; вооружение шло широким потоком; более сильная, более многочисленная, гораздо лучше снабжаемая армия держала огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми… Кроме того, никаких особенно трудных действий больше не надо было предпринимать; нужно было оставаться на посту…; иными словами, надо было удержаться; вот и все, что стояло перед Россией и плодами общей победы». Гораздо менее известно мнение графа Отгокара Чернина, австрийского дипломата, человека проницательного и умного, принципиального и последовательного врага Российской империи… В августе 1916 года, после долгих раздумий, румынское правительство объявило войну Австро-Венгрии и Германии. О. Чернин в это время являлся австрийским посланником в Бухаресте. Через некоторое время австрийские дипломаты были отпущены на родину. Возвращаться в Австрию пришлось через Россию.

«Путешествие через неприятельскую страну было весьма любопытно, — вспоминал позже граф Чернин. — В то время как раз шли кровопролитные бои в Галиции, и нам днем и ночью встречались беспрерывные поезда, или везущие на фронт веселых, смеющихся солдат, или оттуда — бледных,

перевязанных, стонущих раненых. (Напомним, что поездка Чернина через Россию проходила осенью 1916 года. — *А. Ж.)* Население всюду встречало нас удивительно приветливо, и здесь мы не замечали и следа той ненависти, которую мы испытали на себе в Румынии. Все, что мы видели, проявляло себя под знаком железного порядка и строжайшей дисциплины. Никто из нас не верил в возможность того, что эта страна находится накануне революции, и, когда по моем возвращении император Франц-Иосиф спросил меня, достал ли я какие-нибудь данные об ожидающейся революции, я ответил решительно отрицательно». Итак, никаких признаков кризиса, развала, надвигающейся катастрофы О. Чернин не заметил, хотя весьма на это надеялся.

Упоминавшийся выше немецкий генерал Э. Людендорф, оценивая обстановку на конец 1916 года, писал: «России удалось создать новые мощные формирования. Численность дивизий была сокращена до 12 батальонов, батарей — до 6 орудий. Новые дивизии формировались численностью меньшей на 4 батальона, на каждую батарею приходилось 7–8 орудий. В результате такой организации значительно возросла мощь русской армии… Верховному командованию (германской армии. — *А. Ж.)* придется считаться с тем, что неприятель в начале 1917 года будет подавляюще сильнее нас. Наше положение чрезвычайно тяжелое и выхода из него почти нет… Наше поражение казалось неизбежным».

«Российская промышленность была полностью мобилизована для военных нужд и выпускала огромное количество вооружения и снаряжения… Германии продолжение развития наступления в России виделось нецелесообразным», — пишет английский военный историк Д. Киган. Действительно, к концу 1916 года кризис в армии и промышленности был преодолен. Несмотря на потери западных губерний в ходе боев 1914–1916 годов и массовые мобилизации в действующую армию, валовый объем продукции российской экономики вырос почти на четверть по сравнению с благополучным 1913 годом. В производстве артиллерийских орудий Россия обогнала Францию и Англию, отставая по этому показателю только от Германии. Выпуск орудий увеличился в 10 раз и достиг 11,3 тыс. в год. Современный российский историк Валерий Шамбаров приводит следующие цифры, наглядно представляющие рост российского военнопромышленного потенциала. Выпуск снарядов в 1916 году увеличился в 20 раз и составил 67 млн в год, винтовок — в 11 раз и достиг 3,3 млн. Российская промышленность за год изготовила 28 тыс. пулеметов, 13,5 млрд. патронов, более 20 тыс. грузовиков, 50 тыс. переносных телефонных аппаратов. Завершилось

построение Мурманской железной дороги, связавшей Петроград с новым, построенным во время войны незамерзающим портом Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск).

Русская армия отлично подготовилась к военной кампании 1917 года: было сформировано более 50 новых дивизий, оснащенных по последнему слову военной техники: тяжелой полевой артиллерией, новейшими аэропланами, броневиками. Стратегическое наступление планировалось на май 1917 года. По общему мнению, к осени 1917 года война должна была завершиться российской победой. Однако в победе Российской империи оказались незаинтересованными противники России (что, собственно говоря, естественно) — Германия, Австро-Венгрия, Турция. Незаинтересованными в военном успехе России были и ее главные союзники по Антанте — Франция и Англия. В соответствии с тайными договоренностями, существовавшими между союзниками, в случае победы англо-франко-русской коалиции к России отходили турецкие проливы (Босфор и Дарданеллы), стратегическое значение которых невозможно переоценить, а также турецкая столица — Константинополь, бывшая столица Древней Византии. Таким образом, геополитический расклад в Европе полностью менялся — Российская империя приобретала господствующее положение на юге континента — на Балканах, в Греции, в Турции. «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями… — говорил в 1934 году канцлер Венгрии граф Бетлен. — … В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развивались бы русские военные флаги». Подобного усиления политического влияния России «союзники» (особенно Великобритания, издавна считавшая Балканы сферой своих интересов) допустить не желали и не могли. Еще одной стороной, незаинтересованной в победе русского оружия, оказалась отечественная финансовопромышленная либеральная буржуазия и связанная с ней значительная часть русского генералитета. Грядущая победа России в войне оказывалась прежде всего победой самодержавия. Но «реакционная и монархическая» победа никак не устраивала либеральную оппозицию — она мечтала присвоить все плоды военной победы России именно себе.

Как удалось революционной волне захлестнуть и погубить страну накануне самой великой победы в российской истории? Советская историография (а вслед за ней современная либеральная российская) утверждала, что причиной февральской катастрофы 1917 года стала консервативная, реакционная

политика, проводимая царским правительством и лично императором Николаем. Именно на царя и его правительство возлагали ответственность за «отсутствие либеральных реформ», «реакцию», «отказ от модернизационных процессов». Между тем во время Первой мировой войны Россия была самой свободной и демократичной страной среди всех воюющих государств. В стране существовала свобода печати, выходили оппозиционные газеты, подвергавшие безудержной критике действия правительства и самого царя. Рабочие имели право на организацию забастовок. Государственная дума могла блокировать неугодные правительственные законы. Уже во время войны правительство подготовило проект закона о милитаризации труда в военной промышленности, но для одобрения закона Государственной думой не имелось никаких шансов. Когда французский министр Тома во время своего визита в Россию предложил российскому премьеру Штюрмеру навести порядок в промышленности и милитаризовать рабочих, тот ужаснулся: «Милитаризовать наших рабочих! Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас».

Между тем в свободной республиканской Франции во время немецкого наступления на Париж осенью 1914 года в Венсенском лесу были расстреляны безо всякого суда (просто в силу «Закона о военном положении») тысячи воров-рецидивистов, бандитов, грабителей, уклонившихся от призыва в армию дезертиров. В Великобритании, бывшей всегда недосягаемым образцом для русских либералов, вскоре после начала войны приняли весьма жесткий «Закон о защите королевства». Согласно данному закону, вся печать была взята под контроль — вводилась строгая цензура; вводился государственный контроль за транспортом и промышленностью; запрещались стачки; допускалась конфискация любых вещей (в том числе и недвижимости) в «интересах обороны королевства»; устанавливался потолок заработной платы на предприятиях… Британский министр труда А. Гендерсон позже вспоминал: «Когда началась война, мы предложили рабочим временно отказаться от борьбы за свои права, и они во имя интересов государства отказались. Было время, когда рабочие работали семь дней в неделю, не зная ни праздника, ни отдыха…»

Чем прочнее становилось положение на фронтах, тем более активную антиправительственную деятельность развивала либеральная оппозиция и примкнувшая к ней значительная часть высших офицеров Русской Императорской армии. Столь сложный и противоречивый мемуарист, как генерал А. А. Брусилов, которому было что скрывать, так описывал ситуацию, складывающуюся перед февралем 1917 года: «В Ставке… а также

в Петербурге было, очевидно, не до фронта. Подготовлялись великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте».

Российский историк Олег Айрапетов совершенно справедливо указывает: «… оппозиция готовилась скорее к перевороту, чем к революции, и была уверена в успехе, стремясь придать политическим изменениям максимально верхушечный характер, контролировать армию через генералитет, рабочее движение — через часть социал-демократии. Непосредственно перед Февральской революцией руководители либералов прозондировали реакцию руководства Антанты на возможные изменения в политической жизни России. Этого запаса хватило для расшатывания государственных устоев, но никак не для самостоятельного государственного творчества и уж тем более — не для контроля за пришедшими в движение массами».

Еще раз пересмотрим хронику событий февраля-марта 1917 года: как все происходило? «Хлебные» беспорядки в Петрограде, как сейчас хорошо известно, спровоцированные левыми партиями, начались 23 февраля. Последовали рабочие забастовки, организованные большевиками. Массовые беспорядки, в которых участвовали сотни тысяч людей, вылились в солдатский бунт запасных частей, переполнявших столицу. Как ни грустно, но императору изменили в первую очередь те, кто по долгу присяги и службы обязан был составить самую верную когорту его защитников — генерал-адъютанты. Более того, решение императора отречься от престола было принято им вследствие давления со стороны высшего военного командования ещё до того, как с этим же требованием выступил Временный комитет Государственной думы. Однако ещё 28 февраля в Ставке, где находился император, смотрели на волнения, начавшиеся в Петрограде, как на бунт, который можно усмирить. Для этой цели были назначены части с Западного и Северного фронтов, а сам Николай отправился в Царское Село, где пребывала его семья. Однако в ночь с 1 на 2 марта Гучков, войдя в связь с железнодорожниками, фактически остановил войска на подходах к Петрограду. Одновременно с этим был изолирован и царский состав. Император оказался в полном оперативном одиночестве. В Пскове и его железнодорожных окрестностях Николай II оказался отрезанным от мира, приказы его не шли дальше штаба Северного фронта, телеграммы с выражением поддержки ему не передавались. Сведений о местонахождении государя, несмотря на все принятые меры, в этот день не удалось добыть… «Интересы фронта как-то отошли на второй план; все мысли были направлены к двум точкам — Петрограду и неизвестно где

находившемуся императору», — вспоминал один из офицеров Ставки. От высшего генералитета не последовало ни одного действия, которое дало бы понять в Петрограде, что армия не останется в стороне, когда в разгар войны в столице происходит военный мятеж. Напротив, как только Николай покинул Ставку, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев вступил в активный обмен телеграммами с Петроградом и с теми членами Государственной думы, которые поставили своей целью вырвать у Николая отречение. Из Ставки ее генерал-квартирмейстер А. С. Лукомский в разговоре с генералом Ю. Н. Даниловым (начальник штаба Северного фронта) в 9 часов утра 2 марта сказал следующее: «Прошу тебя доложить генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться». Спустя час генерал Алексеев разослал командующим фронтами телеграмму следующего содержания: «Династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении известных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Если вы разделяете этот взгляд, то благоволите телеграфировать весьма спешно свою просьбу Его Величеству». В телеграмме не было указано, кто именно предъявляет требование об отречении. Генералу В. И. Гурко, который командовал так называемой Особой армией, составленной из гвардейских частей, телеграмма послана не была. Все главнокомандующие в тех или иных выражениях просили Николая отречься. Более сложно обстояло дело на Кавказском фронте. С сентября 1915 года им командовал дядя царя великий князь Николай Николаевич, но фактически руководство операциями осуществлял генерал Н.Н. Юденич. На запрос великого князя о моральном состоянии войск штаб Юденича подготовил для отправки царю телеграмму следующего содержания: «Счастлив донести Вашему Императорскому Величеству, что славные войска Кавказской армии беспредельно преданы Вашему Величеству и долгу службы…» Оставалось только поставить подпись. Но великий князь, как рассказывают очевидцы, прочёл текст, покачал пальцем и сунул листок в карман. В тот же день он отправил племяннику телеграмму, в которой «коленопреклонённо» молил об отречении («другого выхода нет»). «Кругом измена, и трусость, и обман» — эти знаменитые слова в дневнике Николая II появились именно после того, как ему стало известно мнение своих главных военачальников.

Убеждать государя подписать отречение от престола отправились в Псков депутаты Государственной думы «октябрист»

А. И. Гучков и «монархист», имевший репутацию «правого», В. В. Шульгин. После длинной речи Гучкова, обращённой к царю в его вагоне-гостиной, тот сказал: «Я принял решение отречься от престола. До трёх часов сегодняшнего дня я думал, что Моiу отречься в пользу сына Алексея… Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила… Надеюсь, вы поймёте чувства отца…» Гучков тут же передал Николаю уже готовый текст отречения. На часах было начало двенадцатого ночи. Николай взял его и вышел. Спустя некоторое время царь вошёл снова и со словами: «Вот текст», — протянул Гучкову три четвертушки бумаги, какие употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. «Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли», — вспоминал Шульгин. Впоследствии Гучков поражался тому, насколько легко прошло отречение, и говорил, что каждую минуту ожидал ареста. Сцена произвела на него тяжёлое впечатление своей обыденностью. Он признавался, что подумал тогда, что имеет дело с человеком ненормальным, с пониженной чувствительностью и сознательностью. По впечатлению Гучкова, царь был совершенно лишён трагического понимания событий: при самом железном самообладании можно было бы не выдержать, но голос у царя как будто дрогнул лишь тогда, когда он говорил о разлуке с сыном.

Юридически отречение не имело законной силы, ибо был указ о престолонаследии, изданный ещё императором Павлом I, согласно которому правящий император мог отречься только за себя, но не имел права отрекаться за сына. Однако Гучков просто не мог вернуться в Петроград без хоть какого-то документального свидетельства отречения, и на это нарушение закрыли глаза. П. Н. Милюков был уверен, что царь намеренно поступил так: «Пройдут тяжёлые дни, всё успокоится, и обещание можно будет забрать назад. Недаром же Распутин обещал сыну благополучное царствование…» В. В. Шульгин вспоминал: «Мы вышли из вагона. На путях, освещённых голубыми фонарями, стояла толпа людей. Они всё знали и всё понимали. Нас окружили, и эти люди наперебой старались пробиться к нам и спрашивали: «Что? Как?» Меня поразило то, что они были такие тихие, шепчущие… Они говорили как будто в комнате тяжелобольного, умирающего… «Русские люди, — сказал Гучков, — государь мператор ради спасения России снял с себя… своё царское служение… Царь подписал отречение от престола… Россия вступает на новый путь… Будем просить Бога, чтобы он был милостив к нам…» «Толпа снимала шапки и крестилась, — писал Шульгин. — И было страшно тихо…» Эра христианского самодержавия приближалась к концу. Если византийский император Константин

Великий был ее альфой, то Николай II — омегой. «Как личность он ничего не мог и не хотел тут менять, ибо считал, что таково высшее предопределение, — пишет Р. В. Багдасаров. — При желании можно предъявить царю упрек в фатализме, но тогда придется признать, что столь же фаталистически были настроены большинство русских подвижников конца XIX — начала XX века, предрекавших реки крови и скорый приход Антихриста».

Сбылись слова русского философа Константина Леонтьева, за тридцать лет до этого предрекавшего: «Республиканская все-Европа придет в Петербург ли, в Киев ли, в Царьград ли и скажет: «Откажитесь от вашей династии или не оставим камня на камне и опустошим всю страну». И тогда наши Романовы при своей исторической гуманности и честности откажутся сами, быть может, от власти, чтобы спасти народ и страну от крови и опустошения. И мы сольемся с прелестной утилитарной республикой Запада… Стоило огород городить!» Эти строки Леонтьев высказал в письме к священнику Иосифу Фуделю летом 1888 года. Дальнейшие же предсказания Леонтьева, изложенные в данном письме, можно впрямую соотнести с деятельностью барона Унгерна во время Гражданской войны: «… Но если мы будем сами собой, то мы в отпор опрокинем со славой на них всю Азию — даже мусульманскую и языческую, и нам придется только памятники искусства там спасать. И так как гибнуть когда-нибудь нужно, то пусть славянство независимое, и великое, религиозное (так или иначе: по-Оптински или по-Соловьевски), сословное, мистическое, поэтическое, пусть оно лет через 500 будет жестоко завоевано пробужденными китайцами и пусть покажет новые и последние (перед концом света) примеры христианского мученичества…» Итак, первая часть леонтьевского пророчества сбылась весьма скоро.

Как же было воспринято отречение императора в действующей армии, в особенности ее офицерским корпусом, дававшим присягу на верность династии Романовых? Вспоминает генерал Б. В. Геруа, начальник штаба Особой армии: «Делать было нечего! Революция шла помимо нас. Главнокомандующие фронтами, не исключая великого князя Николая Николаевича, «уговаривали» государя отречься! А фронты сами по себе продолжали сидеть в окопах, пассивно, недоумевая. В столице кипел котёл, а мы, прикованные к позициям против «врага внешнего», испытывали состояние паралитика, у которого голова ещё кое-как работает, но пошевельнуться он не может! В середине ночи на 4 марта я принёс Гурко ленты с известиями об отречении государя. Генерала разбудили. Как теперь, помню, что он вышел ко мне в пижаме из верблюжьей шерсти и сел на стол. По мере

того как Гурко постепенно разворачивал моток лент, нервное лицо становилось всё более и более изумлённым и озабоченным. И наконец, когда он дочитал до того места, где говорилось об отречении и за сына, он воскликнул: «Как это было можно! Теперь Россия потонет в крови!»

Важным представляется и свидетельство будущего атамана Г. М. Семенова, сослуживца барона Унгерна во время Великой войны, о февральских днях 1917 года: «Революцию все ждали, и все же она пришла неожиданно. Особенно в момент ее прихода мало кто предвидел в ней начало конца Российского государства; мало кто верил в возможность развития крайних течений… Поэтому вначале приход революции приветствовался всеми, начиная с рабочих и кончая главнокомандующими фронтами».

В общей сложности в марте 1917 года под ружьём находилось около 15 миллионов человек. По сути, это была уже не армия, а вооружённый народ. Подавляющая часть кадрового офицерства сохраняла монархические убеждения и даже преданность лично Николаю. Однако в результате двух с лишним лет войны большая часть кадрового офицерского и унтер-офицерского состава была перебита. Особенно велики были потери офицеров в гвардейских и в пехотных частях. К1917 году кадрового офицерского состава в войсках оставалось не более трети. В результате появились «офицеры военного времени», или, как их называли, кадровые — «суррогат офицера», ни по своей подготовке, ни по воспитанию не подходившие к предназначавшейся им роли. «Офицеры поневоле» не имели ни авторитета в глазах солдат, ни надлежащих военных знаний. Многие из них, по словам Г. М. Семенова, «вышли из среды революционно настроенной русской общественности и свою роль понимали довольно своеобразно, внедряя в головы подчиненной им массы освободительные идеи революционной догматики».

Кроме того, как указывает историк и писатель Антон Уткин, промонархически настроенную часть офицерского корпуса сдерживали два обстоятельства: «видимая легальность обоих актов отречения и боязнь междуусобной войной открыть фронт». Армия была ещё послушна своим руководителям, они же признали новый порядок вещей. Николай, подписывая (карандашом) телеграмму, прекрасно знал, что отречение самодержавного государя, да еще с формулировкой «в согласии с Государственной думой» не допускалось никакими законами Российской империи. Императорское послание необходимо расценивать как единственно возможный в тех обстоятельствах призыв к русской армии защитить своего монарха. Всякому честному офицеру было ясно, что творится насилие,

государственный переворот, и долг присягнувшего повелевал спасти императора. Но не поднялась армия спасать царя, хотя никакой манифест не освобождал от присяги и крестного целования без особого на то акта, подобного тому, что через 1,5 года подписал германский император Вильгельм, отказываясь от престола.

Только некоторые командиры в этих условиях сохранили верность присяге. Так, например, начальник штаба гвардейской кавалерии полковник А. Г. Винекен в отсутствие своего непосредственного начальника Гуссейна Хана Нахичеванского отправил на имя командующего армиями Северного фронта телеграмму протеста. Узнав об этом, Хан Нахичеванский, бывший, кстати, генерал-адъютантом, сделал полковнику выговор, хотя тот по закону имел полное право в отсутствие старшего начальника его именем принимать решения, не терпящие отлагательства. Винекен вышел в соседнюю комнату и предпринял попытку самоубийства.

Однако выстрел не убил его сразу, и он скончался только 29 марта.

Когда известие об отречении пришло в 3-й Конный корпус, то командующий им генерал граф Ф. А. Келлер собрал близ Кишинева представителей от каждой сотни и эскадрона корпуса: «Я получил депешу об отречении государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы государь император в такой момент мог добровольно бросить армию и Россию! Вот телеграмма, которую я послал царю: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрёкся от Престола. Прикажи, Царь, придём и защитим тебя». В ответ казаки, драгуны и гусары, составлявшие части корпуса, ответили троекратным «Ура!» и выкриками: «Поддержим все, не дадим в обиду Императора!» На уговоры начальника 12-й кавалерийской дивизии К.-Г. Маннергейма, будущего главы независимой Финляндии, «пожертвовать личными политическими верованиями для блага армии» граф Ф. А. Келлер[16] ответил: «Я христианин, и думаю, что грешно менять присягу». (Кстати, сам барон К.-Г. Маннергейм также каким-то образом сумел уклониться от принесения присяги Временному правительству.) Через двое суток генерал граф Келлер был отрешен от командования 3-м Конным корпусом.

Генерал А. И. Деникин позже будет вспоминать в «Очерках русской смуты» об оглашении манифеста перед войсками: «Войска были ошеломлены: трудно было определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование

манифеста. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слёзы…» О воинской же присяге не вспомнил никто.

За трагедией русской армии встает трагедия Русской православной церкви, оказавшейся в лице своих иерархов пораженной какой-то духовной слепотой. 5 марта 1917 г. в Могилеве, не убоявшись гнева Божия, не устыдившись присутствия Николая II, придворное духовенство осмелилось служить литургию без возношения самодержавного царского имени. Уже на следующий день этот «почин» был закреплен решением Святейшего Синода: «Принять к сведению и исполнению акты об отречении и возглашать в храмах многолетие Богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея». А в ответ поступали телеграммы с мест: «Акты прочитаны. Молебен совершен. Принято с полным спокойствием. Объединенные пастыри и паства приветствуют зарю обновления церковной жизни».

Архиереи призвали довериться Временному правительству и фактически благословили народ на клятвопреступление: «Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на новом пути» (из обращения Священного Синода чадам православной церкви). Протопресвитер придворных соборов А. Дернов испрашивал указаний у Синода «относительно того, как будет в дальнейшем существовать придворное духовенство, чем ему кормиться и кому подчиняться» (курсив наш. — *А. Ж.)*. Историк Михаил Бабкин указывает, что «действия высшей церковной иерархии в период февральско-мартовских событий 1917 г. оказали заметное влияние на общественно-политическую, жизнь страны. Они послужили одной из причин безмолвного исчезновения с российской политической сцены правых партий и монархических организаций, православно-монархическая идеология которых с первых чисел марта 1917 г. фактически лишилась поддержки со стороны официальной церкви». Православные священники, прицепив к рясам красные банты, участвуют в многочисленных революционных мероприятиях: «праздниках революции», «днях похорон жертв освободительного движения», 1 Мая… Эти праздники, проходившие под красными знаменами и под революционные песни, благодаря участию в них как рядовых священников, так и архипастырей Греко-Российской православной церкви, как бы «освящались» авторитетом церкви и приобретали оттенок православных торжеств. «Соответственно,

верующие начали воспринимать эти праздники как свои… в общественном сознании легитимировались и новая власть, и новые песни, и новые символы», — пишет Михаил Бабкин. По словам князя Жевахова, российская революция «явила всему миру портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей церкви».

Характерно признание будущего «советского» патриарха Алексия I (Симанского), сделанное им в частном письме уже в октябре 1917 года; «Нам тяжела была власть родного царя — Бог посылает нам во владыки царя чужого, который воистину будет править жезлом железным, а мы будем тем, чем мы есть на самом деле, — рабами».

Пока огромная воюющая страна, еще вчера бывшая Российской империей, а ныне ставшая неизвестно чем, пыталась уразуметь происходящее, в столице «общественные деятели» выстраивали все новые и новые политические комбинации. И здесь нам придется сделать весьма значительное отступление от линейного принципа повествования, чтобы обратиться к фигуре брата императора Николая II, великого князя Михаила Александровича, чье имя отныне будет связано с именем нашего главного героя — барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга. Ведь вензель великого князя Михаила Александровича по приказу барона Унгерна был начертан на золотом штандарте Азиатской конной дивизии во время ее последнего похода в 1921 году: «MII».

Младший сын Александра III Михаил Александрович был на десять лет младше своего августейшего брата — императора Николая II. Как обычно бывает с младшими детьми, Михаил пользовался в семье всеобщей любовью. От отца Михаил Александрович получил невероятную физическую силу (современники вспоминали, что он играючи разрывал пополам колоду карт) и природное обаяние, умение снискать расположение окружающих. Согласно закону о престолонаследии, после смерти от туберкулеза великого князя Георгия Александровича (от Георгия Александровича Михаил наследовал значительную долю имущества, в том числе и имение Брасово в Орловской губернии), среднего из трех сыновей императора Александра III, Михаил являлся наследником российского престола вплоть до рождения цесаревича Алексея Николаевича. Однако к государственной деятельности он не испытывал особого тяготения. Гораздо больше он любил музыку, играл на нескольких музыкальных инструментах, слыл заядлым театралом, был автомобилистом, мечтал управлять аэропланом. В силу всех вышеперечисленных качеств Михаил Александрович пользовался

заметным успехом у женщин. Знакомые великого князя отмечали такие черты его характера, как деликатность, мягкость, быструю отходчивость при вспышках гнева, врожденное чувство такта.

Михаил поступил на военную службу, состоял в частях гвардейской кавалерии, был командиром эскадрона леиб-гвардии Кирасирского полка. Товарищи по полку обожали Михаила Александровича за простоту в общении, непритязательность, храбрость, умение поддержать дружеское застолье, хорошее чувство юмора. Один из его сослуживцев отозвался о нем: «Я никогда в жизни не встречал человека, подобного ему, настолько неиспорченного и благородного по натуре… Он напоминал взрослого ребенка, которого учили поступать только хорошо и порядочно. Он не хотел признавать, что в мире существует зло и неправда, он считал, что верить надо всем».

В1908 году Михаил влюбился в жену своего сослуживца, офицера лейб-гвардии Кирасирского полка В. В. Вульферта — Наталию. Великий князь впервые увидел ее на одном из полковых праздников в Гатчине. После этой встречи у них начал развиваться весьма бурный роман. Наталия Сергеевна Вульферт, дочь известного адвоката Сергея Шереметьевского, была, по воспоминаниям современников, женщиной красивой и образованной. Брак с кирасирским поручиком В. В. Вульфертом был уже вторым для Наталии Сергеевны: первым браком она сочеталась с представителем известной купеческой семьи С. Мамонтовым. Эта история вызвала скандал в аристократических кругах и причинила царской семье довольно много ненриятных минут. Согласно полковым традициям и кодексу офицерской чести, никому из офицеров не было позволительно вступать в «романтические отношения» с женами товарищей по полку. Подобная связь представлялась невозможной для большинства офицеров-гвардейцев. Поскольку августейшим шефом полка была вдовствующая императрица Мария Федоровна, то данная история приобрела особенно неприятный оттенок.

Брака Михаила Александровича и Н. С. Вульферт не желали ни император Николай II, ни мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Когда Михаил Александрович обратился к старшему брату за разрешением на брак, то встретил решительный отказ. Николай вызвал великого князя во дворец и коротко распорядился: «Черниговские гусары!» Михаил Александрович назначался командиром 17-го гусарского Черниговского полка, стоящего в Орле, куда должен был отправиться немедленно. Однако роман продолжался: Михаил проявил в данном случае непреклонную волю, решив жениться на любимой женщине. Через некоторое время Н. С. Вульферт уехала

за границу. Влюбленная пара обменивалась телеграммами: в архиве родственников Наталии Сергеевны сохранилось 377 телеграмм, посланных ею великому князю.

В1910 году Михаил Александрович обратился с личным письмом к царю, в котором просил «милого Ники» оказать содействие в скорейшем разводе Наталии Сергеевны с поручиком Вульфертом. Причина спешки заключалась в том, что возлюбленная Михаила ожидала от него ребенка и великий князь не мог допустить, «чтобы на моего ребенка имел какие-либо права ее муж — поручик Вульферт». Михаил писал царю: «Жениться на ней я намеренья не имею». Позже Михаил Александрович дает Николаю II свое «честное слово» не вступать в брак с дважды разведенной дамой. Николай, будучи сам человеком искренним и правдивым, поверил своему младшему брату. Вульферт получил отступные в размере 200 тысяч, развод прошел быстро и без лишнего шума. Наталия Сергеевна родила Михаилу Александровичу сына Георгия, которому высочайшим указом даровалось «потомственное Российской империи дворянское достоинство с предоставлением ему фамилии Брасов и отчества Михайлович».

В 1912 году Михаил Александрович и Наталия Сергеевна уезжают за границу: в Вене их тайно обвенчал сербский православный священник, чтобы заключенный брак не подлежал расторжению Синодом. Известие о женитьбе Михаила Александровича потрясло Николая И. Он возмущенно сообщал матери в письме: «Между мною и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он мне говорил, не я просил его, а он сам давал слово, что на ней не женится. И я ему безгранично верил! Ему нет дела ни до твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И это в то же время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело». Гнев императора выразился в подписании указа о передаче в опеку имущества Михаила Романова и запрещении брату въезжать в Россию. Михаил Александрович проживал за границей как частное лицо. Попутешествовав по Европе, в 1913 году он поселился в Англии, в замке Небуорт, вместе с женой и сыном.

«С началом Первой мировой войны никто из Романовых не счел возможным оставаться в стороне», — пишет историк Е. В. Пчелов. Объявление войны застало Михаила Александровича в Лондоне. Великий князь телеграммой просил у Николая разрешения вернуться в Россию, чтобы стать в ряды войск. Наталия Сергеевна была против этого и уговаривала мужа

поступить в английскую армию. Через некоторое время разрешение государя было получено, Михаил вернулся в Петербург, опека с имущества была снята. Он купил небольшой дом в Гатчине и перевез туда семью. Вскоре великий князь был произведен в звание генерал-майора и зачислен в свиту Его Величества.

Немного спустя состоялось назначение Михаила Александровича начальником Кавказской кавалерийской туземной (Дикой) дивизии. Эта дивизия была сформирована из добровольцев — горцев Кавказа, которые в мирное время были освобождены от военной службы. В ее состав входили Дагестанский, Кабардинский, Черкесский, Татарский, Чеченский и Ингушский конные полки. Многие всадники даже не говорили по-русски. Офицеры все были кадровыми: большинство — из гвардии, значительная часть — из знатных кавказских фамилий. Были французы — принц Наполеон Мюрат, были двое итальянских маркизов — братья Альбици, был польский князь Станислав Радзивилл и был персидский принц Фазула Мирза. В дивизию поступали лучшие отпрыски прибалтийских и шведских баронов. Конечно, кого-то прельщала экзотика, красивая кавказская форма, но подавляющее большинство вновь вступающих в дивизию офицеров привлекала обаятельная личность великого князя. «По блеску громких имен Дикая дивизия могла соперничать с любой гвардейской частью, и многие офицеры в черкесках могли увидеть свои имена на страницах Готского альманаха», — вспоминал, уже находясь в эмиграции, в своем очерке, посвященном дивизии, Н.Н. Брешко-Брешковский. В декабре 1914 года Дикая дивизия находилась уже на Карпатах, в составе армии генерала Щербачева. Кавказские горцы зарекомендовали себя в боях самым лучшим образом. «Такой кавалерийской дивизии никогда еще не было и никогда, вероятно, не будет», — с грустью позже вспоминал один из ее офицеров. В конную дивизию вступали вышедшие перед войной в отставку артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие на комплектование с пулеметной командой Балтийского флота. Память о ее подвигах была настолько сильна, что именно по образцу Кавказской конной дивизии барон Унгерн будет формировать свою Азиатскую конную дивизию.

Сам великий князь всегда старался быть впереди. Начальник штаба полковник Юзефович не останавливал его, за что был подвергнут критике офицерами: «Нельзя же так, это брат государя». На патриархальных горцев, более всего ценивших родственные связи, один факт того, что ими командует «сам брат белого царя», производил неизгладимое впечатление. Один из

современников рисовал идиллически-трогательные картины, характеризовавшие отношение «сынов Кавказа» к своему царственному командиру: «Тут любовь переходила в обожание. Горцы его боготворили. «Через глаза нашего Михаила сам Аллах смотрит», — говорил один умирающий в госпитале горец, когда великий князь отошел от его постели».

За боевые заслуги Михаил был награжден Георгиевским оружием и Георгием 4-й степени. Он практически не участвовал в жизни императорского двора, но многие опасались влияния его властной и энергичной супруги. В самом начале 1917 года княгиня Е. А. Нарышкина записала в своем дневнике: «Грустные мысли: императрицу ненавидят. Думаю, что опасность придет с той стороны, с которой не ожидают: от Михаила. Его жена очень интеллигентна… В театре ее ложа полна великих князей… Чувствую, что они составляют заговор. Бедный Миша будет в него вовлечен, вопреки себе, будет сначала регентом, потом императором. Достигнет всего».

Февральские события застали Михаила Александровича в Гатчине. По просьбе М. В. Родзянко, председателя Государственной думы, он связывается по прямому проводу со Ставкой, где в это время находится Николай II. Михаил просит старшего брата об уступках «оппозиции», о создании «правительства доверия». Через начальника штаба генерала М. В. Алексеева Николай ответил отказом.

Михаил Александрович был вынужден укрыться в Петрограде на квартире князя П. П. Путятина на Миллионной, неподалеку от Зимнего дворца. Именно сюда 1 марта 1917 года пришел присяжный поверенный Н.Н. Иванов с просьбой подписать так называемый Манифест великих князей. Данный документ, в котором стране обещали «временный кабинет, облеченный доверием общественности», конституцию и законодательное собрание, был попыткой спасти трон. Михаил решился подписать этот манифест. Однако уже на следующий день, 2 марта, М. В. Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу наследника Алексея при регентстве Михаила Романова.

Сам Николай II никогда не имел иллюзий относительно способностей великого князя к государственным делам. Когда в 1900 году император, находясь в Крыму, заболел брюшным тифом, министр императорского двора барон Фредерикс обратился к нему с вопросом, не пригласить ли в Ливадию Михаила Александровича «для замещения Его Величества во время болезни?». Николай тогда категорически отказался: «Нет-нет. Миша мне только напутает в делах. Он такой легковерный». Подобную точку зрения разделяла и вдовствующая императрица

Мария Федоровна, находя Михаила Александровича не только «легковерным», но и «легкомысленным».

Правда, были и другие отзывы. Высоко ценил способности великого князя министр финансов, а позже — премьер-министр граф С. Ю. Витте, преподававший Михаилу политэкономию. Самым лучшим образом отзывался о Михаиле Александровиче и германский кайзер Вильгельм II, познакомившийся с ним в 1902 году.

Известие от отречении Николая II произвело на Михаила чрезвычайно тяжелое впечатление. Н.Н. Иванов, проведший в те дни много времени вместе с Михаилом Александровичем, вспоминал: «Нежелание брать верховную власть… было основным его, так сказать, желанием. Он говорил, что никогда не хотел престола, не готовился и не готов к нему. Он примет на себя власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе вся страна пойдет к гибели. Он переживал сильные колебания и волнение. Ходил из одной комнаты в другую… Он осунулся за эти часы. Мысли его метались. Он спрашивал и забывал, что спросил.

— Боже мой, какая тяжесть — трон. Бедный брат! — На несколько часов он замолчал. Можно было много раз подряд спрашивать — вопросы не доходили до него…

— Что вы решили? — спросил я его коротко до отречения.

— Ах! — Провел рукой по лбу с несвойственной ему открытостью. — Один я не решу. Я решу вместе с этими господами.

Он имел в виду представителей новой власти».

«Представители новой власти» появились в квартире на Миллионной утром 3 марта. Там собрались М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, В. Д. Набоков, А. И. Гучков, В. В. Шульгин, А. И. Шингарев, барон Б. Э. Нольде. Родзянко занял председательское место и обратился к Михаилу с призывом последовать примеру брага. Его горячо поддержал Керенский. Только сейчас Милюков с Гучковым осознали, к краю какой пропасти они подвели Россию. Милюков, не спавший несколько ночей, доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть и что она может быть такой именно тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживёт до Учредительного собрания. Увы, эти пророческие и запоздалые слова не были услышаны.

Великому князю предлагали тут же уехать в Москву, где гарнизон сохранял спокойствие, и оттуда обратиться к населению с манифестом. Однако под давлением Керенского, пугавшего: «Я

не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол…

Я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества» и Родзянко. Михаил в конце концов подписал акт, в котором отказался от занятия престола вплоть до решения Учредительного собрания. Текст отречения за Михаила составил В. Д. Набоков, отец знаменитого писателя. Решение Михаила повергло Милюкова в полное отчаяние. Керенский, напротив, был в восторге. Экзальтированным голосом он провозгласил: «Ваше Высочество, вы — благороднейший из людей! Вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни капли». Подписав акт об отречении, Михаил Александрович сказал В. В. Шульгину: «Мне очень тяжело… Меня мучает, что я не мог посоветоваться со своими… Ведь брат отрекся за себя… Я, я, выходит так, отрекаюсь за всех…»

Приведем полностью текст данного документа: «Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые Основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основании всеобщего, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Михаил».

Как мы видим из текста документа, Михаил вовсе не отрекался от своих прав на престол, он просто откладывал решение вопроса о государственном устройстве России до созыва Учредительного собрания. Только оно должно было определить, быть России монархией или республикой. Однако, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, Директория под председательством А. Ф. Керенского, сменившая Временное правительство, 1 сентября 1914 года провозгласила Россию республикой.

Современный историк Евгений Пчелов, автор подробнейшего

исследования «Романовы. История династии», пишет, что «с юридической точки зрения это, конечно, был акт незаконный. Что же касается Учредительного собрания, то оно начало заседать, когда уже у власти находились большевики. Выборы его не соответствовали тем критериям, которые указал в акте Михаил Александрович… Буквально на второй день большевики собрание разогнали, хотя оно и успело принять кое-какие законодательные акты, в частности признать Россию республикой. Поэтому вплоть до января 1918 года Михаил Александрович формально оставался российским императором. В своей телеграмме брату, посланной сразу же после отречения, Николай II назвал его императором Михаилом II. Так что династия Романовых началась Михаилом Федоровичем, Михаилом же и закончилась». Правда, другой российский историк, А. Н. Боханов, автор множества работ, посвященных истории русской монархии, считает, что, «поскольку Михаил царскую клятву не давал, то правителем не был ни одного часа, хотя иногда его называют таковым под именем Михаила И».

Известие об отказе брата потрясло Николая до глубины души. В своем дневнике он сделает запись: «3 марта. Пятница… Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четерххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать эту гадость». На следующий день двоюродный брат Николая II, великий князь Андрей Владимирович, даст волю чувствам, записывая в дневник: «Как громом обдало нас известие об отречении государя за себя и Алексея в пользу Михаила Александровича. Второе отречение — великого князя Михаила — от престола еще того ужаснее… В один день все прошлое величие России рухнуло! И рухнуло бесповоротно, но куда мы пойдем! Призыв Михаила к всеобщим выборам ужаснее всего. Что может быть создано, да еще в такое время! О, Боже, за что так наказал нашу Родину! Враг на нашей территории, а у нас что творится. Нет, нельзя выразить все, что переживаешь, слишком все это давит, до боли давит».

После отказа Михаила воспринять верховную власть Николаю II становится ясно, что, отрекшись за сына, он совершил ошибку, роковую для всей династии. И тут начинается самое интересное. Еще раз предоставим слово автору романа «Хоровод», замечательному историку и писателю Анатолию Уткину: «Император пытается отыграть обратно. Во время прощального приезда Николая в Ставку произошел чрезвычайно любопытный случай, записанный генералом А. И. Деникиным со слов генерала Алексеева. В Могилеве при свидании с Алексеевым император, «глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то

нерешительно сказал: «Я передумал. Я прошу вас послать эту телеграмму в Петроград». На листке бумаги отчетливым почерком государь написал собственноручно о своём согласии на вступление на престол сына своего Алексея. Алексеев унёс телеграмму и… не послал. Было слишком поздно: в стране и армии объявили уже два манифеста. Телеграмму эту Алексеев, чтобы не смущать умы, никому не показывал, держал в своём бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя Верховное командование». Этот интересный для биографов Николая документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части в Ставке. Неотправленная телеграмма последнего императора никогда и нигде опубликована не была, и местонахождение её по сей день неизвестно. Это породило сомнение в достоверности рассказа Деникина. Однако в архиве Колумбийского университета в США хранятся рукописные воспоминания полковника Д. Н. Тихобразова, случайно оказавшегося свидетелем этого происшествия. Тихобразов, служивший тогда помощником начальника оперативного отдела Ставки, не только подробно описывает разговор Николая с Алексеевым, но и определённо указывает, что это было 4 марта, то есть уже после первого отречения, а главное, после приезда туда матери Николая II, вдовствующей императрицы Марии Федоровны».

Подписав свой отказ, Михаил удалился в Гатчину, где жил вместе с семьей, ведя образ жизни простого гражданина. Еще раз встретиться двум братьям — Николаю и Михаилу — довелось лишь однажды — 31 июля 1917 года. Сама встреча продолжалась всего лишь 10 минут в присутствии А. Ф. Керенского, самого могущественного человека новой «свободной России». Николай записал в своем дневнике: «31 июля… Около $10^1/_2$ милый Миша вошел в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно…» На просьбу Михаила повидать своих племянника и племянниц, детей Николая II, Керенский ответил отказом. Из комнаты, где состоялось свидание, Михаил вышел со слезами на глазах. На следующий день Николая вместе с семьей выслали в Тобольск. Мария Федоровна писала о встрече своих сыновей: «Как подло и гнусно они действуют, и каким образом они «разрешили» двум братьям проститься! Только десять минут. И не секунды наедине, да еще в присутствии двух свидетелей. Они даже не могли поговорить, а только увиделись. Можно только удивляться, какими бессердечными могут быть люди».

20 июля 1917 года все Романовы были лишены

избирательных прав в Учредительное собрание. Еще через месяц, 21 августа, бывший эсер-боевик, а ныне управляющий военным министерством Б. В. Савинков отдает приказ об аресте Михаила Романова и его супруги Н. С. Брасовой — правительство было напугано корниловским выступлением. Времена наступали воистину лихие — права на тихую частную жизнь у гражданина Михаила Александровича Романова отныне не было.

Немногим позже Василий Васильевич Розанов напишет страшные слова: «С лязгом и скрипом опускается над Русскою Историею железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора надевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

А еще Розанов запишет: «Никогда не думал, что государь так нужен для меня: но вот его нет — и для меня как нет России. Совершенно нет, и для меня в мечте не нужно всей моей литературной деятельности. Просто я не хочу, чтобы она была. Я не хочу ее для республики, а для царя, царицы, царевича, царевен. Никогда я не думал, что «без царя был нужен и народ», но вот для меня вполне не нужен и народ. Без царя я не могу жить.

Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже — не нужно, чтобы она была без царя.

Это моя мысль 23–28 сентября (не помню числа), да будет она истинною и священной».

Глава 7
Революция. Распад

События с февраля по октябрь 1917 года можно рассматривать как единый революционный процесс. Непосредственно февраль был только началом революции, разгонявшей свой разрушительный бег по России. Был ли этот процесс фатально необратимым? Для того чтобы остановить расползание революционной чумы, необходимо было наличие некоторого числа энергичных и деятельных людей, готовых действовать в пользу монархии. Для тех, кто составлял «Россию верных», отречение государя стало настоящей личной трагедией, жизненной катастрофой. На многих словно нашло какое-то отупение, оцепенение. Необходимы были люди, способные к активному действию, но таковых оказывались считаные единицы. Настроения тех дней, тот страшный душевный морок, охвативший большинство русских людей, довольно хорошо передают позднейшие записи митрополита Вениамина (Федченкова), вспоминавшего свои чувства весной 1917 года: «С удалением царя… у меня получилось такое впечатление, будто бы из-под моих ног вынули пол и мне не на что было опереться. Еще я ясно узрел, что дальше грозят ужасные последствия. И, наконец, я почувствовал, что теперь поражение нашей армии неизбежно. И не стоит даже напрасно молиться о победе… Да и о ком молиться, если уже нет царя? Теперь все погибло…»

Чувство, что «теперь все погибло», у действительно лучших людей русского общества оказалось преобладающим. Действовать пытались единицы. Но о них — ниже. А пока — несколько слов о великосветской дряни и простонародной сволочи.

… Красный цвет преобладал на столичных улицах теперь уже бывшей Российской империи. Самое удивительное заключалось в том, что красными бантами украшали себя не только солдаты, матросы, рабочие, студенты, курсистки и извозчики, то есть движущая сила, своеобразное «пушечное мясо» революции. Красные ленты развевались на элегантных экипажах лучших людей аристократического Петербурга — Петрограда. Многие офицеры и генералы — завсегдатаи петербургских салонов — не побрезговали украсить свои форменные шинели модным революционным цветом. Красный бант нацепил на свой мундир морского офицера даже двоюродный брат свергнутого императора — Кирилл Владимирович. 9 марта 1917 года он совершенно добровольно, не подвергаясь никакому давлению,

откажется от прав на российский престол и присоединится к акту великого князя Михаила Александровича: «Относительно прав наших, и в частности моего, на престолонаследие, горячо любя свою Родину, я всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича».

Примеру «революционного великого князя», как называла Кирилла Владимировича вся левая и демократическая печать тех дней, последовали многие высшие армейские чины. Барон Врангель, прибывший в середине марта с фронта в Петроград, позже с ужасом вспоминал об увиденном: «… я встретил одного из лиц свиты государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: «Что поделать, я только одет по форме — это новая форма одежды…» Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались…

Эта трусливость и раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к государю лица, и сами члены Императорской фамилии были тому примером. С первых же часов опасности государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые императрицей и царскими детьми в Царском, никто из близких к царской семье лиц не поспешил к ним на помощь».

Положение в Уссурийской конной дивизии, где нес воинскую службу барон Р. Ф. Унгерн, было отражением всех тех противоречий, что раздирали личный состав воюющей армии после февральских событий 1917 года. В конце 1916 года дивизия была отведена с фронта и расквартирована в Бессарабии. На нее возлагалась задача по охране железнодорожных узлов и сооружений, а также по поимке дезертиров, бежавших с фронта. Штаб дивизии располагался в окрестностях Кишинева. Обстановку среди личного состава дивизии, сложившуюся после отречений государя и великого князя Михаила Александровича, замечательно передает в своих «Записках» барон П. Н. Врангель, принявший к тому времени командование 1 — й бригадой Уссурийской конной дивизии: «Первые впечатления можно охарактеризовать одним словом: недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры и солдаты были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции… ликовали. Персонал передовой летучки, в

которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение».

Командир Уссурийской дивизии, отличный боевой генерал А. М. Крымов, ранее входивший в круг высших офицеров и «общественных деятелей», готовивших дворцовый переворот, в первые революционные дни относился к происходящему с нескрываемым одобрением: «Было бы хуже, — говорил Крымов Врангелю, — если бы все произошло после войны, а особенно во время демобилизации… Тогда армия бы разбежалась с оружием в руках и стала бы сама наводить порядки…» Ввязавшийся в политические интриги Крымов не осознавал, что, когда из здания Российской империи с треском выломана главная скрепа, его обрушения уже не остановят никакие подпорки из самоуверенных генералов и облеченных «народным доверием» политиков. Не пришлось долго ждать ни «наведения новых революционных порядков» в армии, ни «разбегания» — дезертирства с фронта сотен тысяч солдат.

Огромную роль в разложении армии и превращении ее в революционный сброд сыграл знаменитый Приказ № 1, принятый Петроградским советом 1 марта 1917 года. Действие этого пресловутого приказа было распространено на все части русской армии. Приказ № 1 фактически ликвидировал в армейских частях единоначалие и поставил офицерский корпус в унизительное и уязвимое положение. Все решения командиров, в том числе и чисто военного характера, подлежали утверждению солдатскими комитетами; личное оружие должно было находиться под контролем этих комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Приказ провозглашал равенство солдат и офицеров вне службы и строя, отменял обращения к офицерам и генералам «Ваше благородие» и «Ваше превосходительство». Более безумного приказа для воюющей армии трудно себе представить. Плоды «революционного творчества масс» явились незамедлительно: армия, и в особенности ее ядро — армейская пехота, — стали немедленно разлагаться.

Кавалерийские и казачьи части в силу своего традиционно более высокого корпоративного духа поддавались революционному влиянию гораздо меньше остальных частей. Авторитет офицера среди рядовых казаков и кавалеристов был более высоким, нежели в пехоте, и это до какого-то времени удерживало казачество и кавалерию от всеобщего разложения и распада. Будущий белый атаман А. Г. Шкуро, воевавший во время Первой мировой войны в тех же местах, что и барон Унгерн,

вспоминал позже об усилиях верных долгу и присяге казачьих офицеров сохранить хотя бы какую-нибудь видимость порядка: «По улицам Кишинева ходили толпы разнузданных солдат, останавливавших и оскорблявших офицеров. Желая оберечь своих казаков от заразы, мы, офицеры, стали проводить все наши досуги среди них, стараясь привить им критическое отношение к крайним лозунгам, проповедовавшимся неизвестно откуда налетевшими агитаторами, а также внушить необходимость доведения борьбы до победного конца.

Казаки держались крепко, но я чувствовал, что дальнейшее пребывание тут небезопасно, ибо брожение в пехоте приняло такой масштаб, что она производила впечатление совершенно небоеспособной. С другой стороны, отношения между пехотой и казаками, получившими прозвище «контрреволюционеров», приняли столь напряженный характер, что можно было ежеминутно опасаться вспышки вооруженной междоусобицы».

В фондах Российского государственного архива социальной и политической истории хранится копия аттестации есаула Романа Унгерназа 1917 год. Данная аттестация была обнаружена в делах Революционного трибунала, судившего Унгерна в сентябре 1921 года, и опубликована в сборнике «Барон Унгерн в документах и мемуарах». Документов, проливающих свет на все изгибы личной и военной биографии барона Унгерна, сохранилось не слишком много, и все они для историка — поистине на вес золота. Однако эта аттестация скорее не отвечает на вопросы исследователей, а, наоборот, ставит их. Мы приведем здесь фрагмент аттестации и попытаемся разобраться в нем.

> «Какой части войск: 1-го Нерчинского Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полка Забайкальского казачьего войска.
>
> Секретно. Аттестация за 1917 год. Чин, имя и фамилия: есаул Роман барон Унгерн-Штернберг. <… > Офицер в боевом отношении выдающийся, беззаветно храбр, отлично ориентируется в обстановке, энергичный, знающий психологию подчиненных и умеющий на них влиять. Здоровья выдающегося. В нравственном отношении его порок — постоянное пьянство, причем в состоянии опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира. За пьянство отчислен в резерв чинов по несоответствию, согласно постановлению старших офицеров полка, мною утвержденному.
>
> *Командир полка флигель-адъютант полковник барон Врангель*

(дальше документ заклеен).

Верно: Вр. и.д. полкового адъютанта сотник (неразборчиво)».

Итак: точная дата составления аттестации не проставлена, указан только год — 1917. Аттестация подписана командиром полка флигель-адъютантом бароном Врангелем. Однако в 1917 году П. Н. Врангель уже не командовал 1-м Нерчинским казачьим полком: 24 декабря 1916 года полковник Врангель назначается командиром 2-й бригады Уссурийской конной дивизии (в нее и входил Нерчинский казачий полк), а 19 января 1917 года — командиром 1 — й бригады. В январе 1917 года «за боевые отличия» барон П. Н. Врангель был произведен в генерал-майоры. Подписывать аттестацию Унгерна за 1917 год в качестве командира Нерчинского полка барон Врангель никак не мог. В своих «Записках» П. Н. Врангель посвятил Унгерну несколько страниц, но никак не упомянул об отчислении Романа Федоровича «за пьянство в резерв чинов». Однако необходимо отметить еще следующее. Пьянство, конечно, порок и не украшает никого, в том числе и боевого офицера. Тем не менее для человека, постоянно, изо дня в день находящегося на передовой и ежесекундно рискующего жизнью, водка порой является единственным средством для снятия стресса и получения столь необходимого чувства расслабления. История любой войны и любой армии может дать сотни, если не тысячи, примеров различных правонарушений, совершенных «по пьяному делу» самыми замечательными солдатами и офицерами. Даже весьма пуританское советское искусство, выполнявшее прежде всего пропагандистские и воспитательные функции, отдавало должное «правде жизни»: вспомним хотя бы эпизод из киноэпопеи «Освобождение», когда посланные на разведку советский и польский солдаты случайно натыкаются в разрушенном Берлине на цистерны со спиртом… Более чем странным представляется решение отчислить в резерв чинов одного из лучших офицеров дивизии, тем более в то время, когда дефицит подобных Унгерну профессионалов войны становился все более ощутимым.

Историк Е. А. Белов был первым, кто обнаружил фальсификацию, предпринятую советской историографией над делом по избиению Унгерном полкового адъютанта в Черновцах. В советской литературе этот эпизод описывался следующим образом: за избиение нижестоящего по званию Унгерн получил три года тюрьмы, но наказания не отбывал в связи с революцией 1917 года. Е. А. Белов совершенно справедливо объяснил подобные толкования советских историков пропагандистскими целями. Возникает вопрос: не является ли и копия аттестации

Унгерна фальшивкой, состряпанной чекистами для процесса 1921 года? Тем более что оригинала, с которого делалась данная копия, обнаружить так и не удалось. Заметим также, что с первых месяцев правления большевики строили свою деятельность на откровенной и беззастенчивой лжи. Подтасовывались факты, фальсифицировались документы (например, так называемые «Дневники» Анны Вырубовой). На основании сфабрикованных чекистами документов устраивались «открытые суды»: суд над колчаковскими министрами, процесс социалистов-революционеров, «дело церковников». До сих пор историки не могут отделить правду от лжи, изготовленной красными фальсификаторами. Не случайно, что слова: «Мир никогда не узнает об этом», сказанные одним из участников убийства царской фамилии об обстоятельствах расстрела 18 июля 1918 года в екатеринбургском доме Ипатьева, могут стать своеобразным трагическим эпиграфом ко всему коммунистическому правлению. Мы действительно очень многого не знаем о преступлениях большевиков против народов России и, очевидно, всего не узнаем никогда.

Заметим, что в 1917 году многих офицеров действительно увольняли с воинской службы «в резерв чинов», правда, не за пьянство или иные проступки, а с совсем другими формулировками: за «контрреволюцию» и «монархизм». Немедленно увольнялись офицеры, отказавшиеся, подобно графу А. Ф. Келлеру, присягать Временному правительству. После того как улеглась первая волна послереволюционного террора, в ходе которой были зверски убиты сотни боевых офицеров русской армии и флота (особенно свирепствовали матросы Балтийского флота — эти «краса и гордость революции» запятнали себя кровавыми и изощренными расправами над офицерами и адмиралами; по данным, приводимым С. В. Волковым, только на Балтийском флоте было убито более 100 человек), по отношению к военнослужащим-монархистам начал применяться настоящий моральный террор. Многим офицерам приходилось оставлять действующую армию из-за выраженного им политического недоверия и угроз физической расправы. Тот же С. В. Волков приводит в своем исследовании «Трагедия русского офицерства» следующие цифры: перед самым началом наступления на Западном фронте были вынуждены покинуть войска 60 начальников — от командира корпуса до полка. Причем уходили как раз наиболее лучшие офицеры, не поддавшиеся разложению, сохранившие верность присяге, не потерявшие боевого духа и стремившиеся хоть как-то приостановить развал армии.

К сожалению, большая часть русского офицерского корпуса

оказалась сломленной, растерянной и подавленной. «А на верхах, в особенности среди Генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста… демагога, старавшегося угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-общественной карьеры», — писал об этих днях генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты». Аналогичную картину наблюдал в городе Урмия, где были расквартированы части 2-го Кавказского корпуса, молодой есаул Г. М. Семенов:«… отвратительное впечатление произвел на всех нас устроенный в Урмии… праздник революции, в котором сам корпусной командир принял непосредственное и очень деятельное участие». Подобное преступное поведение высших армейских чинов не только дискредитировало весь офицерский корпус в целом, но деморализовало младший командный состав: окончательно стало понятно, что помощи ждать неоткуда. «… Подобные выступления старших начальников в корне парализовали попытки младших офицеров сохранить хоть какой-нибудь порядок в частях», — вспоминал те дни Г. М. Семенов.

Русское офицерство, казавшееся прежде монолитным, старавшееся соблюдать правила корпоративной этики, оказалось расколотым по линии политического противостояния. Значительную роль в расколе офицерского корпуса сыграли проболыыевицки настроенные офицеры, впрямую подстрекавшие солдат к неповиновению. Офицерство оказалось лишенным не только воинских, командных прав, но и прав гражданских — например свободы слова. Барон К.-Г. Маннергейм вспоминал, как один из военнослужащих его части высказал в офицерском собрании свои монархические взгляды. Об этом тут же стало известно Совету солдатских депутатов. Офицер-монархист был немедленно разоружен и арестован. Освобожден он был только после личного вмешательства барона Маннергейма. Однако показателен тот факт, что данный арест не мог никак случиться без доноса, подготовленного одним из членов офицерского собрания. Чтобы офицер доносил о политических воззрениях своего собрата, непосредственно апеллируя к подчиненным ему солдатам, — подобного не бывало не только в русской армии, но и ни в одной армии мира.

Широко распространившаяся практика выборности командиров еще более ухудшила положение. Демагоги и провокаторы, заигрывая с размышляющей на уровне первобытных инстинктов солдатской массой, попадали в комитеты, выбирались на командные должности, попутно предавая своих товарищей, сея рознь между солдатами и офицерами в своекорыстных целях.

Поразительная беспомощность офицерского корпуса, практически полностью отдавшегося на волю революционной стихии, потерявшего чувство корпоративной солидарности, воинского товарищества и почти не пытавшегося даже защитить себя, позже приводила в изумление даже самих участников событий весны 1917 года. А. И. Деникин вспоминал: «Непротивление было всеобщее. Тяжело было видеть офицерские делегации Ставки во главе с несколькими генералами, плетущиеся в колонне манифестантов, праздновавших 1 Мая, — в колонне, среди которой реяли и большевистские знамена и из которой временами раздавались звуки Интернационала… Зачем? Во имя спасения Родины или живота своего?.. Начало съезжаться также множество рядового офицерства, изгоняемого товарищами-солдатами из частей. Они приносили с собой подлинное горе, беспросветную и жуткую картину страданий, на которые народ обрек своих детей, безумно расточая кровь и распыляя силы тех, кто охранял его благополучие».

Насколько была деморализована значительная часть русского офицерства, утратившая все представления о долге, чести и элементарной человеческой порядочности, показывает случай, произошедший с находившейся под арестом в Александровском дворце царской семьей. 8 июня 1917 года солдаты охраны отобрали у цесаревича Алексея детское духовое ружье монтекристо. Проявлявший в заключении исключительную волю и самообладание и никогда не жаловавшийся на обиды и притеснения со стороны своих тюремщиков, Николай II запишет в своем дневнике следующие слова: «Хороши офицеры, которые не осмелились отказать нижним чинам».

Примеров подобного малодушного поведения «господ офицеров» 1917 год породил множество. Это был трагический кризис, бесславный конец целого сословия, которое веками скрепляло Российскую империю. Воистину Божие наказание было ниспослано тем, кто не захотел, не решился выступить на защиту своего монарха, хотя, согласно клятве, был обязан защищать государя и его наследника до последней капли крови. Известно о крайне суровом и жестоком отношении барона Унгерна во время Гражданской войны к офицерам не только чужих частей, но и своей дивизии. И истоки подобного отношения лежали, безусловно, в событиях весны 1917 года. С. Е. Хитун, воевавший в Гражданскую войну в Оренбургской армии генерала Бакича, в 1921 году оказался в Монголии, был мобилизован в Азиатскую конную дивизию, где служил шофером у генерал-лейтенанта Унгерна. В своих воспоминаниях он отобразил специфические взгляды начальника Азиатской конной дивизии на трагедию

русского офицерства. Приведем один небольшой, но чрезвычайно показательный фрагмент из его рассказа.

«Однажды капитан Ф., закончив свой автомобильный наряд для Унгерна, вернулся на автомобильный двор и, созвав нас, офицеров, в угол, сказал дрожащим шепотом:

— Дерется!

— Кто, где, почему? — посыпались вопросы.

— Барон, ташуром (ташур 3–4 фут. 1 дюйм диаметром бамбуковая палка, употребляемая монголами, чтобы погонять скот. Вместо кнутов и нагаек она вошла в употребление в унгерновской дивизии). Меня… По голове…

— За что? За что? — повторяли мы в нетерпении.

— Занесло на льду… боком сшиб китайскую двуколку… Заставил подымать… Сам помогал.

— Как, бить офицера палкой? Как он посмел?

— Да капитанские погоны на тебе были ли?

— Братцы, надо что-то предпринять, это так оставить нельзя!

— Зови Бориса! Он пришел с бароном из Даурии. Он нам даст совет, что сделать, чтобы предотвратить это позорное обращение с офицерством…

Мы все были возмущены до степени восстания. Глаза сверкали, щеки горели: слова под напором летели… Пришел Борис, высокий, широкоплечий, молчаливый, с лицом белого негра. Выслушав спокойно наши отрывистые нервные протесты, он, пожевав губами и по очереди обведя нас своими выпуклыми глазами, сказал:

— Напрасно волнуетесь, господа, дедушка (несмотря на то что Унгерну было немного больше сорока лет, подчиненные звали его, с его одобрения, дедушкой) зря не бьет, вспылит и ударит: вас не застрелит, он знает свой характер и поэтому никогда не носит револьвера… — Он помолчал. — Что касается оскорбления… — глаза Бориса сузились и, слегка покачивая головой, он продолжал: — Хуже оскорблений, чем вы и все русское офицерство перенесло от своей же солдатни, которую науськали на вас их комиссары, представить трудно… На вас плевали, погоны срывали, вас били и убивали. Чтобы спастись от этого, вы бегали, прятались, меняли свой облик, свою речь, а иногда и убеждения… Здесь вы под нашей защитой. Здесь вы в безопасности от распущенной солдатни, которая, подстегиваемая выкриками Троцкого «Ату их!», охотилась за вами, а вы… вы бегали, скитались, прятались на чердаках, в подвалах, сеновалах и стогах сена…

После некоторой паузы и спокойным покровительственным тоном он добавил:

— Свое недовольство спрячьте! Недовольные были… Шестьдесят человек из офицерского полка тайком ускакали на Восток… а попали еще дальше — на тот свет… Дедушка послал в погоню торгутов, которые перестреляли беглецов всех… До единого.

Борис помолчал, обвел нас глазами и с легкой улыбкой продолжал:

— А что дедушка иногда любит протянуть ташуром, так это началось с тех пор, когда кто-то сравнил его с Петром и его дубинкой… Кладите рукавицу в шапку — пусть бьет, больно не будет… — И зашагал прочь, выделяясь среди других своим малинового цвета халатом, на котором желтели есаульские погоны, и в папахе, которая еще более увеличивала его и без того саженный рост. Мы переглянулись и молча разошлись. Наша новая, неприятная страница жизни началась».

Воспоминания Хитуна рисуют нам вполне определенный портрет русского белого офицера. Этому офицеру присущи чувство собственного достоинства, память о традиции, когда физическое оскорбление, нанесенное офицеру и дворянину, можно было смыть только кровью. Офицеры, пришедшие в унгерновскую дивизию, со стороны позволяют себе возмутиться нарушением этой традиции («мы были близки к восстанию…»). Но они совершенно неспособны постоять за свою честь, они не могут объясниться с начальником, позволившим себе рукоприкладство. Вместо этого они вступают в переговоры с посредником, который должен объяснить им, почему в этой дивизии командир имеет право бить своих офицеров. Борису — ветерану дивизии барона Унгерна — даже нет необходимости прибегать к каким-либо угрозам: он просто напоминает о поведении основной массы офицерского корпуса в трагические дни 1917 года: «бегали, прятались, меняли свой облик, речь и даже свои убеждения…» Слабенькая попытка («тоньше комариного писка», как говаривал поэт революции Маяковский) подавлена в зародыше, безо всякого напряжения. И Хитуну вместе с товарищами остается только с завистью смотреть в спину уходящему унгерновскому есаулу… Мог ли барон Унгерн относиться с уважением к подобным рассказчику людям? Вспомним реакцию барона на словесное оскорбление, нанесенное ему генералом Леонтовичем во время Первой мировой войны, — и все наши вопросы сразу же отпадут. Следует заметить, что и среди подчиненных Унгерну офицеров находились люди с высоким чувством собственного достоинства и не желавшие мириться с баронским ташуром. Что с ними было? «Чрезвычайно и опять-таки по-унгерновски любопытно, что барон не

расстреливал за проявление самообороны против его ташура, но даже как будто бы с того момента начинал считаться с теми офицерами, которые имели смелость в самый острый для них момент схватиться за револьверы. К сожалению, вспоминается не более двух-трех таких случаев», — рассказывал в 1930-е годы на страницах харбинской газеты «Луч Азии» Н.Н. Князев, хорошо знакомый с порядками в Азиатской конной дивизии. Он вспоминал, как во время одного из боев у движущегося на огневую позицию артиллерийского орудия соскочило колесо. Барон Унгерн «налетел на командира орудия поручика Виноградова с поднятым ташуром, но офицер столь решительно схватился за наган, что «дедушка» сделал поворот направо, сдержанно выругавшись сквозь зубы. К чести генерала нужно заметить, что происшествие не имело для Виноградова неприятных последствий, — вспоминал Н.Н. Князев. — Барон стал после этого случая даже… лучше к нему относиться».

Нередко генерал Унгерн пускал в ход свой ташур даже против сотрудников своего штаба. Большинство офицеров знали об этом и совсем не стремились попасть на службу в штаб дивизии. Однажды Унгерн предложил вакантную должность хорошо зарекомендовавшему себя в боях полковнику Парыгину. «Идите ко мне начальником штаба, — предложил барон. — Не думайте, что я бью всех начальников штаба. Вас я бить не буду». «Да я и не позволю», — возразил ему Парыгин. Характерным жестом барон вскинул голову и пристально посмотрел на полковника. «Вот вы какой? А я и не знал».[17]

Барон Унгерн еще со времен военного училища помнил слова Тацита, сказанные римским историком о древних германцах: «Постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. Выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь. Защищать вождя, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, — первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники — за своего вождя». Много позже, во время предварительных допросов у красных и на заседаниях Ревтрибунала, Унгерн неоднократно будет возвращаться к данному высказыванию. «Войско должно воевать не за какие-то выдуманные в последние 30 лет идеи, а по приказу монарха», — говорил барон, по-своему переформулировав слова Тацита. С точки зрения средневекового сознания, средневековой воинской этики рыцарь, не оказавший помощи своему сюзерену, покинувший его в минуту опасности, утрачивал свое право называться «благородным человеком». Потомок тевтонских рыцарей, Унгерн прекрасно знал правила рыцарских орденов. За особые проявления трусости полагалась

смерть; менее серьезные ее проявления могли повлечь за собой утрату общественного положения и герба. Предательство своего сюзерена с первых дней существования рыцарства считалось самым тяжким преступлением для любого воина. За предательство рыцаря могли подвергнуть любым унижениям и разжалованиям, включая лишение всех знаков отличия, всех почестей и привилегий, которые давало само звание рыцаря, шевалье, благородного человека. «Процедура эта была поистине ужасна», — пишет современный английский исследователь рыцарских традиций Морис Кин. Был разработан целый церемониал, посвященный ритуальному унижению рыцаря-предателя: вначале герольд зачитывал вслух провинившемуся указ магистра об исключении из ордена, согласно которому он лишался всех привилегий и почестей; а для того, чтобы показать всем, что отныне виновный в предательстве, по сути дела, превращался в полное ничтожество, человек, стоящий с ним рядом, давал ему в знак презрения оглушительную пощечину. Можно сказать, что с определенными поправками на время и место действия, барон Унгерн вполне точно исполнял правила средневекового церемониала. Один из офицеров, служивших в дивизии Унгерна, уже в 1934 году, находясь в эмиграции, вспоминал, что считал барон за первейшую обязанность русского офицера: «Он постоянно напоминал своим подчиненным, что после революции гг. офицеры не должны помышлять об отдыхе и еще меньше того — об удовольствиях, взамен того каждый офицер должен иметь одну непрестанную заботу — с честью сложить голову, и лишь смерть одна избавляет офицера от долга борьбы с коммунистами. Такова была бескомпромиссная формула барона, в которой заключалась вся его послереволюционная житейская философия».

Совершенно иным было отношение Унгерна к рядовому составу: казакам, монгольским всадникам. Именно они и дали барону прозвище «дедушка». Уважительное и заботливое отношение к нижним чинам проявлялось у барона с самых первых месяцев его армейской службы. Подобное поведение было для Унгерна не показным, а совершенно естественным: поэтому никто из чинов его сотни не испытал удивления, увидев однажды своего есаула стирающим форму своего вестового бурята, в то время как последний возился у костра с обедом. Известен случай, когда Унгерн лично расстрелял офицера, обвиненного в рукоприкладстве и злоупотреблении властью над нижними чинами. Рядовым казакам импонировал аскетизм барона, то, что из личного имущества у него были лишь запасная смена белья и единственные сапоги. Со времен Первой мировой войны барон

стремился как можно лучше накормить и одеть своих солдат, обеспечить раненым должную медицинскую помощь. Уже во время Гражданской войны, в Монголии, Унгерн избил своего лечащего врача, которого, кстати, чрезвычайно ценил, за то, что тот по причине усталости задержался с помощью раненому казаку. Вообще к нуждам раненых Унгерн относился чрезвычайно внимательно. Их обеспечивали лучшим питанием, всеми возможными медикаментами. Бросить раненого, не оказать ему необходимой помощи — это в частях Унгерна считалось одним из самых тяжких преступлений, за которое провинившихся неуклонно карали смертью. Подобное отношение к своим солдатам вызывало удивление даже у большевиков. Во время последних, чрезвычайно тяжелых боев с красными в Забайкалье, несмотря на отчаянное положение, дивизия Унгерна продолжала отступать со всем своим лазаретом. Раненых везли примерно на 50 подводах, где по одному, где по два. Соответственное отношение к офицерам и нижним чинам было характерным для «императора-рыцаря» Павла I, память которого барон всегда почитал.

Еще раз подчеркнем, что в подобном поведении Унгерна не было никаких отклонений параноидального характера, которые приписывались Унгерну его современниками и продолжают приписываться доселе профрейдистски настроенными беллетристами. Это была естественная реакция (подчеркнем — естественная в рамках средневекового мировосприятия барона, только исходя из которого мы можем дать адекватное толкование его поступкам) человека, своими глазами наблюдавшего крушение великой империи, развал его, Унгерна, армии, повсеместное широкое торжество восставшего хама.

Все мировоззрение и деятельность Р. Ф. Унгерн-Штернберга определялись установками средневекового сознания. Как это бывает довольно часто, лучше всего эту черту психологии барона почувствовали его заклятые враги — материалисты-большевики. «Барон Унгерн каким-то чудом пронес через сотни лет остатки баронов далекого времени…» — говорит в своей речи во время суда государственный обвинитель Ем. Ярославский (М. Губельман).

«Блестящий партийный публицист» определенно страдал косноязычием, но суть ему удалось ухватить весьма верно. «Он весь в прошлом и, слушая его слова и рассказы о нем, невольно удивляешься, как могло это странное существо появиться на свет в 1887 году на одном из островов Эстляндского побережья… Унгерн — последний эпигон Средневековья, последний цельный, законченный тип барона-бандита XIII столетия», — подытожит

вслед Ярославскому корреспондент «Советской Сибири» на процессе. Но верно почувствовать отнюдь не означает «понять». Современные жизнеописатели Унгерна сходятся с большевицкими обвинителями и публицистами в одной точке: носитель средневекового миросозерцания представляется им «мракобесом», «реакционером» и «параноидальной фигурой».

Были ли в Белом движении офицеры или генералы одного психологического типа с бароном Унгерном? Из сотен фамилий старших офицеров белой армии вспоминается прежде всего полковник, позже генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский. Как и барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, убежденный идейный монархист Дроздовский резко выделялся на фоне остальных офицеров Добровольческой армии, сражавшейся с большевиками на юге России.

Один из офицеров полка Дроздовского, В. Кравченко, рисует портрет своего командира, который даже в мелочах, в деталях оказывается удивительно схожим с портретом Унгерна: «Нервный, худой полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил, не обращал внимания на блага жизни. Всегда — от Ясс и до самой смерти — в одном и том же поношенном френче с потертой георгиевской ленточкой в петлице. Из скромности он не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать… В походах верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень… Полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой родины…»

Обратим внимание и на то, что Дроздовский, как и Унгерн, представляется человеком «не от мира сего», героем средневекового рыцарского романа, неведомо как оказавшегося в охваченной революционным пожаром России начала XX века.

… Весну 1917 года есаул барон Р. Ф. Унгерн встречает на Кавказском фронте. Мы не знаем точной даты, когда он оставил 1-й Нерчинский полк и перевелся в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, стоявший в Персии. Возможно, он перевелся на Кавказский фронт вместе со своим однополчанином по 1-му Нерчинскому полку есаулом Г. М. Семеновым, будущим белым атаманом, куда тот прибыл еще в январе 1917 года. Полк дислоцировался в местечке Гюльпашан на берегу Урмийского озера. Командовал полком Прокопий Петрович Оглоблин, известный Унгерну по самому началу его офицерской карьеры.

3-й Забайкальской отдельной казачьей бригадои, в состав

которой входил полк, командовал дальний родственник Г. В. Семенова — генерал-майор Д. Ф. Семенов. Во всяком случае, и Семенов, и Унгерн могли рассчитывать на некоторое покровительство.

В целом войска Кавказского фронта оказались гораздо менее затронуты революционным разложением. Отчасти это объяснялось тем, что основу фронта составляли преимущественно казачьи части. Число дезертиров, бежавших с Кавказского фронта, было минимальным, в частях поддерживалась относительная дисциплина. В сознании многих русских офицеров выстраивалась тогда довольно четкая дихотомия: мятежный солдатский «Север» и боеспособный казачий «Юг». На «Юг» стремились те, кто желал воевать, кто надеялся обрести хотя бы видимость старого порядка. Так, будущий белый генерал А. Г. Шкуро, командовавший во время Великой войны партизанским отрядом, писал, что весной 1917 года «отношения между пехотой и казаками, получившими прозвище «контрреволюционеров», приняли столь напряженный характер, что можно было ежеминутно опасаться вспышки вооруженной междоусобицы». Одна из стычек с группой «растерзанных солдат» чуть было не закончилась для самого Шкуро трагически. По собственным словам, Шкуро почувствовал, что «мне грозит суд Линча разъяренной толпы». От линчевания своего командира спасли спешно вызванные адъютантом Шкуро казаки. После этого инцидента он со своим отрядом решает отправиться в Персию, в экспедиционный корпус генерала Баратова.

Русский историк-эмигрант С. П. Мельгунов в книге «На путях к дворцовому перевороту» упоминает о попытках адмирала Колчака, командующего Черноморским флотом, установить контакты с командующим Кавказским фронтом великим князем Николаем Николаевичем. Последнего при поддержке армий Кавказского фронта и Черноморского флота намеревались объявить то ли верховным диктатором, то ли новым императором. Правда, сведения, сообщенные Мельгуновым в его книге, не находят подтверждения в других источниках, но в данном случае нам это не столь важно. Важно, что до поры части Кавказского фронта рассматриваются как вполне боеспособные и пока не поддавшиеся революционной агитации.

Однако вскоре разложение докатилось и до войск Кавказского фронта — революционная гангрена распространялась с поразительной быстротой. Решение высшего командования о формировании так называемых ударных батальонов, составленных из лучших солдат разных подразделений, только ухудшило ситуацию. В частях оставались

солдаты, вовсе не желавшие воевать и не подчинявшиеся никакой дисциплине. Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн решили начать формирование добровольческих частей, набранных из инородцев. Подобные части, по замыслу авторов этого проекта, должны были оказывать психологическое, а в случае необходимости и силовое давление на русских солдат, не желавших нести боевую службу.

Получив разрешение штаба корпуса, друзья принялись за осуществление своего проекта. Г. М. Семенов решил заняться формированием бурят-монгольских частей. Он написал в Забайкалье знакомым ему по мирному времени бурятам, пользовавшимся влиянием в своем народе, предлагая создать бурятский национальный отряд в действующей армии. Унгерн, как вспоминал Семенов, «взял на себя организацию добровольческой дружины из местных жителей — айсаров».

«Айсары», правильнее «айсоры», или «ассирийцы», — древний народ с многовековой историей. Старым москвичам они хорошо знакомы: в сороковые — пятидесятые годы айсоры в Москве занимались чисткой и ремонтом обуви, продажей мелкой фурнитуры. В начале XX века айсоры представляли собой несколько горных племен, живших в труднодоступных районах Турции, Персии и Российской империи. Поскольку айсоры были христианами (правда, они исповедовали христианство несторианского толка), то в мусульманских Персии и Турции они подвергались весьма серьезным притеснениям. Особенно ухудшилось их положение после победы младотурецкой революции в 1909 году — турки просто начали физически уничтожать айсоров. Очутившись с началом Первой мировой войны в зоне боевых действий, айсоры с радостью встречали русскую армию, оказывая ей всю возможную помощь и поддержку. Прекрасно зная высокогорные районы, в которых шли боевые действия, айсоры зарекомендовали себя надежными проводниками, отличными разведчиками, работали они и в частях обслуги Кавказской армии.

Барон Унгерн приступил к формированию айсорских боевых дружин в апреле 1917 года. Много претерпевшие от турок и ненавидевшие их айсоры в массовом порядке вступали в вооруженные отряды. Из них получались отличные воины. Но не менее пришлось потрудиться и их командиру — барону Унгерну, чтобы привести не привыкших к армейскому строю горцев в некоторое подобие полноценной войсковой части. Семенов писал, что «дружины эти под начальством беззаветно храброго войскового старшины барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга показали себя блестяще, но для русского солдата, ошалевшего от революционного угара, пример инородцев, сражавшихся против

общего врага, в то время как русские солдаты митинговали, оказался недостаточным, и потому особого влияния появление на фронте айсаров на положение на фронте не оказало. Фронт продолжал митинговать и разваливаться». Тем не менее, несмотря на то что поставленной цели — стабилизировать обстановку на фронте — ассирийским дружинам Унгерна не удалось, опыт стоило признать полезным. Из данного опыта барон Унгерн сделал для себя несколько выводов. Первый, главный, и самый печальный: русская армия разложилась, стала окончательно небоеспособной. Привести ее в чувство было возможно только драконовскими методами, проводимыми в жизнь железной рукой. Действительно, после восстановления летом 1917 года по настоянию генерала Брусилова смертной казни на фронте в армии наметились признаки некоторого выздоровления. Она даже сумела провести несколько успешных крупномасштабных операций. Однако затем все вернулось на круги своя. Большевицкие и эсеровские агитаторы продолжали свою разрушительную пропаганду — и оставались безнаказанными. В то же время, например, в союзной России демократической Франции любая пораженческая агитация (в том числе и агитация в пользу сепаратного мира с Германией) каралась по законам военного времени. Финансовый директор анархистской газеты «Ле бонне руж» Филип Дюваль был задержан жандармами на швейцарской границе. При Дювале был обнаружен чек на 157 000 французских франков, происхождение которых Дюваль объяснить не смог. 17 июля 1917 г. несчастный финдиректор предстал перед расстрельной командой…

Вывод второй. В условиях, когда русские войска охвачены смутой, а общество раздираемо политическими противоречиями, можно (и нужно!) удачно использовать инородческие формирования. «У них психология совершенно другая, чем у русских, — размышлял Унгерн. — У них высоко стоит верность. Война, солдат — это у них почетные вещи, им нравятся сражения… Вообще из всех народов самые антимилитаристские — это русские. Их заставить воевать сможет только то, что деваться будет уже некуда». Кроме того, в силу самого, более патриархального, уклада жизни инородцы оказались гораздо менее подвержены социалистической, левой агитации — большинство положений, которыми оперировали агитаторы, детям гор и степей были просто непонятны.

И, наконец, вывод третий, самый важный. Для того чтобы успешно бороться с социалистической и демократической заразой, расползшейся по всей необъятной России, возглавить инородческие формирования должен авторитетный воин, Вождь с

большой буквы, которому будут беспрекословно подчиняться все туземные части. Именно вождь определяет и точно знает стратегию и цели борьбы. Его воины должны идти в бой не потому, что поддерживают те или иные лозунги, пусть даже и самые правильные, например, «За восстановление самодержавия!», а просто по той причине, что их командир отдал такой приказ. Среди русских людей, которых разложила собственная интеллигенция, разложила своей любовью, заигрыванием и тетешканьем, пролитием слез о «горькой судьбине русского мужичка», подобные части на данном этапе сформировать не представляется возможным. Русские, предавшие своего монарха, отказавшиеся подчиняться богоустановленной власти и избравшие себе в вожди карикатурных марионеток, должны были испытать великий гнев Божий, пройти очищение огнем, железом, голодом, болезнями, наконец, собственной кровью, чтобы смыть с себя страшный грех предательства царя. В христианской церкви без епитимьи не бывает покаяния и отпущения содеянных грехов, без выпускания гнилой черной крови не бывает исцеления больного тяжелой лихорадкой. Многочисленные плевелы, широко разросшиеся по всей Русской земле, должны быть собраны и сожжены. Собственно, семена этих плевел были занесены в Россию из Европы, давно забывшей о священных Крестовых походах, о своем высоком прошлом, о поисках святой чаши Грааля, о священных войнах с еретиками и неверными… Но черед падшей и деградировавшей ныне Европы еще придет. Пока надо разобраться с больной и обезумевшей Россией.

Глава 8
Сопротивление

Итак, кавказский этап биографии Унгерна был завершен. Оставалось решить единственный вопрос: что делать дальше? На разваливавшемся фронте, среди деморализованной армии оставаться было бесполезно. Поддержание настоящей боеспособности в отдельно взятой воинской части напоминало толчение воды в ступе. Страшная вещь, о которой несколько месяцев назад нельзя было и подумать, вдруг стала явью — армии больше нет. Осталась одна видимость, внутри полная гноя и разложения. Спасти положение могло только великое чудо. Или великий вождь. Но явление великого вождя в стране, которая потеряла всякие устои, опору, а главное, потеряла веру, — явление вождя в такой стране и было великим чудом. Зараза большевизма и пораженчества пожрала армию, скоро окончательно пожрет и страну.

Документов, свидетельствующих о жизни барона Унгерна в эти страшные весну и лето великой российской смуты, практически не осталось. По свидетельству Альфреда Мирбаха, мужа сводной сестры Унгерна, лето 1917 года Унгерн проводил в Ревеле. Возможно, там он дожидался известий от своего друга Г. М. Семенова, который также покинул Кавказский фронт поздней весной 1917 года. В свое время Унгерн и Семенов нередко обсуждали возможность формирования бурятских и монгольских частей в Забайкалье, где у Семенова были знакомства, связи, при которых дело могло пойти на лад. Однако Семенов с Кавказа отправился в родной 1-й Нерчинский полк, где его неожиданно избрали делегатом на 2-й круг Забайкальского казачьего войска. Впрочем, почему неожиданно? Семенов всегда был хитер и умен, хитер и умен нутряным, мужицким умом. (Именно так и охарактеризовал Р. Ф. Унгерн в 1921 году Г. М. Семенова на допросе у красных: «… Семенов — умный человек. На ваш вопрос, что я понимаю под термином умный, отвечаю: расчетливый, понимающий выгоды».) Свои политические взгляды всегда держал при себе, на людях выступал за Учредительное собрание. В приверженности монархии, «старому режиму», заподозрить его было трудно. (Правда, по свидетельству дочери Г. М. Семенова, Елизаветы Григорьевны Ярцевой, в кабинете дома Семенова в Дайрене летом 1945 года висел портрет последнего русского императора Николая II.) Да, Семенов хотел навести порядок, боролся с агитаторами, разложенцами, трусами,

дезертирами… Боролся сурово. Ну и что? Вот уже сам вождь «Великой бескровной русской революции» военный министр А. Ф. Керенский призывает сделать все возможное, чтобы восстановить в войсках утраченную дисциплину. К восстановлению железной дисциплины и к суровому наказанию (вплоть до смертной казни) агитаторов, дезертиров, уклоняющихся от выполнения воинских приказов, открыто призывают генерал-демократ, командующий 8-й армией Л. Г. Корнилов, военный комиссар Юго-Западного фронта, социалист-революционер, в недалеком прошлом террорист № 1 Борис Савинков… Все понимают, что без дисциплины и порядка невозможно никакое наступление. А без удачного наступления конец один: или осенью сомнут немцы, или придут к власти набирающие все большую силу большевики.

Семенов попытался полностью использовать подходящий, как ему казалось, момент. Он обращается с письмом к военному министру и главе правительства А. Ф. Керенскому, в котором излагает свои соображения по поводу недавно вышедшего приказа верховного командования о национализации русской армии[18] и предлагает проект формирования бурят-монгольских конных частей в русле общего «строительства революционной армии». Два десятка лет спустя в своих мемуарах Г. М. Семенов так будет пояснять для потомков свое неожиданное желание послужить делу новой, революционной России: «Не исключалась возможность под флагом «революционности» вести работу явно контрреволюционную. Среди широкой публики мало кто в этом разбирался; важно было уметь во всех случаях и во всех падежах склонять слово «революция», и успех всякого выступления с самыми фантастическими проектами был обеспечен». О незаурядных интеллектуальных способностях есаула Семенова и о его умении верно ориентироваться в политических хитросплетениях послереволюционного времени говорит и сама история отправки его письма всесильному главе правительства.

В соответствии с воинским уставом любой военнослужащий вправе свои доклады, жалобы, предложения и т. п. подавать исключительно по инстанции — то есть своему непосредственному начальнику. Однако Семенов прекрасно понимал, что в условиях революционной неразберихи его проект вряд ли дойдет до Керенского, если использовать, так сказать, «законные пути». Презрев установленную субординацию, Семенов отправляет письмо непосредственно адресату, через голову своего прямого начальства. Психологический расчет автора письма был точен: упивающийся своей властью и популярностью Керенский «не найдет ничего предосудительного в том, что незначительный казачий офицер обращается со своим проектом непосредственно

к главе правительства».

Действительно, ответ не заставил себя долго ждать: проект Семенова был передан на заключение мобилизационной комиссии Главного штаба. «Там мысль использовать инородцев Сибири для новых формирований, которые могли бы послужить образцами для реорганизации русской армии, была встречена сочувственно, и я был вызван в Петроград».

Прибытие Г. М. Семенова в Петроград совпало с подавлением большевицких выступлений, произошедших 3–6 июля 1917 года. Вид загаженной «революционной столицы» с заплеванными подсолнечной шелухой улицами, с праздношатающимися неряшливо одетыми, часто пьяными солдатами произвел на казачьего офицера гнетущее впечатление. Столица была полна слухами о готовящемся новом выступлении большевиков. Власти, в том числе и военные, находились в полной растерянности и не могли, да и не хотели, предпринять что-либо конструктивное. Вместе с тем Семенов убедился, что в атмосфере всеобщей неразберихи и безответственности было бы достаточно сил юнкеров одного или двух военных училищ, чтобы навести порядок в столице. Однако меры, по мнению Семенова, должны быть предприняты самые решительные: арест членов Петроградского совета, немедленное предание их суду военного трибунала как вражеских агентов и безотлагательное приведение приговора суда в исполнение на месте, «чтобы не дать опомниться революционному гарнизону столицы и поставить его перед фактом уничтожения совдепа». В случае необходимости Г. М. Семенов предлагал подвергнуть аресту Временное правительство, передав всю верховную власть главнокомандующему генералу А. А. Брусилову.

Своими далеко идущими планами Семенов решил поделиться с полковником М. А. Муравьевым, возглавлявшим Всероссийский революционный комитет по формированию Добровольческой армии. Муравьева план Семенова чрезвычайно заинтересовал, однако он считал необходимым доложить А. А. Брусилову и испросить его согласия на проведение переворота. Семенов же вполне резонно полагал, что лучше поставить Верховного главнокомандующего уже перед совершившимся фактом. В результате никаких шагов предпринято не было, по русскому обычаю все решили отложить «на потом».

«Подождем лучше, — передавал Г. М. Семенов слова Муравьева, — пока большевики не повесят все Временное правительство, а потом мы с вами будем вешать большевиков». (Всего через три месяца бывший полковник Муравьев возглавит отряды Красной гвардии и будет сражаться против наступающих

на Петроград войск генерала П. Н. Краснова. В июле 1918 года командующий красным Восточным фронтом Муравьев организует в Симбирске антикоммунистическое восстание, арестует командующего 1-й красной армией Тухачевского, но затем пойдет на переговоры с большевиками, в ходе которых будет убит.)

Через несколько дней приказом Верховного главнокомандующего Семенов был назначен военным комиссаром Дальнего Востока по образованию Добровольческой армии. В зону ответственности Г. М. Семенова входила также и полоса отчуждения КВЖД. Одновременно он был назначен и командиром еще несуществующего монголо-бурятского конного полка. Стоянка для формирования будущему полку была отведена на станции Березовка Забайкальской железной дороги, неподалеку от города Верхнеудинска. Отправляясь на Дальний Восток, предусмотрительный Семенов заручился также письменными полномочиями и инструкцией от Петроградского совета, который еще несколько дней назад он собирался расстреливать. 26 июля 1917 года комиссар Временного правительства есаул Г. М. Семенов покинул Петроград и курьерским поездом отправился в Забайкалье.

В то время когда Г. М. Семенов продумывал и обсуждал с Муравьевым свой хитроумный план по установлению военной диктатуры во главе с Верховным главнокомандующим генералом А. А. Брусиловым, дни последнего на посту Верховного главнокомандующего были сочтены. 19 июля 1917 года А. А. Брусилов приказом А. Ф. Керенского был снят со своего поста и заменен на генерала Лавра Георгиевича Корнилова, бывшего до этого командующим Юго-Западным фронтом. Именно Л. Г. Корнилов спустя месяц после того, как Г. М. Семенов окончательно покинул Петроград, в конце августа 1917 года предпримет попытку спасти страну и армию через вооруженный переворот и установление военной диктатуры. Идея диктатуры и переворота просто витала в воздухе, вызревала во многих генеральских и офицерских умах. Кто-то был должен взяться за ее реальное воплощение.

Сын отставного казака Сибирского казачьего войска, выпускник Михайловской артиллерийской академии и Академии Генерального штаба, генерал-майор Лавр Георгиевич Корнилов считался одним из самых успешных генералов в русской армии. Он принимал участие в Русско-японской войне, был начальником штаба 1-й стрелковой бригады, заслужил орден Св. Георгия 4-й степени. По окончании войны он был переведен в Генеральный штаб, но служил в основном на окраинах России: Кавказ, Туркестан… В 1907 году Корнилова назначают русским военным

агентом в Китай. Эту должность он занимает до 1911 года. Интересно, что во время службы в Китае Корнилову удалось совершить несколько поездок по Северному Китаю и Внешней Монголии. В начале 1914 года он был уже генералом. Однако Мировая война прервала успешное развитие карьеры молодого генерала: в 1915 году во время тяжелейших боев в предгорьях Карпат дивизия Корнилова была окружена и разгромлена, а сам он попал в австрийский плен.

Корнилов не намеревался сидеть в плену до окончания военных действий: в июле 1916 года, переодевшись в солдатскую форму, он бежит из плена, оказывается в Румынии, где и выходит к русским войскам. Побег генерала из плена был событием чрезвычайным. Имя Корнилова регулярно появлялось на первых полосах русских газет, его удостоил аудиенции Николай II. Однако многие офицеры русской армии высказывали недоумение той шумихой, что разыгралась вокруг бежавшего из плена генерала: по их мнению, побег из плена являлся поступком, который армия вправе ожидать от любого военнослужащего. Тем не менее Корнилов вскоре получил под свое начало 25-ю армию Юго-Западного фронта.

Во время февральского переворота 1917 года обласканный царем генерал круто меняет курс: он проявляет себя как активный и деятельный сторонник Временного правительства. Корнилова назначают командующим Петроградским гарнизоном, он лично едет в Царское Село, где и объявляет императрице Александре Федоровне об ее аресте. Отныне Корнилов открыто демонстрирует свои республиканские взгляды вообще и негативное отношение к последнему царю в частности. Известны его презрительные и высокомерные высказывания о династии Романовых, «которая в лице своих последних представителей сыграла роковую роль в жизни страны». Однако при всех своих демократических и республиканских настроениях генерал ясно понимал, что политика попустительства и соглашательства с большевиками, которую проводило Временное правительство, в самое скорое время приведет Россию к невиданной в ее истории национальной катастрофе. Будучи по характеру человеком чрезвычайно честолюбивым и до болезненности тщеславным, Корнилов сам уверовал в свою особую миссию спасителя России и избавителя страны от революционного хаоса и распада.

Один из видных деятелей Временного правительства, князь В. Н. Львов, так же как и Корнилов недовольный деятельностью Керенского на посту главы правительства, позже вспоминал об одном чрезвычайно любопытном разговоре с новым Верховным главнокомандующим: «Я сказал Корнилову:

— Раз речь идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам.

Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал:

— Во всяком случае, Романовы взойдут на престол через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я составлю свой кабинет».[19]

В августе 1917 года положение в России стало близким к критическому. Готовившееся немецкое наступление на Рижском фронте угрожало уже непосредственно Петрограду. Было решено создать особый Петроградский фронт для защиты столицы: в его состав собирали войска с различных участков фронта. В число этих войск была включена и Уссурийская конная бригада, в которой прежде воевал барон Унгерн. Начальником нового фронта предполагалось назначить генерала А. М. Крымова. По столице циркулировали слухи о заговорах: «правом», контрреволюционно-монархическом, и «левом», большевицком. Распространившиеся слухи о готовящемся монархическом перевороте привели к аресту многих бывших приближенных Николая II, в том числе и великого князя Михаила Александровича. Контрразведка докладывала в Ставку о планировавшемся на период между 28 августа и 2 сентября новом большевицком восстании. В этих условиях Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов объявляет, что он готов принять самые жесткие меры для наведения порядка в Петрограде, против большевиков и поддержавших их членов Петроградского совета.

22 августа 1917 года Корнилов отдает приказ частям 3-го конного корпуса, Дикой дивизии и Корниловского ударного полка под командованием генерала Крымова двинуться к Петрограду и принять меры против организаторов возможных беспорядков. Сам Крымов присоединился к войскам лишь 26 августа, когда части уже стояли неподалеку от Петрограда, — до этого будущий усмиритель Петрограда находился вместе с Корниловым в могилевской Ставке. Перед Крымовым Корнилов поставил две первоочередные задачи: занять город, разоружить гарнизон, обезоружить население и разогнать совет, и вторая задача: выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и оттуда требовать от кронштадтского гарнизона разоружения и перехода на материк.

В Петрограде в это время царила паника, Временное правительство и Советы пребывали в растерянности, испуганному воображению Керенского уже рисовалось приближение страшных кавказских всадников Дикой дивизии. К частям Верховного главнокомандующего, двигавшимся к столице, присоединялись

десятки офицеров младшего и среднего звена, которые были вынуждены покинуть армию после февраля 1917 года.

Да, к осени 1917 года русское офицерство оказалось деморализованным и расколотым. Многие из офицеров не понимали и не принимали политических взглядов самого Корнилова. Но в его выступлении они инстинктивно почувствовали единственную надежду на спасение армии и страны. «Офицеры знали политические симпатии генерала Корнилова, — писал в эмиграции один из непосредственных участников событий, — но для них в данный момент был нужен вождь, который остановил бы развал фронта…»

Находившийся в это время в Ревеле, который стал уже почти прифронтовым городом, барон Унгерн присоединяется к частям родной Уссурийской конной дивизии, двигавшейся на Петроград через ревельский железнодорожный узел. Вместе с Унгерном к корниловским частям присоединились и сводный брат барона — Максимилиан Гойнинген-Гюне, а также Альфред Мирбах, о котором мы уже говорили выше. Об этом пишет в своей книге «Самодержец пустыни» Л. А. Юзефович, ссылаясь на воспоминания все того же Альфреда Мирбаха. Безусловно, нисколько не разделяя политических взглядов Корнилова, монархист барон Унгерн был готов поддержать Верховного главнокомандующего русской армией в его стремлении уничтожить на корню революционную заразу. Второго подобного шанса на спасение России могло больше и не представиться.

Однако дальше начало твориться что-то непонятное, несуразное. 24 августа в Могилев, в Ставку Главнокомандующего, прибывает Управляющий Военным министерством Б. В. Савинков и ведет с генералом Корниловым длительные переговоры. 27 августа глава Временного правительства Керенский приказывает по телеграфу Л. Г. Корнилову сдать пост Верховного главнокомандующего. Корнилов отказывается. В этот же день Керенский выпускает воззвание к стране о «Восстании Верховного главнокомандующего» и вслед за этим целый ряд воззваний к армии, Советам, комитетам, железнодорожникам и т. п. В своих истерических по духу воззваниях Керенский обвинял Корнилова в «контрреволюционном мятеже», «измене Родине и революции», «обнажении фронта». Он призывает революционные войска принять все меры к приостановке движения Крымова, а железнодорожников (тот самый знаменитый ВИКЖЕЛЬ, который через три месяца едва не свалит первый Совет народных комиссаров) — разбирать пути, блокировать стрелки, портить семафоры по ходу следования составов с войсками. В ответ Корнилов выпускает из Ставки целый ряд воззваний к России,

народу, армии, казакам, ожидая от них понимания и поддержки. Сам Корнилов продолжает оставаться в Могилеве вместе с лично преданными ему частями Корниловского ударного полка и туркменами-текинцами. Вдобавок ко всему генерал Крымов приостановил движение своих частей на подступах к Петрограду и отправился в столицу для проведения переговоров с Керенским под его честное слово и гарантии личной безопасности. Генералы, выказывавшие в феврале 1917 года необыкновенную твердость и настойчивость, требуя немедленного отречения от государя Николая И, вдруг продемонстрировали странную уступчивость и малодушие.

Участник корниловского выступления, бывший офицер австро-венгерской армии, словенец по национальности Александр Трушнович, перешедший во время войны на сторону русских, находился в самом эпицентре событий — в Могилевской Ставке Верховного главнокомандующего. Действия Корнилова вызвали у него недоумение и разочарование: «… Была совершена роковая ошибка. Корнилов вместо тош, чтобы встать во главе своих войск, идущих на Петроград, остался при Ставке в Могилеве с лучшими своими частями — текинцами и корниловцами… С Корниловым произошло то же, что произошло со многими русскими в эти дни. Сила и груз традиций, привычный образ мышления стали причиной гибели многих, вовремя не вырвавшихся из смертельной опасности… После приказания генералу Крымову двигаться на Петроград настал один из самых трудных дней.

Утром из Ставки вернулся Неженцев, вызвал нескольких из нас и сообщил, что Ставка отрезана от всего мира. Не было ни телефонной, ни телеграфной, ни конной, ни пешей — абсолютно никакой связи».

Итак, Ставка и находившийся в ней Корнилов оказались полностью изолированными. Россия, общественное мнение, на поддержку которых так надеялся республиканский генерал, — все они молчали. Наоборот, в адрес Временного правительства пошли телеграммы поддержки с мест: «Саратов. С народом собрался весь гарнизон, клялся в верности Временному правительству… Смерть Корнилову — изменнику революции и Родины». «Пенза. Мусульмане-воины Пензенского гарнизона готовы оказать полную поддержку Временному правительству. Измена Корнилова и Дикой дивизии требует предания их суду». В Петрограде прошли демонстрации в поддержку Керенского. Толпа настойчиво требовала смертной казни «изменникам».

До сих пор остается точно неизвестным, что произошло с генералом Крымовым после его беседы с Керенским: в исторической литературе, посвященной т. н. корниловскому

мятежу, по-прежнему утверждается, что «после того, как стало ясно, что планы мятежников провалились, генерал Крымов покончил жизнь самоубийством». Официальная версия, озвученная в воспоминаниях А. Ф. Керенского и в «Очерках русской смуты» А. И. Деникина, гласила, что после продолжительной беседы с Керенским «выстрелом из револьвера Крымов смертельно ранил себя в грудь». Однако среди офицерского состава корниловских частей поползли слухи, что Крымов был убит по приказу Керенского. Безусловно, трус и позер Керенский сам вряд ли был способен на подобный поступок. Но офицеры говорили, что застрелить генерала вполне мог сам Борис Савинков — профессиональный убийца и террорист, могли сделать это и ординарцы Керенского. Гораздо позже дочь генерала М. В. Алексеева — В. М. Алексеева-Борель — также писала о возможности подобного развития событий в своей книге «Генерал М. В. Алексеев».

Крымова не стало — и 3-й кавалериискии корпус остался без начальника и руководства. Из Петрограда в корпус немедленно были посланы агитаторы — войска начали митинговать… Следует отметить, что во всей истории выступления генерала Корнилова мы видим почти мистическое повторение событий февраля 1917 года: отрезанный от своей армии государь, оставленный без руководства уехавшим в Царское Село генералом Н. И. Ивановым Георгиевский полк, нечеловеческая изворотливость вперемешку с испугом, проявленная «общественными деятелями»… В феврале пал законный монарх, а летом Временное правительство только отсрочило свою агонию.

Почему же генерал Л. Г. Корнилов, обладавший весьма значительной поддержкой русского офицерства и вполне боеспособными и преданными лично ему войсками, потерпел поражение от совсем уж никчемного Временного правительства, которое два месяца спустя вообще не смогло собрать сил для собственной защиты? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять следующее: поражение корниловского движения стало своего рода прообразом поражения всего Белого дела в Гражданской войне, развернувшейся спустя несколько месяцев на всей территории бывшей Российской империи. По своей сути белые, воевавшие в Гражданскую войну, были своего рода калькой, видоизмененной копией корниловского движения. В советской историографии Гражданской войны утверждалось, что белогвардейцы выступали под монархическими знаменами, что они якобы воевали за реставрацию старой императорской России, желали вновь «посадить на шею трудящимся царя и помещиков». Именно такой предлог использовали большевики

для оправдания расстрела царской фамилии в Екатеринбурге 17 июля 1918 года — «чтобы белые генералы не смогли использовать царя в качестве объединителя всех контрреволюционных сил». На самом деле, если бы Николай II вдруг оказался на свободе, то белые генералы просто не могли бы себе представить, что же им делать дальше. У генералов, видевших себя «спасителями России», должны были возникнуть серьезные проблемы. Гораздо удобнее и безопаснее было почитать память убиенного монарха, нежели иметь над собой вождя, который среди крестьянских масс по-прежнему воспринимался как законный правитель России — «Помазанник Божий». И является вполне закономерным, что все попытки освобождения царской семьи закончились ничем, — их или предпринимали одиночки, на свой страх и риск, или же подобные попытки оказались чрезвычайно вялыми, не энергичными. (А мы еще раз вспомним слова барона, сказанные им чекистам во время допроса: «Все можно сделать, была бы энергия!»)

Среди множества лиц, составлявших высший эшелон, своего рода элиту Белого движения, всего лишь несколько человек были убежденными и последовательными монархистами. Помимо нашего героя, барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга, своих монархических убеждений не Скрывал генерал Михаил Константинович Дитерихс (о нем у нас пойдет еще речь), действовавший, как и Унгерн, на востоке страны, на периферии Гражданской войны. Монархистами были также умерший от гангрены 1 января 1919 года генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский — командир 3-й пехотной дивизии (позже получившей наименование «Дроздовской») и генерал Александр Павлович Кутепов, достигший своего «служебного потолка» уже на самом исходе войны, когда он возглавил 1-ю армию, действовавшую в составе русской армии генерала П. Н. Врангеля (до нее Кутепов последовательно командовал полком, бригадой, дивизией). Монархистом был и П. М. Бермондт (князь Авалов), главнокомандующий русско-немецкой Западной Добровольческой армией, действовавшей в Прибалтике. В самих же белых армиях проявления монархических настроений не только не поощрялись, но даже преследовались. Например, гимн «Боже, Царя храни!» был запрещен в армии адмирала Колчака. Это и не удивительно: именно основатели Белого движения генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов являлись одними из непосредственных виновников падения монархии в России. И поэтому далеко не случайным представляется отчетливо выраженный республиканский характер Белого движения. В лучшем случае его вожди выдвигали лозунг «За Учредительное собрание!», каковое,

по их мнению, и должно было после победы определить формы государственного устройства России. Белое движение «было направлено прежде всего против узурпаторов-большевиков, а вовсе не за старые порядки», — справедливо указывает Евгений Пчелов. Это мнение нашего современника находит полное подтверждение в документах, беседах, дневниковых записях, оставленных нам генералами белых армий. Вот генерал-лейтенант барон А. П. Будберг, занимавший должность военного министра в правительстве адмирала Колчака, человек субъективно честный, настроенный резко антиболыиевицки (в эмиграции он возглавлял отдел Русского общевоинского союза (РОВС) в США), за считаные дни до октябрьского переворота заносит в свой дневник горькие размышления по поводу того, что ему не доверяет… Временное правительство: «… Сейчас для данного порядка вещей нет никого более ему лояльного, чем огромное количество строевого командного состава… Бояться нас глупо, подозревать в желании взорвать существующий порядок нелепо; ведь это так ярко доказано нами и в марте, и в августе…»

В записях барона Будберга не обнаружишь ни тени раскаяния, ни сожаления, ни, наконец, простого понимания того, что гибель России осенью 1917 года стала прямым следствием того предательства своего царя и равнодушия к судьбе монархии, что продемонстрировали русские генералы в марте 1917 года. Могло ли завершиться успехом дело Добровольческой армии, если один из ее организаторов генерал Л. Г. Корнилов зимой 1918 года во время первого Кубанского похода на казачьем сходе публично заявил: «Я имел счастье арестовать императрицу и с нею всю царскую семью»? Через несколько дней Корнилов был убит единственной большевицкой гранатой, выпущенной по его лагерю. Корнилов погиб, но «корниловское отношение» к царю и его семье продолжало жить среди высших офицеров Доброармии.

Даже после мученической гибели государя и его семьи белые вожди продолжали открыто демонстрировать, мягко говоря, неприязненное отношение к оставшимся в живых представителям царской фамилии. Обратимся еще раз к дневниковым записям барона А. П. Будберга. 17 июля 1919 года он записывает: «В соборе состоялась панихида по царской семье. Демократический хор отказался петь. Из старших чинов на панихиде был я, Розанов, Хрещатицкий и уралец ген. Хорошихин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности». В июле 1919 года генерал-лейтенант А. П. Будберг является помощником начальника штаба Главковерха и управляющим военным министерством в Российском правительстве адмирала Колчака. Подобным образом

относились к царственным мученикам на Восточном фронте. На Южном фронте белых отношение было не лучшим. Так, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России А. И. Деникин в 1919 году не захотел помочь выбраться с прифронтовой Кубани великой княгине Ольге Александровне, родной сестре Николая И. Генерал просто отказался с ней разговаривать. Вообще следует заметить, что самого А. И. Деникина просто коробило от одних только слов «император» и «императорский». Так, отбив во время Гражданской войны у красных дредноут «Воля», по приказу Деникина назвали его «Генерал Михаил Алексеев», вместо того чтобы вернуть ему первоначальное имя «Император Александр III».

Говоря об истории Гражданской войны, можно также отметить весьма любопытный факт: никто из членов дома Романовых (а среди них было немало профессиональных военных) не принимал участия в этой войне. «С одной стороны, они пытались стоять как бы «над» событиями, а с другой — даже при самом большом желании попасть на службу в белую армию им было практически невозможно. Единственным исключением стал пасынок великого князя Николая Николаевича-младшего — князь Сергей Георгиевич Романовский, но он, строго говоря, к императорской фамилии не принадлежал. Его служба, однако, быстро закончилась из-за конфликта с командованием. Что уж говорить об остальных Романовых!» — комментирует данную ситуацию Е. В. Пчелов.

Пытаясь осмыслить глубинные причины трагедии Белого дела, еще один наш современник, замечательный русский художник, прошедший непростой путь духовного развития от фрондирующего эстета из числа московской «золотой молодежи» до убежденного монархиста, Сергей Шерстюк, запишет в 1994 году в своем дневнике: «Поскольку Белое дело не было монархическим, оно проиграло… Я не люблю большевиков, никогда не прощу их ритуальные убийства и ритуальное надругательство над православием, но, победи вдруг белые, я знаю, невзорванные храмы постигло бы запустение. В них производили бы кока-колу, и это казалось бы не кощунственным, а естественным. По воскресеньям мы ходили бы в игрушечные церкви, вымаливая у Бога прибыль. Религия стала бы ритуалом чисто накопительским, а храм — продолжением компьютера. Я не впадаю сейчас в крайность. Я очень люблю русских офицеров, юнкеров и солдат, не убоявшихся поднять оружие против змия, но они не Белое дело, они — русские. Белое дело — это все та же великая идея индустриальной цивилизации. И мы все по-прежнему повинны не в поражении белых, а в

клятвопреступлении. Многие офицеры так до конца жизни и не поняли, что вели их в бой (о нет, не так — толкали на войну, в бой ведут всегда чистые люди), так вот, толкали на войну клятвопреступники. Алексеев, Корнилов, Колчак, Деникин, Врангель — люди, без которых невозможна Февральская революция, это их трагедия и глупость, поскольку я не сомневаюсь в их личной храбрости, без них невозможно было бы отречение нашего царя, они клятвопреступники. Это они завели машину, которая спустя 76 лет расстреляла Белый дом. Собственно, расстреляла свое Белое дело…»

Абсолютный авторитет для любого кавалериста Русской Императорской армии генерал граф Ф. А. Келлер отказался присоединиться к Добровольческой армии, формируемой зимой 1918 года на Дону генералом М. В. Алексеевым. В своем письме к последнему Келлер так мотивировал свой отказ: «Объединение России — великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый, даже Ваш доброволец, чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный государь, умалчиваете…»

Здание Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге

Р. Ф. Унгерн-Штернберг в годы Первой мировой войны

Р. Ф. Унгерн-Штернберг в возрасте 7 лет

В. О. Каппель

П. Н. Врангель

Г. М. Семенов

Мундир Р. Ф. Унгерна-Штернберга Фотография С. Кузьмина

Знамя Азиатской конной дивизии генерала Унгерна-Штернберга

На станции Маньчжурия. Начало XX в.

Вид на Ургу. Начало XX в.

8-й Богдо-гэгэн Джебцзун-Дамба-хутухта, получивший титул «многими возведенный богдо-хан»

Зимняя резиденция Богдо-гэгэна

Р. Ф. Унгерн-Штернберг в плену

Ф. Оссендовский

MIEJSKIE TEATRY DRAMATYCZNE

TEATR

ROZMAITOŚCI

(GMACH TEATRU im. BOGUSŁAWSKIEGO)

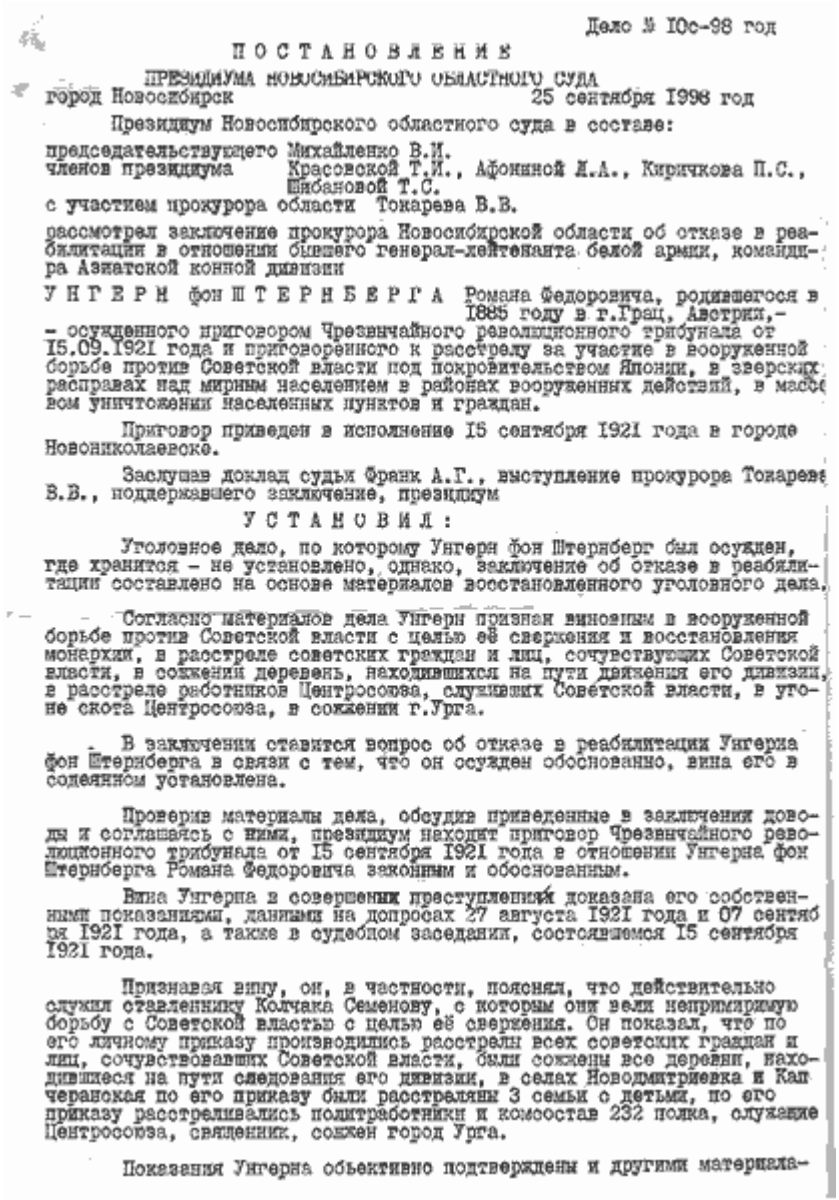
Sobota, dnia 12 kwietnia 1924 r.

PIERWSZY RAZ

ŻYWY BUDDHA

Początek punktualnie o godz. 7-ej m. 30, koniec o 11-ej wiecz.

Афиша пьесы Ф. Оссендовского «Живой Будда»



Дело № IOс-98 год

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

ПРЕЗИДИУМА НОВОСИБИРСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

город Новосибирск 25 сентября 1998 год

Президиум Новосибирского областного суда в составе:

председательствующего Михайленко В.И.
членов президиума Красовской Т.И., Афониной Л.А., Кириченкова П.С., Шибановой Т.С.
с участием прокурора области Токарева В.В.

рассмотрел заключение прокурора Новосибирской области об отказе в реабилитации в отношении бывшего генерал-лейтенанта белой армии, командира Азиатской конной дивизии

У Н Г Е Р Н фон Ш Т Е Р Н Б Е Р Г А Романа Федоровича, родившегося в 1885 году в г.Грац, Австрия, – осужденного приговором Чрезвычайного революционного трибунала от I5.09.I92I года и приговоренного к расстрелу за участие в вооруженной борьбе против Советской власти под покровительством Японии, в зверских расправах над мирным населением в районах вооруженных действий, в массовом уничтожении населенных пунктов и граждан.

Приговор приведен в исполнение I5 сентября I92I года в городе Новониколаевске.

Заслушав доклад судьи Франк А.Г., выступление прокурора Токарева В.В., поддержавшего заключение, президиум

У С Т А Н О В И Л :

Уголовное дело, по которому Унгерн фон Штернберг был осужден, где хранится – не установлено, однако, заключение об отказе в реабилитации составлено на основе материалов восстановленного уголовного дела.

Согласно материалов дела Унгерн признан виновным в вооруженной борьбе против Советской власти с целью её свержения и восстановления монархии, в расстреле советских граждан и лиц, сочувствующих Советской власти, в сожжении деревень, находившихся на пути движения его дивизии, в расстреле работников Центросоюза, служивших Советской власти, в угоне скота Центросоюза, в сожжении г.Урга.

В заключении ставится вопрос об отказе в реабилитации Унгерна фон Штернберга в связи с тем, что он осужден обоснованно, вина его в содеянном установлена.

Проверив материалы дела, обсудив приведенные в заключении доводы и соглашаясь с ними, президиум находит приговор Чрезвычайного революционного трибунала от I5 сентября I92I года в отношении Унгерна фон Штернберга Романа Федоровича законным и обоснованным.

Вина Унгерна в совершении преступлений доказана его собственными показаниями, данными на допросах 27 августа I92I года и 07 сентября I92I года, а также в судебном заседании, состоявшемся I5 сентября I92I года.

Признавая вину, он, в частности, пояснял, что действительно служил ставленнику Колчака Семенову, с которым они вели непримиримую борьбу с Советской властью с целью её свержения. Он показал, что по его личному приказу производились расстрелы всех советских граждан и лиц, сочувствовавших Советской власти, были сожжены все деревни, находившиеся на пути следования его дивизии, в селах Новодмитриевка и Капчеранская по его приказу были расстреляны 3 семьи с детьми, по его приказу расстреливались политработники и комсостав 232 полка, служащие Центросоюза, священник, сожжен город Урга.

Показания Унгерна объективно подтверждены и другими материала-

Постановление Президиума Новосибирского областного суда об отказе от реабилитации Р. Ф. Унгерна-Штернберга

Позволим себе привести здесь горькие слова архимандрита Константина (Зайцева) — одного из наиболее обостренно-эсхатологических русских духовных писателей XX века, — высказанные им в опубликованном в 1943 году в Харбине очерке «Памяти последнего Царя»: «Убог наш монархизм, — восклицал отец Константин, — поскольку он не выходит за пределы

размышлений утилитарнополитических! Бессилен он перед фактом духовного распада России. Восстановление российской монархии не есть проблема политическая. Парадоксально может это звучать, но в настоящее время *реальным политиком может быть только тот, кто способен проникать в мистическую сущность вещей и событий* (курсив наш. — *А. Ж.*)…»

И если мы заставим себя задуматься над этими строками архимандрита Константина, то поймем, что предавшие своего царя белые вожди не могли, недостойны были победить. Для того чтобы победить, им необходимо было понять и осознать весь комплекс причин, и в первую очередь причин духовных, приведших генерала Корнилова и его сподвижников к трагическому поражению. Время для того, чтобы что-то исправить и для начала хотя бы попытаться искупить свою вину перед преданной царской семьей, было дано. Армия же, не только покинувшая своего царя и предавшая его в руки врагов, но и постаравшаяся забыть о нем, допустившая, в конце концов, страшное злодеяние цареубийства, оказалась лишенной духовной опоры, высшего Божественного покровительства. Потом уже стало поздно — «Времени больше не будет», как говорится в Откровении Иоанна Богослова, в книге, именуемой Апокалипсис.

Об этом предупреждал и оказавшийся в эмиграции святитель Феофан (Быстров), епископ Полтавский, бывший одно время духовником царской семьи. Говоря о «тепло-хладности», проявленной русским народом (в том числе и по отношению к покинутой царской семье) в трагические дни всеобщей смуты, епископ Феофан предупреждал, что за свою теплохладность мы будем наказаны Господом: «Он свое отмщение воздаст не только им (т. е. большевикам. — *А. Ж.),* но и нам», — писал святитель.

По большому счету идеалом подавляющего большинства вождей Белого движения была отнюдь не «Святая Русь» и даже не конституционная монархия, а чисто западная модель либерально-технократической цивилизации. Но именно данная модель безоговорочно проигрывала большевикам в своеобразном «состязании идей». Противостоять мощному напору коммунистической мифологии, носившей ярко выраженный мессианский, религиозный характер и проповедовавшей «царство справедливости и свободы» здесь, на земле, могла лишь идея Самодержавной Монархии, которая несла на себе отсвет Иного Бытия (запечатленного в таинстве Помазания на царство) и обладала опытом многовековой традиции. Русская монархия имела за собой исконность, давность, и именно простой народ был особенно чувствителен к этому мистическому, сакральному характеру царского режима. По многочисленным свидетельствам

современников, еще в 1920–1921 годах среди крестьянской массы, вдоволь насмотревшейся на самые разные власти, от большевицкой до либерально-демократической, стали возникать картины грядущего избавления отнюдь не в духе почти анархического «мужицкого рая» и самостийной «жизни по своей воле»: сквозь надвигавшийся мрак «Каинова владычества» мерещилась фигура русского царя, который скрывается простым мужиком в глухих сибирских деревнях и появится снова на своем троне, очистив Россию от большевиков и «господ-буржуев», свергнувших его с престола. «Тогда мы их тут всех живьем в землю закопаем, — говорили мужики. — Будет царь и народ, а между ними не будет никого».

Промонархические настроения русских крестьян неоднократно использовали для достижения своих интересов и большевики. Генерал К. В. Сахаров, воевавший против коммунистов на Восточном фронте Гражданской войны, вспоминал, что один из краснопартизанских командиров, бывший штабс-капитан Императорской армии Щетинкин (судьба Щетинкина пересечется с судьбой барона Унгерна позже, летом 1921 года), действовал против колчаковцев, прикрываясь царским именем. Одна из большевицких прокламаций, доставленная белой контрразведкой в штаб армии генерала Сахарова, гласила: «Пора кончать с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным, продолжающими дело предателя Керенского. Надо всем встать на защиту поруганной Святой Руси и русского народа. Во Владивосток приехал уже великий князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака… Ленин и Троцкий в Москве подчинились великому князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами… Призываю всех православных людей к оружию, за царя и советскую власть…» По словам приближенного к адмиралу А.В. Колчаку Г. К. Гинса, Щетинкин неоднократно действовал от имени белой армии и выступал от лица великого князя Михаила Александровича. В наше время такие действия и прокламации подобного содержания политтехнологи называют «черным PR-ом». Конечно, это была демагогия, но, как отмечал русский историк С. П. Мельгунов, «подпольная демагогия удается только тогда, когда имеется для воздействия подходящая среда. Среду эту составляли не только «серебряная гвардия» — люди порядка, консерваторы деревни… которые желали восстановления твердой власти…» В своем фундаментальном исследовании «Трагедия адмирала Колчака», опубликованном в эмиграции в 1930–1931 годах, С. П. Мельгунов

приводит и другие примеры народного, «крестьянского монархизма»: «… на Алтае… появился лжецаревич Алексей, и в деревнях его встречали с колокольным звоном, и быстро переходили на его сторону все местные «большевики». Самозванцем оказался кошагачский почтово-телеграфный служащий Пуцято… Не только деревня, но и целый город переполошился, когда в Бийске была принята телеграмма на имя Верховного правителя: «Не желая погибнуть от рук большевиков, прошу дать вооруженную охрану. Цесаревич Алексей». Парень 18–19 лет, одетый в матросский костюм, произвел в XX в. такую сенсацию, что затмил славу Хлестакова… За «цесаревичем» был из города отправлен воинский отряд, приготовлено два лучших номера в гостинице, и устроен в честь высокого гостя обед…»

Член партии народных социалистов Т. И. Полнер рассказывал С. П. Мельгунову о своей поездке через Сибирь осенью 1918 года. По словам Полнера, он не раз задавал крестьянам вопрос о царе и слышал в ответ, «что царя надо, но такого, который ходил бы под отчетом».

Интересно, что монархическое сознание прибалтийского аристократа барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга удивительным образом совпадало с народными, мужицкими взглядами на сам институт монархии: «Я смотрю так, — рассказывал барон о своем понимании монархической структуры государства на допросе в 1921 году, — царь должен быть первым демократом в государстве. Он должен стоять вне класса, должен быть равнодействующей, между существующими в государстве классовыми группировками. Обычный взгляд на демократию неправильный. Она всегда была в некотором роде оппозиционна. История нам показывает, что аристократия именно по большей части убивала царей. Другое дело — буржуазия, она способна только сосать соки из государства, и она-то довела страну до того, что теперь произошло. Царь должен опираться на аристократию и крестьянство. Один класс без другого жить не может».

Прекрасно осознавалась Унгерном и вся сущность мистического, глубинного противостояния красной и белой идей. Гражданская война представлялась барону в первую очередь войной двух взаимоисключающих друг друга религий. А на вопрос о том, что представляет из себя коммунизм, Унгерн неоднократно давал один и тот же ответ: «Это есть своего рода религия, необязательно, чтобы был Бог, во многих религиях, а особенно если вы знакомы с религиями восточными, религия представляет из себя правила, регламентирующие порядок жизни и государственное устройство. То, что основал Ленин, есть

религия. Я не согласен, что в большинстве случаев люди воюют за свою якобы истерзанную родину. Нет, можно воевать только с религиями». И сама революция не ошиблась, когда она объявила «тройную» войну: против «опиума для народа», против «самодержавной тирании», против «тюрьмы народов» и за «Интернационал». Эта триада являлась симметрической противоположностью девиза Императорской армии — «За Веру, Царя и Отечество», и именно в таком порядке, так как в России Отечество основано на царе, а царь — на Вере Отечества. В физическом уничтожении самих носителей монархической идеи у большевиков была своя железная логика: не станет в России царя — не будет и самой России, не станет православия — не станет семьи, не станет русского языка. Барон Унгерн понимал, что «владычество Каина», которое олицетворяла новая власть, стократ хуже любого иноземного нашествия. Наоборот, инородческие племена, не развращенные идеями и принципами, придуманными «за последние двести лет», как казалось Унгерну, должны помочь вернуть Россию и русский народ, утративший инстинкт самосохранения, к его исконной и многовековой традиции.

Сложно сказать, насколько барон Унгерн сам для себя сформулировал все вышеприведенные идеи уже тогда, в августе — сентябре 1917 года. Но он не желает возвращаться к себе в Ревель: ожидать неизвестно чего, бесстрастно наблюдать за мучительной агонией бывшей великой империи — все это было не по нему. В пассивном и равнодушном отношении к происходящим событиям Унгерна никак нельзя было упрекнуть. 1 сентября 1917 года Керенский провозгласил Россию республикой. Никакой конституции или даже проекта конституции опубликовано не было. По сути, именно Керенский произвел самый настоящий государственный переворот, ибо формы государственного устройства России должно было определить предстоящее Учредительное собрание. В условиях предрешения государственного строя значение грядущих выборов и самого собрания сводилось к минимальным величинам.

Временное правительство начало проводить воистину самоубийственную политику и в конце концов само вырыло себе могилу. Это выразилось прежде всего в раздаче оружия большевикам и придании им легального статуса. Немедленно начались аресты наиболее активных участников корниловского выступления: арестовали самого Л. Г. Корнилова, его ближайших сподвижников. Они были заключены в тюрьму небольшого городка Быхов, где проводили свободное время в обсуждении корниловской политической программы[20] и усиленно занимаясь

английским языком.

Армия окончательно разложилась — ни сил, ни желания продолжать войну не было не только у солдат, но и у большинства офицеров. Полковник М. Г. Дроздовский, командовавший полком на Юго-Западном фронте, докладывал командиру своей дивизии о моральном состоянии подчиненных ему офицеров: «Главное, считаю долгом доложить, что силы офицеров в этой борьбе убывают, энергия падает, развивается апатия и безразличие. Лучший элемент офицерства, горячо принимающий к сердцу судьбы родины и армии, издерган вконец; с трудом удается поддерживать в них гаснущую энергию, но скоро и я уже не найду слов ободрения этим людям, не встречающим сверху никакой поддержки. Несколько лучших офицеров обращались ко мне с просьбой о переводе в союзные армии. Позавчера на служебном докладе… закаленный в боях, хладнокровнейший в тяжелейших обстоятельствах офицер говорил со мной прерывающимся от слез голосом — нервы не выдерживают… Я убедительно прошу… довести до сведения высшего начальства и Временного правительства, что строевые офицеры не из железа, а обстановка, в которой они сейчас находятся, есть не что иное, как издевательство над ними сверху и снизу, которое бесследно до конца проходить не может». При этом необходимо заметить, что полк М. Г. Дроздовского даже в условиях осени 1917 года продолжал оставаться одной из самых боеспособных частей на всем Юго-Западном фронте. Можно себе представить, что творилось в частях менее благополучных.

Большевики все больше наглели и чувствовали свою полную безнаказанность — от противостояния Керенского и Корнилова выиграли только они, став наиболее значимой политической силой России. Все большевики, арестованные после событий 3–5 июля, были выпущены на поруки. Был среди них и Лев Давидович Троцкий, который с этого момента становится главным организатором октябрьского переворота. Время, отведенное Временному правительству, вышло — отсчет шел на дни. Унгерн решает отправляться на Дальний Восток, куда приглашал его в свое время однополчанин есаул Семенов. У Семенова официальные властные полномочия от Временного правительства, можно действовать совершенно легально. Можно посмотреть, как дальше будут развиваться события, но не сидеть сложа руки, а готовить армию, готовить войска, которым, возможно, в будущем предстоит установить порядок и спокойствие в ныне распадающейся на глазах России.

Глава 9
Даурия

В Забайкалье, к Семенову, барон Унгерн прибыл в самом конце трагической осени 1917 года. В Петрограде, как и предполагал Унгерн, Временное правительство не смогло практически ничего противопоставить большевицкому перевороту, став жертвой собственной политики соглашательства и примиренчества. Офицерский состав бывшей русской армии в массе своей пассивно наблюдал за происходящим. Отчасти это можно было объяснить — Временное правительство и его глава А. Ф. Керенский, после событий августа 1917 года, вызывали всеобщую ненависть и не могли рассчитывать не то что на существенную поддержку, но даже на простое человеческое сочувствие. Многие даже испытывали чувство некоторого злорадства. Конечно, было ясно, что Ленин и большевики — многократно хуже Керенского и компании. Но здесь руководствовались известной русской пословицей: «чем хуже, тем лучше» — для исцеления от болезни необходимо, чтобы революционный гнойник созрел и прорвался, тогда будет легче излечить больную Россию.

Вполне типичным для умонастроений многих русских офицеров можно признать следующее рассуждение командира 14-го армейского корпуса генерал-лейтенанта барона А. П. Будберга, занесенное им в личный дневник через день после того, как в Петрограде власть перешла в руки большевиков: «… нам егозить нечего, ибо стул у нас один — это наша ответственность за удержание своих боевых участков — с этого поста мы уйти не можем, а борьба партий, в которой нам нет и не может быть доли, это не наше дело; сейчас мы только профессионалы, охраняющие остатки плотины, прорыв которой немцами может погубить Россию.

Есть, конечно, другой исход: ударными частями арестовать армиском[21] и вмешаться в борьбу за власть, но при данной обстановке это бессмысленно по соотношению сил и гибельно для интересов фронта, так как немедленно вовлечет его в эту борьбу. Единственный исход в том, что, может быть, миражи мира и беспечального жития, сулимого большевиками, скоро рассеются; тогда наша задача состоит в том, чтобы собрать и организовать все благоразумные и все инертно-пассивные элементы для того, чтобы, когда наступит подходящее время, вступить в борьбу с известным шансом на успех… Советы же, комитеты и комиссары

пусть занимаются политикой и пасут, как умеют, свое бурливое стадо…»

Дальнейшее развитие событий показало, сколь слепы и малодушны были те, кому предстоит возглавить Белое дело. Мы еще неоднократно будем обращаться к дневниковым записям барона А. П. Будберга, и не только потому, что генерал-лейтенант Будберг служил во время Гражданской войны на Восточном фронте, занимал видные посты в Белом движении и оставил интересные и ценные свидетельства о бароне Р. Ф. Унгерне, атамане Г. М. Семенове, положении в Забайкалье и в Маньчжурии… Главное заключается в том, что благоразумный и системный генерал-лейтенант белой армии барон А. П. Будберг являлся полной противоположностью внесистемного генерал-лейтенанта белой армии барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга. Оба были, безусловно, честными людьми, оба ненавидели большевизм, не искали с ним компромиссов и понимали, что победить его можно только с оружием в руках. И настоящей трагедией всего Белого дела стало то, что во главе его оказались исповедовавшие «умеренность и аккуратность» генералы, подобные Будбергу, а действительно харизматические лидеры и вожди вроде барона Унгерна, атамана Семенова, атамана Анненкова (в частности, Анненков с глубоким презрением относился к большинству колчаковских генералов, называя их «старым хламом»; известен еще один его отзыв о генералах Ставки Верховного правителя: «Большая часть спекулянты, остальные алкоголики»), генералов Дроздовского и Каппеля старательно вытеснялись на периферию, искусственно маргинализировались, и в результате многочисленных интриг «в верхах» даже натравливались друг на друга… «Дневник» барона А. П. Будберга, отражающий типическое умонастроение образованного, интеллигентного, антибольшевицки настроенного генерала, помогает нам понять, почему так неуютно чувствовали себя большинство колчаковских офицеров, оказавшихся волею судеб в частях под командованием барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга.

Самому Унгерну тактика «сидеть и выжидать», пока советская власть сама не восстановит против себя население России, представлялась неприемлемой и порочной. Как мы уже отмечали, в большевиках Унгерн видел не только (вернее, даже не столько) политическую силу, сколько демоническое порождение темных начал «зла и хаоса», которые, по его словам, уничтожают и растлевают «саму душу народа». В борьбе с силами зла преступно занимать выжидательную позицию, преступно дискутировать о способах и методах борьбы. Известно, к чему привели уже

подобные дискуссии… Да, нет приказов начальников, нет единого руководства. Керенский — ничтожество и отвратителен. Большинство генералов пассивны… Но неужели русские офицеры должны жить и действовать только по распоряжениям сверху, а не проявлением духа и дел снизу? Нет возможностей бороться? Необходимо найти такие возможности, нужно создавать их самому!

Путешествие по железным дорогам через охваченную великой смутой Россию только убеждало барона в правильности его выбора. Железнодорожный транспорт, еще недавно составлявший гордость России, пришел в полнейшее расстройство. Коридоры вагонов были заполнены «товарищами», ехавшими со всевозможных фронтов: расхлябанные, нахальные, с постоянной матерщиной на языке, типичные представители пролетариата и деревенского босячества. Многие ехали с винтовками и ручными гранатами. По дороге встречались поезда с вагонами без стекол, с выломанными дверями. Выходившие на своих станциях «товарищи» тащили все подряд: оконные занавески, коврики, вспарывали мягкую обшивку купе, снимали дверные ручки, выковыривали медные гвоздики… На революцию большинство старых солдат-фронтовиков смотрело с точки зрения перехода к ним земли, поднявшегося беспорядка, в большинстве своем не одобряли. Все ждали и желали получить в полную и неотъемлемую собственность по сотне две десятин на брата. Роман Федорович старался не привлекать к себе излишнего внимания и избегал вступать в дорожные разговоры, но однажды не выдержал и поинтересовался, что получится, если раздать все церковные, помещичьи и государственные земли? Солдаты не ответили, смотрели со злобой и недоверием.[22]

Зато прекрасно и весьма свободно чувствовали себя торговцы опием. Попутчик, ехавший до Владивостока, рассказывал, что опиоторговля получила за последние месяцы прочную организацию и имеет целую сеть нелегальных контор и агентств вдоль железной дороги. Высококачественный продукт шел в Россию из Персии и Туркестана, в Петрограде заделывался в стенки вагонов экспрессных поездов и таким образом переправлялся в Харбин.

Несколько раз Унгерну и его спутникам пришлось пережить обыски с перетряхиванием всех вещей и выворачиванием карманов: искали оружие, драгоценности, спиртные напитки. Во время остановки в Иркутске пришло сообщение, что атаман Семенов выступил против новой власти, попытался арестовать совдеп в Чите, а сейчас на станции Даурия формирует части добровольцев для борьбы с большевиками. Унгерн без

промедления решил отправиться к Семенову. Ехавшие вместе с ним Альфред Мирбах, а также сводные брат и сестра барона приняли решение прекратить путешествие и возвращаться в Ревель.

В самом конце ноября 1917 года на станции Даурия вместе с есаулом Семеновым собралось всего десять человек, первыми поднявших знамя белой борьбы и выступивших против захваченной красными бесами обезумевшей России. В своих воспоминаниях Г. М. Семенов перечисляет их поименно: штабс-капитаны Усиков и Опарин, несшие службу в дружине, охранявшей лагерь военнопленных, расположенный близ станции, барон Р. Ф. Унгерн, хорунжий Мадиевский, подхорунжий Швалов, младший урядник Батаков, старший урядник Медведев, казак Батуев. Вместе с Семеновым в Даурию прибыли младший урядник Бурдуковский (позже ставший одним из наиболее приближенных к барону Унгерну людей) и солдат Замкин, бывший в Чите членом местного совдепа и завербованный там Семеновым.

Даурия являлась последней относительно крупной станцией перед русской границей. Ее гарнизон состоял из одной ополченской дружины, единственной обязанностью которой являлась охрана лагеря военнопленных. По воспоминаниям самого Г. М. Семенова, «состояние совершенно разложившейся дружины было таково, что не ополченцы окарауливали военнопленных, а скорее последние контролировали дружину». Гарнизонный комитет, как и в остальной России, практически полностью контролировался большевиками. Вполне естественно, что комитет занял по отношению к небольшой группе белых добровольцев открыто враждебную позицию. Для того чтобы иметь хоть какую-то организованную опору в противостоянии большевикам, Семенов принял решение сформировать в Даурии военно-полицейскую команду, набранную из военнопленных немцев и турок. Начальником этой команды и был назначен барон Унгерн, бывший одновременно и заместителем Семенова. Выбор на Унгерна пал вполне естественно: он свободно владел немецким языком, отличался хорошими административными способностями.

Среди военнопленных попадались чрезвычайно интересные лица: например, капитан турецкого генерального штаба Элькадири (или Аль-Кадири), происходивший, по его словам, по прямой линии от пророка Магомета. Освобожденный Унгерном из лагеря как человек явно благородного происхождения, Элькадири добровольно поступил на службу в штаб семеновского отряда. Вскоре после заключения перемирия на Западном фронте

к Семенову обратился генеральный консул Великобритании в Харбине с просьбой предоставить возможность принцу Элысадири выехать на родину. Однако, как вспоминал позже Г. М. Семенов, Элькадири «как истый рыцарь долга и чести отказался воспользоваться… предложением и просил… разрешить ему остаться… до конца борьбы с большевиками… к которой он считал себя приобщенным с того момента, как из положения военнопленного он был назначен в состав моего штаба».

К сожалению, далеко не все русские люди осознавали необходимость бескомпромиссной борьбы с советами и большевизмом в той степени, в какой осознавал ее турецкий принц. Русские части, охранявшие полосу отчуждения КВЖД, пришли в состояние полного распада. Персонал железной дороги непрерывно жаловался на грабежи, насилие, воровство, чинимые теми, кто по долгу службы должен был охранять дорогу и ее служащих от подобных инцидентов. Еще большую опасность представляла позиция китайской администрации — китайцы давно смотрели на КВЖД как на свою собственность, лишь по недоразумению оказавшуюся у России, и теперь искали только подходящего повода, чтобы поставить дорогу под свой контроль.

Что же представляла собой Китайско-Восточная железная дорога? В конце XIX века развернулось строительство Сибирского железнодорожного пути, призванного связать центр империи с дальневосточными владениями. Полотно довели до Забайкалья. Железная дорога была изначально задумана как чисто экономический проект, но международная ситуация складывалась так, что она приобрела стратегическое значение. Было принято решение вести трассу напрямую через Монголию и Маньчжурию, для чего требовалось согласие Китая. Между Россией и Китаем был заключен оборонительный союз во время торжеств по поводу коронации императора Николая II, на которых присутствовал фактический глава Китайской империи Ли Хунчжан. Центральным пунктом договора стало соглашение о строительстве КВЖД. По условиям секретного договора, подписанного 3 июня 1896 года, Общество по строительству Восточно-Китайской железной дороги (фактически — российское правительство) получало под железную дорогу полосу отчуждения, где становилось полновластным хозяином: для охраны полосы формировались специальные полицейские части. Оно приобретало право «безусловного и исключительного управления своими землями и сооружения на этих землях построек любого рода». Кроме того, Россия брала на себя обязательство защищать китайскую территорию от возможной японской агрессии. Концессия предоставлялась на восемьдесят

лет, считая со дня начала эксплуатации, после чего железная дорога со всем имуществом переходила в собственность китайского правительства. Охранная стража КВЖД, штаб которой находился в Харбине, объединяла восемь рот и девятнадцать сотен, две тысячи штыков и две с половиной тысячи шашек. У территории имелся даже свой флаг, сочетавший национальные российские полосы с китайским драконом. По сути, это было отдельное государство. Комиссаром Временного правительства и управляющим КВЖД был генерал от инфантерии Дмитрий Леонидович Хорват, на моральную, а главное, материальную поддержку которого рассчитывал Г. М. Семенов. Однако после всех потрясений, произошедших в 1917 году в России, административная власть в полосе отчуждения и управление дорогой оставались в руках генерала Хорвата лишь формально. Сам Хорват, по словам Семенова, не склонен был принимать какие-либо решительные меры против большевиков, считая «что перемена власти в центре не может отразиться на его положении в силу особых его взаимоотношений с местной китайской администрацией».

Тем не менее большевики решили поставить управлять КВЖД своего человека. Выбор пал на маньчжурского большевика Аркуса, который в декабре 1917 года отбыл из Харбина в Иркутск для получения инструкций. Опасавшийся за свое положение генерал Хорват обратился к Семенову с просьбой не пропустить Аркуса в Россию. Миновать станцию Даурия большевистский комиссар никак не мог. Вскоре Аркус был задержан на станции. По словам Семенова, он намеревался задержать Аркуса в Даурии на неделю или две, после чего отправить его назад, в Харбин. «Но Аркус с самого момента ареста начал держать себя в высшей степени возмутительно, — вспоминал Г. М. Семенов. — Он начал ругать непозволительными словами и меня лично, и все офицерство, угрожал расправой чинам, производившим его арест, и попытался обратиться с зажигательной речью к солдатской массе, собравшейся на вокзале». Итогом весьма неосторожного поведения обнаглевшего от безнаказанности большевика стал военно-полевой суд и смертный приговор. Расстрел Аркуса явился первой казнью политического

— функционера нового режима, произведенной участниками Белого движения.

Через весьма короткое время одно упоминание станции Даурия вызывало у новой власти приступы нервной дрожи. Еще не успел забыться случай с Аркусом, как еще один видный большевик, на сей раз «товарищ из Центра», бывший матрос Балтийского флота, а ныне «помощник народного комиссара по

морским делам» Кудряшев попался в сети семеновской заставы на станции Даурия.

Кудряшев ехал Сибирским экспрессом во Владивосток для закупки технических материалов для Балтийского флота. Ехал хорошо и вольготно, в купе 1-го класса — пришедшие к власти большевики от аскетизма не страдали, предпочитая «буржуазный комфорт» и удобства. Длинный путь «братишка» скрашивал ежедневными пьянками и кутежами в компании с офицером-подполковником, примкнувшим к новой власти, интендантским чиновником и харбинским евреем. Следует сказать, что за время дороги новоявленный советский сановник успел досадить всем пассажирам, особенно женщинам, оскорбительным поведением и неприкрытым хамством. Однако его боялись — железная дорога находилась полностью под контролем новой власти. 31 декабря 1917 года поезд стоял в Чите, где компания начала отмечать наступающий 1918 год на широкую ногу. Шампанское, как полагается, лилось рекой. В результате Кудряшев напился и забыл пересесть на поезд, идущий во Владивосток в объезд Даурии, по Амурской железной дороге. Пассажиры экспресса послали в Даурию телеграмму о следовании в поезде важной советской персоны. Вот как описывал дальнейшие события один из пассажиров экспресса, пробиравшийся к Семенову офицер Л. Тамаров: «Поезд с грохотом подкатил к Даурскому вокзалу и остановился. Все пассажиры с нетерпением ждали развязки. Через четверть часа… в вагон комиссара вошел высокий стройный офицер, блондин, с породистым строгим лицом… Это был барон Унгерн-Штернберг.

— Это ты помощник комиссара по морским делам? — грозно спросил он «товарища» матроса, и стальной, пристальный взгляд больших серых глаз впился в Кудряшева.

И куда только девались спесь и важность вчерашнего хама! Все исчезло — и перед железным бароном стоял жалкий раболепствующий трус.

— Так точно, я, — смертельно побледнев, ответил Кудряшев… Барон Унгерн, посмотрев документы, сделал так знакомый его приближенным характерный резкий жест рукой, круто повернулся и пошел из вагона.

— А эту сволочь, — проходя мимо, указал он на остальную компанию Кудряшева, — выпороть и выгнать вон!

… Кудряшев сразу понял, в чем дело, и, обезумев от страха, ползая на коленях, стал умолять барона о пощаде, целовал офицерам ноги, обещая преданной службой рядовым у Семенова загладить свою вину. Но матросам уже никто не верил. У всех свежи были в памяти матросские зверства над офицерами, а

Кудряшев, хвастaвшийся в вагоне перед пассажирами тем, что он подписал и привел в исполнение 400 смертных приговоров над офицерами в Гельсинтфорсе, каковые будто бы были утоплены в проруби, менее чем кто-либо другой мог рассчитывать на пощаду.

Подойдя к ближайшей от станции Даурия горке, вся группа остановилась. Семь казаков отделились и отошли от «помощника морского министра»…

— Пли! — и треск ружейных выстрелов слился с криками о пощаде. Все было кончено…»

История с расстрелом бароном Унгерном помощника советского морского министра получила довольно широкий резонанс. Большевики стали бояться Даурии как огня. Месяц спустя барон А. П. Будберг, ехавший из Петрограда в Харбин все тем же Сибирским экспрессом, запишет в своем дневнике: «Узнал, что для комиссаров проезд на Харбин закрыт, так как в районе Читы сидят казаки какого-то есаула Семенова, которые расстреляли попавшегося им в поезде «товарища морского министра», а его спутникам-матросам всыпали по 150 нагаек и вернули их обратно в Иркутск.

Отпуск выпоротых «товарищей» обратно не особенно умен, так как они начнут мстить, отчего будут страдать те офицеры, которые с большими опасностями и лишениями пробираются на Дальний Восток, пытаясь там найти убежище от комиссародержавия. На них уже и сейчас идет ожесточенная охота, в эшелонах осматривают руки, и всех с белыми нерабочими руками сажают на гауптвахты».

В своей дневниковой записи барон Будберг проявляет никогда вроде бы не присущую ему решительность и суровость. «Отпуск выпоротых «товарищей» обратно не особенно умен…» Что же должен был сделать, по мнению Будберга, Унгерн со спутниками морского министра? Арестовать? Судить? Приговорить к тюремному заключению или каторжным работам? Но мы прекрасно понимаем, что во время Гражданской войны и в условиях маленькой станции Даурия никакого длительного тюремного заключения или каторжных работ применить в принципе невозможно. Вопрос стоял: или отпустить (после порки или без оной) или расстрелять. Думается, что как человек военный генерал А. П. Будберг представлял себе альтернативы.

Сожалея об отпуске выпоротых «товарищей», барон Будберг стыдливо не смог произнести рокового слова «расстрелять», но оно вполне подразумевается. Причина подобной «виртуальной жестокости» чрезвычайно проста: сам Будберг едет в поезде по занятой большевиками территории, и те будут мстить за расстрелянного помощника министра и выпоротых товарищей.

Когда дело касается его личной безопасности, то генерал Будберг готов (хотя бы только на бумаге) проявить жесткость и желание суровых репрессий. Однако проходит всего несколько дней, и поезд оказывается на территории, контролируемой семеновцами. Будберг ощущает полную безопасность, и тон его дневниковых записей резко меняется: «Проехали станцию Маньчжурия, новоявленную штаб-квартиру антибольшевистской организации есаула Семенова. На вокзале большой порядок, ходят офицерские патрули. Произвели проверку документов и багажа очень вежливо, предупредительно; почувствовал себя опять человеком, а не бесправной пешкой, доступной произволу всякого штыкократа.

… С нашего поезда сняли двух матросов с «Андрея Первозванного», причем тут же их избили. Хотя вид у них самый углубительный, но это не может оправдать их избиения; нам нельзя опускаться до тех приемов, коими отличается большевистская сволочь, надо сохранить порядочность и законность. Можно расстреливать по суду сотни, но нельзя тронуть пальцем ни одного виновного, как бы ни горьки и ужасны были прошлые переживания».

Оказавшись в личной безопасности, Будберг вдруг вспоминает о законности, о том, что без суда «пальцем нельзя тронуть ни одного виновного»… О том, что несколькими днями ранее он сам сожалел о выпуске с семеновской территории выпоротых большевиков, Будберг теперь даже не вспоминает…

Впоследствии барон Будберг проявил себя как непримиримый противник «атаманщины» и «белого большевизма», воплощением которых для него являлись атаман Семенов, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, уссурийский атаман Калмыков и ряд других видных деятелей Белого движения. Сам термин «атаманщина» был введен в оборот умеренными социалистами (эсерами, меньшевиками и т. п.), в той или иной степени выступавшими против большевизма и до известных пределов сотрудничавшими с Белым движением. Подразумевали под этими терминами военный произвол, нарушавший законопорядок и гражданские права, отказ от подчинения отдельных военных вождей Белого движения верховной власти, их действительное или мнимое самоуправство и автономность действий. Термин «атаманщина» особенно приглянулся советским историкам Гражданской войны и широко использовался ими в уничижительноиздевательском тоне — «семеновщина», «калмыковщина».

Однако к теме так называемого белого большевизма (или атаманщины) нам еще придется возвращаться ниже, а пока

обратимся к маньчжурским впечатлениям барона А. П. Будберга. Вообще-то его дневниковые записи могут служить неплохим материалом для психоаналитика. Едва прибыв в Харбин, Будберг понимает, что никто и ничто вокруг ему решительно не нравится. Все всё делают не так. Особенное раздражение Будберга вызывает наличие «неустоявшейся, больной переживаниями и революцией молодежи», рвущейся «спасать Россию» и не желающей слушать советов умудренных жизнью и опытом генералов вроде самого Будберга. «Надо всю эту молодежь собрать и засадить в самые тяжелые условия службы и работы и настоящей духовной дисциплины, — поучает Будберг. — Тогда через год из них может получиться нечто надежное и устойчивое». Однако времени ждать год, пока получится нечто «надежное и устойчивое», не было. Воевать с большевицкой заразой необходимо было здесь и сейчас. Сам же барон Будберг, и подобные ему, не спешили вступать в добровольческие отряды, создававшиеся для вооруженной борьбы с большевиками, предпочитая осуждать эксцессы «атаманщины», зондировать почву у союзников, давать «ценные» советы по военному искусству из глубокого тыла — словом, заниматься всем чем угодно, только не прямыми обязанностями военнослужащего.

По поводу боевых столкновений между отрядом атамана Семенова и красными войсками, начавшихся в феврале 1918 года, Будберг делает следующую запись: «Получено известие, что из Иркутска идут эшелоны красных войск, двинутые комиссарами для ликвидации Семенова… Я не вижу оснований, чтобы оптимистически смотреть на исход возможных столкновений Семенова с красными. Если бы даже у Семенова и было достаточно сил, то, не имея ни артиллерии, ни обозов, ни обеспеченного интендантского и артиллерийского подвоза, базируясь на точку — станция Маньчжурия — и будучи привязан к железнодорожной линии, проходящей очень невыгодно… он не в состоянии ни держаться в Даурском районе, ни двигаться вперед». В конце концов ученый барон высокомудро замечает: «Общие законы войны непреложны, а малая война, да еще в условиях Гражданской войны, — вещь очень деликатная». Однако обучить деликатным вещам ничего не разумеющих семеновских офицеров Будберг отнюдь не спешит. Вместо того чтобы претворить свои знания в жизнь на передовой, он предпочитает отправиться в Японию, дабы рассказать японским союзникам об истинном положении дел в захваченной большевиками России.

Разумеется, генерал А. П. Будберг никогда бы не рискнул разоружить полуторатысячный гарнизон, состоящий из окончательно разложившихся солдат, готовых на все под

влиянием большевицкой пропаганды, силами всего семи человек, как это сделали с гарнизоном станции Маньчжурия Семенов и Унгерн. По воспоминаниям атамана Г. М. Семенова, Унгерн вместе с еще одним (!) казаком взял на себя разоружение железнодорожной роты и команды конского запаса. Начальник местной милиции, капитан Степанов, был чрезвычайно изумлен, когда увидел, как Унгерн намеревается произвести разоружение нескольких сотен озлобленных и распропагандированных солдат. Он посчитал действия Унгерна авантюрой, обреченной на полный провал, и решил отстраниться от участия в ней. Поэтому он категорически отказался вести барона и сопровождавшего его казака к казармам железнодорожной роты и попытался уехать домой. Как вспоминал Семенов, барону Унгерну пришлось применить по отношению к начальнику милиции экстраординарные меры: «отшлепать почтенного капитана ножнами шашки по мягким местам тела, чтобы заставить его проводить себя до места». Интересно, что бы записал в свой дневник по этому поводу генерал А. П. Будберг?

Однако разоружение прошло быстро и легко, безо всяких инцидентов. Обезоруженные солдаты были построены в колонну по двое и отведены к железнодорожному вокзалу, где их уже ожидал подготовленный к погрузке эшелон. Помимо всего прочего, на станции были арестованы все большевицкие лидеры, которых также отконвоировали на вокзал и поместили в отдельную теплушку, которую Семенов приказал запломбировать, попутно заметив большевикам, что они «должны быть горды въехать в Россию в запломбированном вагоне, подобно их вождю Ленину».

Через несколько недель, в середине января 1918 года, Семенов назначает барона Унгерна комендантом города Хайлар, находившегося в полосе отчуждения КВЖД. В Хайларе были расквартированы части железнодорожной бригады и конные подразделения корпуса Пограничной стражи общей численностью около 800 человек. Не только солдаты, но и большинство офицеров этих частей были совершенно разложены большевизмом, причем именно офицеры оказались наиболее активными пропагандистами и сторонниками новой власти — большевицкого Совета народных комиссаров. Назначение барона Унгерна комендантом города вызвало полное неприятие со стороны обольшевиченных офицеров. Оказалось, что из нескольких десятков гарнизонных офицеров Унгерн мог рассчитывать только на штаб-ротмистра Межака, который со своими солдатами добровольно подчинился барону и предоставил себя в полное его распоряжение. Однако медлить

было нельзя: Унгерн получил сообщение, что гарнизонный комитет Хайлара, полностью контролируемый большевиками, готовит провокации. Разоружение солдат было назначено на 11 часов вечера, в день, когда гарнизонный комитет собрался на свое очередное заседание. Акция была проведена бароном Унгерном настолько быстро и безболезненно, что заседавшие большевики даже и не подозревали о случившемся. На следующий день все разоруженные солдаты были отправлены через станцию Маньчжурия в глубь большевистской России.

Активные действия Семенова и Унгерна в полосе отчуждения КВЖД были чрезвычайно болезненно восприняты китайцами, которые смотрели уже на железную дорогу как на свою собственность. При проведении аналогичной акции на станции Бухэду Унгерн был арестован китайцами, причем арестован с чисто китайским вероломством. Начальник китайского гарнизона пригласил прибывшего в Бухэду Унгерна к себе на обед, в ходе которого барона и арестовали.

Семенов, получивший извещение об аресте Унгерна, принимает решение немедленно выступить для освобождения барона. Однако свободных сил у него в наличии не было. Тогда, как вспоминал позже сам атаман, он решил применить «хитрость и психологическое воздействие». Семенов отправился против китайцев, взяв с собой два пустых товарных вагона и железнодорожную платформу, на которую установил скат колес с осью от казенной обозной двуколки, положив на него длинное бревно, приблизительно соответствующее размеру орудия. Это сооружение было накрыто брезентом и имитировало «броневик». Выдвинув поезд с платформой и командой монголов к станции Бухэду, Семенов отправил туда телеграмму, в которой пригрозил китайцам разгромить всю станцию из орудия, если его офицер и солдаты не будут немедленно освобождены. Спустя два часа Семенов получил сообщение, что его офицер и солдаты на свободе, оружие им возвращено, а начальник китайского гарнизона приносит свои сожаления в связи с произошедшим инцидентом и просит забыть это недоразумение. На другой день Унгерн со своим отрядом вернулся в Хайлар.

Сам атаман Г. М. Семенов чрезвычайно высоко оценивал роль барона Унгерна в становлении антибольшевистского сопротивления в Забайкалье и Маньчжурии. Он был награжден орденом Святого великомученика Георгия 4-й степени Особого Маньчжурского отряда за то, «что, командуя взводом в январе 1918 года, разоружил Хайларский гарнизон в составе батальона». Этот орден был установлен Г. М. Семеновым для чинов своего отряда и отличался от аналогичных наград императорской

России не только изображением рисунка св. Георгия, но и наличием литер «ОМО» или «Особый Маньчжурский отряд», изображением сияющего солнца на аверсе и датой «1918» на реверсе. Орден же представлял собой Георгиевский крест, покрытый белым лаком.

Гораздо позже, в конце 1930-х годов, Г. М. Семенов в своих мемуарах оценит свое сотрудничество с бароном Унгерном следующим образом: «Успех самых фантастических наших выступлений в первые дни моей деятельности был возможен лишь при той взаимной вере друг в друга и тесной спайке в идеологическом отношении, которые соединяли меня с бароном Унгерном. Доблесть Романа Федоровича была из ряда вон выходящей… В области своей военноадминистративной деятельности барон зачастую пользовался методами, которые часто осуждаются. Надо, однако, иметь в виду, что ненормальность условий, в которых протекала наша деятельность, вызывала в некоторых случаях неизбежность мероприятий, в нормальных условиях совершенно невозможных. К тому же все странности барона всегда имели в основе своей глубокий психологический смысл и стремление к правде и справедливости».

В первом наступлении на советскую Читу, которое предприняли в январе — марте 1918 года семеновские отряды, барон Унгерн непосредственного участия не принимал. Он занимался организационной работой или тем, что сам Семенов определял как «военно-административную деятельность». Деятельность эта была не менее важна и значительна, чем участие в боевых операциях. При формировании своих частей Семенов столкнулся с катастрофической нехваткой всего: людей, снаряжения, боеприпасов, артиллерии, транспорта. Известно, что все проблемы весьма легкоразрешимы, когда в наличии имеются денежные средства. Однако сибирские промышленники и купцы, бежавшие в Маньчжурию от прелестей новой власти и обосновавшиеся в Харбине, не спешили жертвовать свои кровные на спасение России, предпочитая прожигать деньги в харбинских злачных заведениях. Себялюбие и недальновидность русской буржуазии поистине не знали никаких границ. По воспоминаниям современников, цены в Харбине подскочили за несколько месяцев в десятки раз. Наш старый знакомец барон Будберг сокрушался по этому поводу: «Нам приходится уходить с квартиры, за которую брат жены платил 80 рублей в месяц, а прибывший из Иркутска богач еврей дал хозяину сразу 600 рублей в месяц и плату за год вперед». По сведениям, приводимым современным российским историком А. Б. Езеевым, оклады, установленные для

чинов Особого Маньчжурского отряда атамана Семенова колебались в пределах от 60 (рядовой) до 160 (атаман ОМО) рублей в месяц. Красноармейцы Даурского фронта, воевавшие против Семенова, получали 600 рублей в месяц, а офицеры-военспецы (тогда они именовались военными инструкторами) — 2000 рублей в месяц. Для того чтобы в таких условиях формировать воинские части и заставлять их сражаться, необходимо было обладать не только полной идейной убежденностью в правоте своего дела, но и выдающимися административными способностями и определенной политической изворотливостью. Последняя составляющая была особенно важной, поскольку дело приходилось иметь с различными азиатскими народностями — монгольскими племенами, китайцами, японцами, которые к тому же испытывали друг к другу весьма противоречивые чувства.

Судя по переписке, которую ведет Унгерн в это время с атаманом Г. М. Семеновым, с отставным русским генералом П. П. Малиновским, бывшим до революции военным советником монгольского Богдо-гэгэна, барон неплохо разбирался не только в местных особенностях межнациональных отношений, но и проявлял интерес к вопросам мировой политики, пытаясь использовать любую возможность для пропаганды Белого движения.

«Вообще мое частное мнение, чтобы китайские войска на твоей службе воевали с большевиками, а маньчжуры и харачины и торгоуты — с Китаем. Комбинация эта должна быть выгодна и для Японии. Завтра дам определенную телеграмму, где и когда можно видеть маньчжурских и харачинских уполномоченных», — пишет Унгерн Г. М. Семенову в июне 1918 года. Блюстители «чистоты моральных риз» вполне могут обвинить барона Унгерна в неприкрытом цинизме, в желании стравить между собой местные народности, «втемную» использовав их для своих целей. Но для барона Унгерна главной целью была победа над терзавшим Россию большевизмом, который, по признаниям его собственных вождей, отнюдь не собирался останавливаться в пределах бывшей Российской империи. Для достижения этой цели Унгерн считал себя вправе использовать все возможные средства, казавшиеся ему необходимыми. Точно так же поступали во время Кавказских войн русские генералы, играя на застарелой вражде и противоречиях многочисленных горских племен, находя себе подчас самых неожиданных союзников. Менялись политические военные расклады, менялись тактические задачи — менялись и союзники, вчерашние враги становились друзьями и наоборот. «Восток — дело тонкое», — говорил персонаж из

известного советского кинофильма «Белое солнце пустыни». Недаром в русский язык вошло идиоматическое выражение «азиатское коварство». Без учета этой важной нематериальной составляющей ни одно уравнение на Востоке не могло быть должным образом решено.

Необходимо учитывать также и сильно изменившуюся геополитическую ситуацию: прежде прочное положение России в Забайкалье и на Дальнем Востоке, подкрепленное штыками Императорской армии, ныне было сильно поколеблено. Республиканский Китай, пользуясь российской смутой, примеривался не только к КВЖД. Аппетиты китайцев распространялись на русские территории в Приморье, Уссурийском крае, Забайкалье. Отдельные китайские воинские отряды переходили русско-китайскую границу, на Амур были введены китайские канонерки. Роль китайского фактора в разгоравшейся Гражданской войне могла быть чрезвычайно высокой, особенно учитывая то, что десятки тысяч китайцев служили в Красной армии. Не считаться с этим ни Унгерн, ни Семенов не могли. Унгерну представлялось гораздо более выгодным и полезным для Белого движения, чтобы китайцы погрязли в разборках с монгольскими племенами, населявшими северо-восточные провинции Срединной империи, нежели вмешивались бы в русские дела. Так что с точки зрения геополитических интересов России политика, известная со времен Римской империи под лозунгом «Разделяй и властвуй» и предлагаемая Унгерном Семенову, была вполне оправдана и целесообразна: хоть в какой-то мере она должна была стать препятствием на пути китайской экспансии.[23]

Кстати, данный постулат прекрасно понимали англичане — признанные мастера политической интриги, исключительно поднаторевшие в восточных делах. Вместе с тем у Унгерна начисто отсутствует высокомерное, покровительственное и снисходительное отношение к местным, или, как тогда говорили, «туземным» народностям. Барон не только сам пытался изучить и понять менталитет населявших край монгольских племен, но и «погрузить» в туземную среду офицеров своих частей, для большинства из которых Монголия, Китай, Маньчжурия были самой настоящей terra incognita. Одним из первых приказов Унгерна по вверенной ему Инородческой конной дивизии (позже переименованной в Азиатскую конную дивизию), которую он начинает формировать зимой 1918 года, был приказ об изучении чинами дивизии монгольского языка. К занятиям сам Унгерн относился чрезвычайно серьезно. В своем приказе по дивизии № 12 он отмечал: «… Уроки по изучению монгольского языка гг.

офицерами посещаются неаккуратно. 15 января на уроке было всего лишь два офицера. Предписываю обучающему, зауряд-есаулу Солдатову, вести дневник, отмечая отсутствующих на уроке. Предупреждаю, что за непосещение уроков буду наказывать как за уклонение от службы. 15 февраля произведу проверку знаний по монгольскому языку…»

Основу Инородческой дивизии Унгерна составляли бурятские и монгольские всадники. В январе 1918 года в состав дивизии влилась большая группа харачин — воинственного монгольского племени, длительное время воевавшего против китайцев. Несколько сот харачин образовали 3-й Хамарский полк, который летом 1918 года принял участие в боях с большевиками вдоль линии Забайкальской железной дороги и продемонстрировал, по отзывам очевидцев, «замечательные боевые качества». При формировании дивизии Унгерн придерживался принципа, уже испытанного во время Великой войны в таких инородческих формированиях, как так называемая «Дикая дивизия»: рядовой состав полностью состоял из туземцев, управление же осуществляли русские офицеры, или же представители знатных инородческих семейств, уже зарекомендовавшие себя верной службой белому царю. Именно верность царю, преданность своему непосредственному начальнику (так же как и внутри своего племени — верность вождю, главе рода или клана) была тем стержнем, на котором держались подобные формирования. Как правило, простые туземцы, будь то кавказские горцы, среднеазиатские текинцы или монголы, о самой России ничего не знали, абсолютно ее себе не представляли и, соответственно, и не любили. Да и за что, собственно говоря, им было ее любить? Слово «отечество» в том смысле, которое вкладывал в него русский человек, было для них не более чем пустым звуком. В системах, подобных Дикой дивизии или Инородческой дивизии Унгерна, абсолютно все держалось на личном авторитете своего непосредственного командира, затем на авторитете командира части и, наконец, на харизме верховного вождя — русского белого царя, на верность которому присягали горцы. После падения монархии главная составляющая часть данной конструкции оказалась утраченной. До некоторой степени детей степей и гор сдерживал личный авторитет непосредственных командиров: вспомним о преданности туркмен-текинцев лично генералу Корнилову, о той любви, которой пользовался у горцев великий князь Михаил Александрович, об их готовности не рассуждая сражаться вместе с генералом Крымовым… Однако после того, как исчезала эта последняя скрепа в лице русского командира, ранее боеспособная и дисциплинированная часть

превращалась в неуправляемую банду абреков, хунхузов, басмачей… Во время суда в Новониколаевске, отвечая на вопрос о боеспособности монгольских частей, Унгерн подчеркивал: «Все зависит от начальника. Если начальник впереди, они впереди. А у русских начальник может сам оставаться позади, только должен указывать».

В таких частях вся система взаимоотношений по линии «командир — подчиненный» была принципиально отличной от системы, сложившейся в традиционных частях русской армии. Помимо личной храбрости, военного таланта, заботы о своих солдатах от командира также требовалось умение «навести страх». Справедливость, гуманность, вежливое обращение, добродушие воспринимались горцами и степняками как признак слабости командующего, его неуверенности в себе. Уважение к своему командиру обязательно должно соседствовать со страхом — именно подобная комбинация обеспечивала успешность действий подобных формирований. В полном соответствии с этими принципами строил свою дивизию и барон Унгерн. Сам он называл себя сторонником «палочной дисциплины» и подчеркивал, что своим идеалом считает дисциплину времен Фридриха Великого, Павла I и Николая I.

Станция Даурия стала опорным пунктом между Читой и Китаем. Военный городок, расположенный у самой станции, представлял собой несколько трехэтажных кирпичных казарм, отдельные здания, в которых в мирное время размещались офицерские квартиры, церковь, артиллерийские мастерские, конюшни, хозяйственные помещения. Дивизия занимала весь городок. Четыре казармы, расположенные по углам военного городка, были превращены в укрепленные форты: окна и двери замурованы, на верхних этажах и крышах установлены пулеметы. Основной задачей Азиатской дивизии являлась охрана железной дороги на участке между станциями Оловянная и Маньчжурия. В состав дивизии входили: комендантский эскадрон, 3 конных полка, отдельный Бурятский конный полк, 2 конные батареи и Корейский пеший батальон. Даже недоброжелатели Унгерна единодушно признавали, что дивизия прекрасно дисциплинирована, одета и обута строго по форме (защитные рубахи и синие шаровары), офицеры, всадники и конский состав обеспечены всем необходимым: питанием, обмундированием, фуражом. Все военнослужащие получали фиксированное жалованье, выплачиваемое в золотых рублях и всегда в срок. Семьям военнослужащих выдавались денежные пособия. На это Унгерн обращал особое внимание. «… К удовлетворению семейств денежным и пищевым довольствием он был особенно

внимателен», — вспоминал современник. На плечи барона Унгерна также легла обязанность платить рабочим и служащим КВЖД, оказавшимся в его зоне ответственности.

Их заработок также выплачивался в золотой монете. Всем взрослым служащим мужского пола, а также офицерам и казакам ежедневно выдавалось по пачке папирос и коробку спичек. (Заметим, что спички в условиях тотального дефицита, вызванного Гражданской войной, ценились ничуть не меньше золота.) Никаких производственных конфликтов — задержки жалованья, забастовок, случаев саботажа, сотрясавших тылы белых армий на Восточном фронте, у Унгерна не наблюдалось.

Н.Н. Князев писал в своих заметках-воспоминаниях о генерале Унгерне, публиковавшихся в 1930-х годах на страницах эмигрантского журнала «Луч Азии»: «Благодаря неусыпным заботам своего начальника Азиатская конная дивизия стояла на значительной высоте в смысле дисциплины и выучки. Боевые же качества этой части были вне критики. Основным недостатком дивизии был низкий культурный уровень и разношерстность ее офицерского состава. Правда, все офицеры имели большой боевой опыт и личную храбрость, но интеллектуальное развитие типичного для дивизии офицера было чрезвычайно низко. Этим недостатком особенно страдал старший командный состав, выдвинутый самим бароном из нижних чинов. Считая таких людей всецело ему обязанными, Роман Федорович вполне на них полагался и верил только им». Известен случай, когда вполне подготовленный и храбрый офицер был назначен заместителем Унгерна генералом Резухиным исполнять должность командира полка. Однако это назначение было отменено Унгерном, лаконически пояснившим свое решение: «Больно грамотен».

В недоверии, которое испытывал Унгерн к «интеллигентам» и интеллигентскому сословию вообще, не было ничего иррационального, как не было и скрытого ощущения собственной неполноценности. Подобное отношение барона к офицерам «интеллигентного типа» имело свои глубокие причины: основы подобной неприязни объяснялись социально-психологическими и идейно-мировоззренческими причинами, идеологическим расколом Белого движения на многочисленное «левое», республиканско-либеральное, политически гибкое крыло и на «правое», идейно-монархическое, к которому принадлежал и сам Роман Федорович. Позже Унгерн одной из причин своего ухода в Монголию объяснял «несходством взглядов» с большинством колчаковских генералов, которые, по словам самого барона, «начали розоветь». «Это мне не по пути», — говорил Унгерн.

В конце Гражданской войны идейное противостояние внутри

белых армий нередко перерастало в вооруженные столкновения между представителями различных политических лагерей. Примером подобного противостояния на Дальнем Востоке стал раскол белой армии на семеновцев и каппелевцев. После трагической смерти В. О. Каппеля, человека кристально чистого, монархически настроенного, обладавшего непререкаемым авторитетом, в войсках, которыми он руководил до своей гибели, возобладали все те же демократические, либеральные настроения. «Состав армии в политическом отношении пестр до крайности… В армии тесно переплелись между собой элементы крестьянский, рабочий и интеллигентный. В среде их встречаются представители всех политических течений, до коммунистов включительно, не приемлющих беззастенчивого жульничества большевиков», — писал о каппелевской армии современник. У семеновцев подобное и представить себе невозможно. Сам Г. М. Семенов, как мы уже говорили, если и был монархистом, то глубоко в душе, внешне же подобных симпатий не проявлял. Он более склонялся к национально ориентированной военной диктатуре, социалистов (меньшевиков, эсеров) и либералов не любил, справедливо считая их пособниками большевиков. В результате многих столкновений, разборок и склок общего языка семеновцы и каппелевцы найти так и не смогли, что стало одной из причин (но весьма существенной) поражения белого дела на Дальнем Востоке.

Приведем лишь один пример, хорошо иллюстрирующий, насколько напряженными были отношения. 4 января 1920 года указом адмирала А.В. Колчака Г. М. Семенов был назначен Главнокомандующим вооруженными силами Российской Восточной окраины. В состав каппелевской армии была включена Азиатская конная дивизия барона Р. Ф. Унгерна. Среди каппелевских офицеров Унгерна именовали не иначе как «сумасшедший барон». Спустя некоторое время командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий в ультимативной форме потребовал от Семенова убрать из армии барона Унгерна. «Или я, или он», — по слухам, поставил вопрос Лохвицкий. Причиной столь резкой постановки вопроса были многочисленные, как говорили каппелевцы, «чудачества» барона. В результате из армии ушел Лохвицкий. Тем не менее даже каппелевские офицеры отдавали Унгерну должное. Ротмистр В. Зиновьев в 1927 году так вспоминал о бароне: «… Несмотря на все темные стороны даурской контрразведки… невзирая на все чудачества Унгерна, вроде тех, когда он приказывал привязывать в конский станок офицера, проворовавшегося на фураже… у него нельзя не отметить… идейность и необыкновенную волевую

энергию, что значительно выделяло его среди всех руководителей Белого движения в Забайкалье и вообще на востоке».

В офицерах-интеллигентах, из которых преимущественно и состояла каппелевская армия, Унгерна раздражало определенное высокомерие, их самоуверенность и всезнайство, желание руководить, быть всюду на первых ролях, высокомерное отношение к «кадровым». Отметим также, что вышеперечисленные качества вообще являются специфически характерными чертами сословия, именуемого «русской интеллигенцией». Однажды в лагерь Унгерна прибыл бежавший от большевиков статский советник Голубев, человек с большим самомнением и весьма высокомерный. «Унгерн принял его вежливо, беседовал с ним, — рассказывает очевидец этой встречи есаул Макеев, — чем Голубев, не знавший бароновского характера, решил воспользоваться и стал давать советы политического и иного характера. Барон долго крепился, потом приказал Голубева выпороть: «Выпороть Голубева. Он из интендантства, а следовательно, мошенник». Голубева повели на истязание. Жена, взволнованная и возмущенная, влетела к Унгерну в палатку, и… ее барон приказал также выпороть. Выпороли. Несчастную женщину после этого направили в обоз, а мужа назначили рядовым в полк». Можно, конечно, осудить Унгерна за издевательство над незадачливым статским советником и его женой. Но сколько было таких интеллигентов-«о5разованцев», «проговоривших» монархию, власть, саму Россию и в результате ничего не понявших, ничему не научившихся? Бегая от большевиков, они никак не могут успокоиться, не ощущают никакой своей вины в происшедшем, но продолжают считать себя «солью земли», давать многомудрые «ценные» советы… Какие чувства могли вызвать подобные люди у боевого офицера, ведущего реальную, а не словесную борьбу с большевизмом? Вопрос риторический…

Не мог терпеть Унгерн и «генштабистов» — выпускников Николаевской академии Генерального штаба. Весьма толковый и талантливый офицер, полковник Дубовик занимал в дивизии весьма скромную должность заведующего вооружением — барон не доверял ему, поскольку до революции Дубовик служил в Генеральном штабе. При представлении прибывших в дивизию новых офицеров часто происходили следующие картины: «Полковник-инженер Ф.». — «Вы нужны мне». «Генерального штаба полковник И.». — «Этой сволочи мне не нужно». Впрочем, в подобном отношении к генштабистам Унгерн совсем не был одинок. Еще во время Великой войны многие строевые офицеры (особенно в гвардии и кавалерии) генштабистов открыто

недолюбливали, называли «серым (или «черным») войском». «Погубили гвардию, погубят и государя», — подобные отзывы звучали в войсках в отношении офицеров Генерального штаба.

Не следует, однако, думать, что образованному и интеллигентному офицеру у Унгерна вовсе не было хода. Все, в конце концов, решали личные качества. Поступающим на службу в дивизию предстояло выдержать своеобразное собеседование с бароном. В своей книге «На службе Отечества», вышедшей в Сан-Франциско в 1965 году, В. И. Шайдицкий вспоминал, как зимой 1920 года, будучи в звании пехотного капитана, он обивал в Чите пороги всевозможных штабов, прося о приеме на службу. Однажды, после безуспешных поисков, в штабе атамана Г. М. Семенова Шайдицкий разговорился с генералом В. П. Акцыновым, представителем барона Унгерна при штабе атамана. Тот предложил Шайдицкому службу у барона. Шайдицкий немедленно согласился, но выразил сомнение, насколько он, пехотный офицер, будет полезным в кавалерийской части. «Ничего, важно ваше желание служить у барона», — ответил ему Акцынов.

Через несколько дней капитан прибыл в Даурию и отправился в штаб Унгерна для положенного по уставу доклада. Предоставим теперь слово самому В. И. Шайдицкому, давшему весьма выразительное описание своей встречи с бароном: «Приехал я в Даурию в начале февраля 1920 года, явился в штаб дивизии и с некоторым трепетом вошел в кабинет барона и рапортовал ему о прибытии. Я встретился с пронзившим меня до пят взглядом сильных глаз, который я выдержал, и сам упорно смотрел ему в глаза — этот долгий и молчаливый поединок решал на будущее время всю мою судьбу. Я приобрел полное доверие у барона, не один раз доказавшего это на деле, особенно в одном тяжелом боевом положении на границе Монголии…»[24] Унгерн приказал Шайдицкому принять под командование учебную сотню формируемого конного отряда, впоследствии переименованного в Конный полк.

Многие мемуаристы и вслед за ними современные беллетристы склонны обвинять барона Унгерна в маниакальной подозрительности. Действительно, сам барон неоднократно высказывался в подобном ключе: «… Всюду предатели! Честные люди перевелись. Имена вымышленные, документы поддельные. Глаза и слова лживые… Осквернённая большевиками страна полностью деморализована… Разве можно сейчас кому-нибудь верить?» Участь не только активных большевиков, но и просто заподозренных в сотрудничестве с ними была незавидной — как правило, их расстреливали на месте. Но столь суровые меры не

были следствием «извращенной психики» Унгерна (хотя может ли быть полностью нормальной психика у кого-либо, прошедшего через 3 года беспрерывных боев в Мировой войне и 2 года боев в Гражданской?). Как мы писали выше, события февраля — октября 1917 года нравственно надломили русское общество. Предательство, измена, переход из одного политического и воюющего лагеря в другой были повсеместными. Переходили от красных к белым и, соответственно, наоборот. Невозможно разобраться, кто переходил по идейным соображениям, кто — из-за страха, кто — из-за чисто шкурнических интересов, кто — из-за боязни за жизни близких, оказавшихся в заложниках… Ситуация морального надлома и повсеместной духовной деградации русского общества была спровоцирована нарушением присяги в феврале 1917 года, массовым цареотступничеством правящих классов. Запущенный однажды маховик предательства и измены невозможно было остановить. Для людей, изменивших присяге, данной своему императору, не оставалось нравственных запретов и ограничений. Чистоту моральных риз удалось в этих условиях соблюсти немногим. Но, не доверяя одним и безжалостно расправляясь с ними при малейших подозрениях в измене, Унгерн в то же время безгранично верил приглянувшимся ему в чем-то людям. «В принципе Унгерн был доверчив, как дитя, — вспоминал о бароне подпоручик Н.Н. Князев. — Он… верил каждому докладу, но требовал от докладчика стопроцентной правды. По тем же причинам нетрудно было выудить у барона денег на какую-нибудь фантастическую цель. Если он кому-нибудь верил, то, даже и под конец своей жизни, после того как узнал непривлекательную послереволюционную сущность человеческой натуры, он верил во всем. Но и разочарование его достигало сверхчеловеческих глубин. «Привези мне его голову (маньчжурского коммерсанта Никитина), чтобы я мог посмотреть в эти подлые, лживые глаза. Я не пожалею никаких денег». Так писал барон из Урги своему есаулу Дзыно в Хайлар».

Интересным и весьма показательным для объяснения характера барона Унгерна является еще один случай, произошедший с В. И. Шайдицким, о котором он довольно подробно рассказал в своих воспоминаниях.

«Однажды на рассвете меня разбудил дежурный офицер по поселку и доложил, что 2-я и 3-я сотни ушли за Онон к большевикам. Подняв тревогу и приказав выставить охранение от 1-й сотни, я установил, что 2-я и 3-я сотни решили уйти домой «по-хорошему»… По следам на земле обнаружилось их направление и каким строем они шли: по «три», то есть тем строем, который был запрещен в нашей дивизии. Мне оставалось

лишь одно — послать донесение генералу Резухину, по приказанию которого в тот же день я был сменен другим полком. В длинной беседе с истинным офицером и прекрасным человеком генералом Резухиным мы коснулись всех вопросов, не договаривая лишь о конце всей этой истории для меня лично: расстрел казался неизбежным, и я приготовился к расставанию с жизнью… Офицеры 1 — й сотни горячо просили меня дать согласие на их план: вместе со всей сотней «драпануть» в Дальневосточную армию… заключившую с большевиками договор о перемирии на станции Хадак-Булак. Я решительно и резко ответил отказом.

В один из вечеров раздался звон колокольчиков: барон приехал и остановился у генерала Резухина. Жутко вспоминать мое тогдашнее состояние. После полуночи явился от барона всадник комендантского эскадрона, требовавший меня к себе. С этой минуты я собрал все свое самообладание, постарался успокоить нервы, перекрестился и вышел из дома на улицу… Я увидел барона, рапортовал ему о приходе и быстро, осмотрев комнату, встал вплотную к стене, подальше от дверей и окон. Сидя на стуле (обычная его поза), он пил чай (тоже обычный напиток) и, быстро окинув меня стальным взглядом, сказал: «Рассказывайте!» Ему нужно было всегда говорить коротко и ясно, и я в кратких словах доложил, будучи уверенным, что он все детали уже знает от генерала Резухина. «Сколько вы истратили?» — «165 рублей на подбивку подошв к сапогам всадников»… На мой ответ барон вспылил: «Вот оттого и сбежали у вас, что вы не «завели» людей, которым надо было платить, и вы бы все знали, что делается». На это уже я вспылил и сказал: «Ваше Превосходительство, я кадровый офицер и не могу подкупать своего солдата». Наступило молчание, барон встал и стал ходить по комнате. Висячая лампа стала качаться, и я вдавился еще больше в стену и следил за каждым его жестом, вслушиваясь в тишину, царившую в доме и за окном. Вот-вот, мне казалось, войдут всадники комендантского эскадрона и меня схватят.

Барон остановился передо мной почти вплотную, моя рука невольно потянулась к револьверу, он, видимо, понял мой жест, а может быть, мне показалось, что он заметил это… но он быстро отошел от меня, сел на стул в своей позе и сказал: «Передайте 1-ю сотню Циркулинскому, 4-ю разделите…»

… Набравшись храбрости, чувствуя, что непосредственная опасность миновала, я говорю: «Ваше Превосходительство, зачислите меня в какую-либо часть, хоть всадником». — «Чего вы каетесь, я не Богородица, отправляйтесь к Циркулинскому», — и, не получая разъяснения, я спрашиваю: «В качестве кого?» —

«Советником«… Я еще задал вопрос: «Ваше Превосходительство, куда назначаете моего помощника по строевой части подполковника и адъютанта штабс-капитана Бенарадского?» — «Оставьте при себе». Только теперь я почувствовал, как я был нервно напряжен, и от истраченной энергии воли я почувствовал, что стал «обмокать» — почувствовал большую усталость. Спросил, могу ли уйти, и, получив разрешение, вышел из дверей и… ахнул. У самых дверей стоял командир 1-й сотни поручик Плясунов… а вдоль заборов и домов по обе стороны улицы вся сотня в седлах. Оказалось, что вслед за мной подошла вся сотня к дому барона на случай, если со мной что-либо случится. Этот случай, конечно, не мог не дойти до барона, но он не давал повода думать иначе».

С В. И. Шайдицким был связан еще один прелюбопытный эпизод, добавляющий весьма неожиданные штрихи к характеристике барона Унгерна. Весной 1920 года Шайдицкий подал рапорт барону о разрешении вступить в первый законный брак. «Результат нашей беседы, вернее, моего рассказа о себе и о невесте, который он (Унгерн. — *А. Ж.)* заставил меня изложить, превзошел самые смелые надежды, — вспоминал Шайдицкий. — … После моего доклада он вышел и вернулся с пачкой денег. «Подарок на кольца», как он выразился, добавив, что дает мне свой салон-вагон для поездки на станцию Маньчжурия и письмо священнику храма с «приказанием» обвенчать нас: была пятница третьей недели Великого поста 1920 года…»[25] На этом же поезде была и организована свадьба Шайдицкого. Перед своим выступлением в Монголию, несмотря на острую нужду в опытных офицерах, Унгерн отправил Шайдицкого с молодой женой в тыл, оформив его назначение своим представителем при атамане Г. М. Семенове. При прощании Унгерн выплатил Шайдицкому значительную сумму в золоте на обустройство. Увидев цейссовский бинокль Шайдицкого, барон сказал: «Он не нужен вам больше, дайте мне». На клочке бумаги Унгерн написал: «300.00 золотом» — это была более чем щедрая расплата за бинокль. Несмотря на протесты Шайдицкого, что он хочет сделать подарок своему командиру, барон возразил: «Я подарков не принимаю».

Барон Унгерн всегда чрезвычайно внимательно относился к бытовой стороне воинской службы, что признавалось даже его недоброжелателями. «У барона все люди обуты-одеты, никогда не голодают» — таково было общее мнение. Вообще, из сохранившихся деловых бумаг, приказов по дивизии, переписки, которую вел барон, можно заключить, что со своим остзейским педантизмом Унгерн старался вникнуть в каждую мелочь,

касавшуюся обеспечения и быта войск и населения, деятельности различных вспомогательных служб, устроения личных дел своих подчиненных. Узнав, что в Чите собираются печатать бумажные деньги, барон предлагает для внутренних расчетов отчеканить монеты из вольфрама. Он собственноручно разработал эмблематику, договорился о выписке японской чеканной машины. Чрезвычайно внимательно следил барон за состоянием лазарета и положением раненых. Даже малейшего непорядка в медицинской службе не терпел. Сохранился приказ, изданный бароном 20 декабря 1919 года: «Две недели назад врач Ильинский был мной арестован за те же самые упущения, которые были сегодня при обходе бригадного лазарета. Ныне вновь его арестовываю с содержанием на гауптвахте один день и две ночи. Посмотрим, кому надоест раньше: мне ли сажать, или ему сидеть… Но я не унываю и надеюсь служить с врачом Ильинским совместно до тех пор, пока он не научится хорошо работать и со рвением относиться к своим обязанностям…»

Наверное, как и любой человек, занимающийся настоящим живым делом, барон Унгерн органически не мог терпеть никакого бумаготворчества. Начальник гарнизона станции Маньчжурия генерал-майор Казачихин отзывался о бароне как о начальнике, «не терпящем никакой канцелярии и бумаг, бросающим их в печь и жгущим, как тормозящих живое дело». «Вся ваша бумажная работа ни к черту негодна, — говорил Унгерн канцеляристам, — и в один момент может свестись на нет». Роман Федорович обладал своеобразным чувством юмора — на просьбы выдать предписания, накладные и т. п. отвечал: «Вам надо бумаги? Хорошо, вам пошлют целый букет». Позже один из тех служащих, кого Унгерн попрекал «напрасным бумагомаранием», с горечью признал: «И глубоко он был прав… Сколько было недоразумений из-за разных пустых бумажных формальностей, требования расписок, соблюдения норм, все эти документы подшивались, нумеровались, а в одну ночь не стало ни интендантских громадных складов, ни требований, ни ордеров, и сами мы остались «вне нормы»…» Деньги командирам подразделений выдавались без расписок, документов в их расходовании не требовалось — все строилось бароном на этике офицера.

Возможно, кто-нибудь, прочитавший эти страницы, скажет, что нами изображен некий идеальный военачальник, «рыцарь без страха и упрека». Что же, барон Унгерн-Штернберг действительно был рыцарем «без страха и упрека», рыцарем белой идеи, человеком, обладавшим ясно выраженным средневековым мировоззрением, который смотрелся среди всеобщего хаоса и разложения как некая страшная и непонятная диковина. О казнях,

убийствах, реквизициях, телесных наказаниях, которые совершал Унгерн или же которые ему безосновательно приписывали, написано избыточно много. Ниже мы также не обойдем вниманием «репрессивный момент» в деятельности Унгерна — он чрезвычайно важен для понимания и характера самого барона, и характера того времени, в которое ему довелось жить. Пока же мы предприняли попытку показать, как далекие от политиканства, междоусобных склок и партийных раздоров русские офицеры, не принадлежавшие к верхнему слою армейского генералитета, организовывали в меру своих сил сопротивление большевизму, спасая честь русской армии и русского человека.

Глава 10
Безумный барон

Стенали степные поджарые волки,
Шептались пески, умирал небосклон…
Как идол, сидел на косматой монголке
Монголом одетый безумный барон…

Эти строки из «Баллады о Даурском бароне» русского поэта Арсения Несмелова стали нарицательными. «Безумный барон» — так называли барона Унгерна его современники, так, 90 лет спустя, продолжают именовать его уже современные историки и беллетристы.

Основным пунктом обвинения, выдвигаемого против барона Унгерна, был и остается жестокий массовый террор, который командир Азиатской конной дивизии применял против всех тех, «кто мыслями и сердцем не воспринимал чистоту белой идеи».

Видный кадет, думский деятель и по совместительству историк П. Н. Милюков, чрезвычайно много потрудившийся в деле «освобождения» России от «прогнившего царского режима», продолжил заниматься своим любимым делом и в эмиграции. Он завел специальную папку, в которую собирал вырезки из газет, статьи, воспоминания, повествующие о деятельности барона Унгерна. Всю деятельность барона Милюков именовал не иначе как «самой удручающей страницей в истории Белого движения». Схожего мнения придерживались не только либеральные политики антибольшевистской ориентации, но и многие высокие военные чины, принимавшие участие в белой борьбе на Восточном фронте. О конфликте, возникшем у Унгерна с генералом Лохвицким, возглавившим после гибели генерала В. О. Каппеля части белой армии в Забайкалье, мы уже писали в предыдущей главе. И надо сказать, что этот конфликт был далеко не единственным.

Многие представители офицерского корпуса и генералитета белых армий ненавидели барона Унгерна не меньше (а то и гораздо сильнее), чем своих непосредственных противников — большевиков. Каппелевцы называли его сумасшедшим бароном, мечтали предать суду с заранее предрешенным исходом — «повесить на первом же суку». И это были отнюдь не пустые слова. Начальник штаба дивизии Унгерна генерал Евсеев был

захвачен каппелевцами на станции Даурия и приговорен военно-полевым судом к смертной казни. От смерти Евсеева спасло только активное заступничество атамана Семенова, возглавившего к тому моменту все белые силы на Дальнем Востоке. По настоянию Семенова смертный приговор был изменен генералу Евсееву на «бессрочную каторгу». Не приходится сомневаться, что, попадись Унгерн в руки каппелевских частей, судьба его была бы незавидной, вряд ли она отличалась бы от той, что уготовили ему большевики. В статье «Каппелевцы», опубликованной в 1923 году в эмигрантском издании «За свободу!», автор, скрывшийся под псевдонимом «Р.», прямо утверждал: «… знаменитый Унгерн — «сумасшедший барон» давно был бы ими (т. е. каппелевцами. — *А. Ж.)* повешен, если бы не японцы».

Действительно, на территориях, находившихся под контролем частей генерал-лейтенанта Унгерна, всегда устанавливался чрезвычайно жесткий, вернее сказать, жестокий режим. В этом солидарны даже наиболее уравновешенные и относившиеся к барону с симпатиями современники: В. И Шайдицкий, К. И. Лаврентьев, Н.Н. Князев…

В. И. Шайдицкий перечислил в своих воспоминаниях тех, кого на станции Даурия могла постигнуть самая суровая кара: «всех уличенных в симпатиях к большевикам, лиц, увозящих казенное имущество и казенные суммы денег под видом своей собственности, драпающих дезертиров, всякого толка «социалистов» — все они покрыли сопки к северу от станции»… Имя барона Унгерна наводило страх не только на явных большевиков и им сочувствующих, но и на простых обывателей, не испытывавших к «комиссарам» никаких теплых чувств. Чтобы постараться оценить мотивацию тех или иных действий барона Унгерна, нам необходимо понять: чем же была для самого Унгерна Гражданская война?

Прежде всего необходимо помнить, что сам Роман Федорович отнюдь не рассматривал Гражданскую войну как простую междоусобицу, в которой друг против друга сошлись представители различных классов и сословий одного и того же народа. Для мистически настроенного барона Унгерна Гражданская война была столкновением не столько военным и политическим, сколько религиозным. Вспомним приведенные нами ранее слова Унгерна: «Я не согласен с тем, что люди в большинстве случаев воюют за свою истерзанную родину. Нет, воевать можно только с религиями». Противостоявшие Унгерну большевики, а еще шире — вся захлестнувшая Россию революционная стихия — казались ему воплощением сил

мирового зла, хаоса и распада. «Против истребляющих душу народа я знаю только одно наказание — смерть!» — говорил Унгерн. Только мистически настроенный человек мог точно оценить саму квазирелигиозную сущность большевизма, своего рода «религии навыворот», своеобразной антитрадиции, поднявшей из глубин бессознательного все самые темные стороны человеческой натуры. В книге «Самодержец пустыни» Леонид Юзефович пишет: «Традиционная власть казачьей нагайки, скрещенная с азиатским палаческим искусством, породила химеру небывалого в русской военной истории унгерновского режима». Все верно, подобного режима в русской военной (да и не только военной) истории никогда не существовало. Но и никогда в истории у русской армии не бывало и подобного противника. Частям Унгерна приходилось воевать отнюдь не с наполеоновскими гренадерами или с прусскими гусарами императора Вильгельма II. Унгерну и его войскам противостояли силы химерического красного режима, зарожденного, казалось, в недрах самой преисподней. А где еще, спрашивается, мог зародиться режим, войска которого шли в бой под таким, к примеру, лозунгом: «С земными царями разделались, принимаемся за небесных»?

Захваченный в плен барон Унгерн во время допроса удивительно глубоко и проницательно ответил на вопрос: «Как вы смотрите на коммунистов?», определив коммунизм как религиозное учёние без Бога. «Это есть своего рода религия: не обязательно, чтобы был Бог, во многих религиях, а особенно если вы знакомы с религиями восточными, религия представляет из себя правила, регламентирующие порядок жизни и государственное устройство», — говорил барон. И закончил утверждением, до которого даже теперь, восемьдесят с лишним лет спустя, похоже, еще не доросли многие наши современники: «То, что основал Ленин, есть религия». Сам Роман Федорович исповедовал совершенно другую веру.

«Верит в Бога как протестант, по-своему, считает Бога как добро, противопоставляет ему зло, — докладывает в письменном отчете начальству допрашивавший Унгерна в Иркутске безымянный чекист. — Считает себя призванным в борьбе за справедливость и нравственное начало, обоснованное на учении Евангелия. Свои жестокости и террор в отношении людей не считает противоречивым Евангелию. Спокойно говорит о расстрелах, убийствах, казнях разных степеней и всевозможных наказаниях». Красный комкор «товарищ Гайлит», допрашивавший Унгерна в Троицкосавске почти сразу после его пленения, в весьма подробном, предназначенном для высокого начальства

отчете, с латышской скрупулезностью отмечал: «Унгерн заявляет себя человеком, верующим в Бога и Евангелие и практикующим молитву. Предсказания Священного Писания, приведенные Унгерном в приказе его № 15, захваченном в боях под Троицкосавском, он считает своими убеждениями». К предсказаниям из Священного Писания, повествующим о «последнем царе Михаиле», мы еще вернемся, пока же отметим: во время допросов Унгерн говорит о себе как о христианине «протестантского толка» (лютеранине), который знает евангельские тексты, читает христианские молитвы. Ни о каком мистическом буддизме, тайных «буддистских посвящениях» речи даже не идет.

Весьма важным источником, безусловно оказавшим влияние на формирование религиозно-эсхатологических взглядов Р. Ф. Унгерн-Штернберга, стала книга известного русского православного писателя-мистика Сергея Александровича Нилуса[26] «Великое в малом». Ценное свидетельство об обстоятельствах того, как барону Унгерну довелось познакомиться с книгой С. А. Нилуса, оставил К. И. Лаврентьев, член Войскового правления Енисейского казачьего войска, оказавшийся зимой 1921 года в Урге. Приведем здесь отрывок из его воспоминаний: «После бегства китайцев из Урги в соседнем с нами помещении, где стоял штаб какой-то китайской части с очень интеллигентными китайскими офицерами, в числе оставленного ими имущества были книги, вернее небольшая библиотечка, с изданиями на китайском и английском языках чисто военных брошюр, карт, картограмм и т. п., и между ними и нами, соседями, обнаружена книга совершенно новая, в хорошем переплете: «Великое в малом» профессора Нилуса. (Лаврентьев в данном случае ошибается — С. А. Нилус профессором никогда не был и вообще никаких ученых степеней не имел. — *А. Ж.)*. Как известно, книг этих осталось очень мало в обращении, ибо они скупались по весьма высокой цене евреями с целью изъять их из обращения как обличающий материал, в котором указывались все протоколы сионских мудрецов, предсказывавших все теперь происшедшее по заранее обдуманному и проработанному плану на их конгрессах за границей.

Этой книгой моментально воспользовался один из беженцев, бывший казанский нотариус Юшков, человек с высшим образованием и знакомый с этой литературой, какими-то путями, специально, с целью пролезть в добрые к барону, он достиг у него аудиенции, и что там было, покрыто мраком неизвестности, но ему было поручено составить нужные из книги выписки, размножить их на машинке и дать им специальное назначение по

частям отряда, а также лично барону».

Приказ был исполнен — выписки из книги Нилуса, которые произвели на Унгерна самое сильное впечатление, с насущными и остросовременными добавлениями о «зверствах еврейских комиссаров» были напечатаны типографским способом и распространялись среди русскоязычного населения и личного состава дивизии.

Л. А. Юзефович приводит свидетельство Бориса Волкова, колчаковского офицера, оказавшегося в Урге и поступившего на службу в дивизию Унгерна. В своих тенденциозных и предвзятых по отношению к барону Унгерну воспоминаниях, хранящихся ныне в Гуверовском институте войны, революции и мира (США), Волков указывает, что весной 1921 года в Урге была напечатана какая-то брошюра, содержавшая исключительно выборки из Священного Писания. По словам Волкова, брошюра представляла «плод коллективного творчества, причем сам Унгерн принимал большое участие». «Основная мысль брошюры непонятна, — писал Волков. — Быть может, желание доказать на основании Священного Писания тождество большевизма с Антихристом». Вне всякого сомнения, речь в данном случае идет о синопсисе книги С. А. Нилуса. (Почему Волков предпочел не называть автора — трудно объяснить. Или не захотел упоминать писателя, крайне не любимого в кругах либеральной интеллигенции, к которым принадлежал сам Волков, или же просто не знал о существовании Нилуса.)

Следует заметить, что книги Нилуса в начале минувшего века были весьма популярны в правых, промонархически настроенных кругах русской общественности. Особенным успехом пользовалось 2-е издание книги Нилуса «Великое в малом», вышедшее в декабре 1905 года. В 12-ю главу книги, носившую название «Антихрист как близкая политическая возможность», автор впервые включил текст «Протоколов сионских мудрецов». Книга была раскуплена в Петербурге в первый же день поступления ее в продажу. Нилус вспоминал, что не мог приобрести ни одного экземпляра и у него этого издания книги не было. Позже Сергей Александрович переработал две главы из «Великого в малом» («Что ждет Россию в будущем» и «Антихрист как близкая политическая возможность») и выпустил их под общим заглавием «Близ есть грядущий антихрист и царство диавола на земле!». Последнее, 4-е издание книги вышло в свет в конце декабря 1916 года под названием «Близ есть, при дверех». Через два с небольшим месяца после выхода книги произошло падение монархии в России, завершившееся отречением Николая II, — то есть произошли те самые события, которых так

страшился Нилус и о которых он размышлял в своей последней книге. Одним из первых актов Временного правительства, провозгласившего свободу печати, была конфискация остатков всего нераспроданного тиража книги Нилуса. Приход к власти большевиков и разразившаяся вслед за тем Гражданская война лишь усилили интерес к предсказаниям о повсеместной грядущей власти антихриста, содержавшимся в произведениях С. А. Нилуса. В большевицкой России подобное чтение было смертельно опасным — обладатели книг Нилуса подлежали расстрелу. Однако на территориях, находившихся под контролем белых армий, «Великое в малом» и «Близ есть, при дверех» вызывали к себе громадный интерес — многие считали эти книги чуть ли не «провидческими». Особенно внимательно изучались «Сионские протоколы», содержавшие материалы о мировом заговоре против России и христианской цивилизации в целом. Сохранились свидетельства сотрудника адмирала Колчака, управляющего делами Омского правительства Г. К. Гинса, о том, что сам Колчак осенью 1919 года внимательно читал «Протоколы…». Известны книги Нилуса были и другому дальневосточному белому генералу — М. К. Дитерихсу. Для барона Унгерна, склонного к мистицизму, интересовавшегося христианской апокалиптикой (имя апостола Иоанна Богослова, автора «Апокалипсиса», неоднократно возникает в беседах Унгерна с Оссендовским, встречается в его переписке), пафос книги Нилуса, повествовавшей о явной и тайной войне, которую ведет «Всемирный Кагал» против христианства и самодержавной Российской империи, был убедителен, понятен и близок.

Противоречия истории, борьба между Белым движением и большевизмом рассматривались бароном Унгерном в контексте борьбы двух противоположных сил — Бога и дьявола, Света и Тьмы. В отчете, подготовленном чекистами по материалам первых допросов Унгерна, отмечалось: «Главную свою цель в борьбе с Совроссией видел в борьбе со «злом», выраженным в большевизме, формулируя борьбу «плюсов и минусами» (так в тексте. — *А. Ж.),* подразумевая под плюсом свою идею, под минусом — большевизм… Точное значение терминов «плюс и минус» Унгерн не объяснил, придавая им религиозно-мистическо-политическое значение».[27] Антиномия двух полярных символов могла быть позаимствована из различных источников, но, прежде всего, это были Апокалипсис и книги Сергея Нилуса (тем более что «плюс» — это Крест — символ христианства). Главными слугами дьявола для Унгерна представлялись прежде всего большевики и мировое еврейство, являвшиеся, по его представлению, своего рода «погонщиками темного стада». Их

отличительными чертами были жестокость, жадность, склонность к самой беззастенчивой и циничной лжи, неукротимая гордыня и страшный грех богоборчества.

«Евреи — вот олицетворение Сатаны, евреи — вот источник и начало всякого зла на земле. 3000 лет назад они вышли на историческую сцену и с тех пор неустанно вели свою страшную разрушительную работу среди человечества… Они систематически отравляли сознание христианских народов ересью и лжеучениями, они создавали волнения, вызывали революции, низвергали царей и государства. Унгерн объят каким-то мистическим ужасом перед разрушительным всемогуществом еврейской нации…» — писал в своем отчете с процесса барона Унгерна корреспондент газеты «Советская Сибирь». На основании подобного отношения Унгерна к еврейскому народу некоторые авторы объявляют барона чуть ли не предшественником «немецких фашистов». Однако, в отличие от немецких национал-социалистов, проповедовавших превосходство арийской расы и на этом основании призывавших к уничтожению «неполноценных» народов (к которым они относили и евреев), барон Унгерн расистом никогда не был. Известно, что крещеный еврей Л. Вольфович был доверенным лицом барона Унгерна в Харбине, а его брат служил в Азиатской конной дивизии. И это были отнюдь не единственные примеры подобного рода. К кому барон Унгерн был действительно непримирим — так это к носителям духа революционности и торгашества. Носителей же этих «нечистых духов» Унгерн казнил независимо от их национальной принадлежности.

Большевизм, по мнению Унгерна, был сознательным служением «силам зла», ведущим к уничтожению всего христианского мира. «Не могу не думать с глубоким сожалением о том, что многие китайцы могут винить меня в пролитии китайской крови, — пишет Унгерн в частном письме китайскому генералу, — но я полагаю, что честный воин обязан уничтожить революционеров, к какой бы нации они ни принадлежали, *ибо они не что иное, как нечистые духи в человеческом образе* (курсив наш. — *А. Ж.),* заставляющие первым делом уничтожать царей, а потом идти брат на брата, сын на отца, внося в жизнь человеческую одно зло». Вопреки утверждениям Леонида Юзефовича, барон Унгерн отнюдь не был «садистом». Как человек, обладавший специфическим сознанием Средневековья, он прекрасно осознавал, что можно оказаться в рабстве у темных сил и служить им. Для Унгерна, как и для любого средневекового «доброго христианина», было совершенно ясно: тот, кто сознательно и добровольно предал себя на служение силам зла,

должен быть уничтожен физически. По сути, барон решал ту же самую задачу и занимался тем же самым, что делала в Средние века римская инквизиция. Современный русский философ о. Роман Бычков в своей небольшой, но чрезвычайно насыщенной и интересной работе «Сгорая — жги», посвященной изучению феномена и идеологии инквизиции, указывает: «… Инквизиция не есть учреждение «террористическое», это не гос-страх и не гос-ужас, не чрезвычайка, не тем паче КГБ (ЦРУ), и задача поточного производства трупов пред нею не стоит. Это средство защиты Веры. Средство, бесспорно, крайнее и применяемое в обстоятельствах крайних…» Террор, организованный по приказу Унгерна, никогда не был самоцелью, не становился «террором ради террора». Ради собственного удовольствия барон Унгерн не казнил никого. В этом аспекте чрезвычайно показательным является отношение в унгерновских частях к пленным красноармейцам. О массовых расстрелах пленных во время Гражданской войны написано довольно много. Со стороны красных убийства пленных приобретали особо массовый и цинический характер. Сдававшимся в плен, а также «бывшим белогвардейцам, оказавшимся на территории советской власти и отказавшимся от борьбы с нею», давались гарантии полной личной безопасности, даже от имени правительства — Совнаркома. От белых требовалось всего лишь «зарегистрироваться» по месту жительства. Через день-другой всех, вставших на учет, ждал неминуемый расстрел, как это произошло в Москве летом 1918 года или в страшную крымскую зиму 1920/21 годов.

Хотя, конечно, «отличались» обе стороны. Что же касается Унгерна и его дивизии, то даже большевицкое «следствие» и «правосудие» не решились обвинить барона в массовых казнях военнопленных.

Один из допрашивающих Унгерна чекистов задал ему вопрос: «У нас есть сведения, что вы отправляли часть наших пленных обратно, чем вы это объясняете?» «А куда их девать, — ответил Унгерн, — оставлял тех, которые могли хорошо ездить верхом». Таким образом, захваченные в плен красноармейцы после фильтрации либо включались в состав дивизии Унгерна (если были хорошими кавалеристами), либо просто распускались по домам. Разумеется, «идейных красных» — коммунистов и комиссаров — ждала совсем иная судьба. Как правило, с ними разговор был короткий. Обычно процедура «фильтрации или разбивки» пленных происходила следующим образом: барон медленно проходил вдоль шеренги построенных перед ним пленных, каждому внимательно всматриваясь в глаза. «По

известным ему признакам, — вспоминал один из свидетелей подобной церемонии, — бывало, отберет партийцев-большевиков, быстрым движением ташура вышлет их вперед на несколько шагов, а затем спросит у оставшихся в строю: «Если кто-нибудь из них не коммунист — заявите!» Нужно отметить, что отбор барона был до странности безошибочным…» Есаул А. С. Макеев, бывший некоторое время лицом, приближенным к Унгерну, рассказывает аналогичную историю в своей книге «Бог войны — барон Унгерн».

После того как была захвачена в плен большая группа красных, Унгерн отдал приказ выбрать из пленных коммунистов и евреев — их ждала казнь через повешение. После чего Унгерн обратился к пленным красноармейцам: «Хотите служить у меня?» — «Так точно, Ваше Превосходительство», — дружно гаркнули те в ответ. «Ну, мне вас всех не нужно, а вот тридцать человек я сам выберу», — сказал Унгерн и, отобрав тридцать человек, приказал своему адъютанту сделать из них образцовых солдат. Остальным выдали на три дня продуктов и оставили на месте. Заканчивает свой рассказ Макеев картиной почти что идиллической: «Они не хотели оставаться, эти красные, и долго еще бежали около унгерновского коня, хватаясь за стремя, и просили барона взять их в отряд. Ругали коммунистов и говорили, что их они все равно кончат. Но барон своего решения не изменил. Красные остались и, понурив головы, уныло смотрели вслед уходящей грозной дивизии».

Раненым красноармейцам, захваченным в плен, оказывалась медицинская помощь силами медперсонала Азиатской конной дивизии, после чего их оставляли в ближайшем к месту боя населенном пункте. Подобные случаи имели место даже во время самых последних боев в Забайкалье, когда материальная база унгерновских войск была изрядно подорвана, ощущался острый недостаток в медикаментах и перевязочных средствах. В это же время барон Унгерн приказал эвакуировать своих раненых вместе с обозом в сторону Улясутая (Западная Монголия). «В той обстановке для раненых барон сделал все, что только возможно, — вспоминал очевидец, — положил их в удобные, приспособленные повозки и поручил надзору двух фельдшеров, снабженных перевязочными материалами и медикаментами». Через несколько дней в расположение дивизии вышли два казака, бывших в числе эвакуированных раненых. Они рассказали, что обоз был атакован красными партизанами Щетинкина. Все раненые и медицинский персонал были вырезаны красными, и только двум этим казакам удалось отползти и спрятаться в высокой траве…

Безусловно, мы должны помнить, что любая гражданская

война является трагедией для общества, потрясением глубинных его основ; она раскалывает единый народ на непримиримые лагеря, которым невозможно договориться друг с другом. Краткосрочная гражданская война, шедшая в Финляндии в 1917–1918 годах, никак не сопоставима по своим масштабам с Гражданской войной в России. Но для Финляндии эта война до сих пор остается национальной трагедией. Недаром применительно к Гражданской войне используется выражение «братоубийственная война». Борьба в такой войне идет не на жизнь, а на смерть. И человеку, принимающему в ней самое активное участие, сохранить свои перчатки белыми было практически невозможно. Поэтому попытки изобразить барона Унгерна в виде некоего «исчадия ада» или психически больного маньяка, садиста-извращенца не выдерживают критики. Интересно, что помимо большевиков чрезвычайно активными обличителями «зверств» барона зачастую оказывались бывшие близкими ему люди, принимавшие самое активное участие в экзекуциях и расстрелах. Действительно, ко многим из близкого окружения Унгерна были вполне применимы его собственные слова, сказанные, правда, в адрес тех сомнительных личностей, что одно время вошли в доверие к атаману Семенову: «… примазалась всякая шантрапа, стали окружать его всякие трусы, которые заморочили ему голову. Там порядочного человека совсем нельзя найти».

Однако до сих пор продолжают жить досужие вымыслы, созданные еще советскими пропагандистами и недоброжелателями барона из числа «белых интеллигентов», возлагающие непосредственно на Р. Ф. Унгерна вину за «зверские массовые убийства», «вырезание детей», «погромы», «перемалывание трупов в мельничных жерновах», «отдание заключенных на растерзание волкам»… Приведем, однако, несколько свидетельств об обстановке, которая царила в столице Монголии — Урге, после того, как в нее вступили части Унгерна.

> «Первой заботой барона по взятии Урги было охранить торговый люд, не покинувший своих предприятий, от возможных ограблений. Так, например, к китайской торговой части в Урге… была сразу приставлена охрана, и все поместья китайцев в этой части сохранились… В добычу монголам достался громаднейший ургинский базар… и там, как говорится, все под метелку очищено. Пострадало немало неохранявшихся фирм, а также все еврейские предприятия пошли частью на расхищение, а

впоследствии на реквизицию».

Репрессиям подвергались все те, кто тайно или явно поддерживал большевиков, проявлял к ним сочувствие. Возможно, сегодняшнему читателю покажется диким и страшным, что за одно лишь сочувствие определенным политическим взглядам можно взять и расстрелять человека, однако вспомним «Красный террор» 1918 года, когда за одно лишь «благородное» дворянское происхождение расстреливали целыми семьями.

«Расстрелян в первую голову некий Цветков, оказавшийся одним из комиссаров фронта в «великую бескровную» (речь идет о Февральской революции 1917 года. — *А. Ж.)* и в свое время подписавший корниловский приговор. Расстрелян кобдосец… приезжавший в Ургу с каким-то поручением Центросоюза и оставшийся здесь, явный коммунист. Лежал на бережке… убитый А. М. Рябкин… Убита какая-то еврейская семья служащего Центросоюза». Действительно, вырисовывается довольно страшная картина убийств и расстрелов. Однако, как пишет мемуарист, инициаторами репрессий выступали сами русские жители Урги: «Узнаю многих сослуживцев по Центросоюзу: они уже в полной боевой готовности и на лошадях торопятся на уничтожение всех тех, кои им были известны как большевики по житию в Урге». Весьма показательно, что во время осады частями барона Унгерна Урги смыкались интересы китайских властей и русских большевиков — в белой армии Унгерна они видели общего врага.

Во время новониколаевского процесса над бароном государственный обвинитель, будущий «воинствующий безбожник» Ем. Ярославский (Губельман) проявлял трогательную «заботу» о настоятеле ургинской православной церкви о. Феодоре Парнякове, казненном по приказу Унгерна. Убившие и замучившие сотни тысяч православных священников коммунисты лицемерно ставили в вину Унгерну убийство Парнякова. Л. А. Юзефович характеризует Парнякова как человека «вполне благонамеренного», «филантропа и бессребреника», открывавшего приюты для детей-сирот. Что ж, большевики тоже открывали «детские коммуны» для беспризорных детей, родителей которых они сами же вывели в расход, утопили в море, затравили газами в тамбовских лесах… Однако сами русские, проживавшие в Урге, обвиняли Парнякова в том, что он связан с китайцами, отказывался помогать заключенным китайцами в ургинскую тюрьму арестованным русским офицерам, в частности, «не пожелал принять участия в переводе их в теплое помещение,

о чем хлопотали многие, но безрезультатно». С точки зрения Унгерна, такое поведение иначе как предательством назвать было нельзя.

Другой современник, проживавший в Урге, отозвался о священнике Парнякове совершенно однозначно: «В местном кооперативе председательствовал священник Феодор Парняков, тоже большевик». К слову, сын о. Феодора работал на видных должностях в советских учреждениях Сибири. По словам есаула Макеева, служившего помощником полицмейстера Урги, во время допроса на вопрос: «Как вы, служитель Бога, работаете с безбожниками и преступниками?», о. Феодор ответил: «Я был служитель культа, который сейчас уже умер, а потому работал с большевиками». Свои обязанности священнослужителя Парняков выполнял весьма своеобразно. Ургинская церковь была разграблена китайцами, но о. Феодор не предпринимал никаких мер по восстановлению осквернённого храма. Вошедшие в Ургу унгерновцы обнаружили антиминс — священную для любого православного храма реликвию, без которой невозможно служение Божественной Литургии, — валявшимся среди хлама и мусора. Настоятель отец Феодор Парняков отправлял редкие службы не в храме, а в здании местного училища, изукрашенного красными флагами и большевицкими лозунгами. В результате вконец запутавшийся в том, кому же на самом деле он служит, Феодор Парняков был казнен в подвалах комендантского управления Урги вместе с другими местными и пришлыми «товарищами». «Были обнаружены списки этих горе-деятелей по подписям на всякого рода постановлениях, и никто, кажется, из них не уцелел», — вспоминал К. И. Лаврентьев. А мы вспомним слова Спасителя, обращенные к своим ученикам и, безусловно, хорошо известные глубоко верующему христианину барону Унгерну: «Не можете работати Богу и мамоне». Нельзя носить священный сан и служить тем, кто повинен в массовых убийствах твоих братьев по вере, осквернении и разрушении храмов твоей веры.

Прошло всего несколько лет — и идея Белого террора стала находить понимание и оправдание даже и у тех людей, кто в силу своего мировосприятия никак не мог отнести себя к поклонникам методов барона Унгерна.

В1934 году в одной из эмигрантских аудиторий Василий Васильевич Шульгин читал лекцию, в которой он попутно рассказал о своей роли в истории русской революции.

В ходе завязавшейся после лекции дискуссии выступил и Петр Бернгардович Струве, бывший в свое время участником 1-го съезда и автором манифеста РСДРП. Струве заявил, что у него

есть только один повод для критики императора Николая II — тот вел себя слишком мягко по отношению к революционерам, которых ему следовало бы «безжалостно уничтожать». Стремившийся обратить все в шутку Шульгин спросил, не считает ли Струве, что и его следовало бы уничтожить. «Да! — воскликнул Струве и, встав со своего места, зашагал по зале, тряся седой бородой. — Да. И меня первого! Именно так! Как только какой-нибудь революционер поднимал голову свою — бац! — прикладом по черепу». Поистине удивительные метаморфозы происходили с теми, кто на своей шкуре познал все «прелести» большевицкой власти…

Одними из самых страшных преступлений для Унгерна были взяточничество и воровство. По многочисленным воспоминаниям самих участников Белого движения, тыл белых армий представлял собой самую настоящую язву. Известный нам генерал А. П. Будберг с присущим ему сарказмом описывал «налаживание» тыловых служб: «Всюду слышны разговоры про состоявшиеся назначения генерал-квартирмейстеров, дежурных генералов, начальников снабжений, бесчисленных генералов для поручений». Хорошо еще, что не восстановили для штабов казенной прислуги, а то не хватило бы для этого всех наличных солдат. В штабах для красочности, поднятия фантазии и бодрого настроения порхают многочисленные машинистки с голенькими ручками. Помнят, что Наполеон проиграл Бородино оттого, что отяжелел, и заранее обеспечивают себе легкость мыслей… «Старый режим» распускается самым махровым цветом в самых гнусных проявлениях; то же, что было в нем высокого и хорошего, отшвырнуто за ненадобностью». Казнокрадство, коррупция расцветали самым пышным цветом — интенданты, откупщики, думая о предстоящей эмиграции, не стеснялись в средствах. Отношение барона к подобной «экономической деятельности» выражалось в краткой максиме: «Пока будете воровать — буду вешать!» Само слово «интендант» Унгерном воспринималось как синоним «жулика» или «проходимца». Широко известна история, как одного из интендантов барон заставил съесть всю пробу недоброкачественного сена.

Помощника коменданта Урги Васильева подвергли избиению ташурами — ему было «выписано» 250 палок за то, что он угрожал торговым китайцам. Васильев выжил и отлежался в лазарете. Но этот урок, похоже, ничему его не научил. Он начал запугивать местную учительницу, принуждая ее к сожительству, та пожаловалась в штаб Унгерна — Васильев вновь получил свою порцию ташуров и благодарил Бога, что относительно легко отделался. Через день, вспоминает очевидец, «еле сидя на седле,

он выступал с частями в поход».

Пожалуй, гораздо больше, чем красных, барон презирал и ненавидел «своих» — военных и гражданских чинов Белого движения, пытавшихся нажиться на войне, сделать свой — большой или маленький — гешефт. В. И. Шайдицкий вспоминал, как на станции Даурия стоял дожидавшийся отправки эшелон, состоявший из вагонов 1-го и международного классов. В эшелоне ехали высокие чины разных ведомств вместе с семьями из Омска прямо за границу. «Наблюдая за жизнью в вагонах, из которых никто не выходил, зная, что барон поблизости, я стоял на перроне. Ко мне подошел барон и спросил: «Шайдицкий, стрихнин есть?» (Всех офицеров он называл исключительно по фамилии, никогда не присоединяя чина.) — «Никак нет, Ваше Превосходительство!» — «Жаль, надо всех их отравить». Разумеется, сказанное бароном было своеобразной шуткой, проявлением своего рода «черного юмора». Однако подобные реплики, брошенные мимоходом, порождали (и продолжают порождать) различные слухи о «патологическом садисте» со станции Даурия.

Впрочем, однажды Унгерн решился действовать всерьез. Через станцию должен был пройти состав с начальником Французской военной миссии при Омском правительстве, командующим войсками западных союзников в Сибири, дивизионным генералом М. Жаненом. Несколькими неделями ранее при полном попустительстве М. Жанена был арестован чехословаками и выдан красным Верховный правитель России и Верховный Главнокомандующий адмирал А. В. Колчак. Изменническую роль сыграл М. Жанен при наступлении на Иркутск частей генерала Скипетрова, посланных Г. М. Семеновым для освобождения Колчака. Обратимся снова к воспоминаниям В. И. Шайдицкого, оставившего точное и вместе с тем весьма эмоциональное описание «инцидента с поездом Жанена»: «Однажды вошел ко мне лихой всадник комендантского управления и доложил: «Ваше Высокоблагородие, так что барон требует». Явившись к нему, я услышал нечто необычное, впервые введшее меня в волнение: «Уничтожить поезд и всех, кто в нем» — это смысл приказа барона, который всегда отдавал очень коротко, предоставляя подчиненным начальникам понять приказ и проявить инициативу в действиях, и не терпел, если испрашивали разъяснений, но на этот раз, обдав меня своим острым взглядом, дал и объяснение: «Завтра из Читы будет проходить поезд генерала Жаннена (так у Шайдицкого. — *А. Ж.)* в Маньчжурию», а также детали: «Форт у восточного семафора снабдить максимумом оружия и патронов, от меня две сотни

пешими, цепью разместить по выемке железнодорожного полотна, а одну мою сотню в конном строю держать укрыто. Мне быть на форту». Полотно железной дороги у восточного семафора, выходя из выемки, делает крутой поворот влево на насыпь, и в этом месте должны быть вынуты все гайки из стыков рельс. Выйдя из штаба дивизии, я направился к месту завтрашнего «действия», подробно осмотрел местность, наметил расположение цепей и конного резерва, а главное, избрал район «месива» и соответственно с ним высоту прицела и точку прицеливания. Не знаю, получили ли приказы о сем другие начальники частей дивизии, так как никто из них никогда не узнал о полученном мной приказании — в нашей дивизии языком не болтали. На следующий день пред тем, как я собирался вызвать к себе командиров сотен, начальник дивизии впервые отменил свой приказ — атаман Семенов по прямому проводу умолил барона не совершать этого акта мести».

Правда, Андрей Кручинин находит в рассказе В. И. Шайдицкого историческую несообразность. «Шайдицкий, — пишет Кручинин, — по его собственному утверждению, «приехал в Даурию в начале февраля 1920 года», когда поезд Жанена уже должен был проследовать полосу отчуждения, а готовившееся покушение, судя по тексту воспоминаний, следует отнести самое раннее к марту». По предположению Кручинина, «в действительности речь шла о штабном эшелоне кого-либо из старших начальников Чехо-Словацкой армии, возможного генерала Сырового. Имена двух генералов-предателей, похоже, были вообще для русских офицеров взаимозаменяемыми…»

Показательно, что лишь два высших офицера русской армии на Дальнем Востоке — атаман Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, — находившиеся с Омским правительством в довольно сложных отношениях, нередко вступавшие в конфликты и с Верховным правителем — адмиралом А. В. Колчаком, не бросили своего главнокомандующего, а предприняли попытку или спасти его (Семенов), или, по крайней мере, отомстить за него.

Многие русские люди надолго запомнили ту предательскую роль, каковую сыграли западные «союзники» в крушении белого дела в Сибири и на Дальнем Востоке. В1938 году безымянный читатель Русской публичной библиотеки в Белграде напишет на одной из страниц экземпляра «Воспоминаний» атамана Семенова: «Русская молодежь! Помните всегда о предательстве мерзавцев — чехов и французов! Ненавидьте эти две подлые нации как только возможно и в будущем вредите им как только можете!..» Наверное, под этими злыми, но искренними строчками мог

вполне подписаться и барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг.

Унгерн испытывал непреодолимое отвращение к ценностям современного ему западного мира, того мира, который стал соблазном для многих образованных русских людей, в том числе и для большинства вождей Белого движения. В этом мире произошел окончательный отказ от принципов Божественной иерархии, наступил упадок, угасание чистого принципа верховной власти и авторитета. На смену поставленных Богом царям и вождям пришел «демос», массы, проклятое «третье сословие», получившее доступ в политику. По словам итальянского философа Ю. Эволы, чрезвычайно близкого по своим историософским идеям к взглядам самого Унгерна, произошла инволюция человеческого общества, «обусловленная внутренним вырождением самого человека, которое выражается в том, что верх в нем берут склонности и интересы, связанные с натуралистической, грубой, стихийной жизненной составляющей человека». Интереснейшие заметки об историософских взглядах Унгерна оставлены Н.Н. Князевым, служившим начальником комендантской команды Азиатской конной дивизии и в силу своего положения приближенным к барону. Несмотря на некоторую их сбивчивость и затемненность (писал их Князев в середине 1930-х годов — многое из сказанного Унгерном стерлось, забылось, возможно, не все было доступно пониманию самого Князева), эти заметки представляют для нас огромный интерес.

«Барон утверждал, что с некоторого времени человеческая культура пошла по ложному и вредному пути. Вредность барон усматривал в том, что культура нового времени в основных проявлениях перестала служить для счастья человечества — возьмем ли ее, например, в области технической или новейших форм политического устройства, или же хотя-бы в сфере чрезмерного углубления человеческих познаний, потому что Р. Ф. считал величайшей несуразностью, что вновь открытые глубины этих познаний не только не приблизили человека к счастью, а, пожалуй, отдалили и в будущем еще больше отдалят от него.

Таким образом, культура, как ее обычно называют — европейская культура, дошла до отрицания себя самой и из величины подсобной сделалась как бы самодовлеющей силой. На поставленный ему собеседниками вопрос о том, в какую же эпоху человечество жило счастливо, Р. Ф. ответил, что в конце Средних веков, когда не было умопомрачительной техники, люди находились в более счастливых условиях, хотя это и звучит как парадокс (вспомним, что в ту пору и рыцарство было таковым в любимом для барона Унгерна смысле). Для двадцатого века уже

ясно, что развитие техники идет в ущерб счастью рабочего, потому что машина вытесняет его шаг за шагом. Борьба за существование обостряется, говорил далее барон, развивается чудовищная безработица, и как результат изложенного процесса повышаются социалистические настроения. Барон Унгерн полагал, что Европа должна вернуться к системе цехового устройства, чтобы цехи, то есть коллективы людей, непосредственно заинтересованных как в личном труде, так и в производстве данного рода в целом, сами бы распределяли работу между сочленами на началах справедливости.

Невольно поражаешься и осведомленности, и как бы прозорливости барона в социально-политических вопросах, потому что взгляды, высказанные им в 1921 году, близки к новейшему понятию о «цехизме», появившемуся в английской литературе значительно позднее. Можно было думать… что основы учения о «солидаризме», зародившегося во Франции в 1906 г., были барону не чужды. Равным образом Роман Федорович тогда уже предвидел роль того политического направления, которое ныне носит наименование «фашизма» и является самообороной общества против растущего влияния коммунизма.

Назревавший конфликт между личностью и культурой разрешался бароном в совершенно «унгерновском» стиле, а именно: вся европейская культура, ушедшая по неправильному пути, заслуживает лишь того, чтобы смести ее с азиатских степей до берегов Португалии! На развалинах Европы нужно начать новое строительство с тем, чтобы, пользуясь опытом минувшего, не повторить уже ошибок прошлых веков. Смелый вождь, как говорил дальше барон, может совершить это «оздоровление» Европы при помощи народов-конников, то есть казаков, бурят, татар, монголов, киргизов, калмыков и т. д. Только среди природных конников в наш меркантильный век, по мнению барона, еще хранится искорка того же огня, который вдохновлял таких же конников, средневековых рыцарей, на подвиги высокого героизма.

Барон Унгерн далее пояснял своему собеседнику, что собственно монголы, то есть халхинцы, баргинцы и тибетцы, ближе всего подходят для означенных целей. По существу, они стоят на той же ступени культурного развития (может быть, только в иных формах), которое было в Европе в конце XIV и начале XV века. Этот именно исторический момент барон считал как бы отправным в деле созидания обновленной культуры. Ему казалось, что в 1920 г. уклад семейных и общественных отношений и государственное устройство Монголии во многих

чертах походили на феодально-цеховую Европу».

Комментируя это изложение взглядов барона Унгерна на ход человеческой истории, исследователь А. С. Кручинин делает, на наш взгляд, очень важное и принципиальное замечание: «Таким образом, противопоставляются не религии и даже не цивилизации… а эпохи — и именно с этой точки зрения Унгерна и привлекали «народы-конники», только они казались барону стоящими «на той же ступени культурного развития… которое было в Европе в конце XIV и начале XV века… Приведенное выше пространное изложение взглядов нашего героя резко противоречит самому духу буддизма неоднократно подчеркнутым стремлением к переустройству земной жизни во имя достижения счастья…». В своей деятельности барон Унгерн руководствовался девизом отнюдь не буддистских лам, а средневековых рыцарей-крестоносцев: «По другую сторону войны всегда лежит мир, и, если ради него нужно сразиться, мы сразимся».

О кризисе европейской цивилизации и европейской культуры, о неверно выбранном магистральном пути развития технического прогресса, ведущего к уничтожению духовности и торжеству принципов воинствующего материализма, на рубеже XIX–XX веков писали многие умы России и Европы. Одним из первых, кто всеобъемлюще высказался по тем же вопросам, что поднимал в своих беседах барон Унгерн, был русский философ Константин Леонтьев. О гибели средневековой цивилизации воина и героя и всеевропейском торжестве новой меркантильной цивилизации параграфа, расчета и лицемерия высказывались русский священник и философ о. Павел Флоренский, философы — немцы Освальд Шпенглер и Карл Шмитт, итальянец Юлиус Эвола; о «Европе — острове мертвых» говорил поэт Александр Блок… Но то были философы и поэты — люди, склонные к созерцанию, пытавшиеся сформулировать миф о «новом Средневековье», «великой традиции», «золотом веке». Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг был человеком действия, воином-кшатрием, и с оружием в руках попытался проявить «волю к Средневековью», найти собственную дорогу к «золотому веку», о котором грезили философы и поэты. Он и сам был человеком средневековья — и в этом его главное отличие от тех, кто вместе с ним сражался против красной власти совдепа.

«… Да, он был безумцем, — размышлял в 1930-х годах о деятельности Унгерна служивший под его началом Н.Н. Князев, — но, конечно, не в том примитивном смысле, как это представляется лицам, враждебно относящимся к его имени. В своем «безумии» он почти порвал со всякой действительностью, пытаясь поднять людей на борьбу с Третьим Интернационалом с

помощью одного только лозунга «Победите или умрите»… Он был или безумцем, или же, может быть, принадлежал к величайшим идеалистам и мечтателям всех эпох. Идеи Романа Федоровича были поистине грандиозны в такой мере, что выполнение их не по плечу не только отдельному человеку, но даже усилиям целой нации». В образе действий Романа Федоровича Унгерн-Штернберга можно найти много общего и с действиями испанской инквизиции — не зря Л. А. Юзефович сравнивает Унгерна с Торквемадой. В этом не было никакого сознательного заимствования или подражания — вряд ли сам барон задумывался над подобными аллюзиями. Причина сходства — в идентичности восприятия мироздания, в схожести осознания собственной миссии.

Небезынтересно сравнить мировосприятие генерал-лейтенанта белой армии барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга и священника Павла Флоренского, «по совместительству» известного философа и ученого. Лишь на первый взгляд подобное сравнение может показаться натянутым. Как Павел Александрович Флоренский, так и барон Роман Федорович Унгерн выросли и сформировались в условиях Серебряного века русской культуры. Несмотря на разницу в образовании, в социальном происхождении, они стали свидетелями трагической гибели не просто Русского тысячелетнего государства, но и абсолютно всех устоев, всех слагаемых русской цивилизации. Крушение России было окрашено для них в апокалиптические, эсхатологические тона и являлось предзнаменованием грандиозной грядущей катастрофы, которая должна вскоре разразиться над всем западным миром, надо всей европейской ойкуменой. Точно так же, как и барон Унгерн, Флоренский называет себя «человеком Средневековья». Восторгаясь иерархичностью и закрытостью средневековой картины мира, Флоренский вписывает себя в нее. Арестованный в очередной раз в марте 1933 года, Флоренский заявляет следователю на допросе: «Я, Флоренский Павел Александрович, профессор… по складу своих политических воззрений романтик Средневековья примерно XIV века»… Флоренский, как и Унгерн, убежден в том, что «бездушная цивилизация» современного мира себя исчерпала и близок день, когда порабощенный человек свергнет иго возрожденческой цивилизации и наступит новое средневековье — эпоха целостной культуры.

Мировую историю Флоренский рассматривает в ключе, весьма схожем с идеями Унгерна о «плюсах и минусах»: история видится Флоренскому полем битвы двух космических начал — Логоса и Хаоса, или Христа и Антихриста. В число врагов

культуры, врагов рода человеческого, противников добра и пособников Антихриста отец Павел включает тех, кто выступает против божественного порядка мироустройства и его земного гаранта — царя, тех, кто проповедует всеобщее равенство и ставит его на место послушания и милости Божией. Флоренский мечтает об идеальном государстве, которым бы управляла личность, благословенная Богом, — «творец культуры», как бы она ни называлась: «диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе, мы будем считать его истинным самодержцем…» Нет, не зря Павел Александрович Флоренский получил от Н.А. Бердяева прозвище «утонченного реакционера». Очевидно, что любовь Унгерна к монголам была весьма умозрительной — она хорошо вписывалась в парадигму противостояния «плюсов и минусов». И в данном случае совершенно справедливым представляется нам замечание Леонида Юзефовича о том, что «любовь Унгерна к монголам предопределила традиционную в системах такого рода ненависть к евреям… Первые несли в себе божественное начало, вторые — дьявольское. Одни были воплощением всех традиционных добродетелей прошлого, другие — всех пороков современности. Монголы были прирожденными мистиками, как и сам Унгерн, евреи — крайними рационалистами, и в этом качестве олицетворяли собой все, что было ему ненавистно в прогнившей цивилизации XX века».

Вообще, русская трагедия, начавшаяся Февральской революцией 1917 года и продолжившаяся октябрьским переворотом и Гражданской войной, не могла уже осмысливаться в привычных материалистических категориях. Апокалиптические и эсхатологические мотивы начинают звучать в творчестве многих русских прозаиков и поэтов. Только с помощью вечных библейских образов, кажется, можно понять происходящее. Еще в 1915 году, предчувствуя грядущие страшные потрясения, к образу Архистратига Михаила обращается замечательный русский художник В. М. Васнецов. На одной из его картин Архангел Михаил, стоящий во главе Сил Господних, поражает светоносным копьем самого князя тьмы, одетого в ярко-красный хитон цвета революционного флага и распростертого над древней русской столицей…

В 1924 году, спустя три года после гибели барона Унгерна, Михаил Кузмин, один из самых «эстетствующих» русских поэтов Серебряного века и одновременно глубокий знаток Священного Писания, создает, наверное, свое лучшее, исполненное высокого трагизма произведение — чрезвычайно «унгерновское» по своему духу стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером…». В

этом стихотворении, построенном как беседа Богородицы с Михаилом Архангелом, владычица небесная так говорит Архистратигу Михаилу об обитателях Советской России, смирившихся с безбожной властью большевиков: «Прожить нельзя без веры и надежды \ И без Царя, ниспосланного Богом. \ Я женщина. Жалею и злодея. \ Но этих за людей я не считаю. \ Ведь сами от себя они отверглись \ И от души бессмертной отказались. \ Тебе предам их. Действуй справедливо. \ Умолкла, от шитья не отрываясь. \ Но слезы не блеснули на ресницах. \ И сумрачно стоял Михал-Архангел, \ А на броне пожаром солнце рдело…» В системе эсхатологической мифологии барона Унгерна Архангел Михаил занимал крайне важное место. Мы помним, что на знамени дивизии Унгерна была начертана монограмма «М.II», обычно соотносимая с братом Николая II — Великим князем Михаилом Александровичем. В знаменитом Приказе № 15 приводился отрывок из книги Св. Пророка Даниила: «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа Твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге…» Безусловно, сам библейский «Михаил» сопоставлялся Унгерном не только (и даже не столько) с великим князем Михаилом Александровичем, как с его небесным покровителем — грозным Архангелом Михаилом (которому, между прочим, сочинил канон царь Иоанн Васильевич Грозный), который в преддверии Божьего суда наказывает нечестивцев и грешников, тем самым содействуя их спасению в Вечности: «Смертию нас назирает, и от суеты мира избавляет, и на суд праведни ко Христу представляет, и от вечных мук избавляет…» Исследовавшая культ архангела Михаила О. А. Добиаш-Рождественская писала: «Он (архангел Михаил. — *А. Ж.)* почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией…» Для мистически настроенного барона Унгерна библейские образы не были отвлеченным знанием: звезды действительно должны падать с небес, и саранча действительно будет величиной с коня, и Архангел Михаил с огненным мечом действительно придет покарать отступников и служителем зла…

Поэт Алексей Широпаев имел все основания сказать, что «Унгерн — единственный из белых вождей, кого можно представить скачущим в составе опричных сотен». «Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом», — пишет тонкий исследователь эпохи Грозного историк А. Юрганов. «Белый террор» Унгерна — также

своеобразное чистилище, через которое должна пройти Россия, дабы смыть с себя скверну большевизма и обрести утраченный «золотой век».

Сможет ли наш современник, живущий в век торжества политкорректности и «общечеловеческих ценностей», в век новых надежд на победу «цивилизации и прогресса», попытаться понять мысли и идеи барона Унгерна? Поддается ли феномен барона Унгерна вообще адекватному описанию, или для нас он является своего рода «областью молчания», недоступной пониманию современного человека? Давайте прислушаемся к словам современного русского философа о. Романа Бычкова, высказанным им в книге, носящей символическое название — «Воля к средневековью»: «Современность же возросла на отрицании всего того, на чем устроялось Средневековье, — Царство Божие заменив царством человеческим, органичность Средневековья — своей раздробленностью, объективность Средневековья — своей субъективностью, конкретику Средневековья — своей отвлеченностью, самособранность Средневековья — своей поверхностностью. В нашем понимании Средневековье и современность — суть два взаимоисключающих образа Бытия, две антагонистические системы, между которыми невозможно никакое «мирное существование». Или одно — или другое». В этих довольно горьких, но совершенно справедливых словах вполне объясняется причина того, почему барон Унгерн выглядел «безумцем» и «сумасшедшим бароном» даже среди своих сотоварищей по белой борьбе, а наше зрение, напрочь искалеченное современным миром, видит в рыцаре Белой идеи «маньяка-убийцу» и «патологическую личность».

Глава 11
Путь на Ургу

… С середины осени 1919 года военная ситуация в Сибири и Забайкалье неуклонно изменялась в пользу красных. Поспешно был оставлен Омск — столица Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Потеря Омска оказалась не просто военным поражением, но также и огромным моральным ударом по всему Белому движению. Люди, отдававшие борьбе с большевиками все свои силы, внезапно лишились какого-то стержня, каркаса, на котором выстраивалась убежденность в неминуемой победе. Известия с юга России только укрепляли всеобщий пессимизм — армии генерала Деникина, уверенно приближавшиеся к Москве, исчерпав все свои силы, покатились назад, под контрударами красных. Под влиянием военных поражений стала стремительно ухудшаться политическая ситуация непосредственно внутри Белого движения. Потеря Омска белой армией полностью развалила всю структуру всероссийской власти. Сам Колчак, его правительство, Ставка не могли полностью контролировать оперативную обстановку, а вскоре вообще утратили возможность как-либо влиять на нее: Верховный правитель России оказался, в полном смысле слова, заложником так называемых союзников, — французов и чехов, решавших исключительно свои задачи, не имевшие ничего общего с задачами белых армий и объективно способствовавших своими действиями большевикам.

В военном руководстве белых армий произошел раскол — начались постыдные грызня, склоки. Если ранее линия политического разлома проходила между «белым большевизмом» атамана Г. М. Семенова и либеральнореспубликанскими настроениями, господствовавшими в окружении Верховного правителя, то теперь единство было утрачено даже в среде самих колчаковских генералов. Генерал М. К. Дитерихс, отказавшийся оборонять Омск и заявивший, что «защищать Омск равносильно полному поражению всей нашей армии», был немедленно отправлен в отставку и заменен на генерала К. В. Сахарова. Через месяц с небольшим, 9 декабря 1919 года, на станции Тайга генерал А. Н. Пепеляев арестовал генерала Сахарова и потребовал от Колчака суда над ним и восстановления в должности генерала Дитерихса. Колчак был вынужден обратиться к Михаилу Константиновичу с предложением вновь возглавить руководство фронтом. Как отмечают историки, ответ последнего был

«безжалостным» — он согласился возглавить армию только при условии немедленного отъезда Колчака из России. Отъезда неважно куда — на юг, к Деникину, или в эмиграцию… Однако вскоре уже сам Верховный правитель был передан «союзниками» в руки проэсеровски настроенного Иркутского политцентра, который немедленно выдал Верховного правителя большевикам.

Ближайшие сотрудники адмирала Колчака своими поступками продлевали цепь предательств, по сути, начатую ими еще в февральско-мартовские дни 1917 года. Генерал от артиллерии Михаил Васильевич Ханжин, назначенный 6 октября 1919 года военным министром правительства Колчака, отправил Верховному правителю телеграмму с предложением отречься от власти в пользу генерала А. И. Деникина. После чего, попросив убежища в одном из поездов иностранных миссий, Ханжин бежал из Иркутска, бросив своего Верховного главнокомандующего на расправу коммунистам. Если так поступали даже люди, связанные военной присягой, что уже говорить о гражданских чинах Омского правительства. Заместитель Председателя Совета министров и Управляющий Министерством иностранных дел Третьяков, вовремя оценивший обстановку и оказавшийся в безопасном Харбине, отправил оттуда А. В. Колчаку телеграмму, в которой, во-первых, заявил о сложении своих званий, а во-вторых, сообщал, что отправляется в Японию для «выяснения настроений». В самое ближайшее время Третьяков оказался в Париже, где уже в 1941 году был разоблачен германской службой безопасности SD как давнии агент советской разведки, причастныи к похищению возглавлявших РОВС генералов Кутепова и Миллера чекистами.

Подобный трагичный исход всего Белого дела на востоке, по мнению Унгерна, можно было предугадать. Белых губило отсутствие единой позитивной идеи (антибольшевизм такой идеей считать было нельзя — он весь строился на отрицании, на «минусе»; кроме того, антибольшевиками были и эсеры, и меньшевики, и прочие кадеты, сыгравшие в гибели российской монархии гораздо более роковую роль, чем непосредственно большевики) и допущение в среду высшего офицерства партийности и политиканства. Мы уже говорили, насколько отличалось мировоззрение Унгерна от мировоззрения подавляющего большинства белых генералов. Эти различия подчеркивал и сам Унгерн, отзываясь о высших чинах Белого движения: «сентиментальные девицы из колчаковского пансиона» или «все они кадеты и шли в одной упряжке с большевиками…» Всем, кто на политическом фланге был «левее» него, барон просто не мог доверять — они были для него революционерами.

Китайские республиканские войска Унгерн многократно именовал не только «революционными», но и прямо «большевицкими». Правда, и монголы называли китайских солдат «гаминами» — от китайского слова «гэмин» — революция.

Сам Унгерн был не просто идейным, но истово верующим монархистом. Только монархическая идея, только священная особа монарха, стоящая надо всеми возможными политическими течениями и идеями, способна остановить расползающуюся идеологию большевизма, которая, по словам Унгерна, «как страшная зараза распространяется по всему миру. Эта зараза хуже чумы, хуже холеры». «Я знаю, что только восстановление царей спасет испорченное Западом человечество, — писал в одном из писем Роман Федорович. — Как земля не может быть без неба, так государства не могут быть без царей».

Какое место в политических построениях Унгерна занимали Монголия и Китай? Прежде всего следует сказать, что все политические планы Унгерна не были отвлеченными фантазиями далекого от жизни полусумасшедшего мистика, каковым часто изображают барона в популярной литературе. В данном случае Унгерн мыслил как вполне «реальный политик». После того как белые армии откатывались все дальше на восток под натиском красных, стало ясно, что в отсутствие надежной тыловой базы вести боевые действия против советских войск с военной точки зрения совершенно бесперспективно. Создание же подобной базы представлялось совершенно невозможным без налаживания контактов и взаимной поддержки с военной и аристократической элитами Монголии и Китая. Судьба русского Белого дела, судьба русской контрреволюции очень во многом решалась именно на Востоке.

Кстати, это прекрасно понимали и большевики. После того как рухнули их надежды на скорую победу коммунистической революции в Германии (на нее очень рассчитывал Ленин) и в остальной Европе, вожди III Интернационала обратили все свое внимание на Восток. Восточные люди, не отягощенные европейскими философскими и политическими системами, не знакомые со «всесильным учением» Маркса, сохранившие феодальный, средневековый уклад жизни, являлись, с одной стороны, естественным резервом для борьбы со всяческими «передовыми» и «прогрессивными» идеологиями. Но, с другой стороны, они представляли необыкновенно податливый, горючий материал, который можно было легко поджечь и, используя местные традиции и обряды, направить вспыхнувший огонь в необходимую сторону. Только Китай и Индия — это сотни миллионов людей, способных в силу своей лишь численности

решить судьбу мировой революции (или же контрреволюции). Проницательный русский эмигрантский историк И. П. Якобий, почти неизвестный в современной России, писал о большевицкой политике в Азии в издававшемся в Париже журнале «Двуглавый Орел»: «… Будучи интернационалистами в Европе, большевики явились на Востоке проповедниками самого непримиримого национализма цветных рас… Не ради освобождения азиатских народов большевики работают и сыпят червонцами, а для того, чтобы… бросить это громадное сорганизованное стадо на «буржуазную» Европу. Какая доблесть, какие технические силы смогут остановить этот человеческий поток, который польется из неисчерпаемых азиатских хлябей?»

Строя свои геополитические планы, барон Унгерн не был оригинальным. Его мысли о необходимости создания Великой Монголии, а вслед затем — о формировании Срединного государства, которое включало бы в себя Маньчжурию, Синьцзян, Тибет, Казахстан, алтайские и бурятские народы, — зеркальное отражение коммунистического плана «борьбы за Азию», перенесения центра мировой революции из Европы на Восток. Политические перспективы Унгерн оценивал весьма реалистично: «Надо… воспользоваться тем, что в Китае избран президент, известный революционер-большевик, доктор Сунь Ятсен. Очевидно, что от такого правительства, во главе которого стоит большевик, нельзя ожидать ничего хорошего для Монголии и Тибета. Очевидно, что подлое революционное учение Запада проникло в Китай. Необходимо теперь же начать действовать, чтобы спасти народы Востока от гибельных революционных учений и пагубных идей гнилого Запада. Верный к тому путь — объединение автономных Монголии, Тибета и Синьцзяна в крепкий федеративный союз и последующее восстановление Цинской династии. Только этим путем можно охранить великие устои и проблемы Востока, охранить честь и достоинство его народа, охранить обычаи, предания и заветы».

С точки зрения Унгерна, образование подобного государства, управляемого военной элитой во главе с императором — Богдо-ханом, создавало условия для «экспорта контрреволюции» в Россию и восстановления монархии не только на территории бывшей Российской империи, но и на всем европейском континенте. (Заметим, что азиатская реальность оказалась отнюдь не такой, как она рисовалась в теории не только для Унгерна, но также и для «русских» большевицких лидеров, в большинстве своем имевших европейское образование. Однако подобное понимание пришло слишком поздно, когда они уже достаточно глубоко погрузились в «неисчерпаемую азиатскую

хлябь», из которой нужно было как можно быстрее вытягивать ноги — пока совсем не засосало.)

Барона должен был бы насторожить следующий факт: Унгерн разослал несколько десятков писем монгольским князьям, ламам, китайским генералам с изложением своих идей. Несмотря на то что большинство из этих писем Унгерна носит чисто утилитарный характер — обрести союзника, получить какую-либо помощь для своего дела, — из них вполне можно вычленить то, что составляло стержень идейных и политических взглядов барона, составляло его credo.

«… Ожидать света и спасения можно только с Востока, а не от европейцев, испорченных в самом корне даже до молодого поколения, вплоть до молодых девиц включительно». (Письмо Чжан Куню от 16.02.1921 г.)

«Вам, конечно, известно, как ужасно подлое большевицкое учение и как быстро оно укореняется. Вся Россия теперь страдает, брат пошел теперь на брата, сын — на отца, все обеднели, голодают, забыли Бога. Вы знаете, что моя цель, мои стремления — это восстановление царей. Надо начать с Востока, монголы для этого очень удобны, так как они не забыли еще, как им хорошо жилось при маньчжурском хане. Я знаю и верю, что свет придет с Востока и принесет счастье всему человечеству». (Письмо Цэндэ-гуну. Март 1921 г.)

«Самое наивысшее воплощение идеи царизма — это соединение божества с человеческой властью, как были Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и в старые времена русские цари. За последние годы оставались во всем мире, условно говоря, два царя: это Англия и Япония. Теперь небо как будто смилостивилось над грешными людьми и возродились цари в Греции, Болгарии и Венгрии, и 3 февраля 1921 года восстановлен Его Святейшество Богдо-хан… Вашему сиятельству известно, что Чжан Куню — монархист, поэтому, понятно, надо всячески избегать столкновений и недоразумений с его войсками. Но гражданские китайские власти — это революционеры, последователи черного сатаны, они под маской несуществующей фантастической свободы, под личиной добра и обещаниями разных благ развращают нравственность людей, портят их, а народ вследствие этого бездействует и страдает. Примеры — Россия и Южный Китай… Каждый честный воин должен стоять за честь и добро, а носители этой чести — цари. Кроме того, ежели у соседних государств не будет царей, то они взаимно будут подтачивать и приносить вред одно другому…» (Письмо Цэндэ-гуну от 27.04.1921 г.)

«Мои караваны будут проходить по Вашим местам, и, хотя

сами по себе они не представляют крупной ценности, но… имеют для меня большое значение. Я очень хотел бы, чтобы Вы пропускали их и оберегали от могущих быть неприятностей. Этим Вы сделаете мне большое удовольствие и окажете большую услугу, которую я, конечно, не забуду… Нам, честным воинам, надо всем взяться за оружие и вести борьбу за великое дело, за восстановление Срединного Царства, за восстановление царей, какой бы национальности они ни были. Я знаю, что только восстановление царей спасет теперь испорченное Западом человечество». (Письмо начальнику войск провинции Цицикар.)

Ответов пришло считаные единицы. «… Монгольские князья, не говоря уже о простых кочевниках, понятия не имели, что Унгерн видит в них последнюю надежду «испорченного Западом человечества», — справедливо замечает Л. А. Юзефович. «Монархической солидарности» не получалось. Как написал Унгерну в ответе один из влиятельных монгольских лам: «Я, хутухта, молюсь только о ниспослании благополучия Богдо-хану, преследуя цель помочь религии и народу, постоянно молюсь Трем Сокровищам и стараюсь исполнять установленные требы. Однако считаю нужным засвидетельствовать, что я обладаю слабыми способностями и образованием».

При этом материалисты-большевики не были склонны считать планы Унгерна «химерами сумасшедшего». Они сумели оценить опасность, исходившую от воплощения в жизнь подобных планов именно в их военно-политическом, практическом аспекте. 31 октября 1920 года на имя председателя Совнаркома Ленина была отправлена специальная телеграмма об опасности, которую представляют для Советской России успехи генерала Р. Ф. Унгерна в Монголии (копия была послана наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину — это лишь подчеркивает степень обеспокоенности большевиков). Телеграмма завершалась следующим резюме: «… В случае успеха Унгерна высшие монгольские круги, изменив ориентацию, сформируют с помощью Унгерна правительство автономной Монголии… Мы будем поставлены перед фактом организации новой белогвардейской базы, открывающей фронт от Маньчжурии до Туркестана, отрезывающей нас от всего Востока»… В открытии нового «Восточного фронта» заключалась действительная и реальная опасность для большевиков: этот фронт не только преграждал путь коммунистической экспансии в глубь Азии, но и являлся постоянной угрозой самому существованию большевицкого режима.

Целый ряд современных исследователей, например воронежский историк Станислав Хатунцев, называют план

Унгерна «панмонголистским». Насколько подобное утверждение соответствует действительности? Нам представляется, что планы создания Великой Монголии или Срединного государства никогда не являлись целью барона Унгерна. Любое государственное образование (как бы оно ни называлось), созданное на просторах Внутренней Азии, являлось для Унгерна лишь средством — оно обеспечивало более или менее надежный тыл для антибольшевицких формирований, опираясь на него, можно было приступать к решению задачи, которую Унгерн действительно считал самой главной, — освобождению России от коммунистического рабства и восстановлению в ней самодержавной власти. О том, что планы Унгерна носили именно такой характер, свидетельствует и В. И. Шайдицкий: «… Барон выступил на столицу Монголии Ургу с целью взять ее у китайцев с боем, для устройства в ней своей постоянной базы в действиях в Монголии и вылазках на русскую землю».

Насколько реализуемыми были подобные замыслы в действительности? Позволим себе еще раз обратить внимание на слова историка С. Хатунцева: «Следует заметить, что эти прожекты, кажущиеся сейчас несбыточными, в первой половине XX века абсолютно фантастическими не являлись: обстановка, сложившаяся во Внутренней Азии после крушения Китайской и Российской империй, благоприятствовала осуществлению самых невероятных геополитических комбинаций…» Напомним только, что десятилетие спустя, 1 марта 1932 года, как результат осуществления подобных «геополитических комбинаций» на территории Северо-Восточного Китая, где до этого безгранично хозяйничали красные, возникает монархическое государство Маньчжоу-Го во главе с Пу И — последним императором Китая из маньчжурской династии Цинь, восстановить власть которой стремился барон Унгерн (находившееся, правда, под протекторатом Японии), насчитывающее более 30 миллионов подданных и просуществовавшее до августа 1945 года. По замыслу японских кураторов «проекта Маньчжоу-Го», это государственное образование должно было осуществлять те самые задачи, о которых мы говорили выше, — быть форпостом борьбы с коммунистической угрозой с севера, а также тыловой базой для антикоммунистических организаций России и Китая.

Насколько сам барон Унгерн верил в осуществимость подобных геополитических планов? Представляется совершенно справедливым утверждение А. С. Кручинина, что, покидая в начале августа 1920 года Даурию, дивизия барона должна была решать конкретные оперативные задачи: борьба с красными партизанами, угрожавшими с запада и самому Унгерну, и

основной семеновской группировке, а далее выйти во фланг красным частям, предпринявшим наступление на Читу. Будучи приверженцем партизанских методов ведения боевых действий, многие свои решения Роман Федорович принимал «по обстановке». Обстановка же, сложившаяся в результате осенне-зимней кампании 1920/21 годов, казалась барону весьма подходящей для открытия широкого антибольшевицкого фронта.

… В самом конце зимы 1919 года барон Унгерн оставил свою дивизию и отбыл в служебную командировку. Из командировки он вернулся и вновь вступил в командование дивизией лишь 29 сентября. Сведения о том, где находился в это время Унгерн, достаточно скудны. Однако известно, что летом 1919 года он прибыл в Пекин для ознакомления с деятельностью китайских монархических группировок. По отзывам современников, пребывание Унгерна в Пекине ознаменовалось двумя событиями: во-первых, грандиозным скандалом, учиненным им в старом русском посольстве и, во-вторых, женитьбой на китайской принцессе Цзи из рода Чжанкуй.

Что касается «грандиозного скандала» в старом российском посольстве, то об обстоятельствах и причинах оного практически ничего неизвестно. Однако вполне возможно предположить, что вызвало возмущение Унгерна. К сожалению, большинство работников русского дипломатического ведомства оказались совершенно чуждыми национальным интересам России. За несколько месяцев до прибытия Унгерна в Пекин Китай начал вводить свои войска на территорию Внешней Монголии, а вскоре уже вся страна была покрыта китайскими гарнизонами. В соответствии с Кяхтинским соглашением русское правительство являлось гарантом автономии Внешней Монголии. Но русский посланник в Пекине князь Н. В. Кудашев даже не выразил китайскому правительству никакого (хотя бы и формального) протеста, ценя более всего свои благополучие и безопасность[28]. Весной 1918 года в аналогичном учреждении — русском посольстве в Японии — довелось побывать барону А. П. Будбергу, человеку гораздо более спокойному и уравновешенному, нежели Унгерн, по его собственному признанию, всегда стремившемуся к «правовому фарватеру линии поведения». Однако даже у такого человека, как барон Будберг, поведение русских посольских чиновников вызывало недоумение и возмущение. «Такие господа, как местный посол и многие наши представители за границей, знают, что такое революция, только по газетам да по розовым телеграммам Терещенко и К; они ничего не испытали, обеспечены на долгое время прекрасными окладами в золотых рублях и очень горды тем, что могут, сидя в полной безопасности, рядиться в

ризы ярых и непримиримых ненавистников большевизма и гордо размахивать руками, — передавал А. П. Будберг свои впечатления от поведения российского посла в Японии Крупенского. — … Сидя по безопасным заграничным и далеким от России местам и кушая многотысячные оклады, брезгливо отворачивается от всего русского и пальцем не шевельнет, чтобы спасти погибающих на Руси. Трудно ожидать чего-либо более порядочного и человеческого от такого типичного представителя нашей дипломатии…» Судя по всему, «старый» российский посол в Пекине князь Кудашев мало чем отличался от Крупенского, и вполне можно представить, какие эмоции он должен был вызвать у такого поборника чистоты белого дела, как Р. Ф. Унгерн-Штернберг.

Гораздо больший интерес представляет для нас женитьба барона Унгерна. Тот же В. И. Шайдицкий охарактеризовал жену барона следующим образом: «Женат был (Унгерн. — *А. Ж.*) на китайской принцессе, европейски образованной (оба владели английским языком), из рода Чжанкуй, родственник которой — генерал — был командиром китайских войск западного участка Китайско-Восточной железной дороги от Забайкалья до Хингана, в силу чего дивизия всегда базировалась на Маньчжурию». Венчание прошло в православной церкви, «по греческому восточнохристианскому обряду». Новобрачная принцесса в крещении была наречена Еленой Павловной. Новоявленная баронесса Елена Павловна проживала на станции Маньчжурия, в то время как ее супруг, когда не был в походах против большевиков, постоянно находился на станции Даурия. Лишь изредка Унгерн навещал молодую жену. Летом 1920 года, перед своим выступлением из Даурии, барон снабдил Елену Павловну приличными денежными средствами (оформил на ее имя солидный банковский вклад) и отправил в Пекин, в «отчий дом». Говорят, что судьбой своей жены Унгерн в дальнейшем совершенно не интересовался[29].

Почти все современники Унгерна, и историки, и беллетристы, сходятся в двух обстоятельствах: во-первых, брак барона Унгерна носил формальный характер, во-вторых, женитьба на принцессе Цзи «имела чисто политический характер и вытекала из назойливой идеи: «реставрации китайской монархии», и женитьбой он приближался к претендентам на китайский законный императорский трон» (М. Г. Торновский). Заметим, что претензии Унгерна на «китайский императорский трон» представляются нам совершенно несостоятельными. Да и сам барон сочетал в себе черты идеалиста и реального политика. Он прекрасно понимал, что прав претендовать на китайский трон,

несмотря на женитьбу на принцессе, у него ничуть не больше, чем у гоголевского чиновника Поприщина на испанский престол. Принцесс в Китае было ничуть не меньше, чем высокородных княжеских невест в Российской империи, но как в России брак с княжной, так и в Китае брак с принцессой ничуть не приближал жениха к императорскому престолу. Для того чтобы понять истинные причины, толкнувшие Унгерна на брак с китайской принцессой, стоит прислушаться к мнению историка А. С. Кручинина.

Причиной брака стало желание Унгерна обрести себе тайного союзника (или даже агента) среди китайского военного командования. Как упоминал В. И. Шайдицкий, одним из родственников принцессы был генерал Чжан Куню (существуют также варианты написания «Чжан-куй-у», «Чжан-куй-ю»), являвшийся помощником китайского главнокомандующего в полосе отчуждения КВЖД. По своим политическим убеждениям Чжан Куню был известен как монархист, ярый противник большевизма. Он зарекомендовал себя как друг и доброжелатель атамана Г. М. Семенова еще весной — летом 1918 года. Неожиданная женитьба Унгерна, как предполагает А. С. Кручинин, была благовидным предлогом для легализации денежных выплат высокопоставленному родственнику баронессы. «И тогда неважным уже становится, был ли Чжан Куй-у (так у А. С. Кручинина. — *А. Ж.)* действительно маньчжуром, близким по крови императорскому дому, и исповедовал ли он монархические убеждения или испытывал страх перед коммунистической угрозой: сопоставление даже изложенных весьма немногочисленных фактов позволяет увидеть здесь обыкновенную «вербовку», — пишет А. Кручинин. Действительно, помощь нового родственника понадобится генералу Унгерну весьма скоро — когда он со своей дивизией выступит в Монголию.

Монголия к этому времени оказалась фактически оккупированной китайскими войсками. Автономия Монголии была упразднена, монголы-министры арестованы, а сам Богдо-гэгэн был фактически заключен под домашний арест в своем «Зеленом» дворце, окруженном китайскими солдатами. В Ургу был торжественно принесен портрет президента Китайской республики. Это событие символизировало возвращение старых порядков, существовавших до установления автономии в 1911 году. Особенно ударило по всем без исключения монголам восстановление аннулированных в 1911 году долгов всевозможным китайским фирмам. К долгу были насчитаны проценты, наросшие с 1911 года, и в результате все население

Внешней Монголии попало в жесточайшую долговую кабалу к китайцам, от которой монголы успели поотвыкнуть за время русского протектората.

В опубликованных еще в 1911 году «Очерках русско-монгольской торговли» авторы, Боголепов и Соболев, весьма прозорливо предсказывали последствия усиления китайского национализма: «Пробуждение национализма у китайцев обещает монголам усиление беспощадной колонизации ее (т. е. Монголии. — *А. Ж.)* китайцами. Этот национализм сотрет Монголию с лица земли и превратит ее в страну сельских хозяев и овцеводов-китайцев… Но этот же национализм обращен и против белых, приняв резко выраженную форму антиевропейского движения, которое грозит и русским в Монголии». Спустя без малого десять лет предсказания двух русских авторов начали полностью сбываться.

Большинство китайских солдат, оказавшихся в Монголии, принадлежали армии Южного Китая и были настроены весьма революционно. Не случайно, что китайская военная администрация оказалась также дружественно расположенной по отношению к большевикам. Из России в Ургу прибывали комиссары советского правительства, образовавшие в городе местное большевицкое самоуправление. «Во главе городской думы стоял некто Чайванов, бурят, иркутский адвокат и большевик. Городская дума состояла также из большевиков, и таковые главенствовали всюду. В местном кооперативе председательствовал священник Феодор Парняков, тоже большевик, — вспоминал один из русских жителей Урги. — … Большевики в Урге подняли голову… Начались притеснения инакомыслящих… Всему этому положил конец барон Унгерн-Штернберг, генерал-лейтенант, начальник Азиатской конной дивизии армии атамана Семенова». Участники Белого движения, оказавшиеся в Монголии в силу тех или иных причин, арестовывались китайцами и заключались в ургинскую тюрьму, где содержались поистине в нечеловеческих условиях. Все попытки отдельных членов русской колонии оказать помощь питанием и теплой одеждой заключенным под стражу соотечественникам пресекались красными «товарищами», находившими полное понимание у китайской администрации.

Тем временем ситуация в Забайкалье становилась для белой армии критической. Войска якобы независимой от Советской России буферной Дальневосточной республики (ДВР) под видом «добровольцев» пополнялись регулярными частями Красной армии. Под давлением превосходящих сил красных немногочисленные и деморализованные внутренними склоками

среди генералов белые войска откатывались к Чите. Усилилось дезертирство — кто-то переходил к красным, кто-то скрывался в тайге, дожидаясь, пока прекратится сама затянувшаяся на шесть лет война, кто-то предусмотрительно направлялся за рубеж, полагая, что в России все потеряно и, пока не поздно, надо налаживать жизнь в эмиграции.

Когда тыловые учреждения отступающей белой армии приблизились к станции Даурия, Унгерн принял решение. «Нужно уходить, пока еще не разложилось мое войско», — заявил барон, памятуя уроки страшных весны — осени 1917 года. Общий подсчет сил дивизии Унгерна, вышедшей из Даурии после 15 августа 1920 года, давал следующие цифры: 1045 всадников, 6 артиллерийских орудий и 20 пулеметов систем «Кольт» и «Максим». «О своих дальнейших планах барон никого не осведомил — таково уж было свойство его характера», — вспоминал Н.Н. Князев обстоятельства выхода из Даурии.

Весьма живую картину выступления дивизии генерала Унгерна в «монгольский поход» дает в своих воспоминаниях генерал-лейтенант В. А. Кислицын[30]: «С бароном Унгерном я близко познакомился еще тогда, когда жил на ст. Борзя. Он часто приезжал ко мне в своем поезде, мы много и дружески беседовали. Это был честный и бескорыстный человек, неописуемой храбрости офицер и очень интересный собеседник. В Даурии я сдружился с ним еще больше… На службе это был строгий и требовательный начальник. Особенно строгим он был по отношению к офицерам. Рыцарь и идеалист по натуре, он требовал рыцарства и от окружающих офицеров. Всякая бесчестность, трусость и корыстолюбие вызывали в нем взрыв негодования, и тогда он был страшен в своем гневе для провинившихся… Все время барон Унгерн звал меня идти вместе с ним в задуманный поход в Монголию. Он предлагал мне командовать над нашими соединенными силами и говорил: «Ты будешь командиром корпуса. Я подчинюсь тебе и буду слушать тебя и все исполнять. Иди только с нами». Я не верил в успех задуманной операции да, кроме того, и не считал возможным отрываться от армии атамана Семенова… По этим соображениям я не согласился с предложением барона Унгерна.

Накануне своего похода барон пришел вечером ко мне, отдал обручальное кольцо своей жены-китаянки и золотой портсигар. Все это он просил меня хранить у себя. Я отказался лично брать вещи на хранение. При бароне я позвал моего помощника, генерал-майора Саблина и начальника штаба дивизии… и передал им вещи барона для хранения в денежном ящике штаба дивизии.

Кроме того, отправляясь в поход, барон оставил мне передаточную записку на все свое имущество, находившееся в его квартире. Эта записка сохранилась до настоящего времени. Она гласит так: «Обстановку моей квартиры, собственность Азиатской конной дивизии передаю начальнику 1-й сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии генерал-лейтенанту Кислицыну. Генерал барон Унгерн. 15 августа 1920 года. Даурия». Эта краткая записка барона Унгерна о передаче мне его собственного имущества является еще одним доказательством бескорыстности и исключительной честности и идеализма барона. Даже на обстановку своей квартиры он смотрел… как на собственность Азиатской конной дивизии.

Во мнении этого идеалиста и горячего патриота, все силы и все средства должны были направляться в этот трагический период для России только на борьбу с большевиками. Ничего для себя. Все для России. Отсюда становятся понятными и нетребовательность барона к удобствам, и почти полный отказ его от собственности, и его жестокость к корыстолюбцам и лицам, небрежно относящимся к обязанностям.

Что бы ни говорили о жестокостях барона и его сумасбродствах, надо признать, что это был выдающийся человек. Таких на редкость честных и преданных идее Белого движения людей было слишком мало!»

Генерал Кислицын был одним из немногих военачальников белой армии, кому барон Унгерн мог доверять и с кем у него даже сложилось некое подобие дружеских отношений. Несмотря на то что Кислицын командовал дивизией в армии генерала Каппеля, по своим политическим взглядам он отличался от большинства каппелевских офицеров. Кроме того, В. А. Кислицын сам служил в кавалерии (во время Великой войны он возглавлял 3-ю кавалерийскую дивизию, позже — 3-й кавалерийский корпус), а среди кавалеристов всегда существовала четко выраженная корпоративная солидарность. Он был в дружеских отношениях с генералом графом Ф. А. Келлером, вместе с ним формировал антибольшевицкие части в Вильно, в декабре 1918 года принимал участие в обороне Киева от петлюровцев, придерживался монархических убеждений. Трудно предугадать, как сложилась бы судьба «монгольского похода», прими Кислицын предложение Унгерна.

Впрочем, поначалу длительного пребывания на монгольской территории Унгерн не планировал. Разгромив отряды красных партизан, дивизия генерал-лейтенанта Унгерна перешла монгольскую границу и двинулась на юго-запад. Воевать с китайскими войсками Унгерн не собирался — слишком велико

было неравенство в силах: один только китайский гарнизон Урги составлял не менее 11 000 солдат. Кроме того, первоначально барон собирался решать совсем другие задачи: через Монголию он вновь собирался выйти на русскую территорию, двинуться на Троицкосавск, откуда открывался путь на Верхнеудинск — тогдашнюю столицу Дальневосточной республики (ДВР) — буферного государства, созданного большевиками между Совдепией и белым Приморьем. Выбирая данный маршрут, Унгерн выслал свой бурятский дивизион (около 200 всадников) на север с заданием: навербовать в казачьих станицах русских добровольцев и присоединиться к частям дивизии уже в Троицкосавске. Однако при переходе русской границы дивизион был обнаружен превосходящими силами красных и в результате практически полностью уничтожен. Лишь несколько казаков-бурят возвратились к Унгерну.

Высланная бароном разведка донесла, что обозы и артиллерия не смогут переправиться через горный хребет Хэнтэй. Единственный путь на Троицкосавск, в обход горных хребтов, лежал через Ургу. «Тем лучше, — сказал Унгерн, — пойдем на Ургу!» 20 октября дивизия Унгерна приблизилась к монгольской столице. Если представить, что барон собирался воплощать в жизнь свой «панмонголистский план», он должен был бы с ходу атаковать Ургу, пока китайские солдаты не подготовились к обороне. Однако вместо этого Унгерн через монголов вступает в переговоры с китайским военным комендантом города о пропуске своего отряда через город. Здесь можно было бы заподозрить «военную хитрость» — дескать, главное Унгерну было войти в Ургу, а дальше… Но, будучи сам воином-рыцарем, органически не выносившим предателей и предательства, Унгерн никогда не пошел бы на нарушение договоренностей даже с революционными китайскими республиканцами.

В ответ на запрос китайского коменданта: «Что за русские войска подошли к городу», Унгерн приказал доложить, что отрядом командует генерал-лейтенант Унгерн, монархист, который дерется со всеми социалистами, к какой бы национальности они ни принадлежали. Барон сообщал, что он движется на Троицкосавск и вынужден зайти в Ургу по причине отсутствия других дорог, ведущих в этом направлении. По пути он предполагал бы сделать в городе кратковременную остановку для пополнения запасов и отдыха своим людям — разумеется, за должное вознаграждение. В ответе Унгерна, безусловно, содержался определенный вызов китайцам — в том месте, когда барон говорил, что «дерется со всеми социалистами», — войска «гаминов», стоявшие в Урге, поддерживали революционную

партию Гоминьдан. Однако, подчеркнем еще раз, воевать с китайцами, пусть даже и «социалистическими», Унгерн совсем не собирался.

Отряд Унгерна разместился в лагере, примерно в 30 км к востоку от города. Осень перевалила уже за половину, и резкая сырость и холод пробивались под легкие дождевики и подержанные английские шинели, в которых унгерновцы были тогда обмундированы. Прошла целая неделя в ожидании ответа от начальника гарнизона, но вместо ожидаемого пропуска в город через монголов пришли известия о том, что китайцы спешно готовятся к обороне и начали репрессии в Урге против «белых русских», подозревая их в пособничестве барону. Подобные слухи вывели и без того нервничавшего Унгерна из равновесия, и он отдал приказ штурмовать город. Важный свидетель, Н.Н. Князев, находившийся при бароне во время боев за Ургу, утверждает:«… Предпринимаемая операция ни в какой еще степени не была подготовлена: местность изведана лишь в самых общих чертах и почти не имелось данных о противнике. А между тем, как это впоследствии выяснилось, ургинский гарнизон состоял из двух бригад пехоты и двух-трех конных полков, изобильно снабженных пушками и пулеметами».

Атака Урги в данных обстоятельствах действительно представлялась авантюрой, отчаянным шагом — она могла удаться еще неделю назад, когда китайцы не были готовы к обороне. Но у Унгерна не было времени ждать — его легко обмундированная армия должна была выйти к Троицкосавску до наступления забайкальских морозов. Два первых дня боев за Ургу — 26 и 27 октября 1920 года — наполнены путаницей и неразберихой. Как это бывало весьма часто, генерал Унгерн лично отправился на разведку, причем в одиночестве, и… пропал. Предоставим слово очевидцу событий Н.Н. Князеву: «В продолжении тех нескольких часов, которые протекли с момента исчезновения барона до начала рассвета, командиры сотен, что называется, «самоопределились», то есть каждый из них занял какую-либо позицию с намерением, как тогда ночью казалось, образовать общий фронт. На деле же получилась иная и совершенно грустная картина: в темноте сотни разбрелись по сопкам, утратив всякую связь между собой. Никто не знал, где находится барон и какие должны последовать от него распоряжения. Поэтому ни один из начальников частей не решился проявить собственную инициативу.

Унгерн же в это время носился на скакуне по неведомым ему окрестностям, разыскивая сначала китайцев, затем генерала Резухина и, наконец, свой отряд. Спустившись с сопки, на

которой он поставил батарею, барон вскоре подъехал к стене Маймачена (предместье Урги, населенное преимущественно китайцами. — *А. Ж.)*…. Он добрался до какого-то проезда и через это отверстие в стене проник внутрь города. У одного из домов его окликнул часовой. Барон вихрем налетел на гамина, сбил его с ног ударом своего ташура и ускакал. Из Маймачена Унгерн отправился на розыски генерала Резухина, но в темноте потерял ориентировку и заблудился».

Наступление было фактически провалено: в результате тяжелого боя унгерновцы потерпели поражение. В комендантском взводе Н.Н. Князева были ранены все офицеры. Но самое худшее состояло в том, что были потеряны два орудия — $^1/_3$ всей артиллерии отряда. «Барон был явно огорчен, — пишет Н.Н. Князев. — Несколько раз в раздумье он повторил заданный самому себе вопрос: «Из чего же мы будем стрелять?» После боя Унгерн чрезвычайно опасался, что китайцы выйдут из города и разовьют преследование его отряда, потому решил отвести свои войска на 15 км от города. Раненые были отправлены на заимки русских колонистов, находившихся на значительном отдалении от Урги. Однако китайцы были далеки от преследования — они даже не решились вести разведку вокруг города.

Второе наступление на Ургу, начавшееся 2 ноября, закончилось еще большей неудачей. Хотя поначалу успех сопутствовал войскам барона, но сказалось громадное численное превосходство китайцев. Людских резервов, необходимых для удара на главном направлении не осталось, закончились патроны, замерзли пулеметы системы «Максим» («Кольты» работали безотказно) — китайцы бросили в контратаку свежий батальон и унгерновцы начали отходить. Самыми страшными для и так весьма немногочисленных войск барона оказались потери. Только убитыми отряд потерял свыше 100 человек. Не менее 200 было ранено и еще более того — обморожено. Особенно чувствительными были потери в офицерском составе — Н.Н. Князев называет цифру в 40 % убитыми от общего числа офицеров. «На ургинских сопках, — пишет он, — остались лучшие боевые офицеры, участники Германской войны». Трагические последствия этих октябрьско-ноябрьских неудачных боев под Ургой еще скажутся гораздо позже. Точно так же, как потери русской гвардии, полегшей на полях Восточной Пруссии и Галиции в 1914/15 годах, оказались невосполнимыми, так и потери кадровых офицеров в боях под Ургой не смогут позже возместить никакие мобилизации.

По словам Н.Н. Князева, неудача, «почти катастрофа», под Ургой оставила в Унгерне «след более глубокий, чем у кого-либо

из подчиненных. С этого времени начинает прогрессировать его повышенная раздражительность». Тому действительно были серьезные причины: из России приходили совсем неутешительные сведения. 21 октября 1920 года красные заняли Читу, путь в Россию оказывался закрытым для Унгерна. Семенов не мог оказать ему никакой поддержки — отныне он сам зависел от очень многих, в том числе и от китайцев. Наступление холодов только еще более осложняло ситуацию.

В маленьком лагере барона сложилась тяжелейшая обстановка. Запасы, вывезенные унгерновцами из Забайкалья, закончились. Требовалось перестроить систему довольствия по монгольскому образцу — то есть перейти исключительно на мясную пищу. Муки и, соответственно, хлеба найти было совершенно невозможно. Питание исключительно мясом, без хлеба, каких-либо мучных изделий, совершенно непривычно для русского человека. Офицеры и солдаты Азиатской дивизии постоянно испытывали чувство голода: «… съешь, бывало, 3–4 фунта (мяса. — *А. Ж.),* а через два часа снова голоден», — вспоминал Н.Н. Князев, прошедший через страшную зиму 1920/21 годов. Русские, татары, буряты и японцы получали по 4 фунта мяса в день — если не выдавалась мука для лепешек, и по 2,5 фунта — если интендантству удавалось раздобыть муки. Монголам же, состоявшим на службе у барона, ежедневно выдавалось по 7 фунтов мяса — с другими предметами питания монголы были почти незнакомы, а мясо, по словам очевидца, поглощали «в ужасающем количестве». Помимо прочего, истощение зерна в интендантстве дивизии очень скоро отразилось и на конском составе — лошадям, выведенным из Забайкалья, не подходила монгольская система фуражного довольствия. Забайкальских лошадей требовалось заменить монгольскими конями, которые обходятся без овса, а питаются исключительно подножным кормом…

Унгерновцы разбили свой лагерь на реке Барун-Тэрэлдж, примерно в 30–35 километрах от Урги: район изобиловал подножным кормом для коней монгольской породы; для русских коней имелись значительные запасы сена, накошенного монголами для китайской кавалерии. Время от времени отряду приходилось менять стоянку в зависимости от состояния подножных кормов. По словам Н.Н. Князева, «в этот период барону суждено было познакомиться с обратной стороной командования конной частью, когда конница стоит лицом к лицу перед угрозой вынужденного спешивания». Из своего лагеря Унгерн выслал для засад две заставы: на кал ганский тракт — сотню полковника Хоботова; на маньчжурский тракт — сотню

Янкова. Иногда заставы пересылали в лагерь перехваченные караваны с мукой, сахаром, солью, одеждой. Добыча распределялась интендантом между всеми чинами отряда, вьючные верблюды поступали в обоз.

Резко континентальный монгольский климат с дневными температурными колебаниями в пределах 20–30 градусов, повышенной сухостью воздуха, пронизывающими ветрами, переворачивающими палатки, оказался суровым испытанием даже для забайкальских казаков, выросших далеко не в тепличных условиях. Люди жили в палатках, вывезенных из Даурии, или же в майханах — легких юртах, купленных у монголов. Теплую одежду и обувь пришлось изготовлять самим — из бычьих шкур, «первобытным» способом, когда вместо ниток и дратвы использовались жилы все тех же быков.

Морозы, хроническое недоедание, отсутствие перспектив борьбы в России приводили людей к ощущению полной безнадежности. Началось дезертирство среди простых всадников и, что было уж совсем губительно, среди офицеров. Даже весьма лояльный Унгерну Князев пишет об «удушливой атмосфере», «наушничестве», «палочной дисциплине», установившихся в отряде. Однако каким другим способом в данных условиях можно было не просто удержать людей, а сохранить боеспособный воинский коллектив, настроить его на борьбу с большевиками? Распустить отряд или сохранить его для дальнейшей борьбы, пусть даже самыми жестокими, «драконовскими» методами — такой выбор стоял перед Унгерном. Отказаться от своей борьбы, от тяжкого бремени, которое ниспослало ему провидение, барон просто не мог.

Одним из самых трагичных дней для Унгерна стало 28 ноября. Ночью из отряда дезертировала целая группа: 15 офицеров и 22 всадника офицерской сотни 2-го Анненковского полка, во главе с подъесаулом Царегородцевым. Вот как описывает этот эпизод Н.Н. Князев: «… В ночь на 28 ноября 1920 г. дезертировало сразу 15 офицеров и 22 всадника так называемой офицерской сотни 2-го Анненковского полка… Барону доложили на рассвете. Он вскочил на коня и помчался в Анненковский полк. «Почему вы не убежали?» — резко обратился он к начальнику пулеметной команды поручику Аргентову. «Пулеметы целы?» — «Так точно, Ваше Превосходительство». — «Вы хорошо в этом убеждены?» — допытывался барон. «Так точно», — еще тверже доложил пулеметный офицер. «Замки где?» — «Как всегда — у меня под подушкой». — «Покажите!» Генерал пересчитал замки и тщательно осмотрел пулеметы.

Вдруг его взгляд нацелился на растрепанную фигуру есаула

Макеева, так неудачно для себя выскочившего на шум из палатки. «Ты почему не убежал?» — налетел на него барон. «Я… Я проспал, Ваше Превосходительство», — пролепетал Макеев и тотчас же был награжден несколькими ударами.

Разряженный этой вспышкой, Унгерн вернулся к своей юрте и застыл у костра. Из его глаз катились слезы, ручейками сбегавшие вдоль щек… Но недолго барон предавался этому настроению. Глаза его просохли сами собой и приняли обычный оттенок холодного колодца, в который страшно заглянуть. Он принял решение. «Позвать Найден-гуна!» — бросил он в пространство… Спустя полчаса вдогонку за беглецами поскакали две сотни чахар на уртонских лошадях. Через два дня… чахары вернулись из погони и — не с пустыми руками: привезли три кожаных мешка голов да трех добровольно сдавшихся офицеров».

Можно увидеть в этом эпизоде пример «звериной жестокости» барона. А можно — вполне обоснованные действия воинского начальника, который поступает с дезертировавшими с поля боя в полном соответствии с законами военного времени. Кстати, нередко случалось, когда Унгерн сам отпускал из дивизии офицеров и бойцов, которые не могли продолжать службу в силу различных обстоятельств. Так, летом 1920 года приказом барона были демобилизованы и отпущены по домам остатки солдат и офицеров Корейского пешего батальона, понесших значительные потери в результате тяжелых боев с красными в Забайкалье. По воспоминаниям В. И. Шайдицкого, в сентябре 1920 года, перед выступлением со станции Даурия, Унгерн освободил из дивизии всех, кто по состоянию здоровья или в силу семейного положения чувствовал себя неготовым к участию в походе.

Мы уже упоминали, что важнейшие политические и военные решения принимались бароном исходя из обстановки. Как отмечал позже Н.Н. Князев, барон Унгерн принял в предлагаемых обстоятельствах «единственно правильное решение». Именно в этот критический для своего отряда момент барон решает отложить на время борьбу с большевиками в России и подготовить себе надежную базу в Монголии, сосредоточив внимание на ее внутренних делах. Еще раз подчеркнем, что подобная политическая комбинация выстроилась отнюдь не из-за приписываемой барону «монголофилии», а потому, что именно такие ходы диктовала ему сложившаяся на тот момент конкретная военно-политическая ситуация. Унгерн начинает устанавливать дружеские отношения с монголами, которые угадывали в русских военных возможных освободителей от ненавистного китайского ига. Это был тот случай, когда барону приходилось действовать не военными, а политическими и

экономическими методами. Поначалу монголы прибывали в лагерь Унгерна исключительно с торговыми целями. Не обращая внимания на грабительские цены, устанавливаемые кочевниками, Унгерн приказал расплачиваться с ними полноценной золотой валютой. «Он считал большим шагом, что монголы не бегут от него, а так или иначе пытаются сблизиться», — указывал Князев. Барон также проявил и весьма незаурядные дипломатические способности, наладив отношения с князьями, с знатными ламами Северо-Восточной Монголии. На съезде князей в монгольском местечке Бревенхийд местные феодалы признали Унгерна тем вождем, на котором лежит историческая миссия восстановления независимости Монголии. Вскоре после этого совещания у барона завязалась тайная переписка с Богдо-гэгэном, жившим в своей резиденции в Урге на положении пленника. Он начал тайно рассылать по провинциям Монголии свои приказы об оказании полного содействия барону Унгерну.

Вскоре ряды унгерновского войска стали пополняться монголами, мобилизованными в помощь барону, для борьбы с китайцами. Часть монгольских воинов прибывала со своим оружием. Разумеется, воинские качества новых бойцов отряда были ниже всякой критики. «Нелегкая это была задача — сколачивание воинских частей из такого материала, — вспоминал Н.Н. Князев. — Монголы изводили обучающих своей малоподвижностью в пешем строю и вообще органической неспособностью к чрезвычайно необходимой на войне расторопности, а также рабским, бессмысленным преклонением перед русскими нойонами (начальниками)».

Окончательно завоевать симпатии монголов помогла барону Унгерну проводимая им религиозная политика. Будучи сам глубоко верующим человеком, Унгерн относился чрезвычайно внимательно к религиозной жизни своих частей. Это резко отличало унгерновскую дивизию не только от богоборческих большевицких войск, но и от большинства частей белой армии, подчеркивавших свою «светскость». Регулярные смотры, проводимые в дивизии, всегда заканчивались общей молитвой, которую, по словам офицера дивизии, «каждая национальность пела на своем языке и по своему обряду. Ввиду многоплеменности состава этой подлинно Азиатской дивизии получился… разноголосый хор, так как одновременно звучали напевы русских, бурят, башкир, татар, японцев, монголов халхасских, тибетских и чахар».

… В Ургинской православной церкви, расположенной при русском консульстве, находилась высокочтимая икона Богоматери «Споручница грешных». После занятия войсками

Унгерна Урги икона по личному приказу барона была незамедлительно перенесена в артиллерийскую бригаду дивизии. В торжественной обстановке, при участии частей войск, под пение сформированного православного хора киот с иконой перенесли в специальное помещение при бригаде, где в присутствии Унгерна был прочитан акафист, «при массе молящихся, с возженными церковными свечами, сделанными… вручную», — вспоминал один из участников этого события. Для иконы, достаточно большой, были изготовлены специальные дроги, и она сопровождала войска барона во всех его выступлениях. Повозка с находившейся в ней иконой была захвачена красными в бою под Троицкосавском во время последнего похода дивизии Унгерна на территорию Советской России. По воспоминаниям очевидцев, данный случай произвел на барона самое тяжелое впечатление. Известно также, что в дивизии находилась еще одна православная святыня — икона Св. Иннокентия Иркутского, покровителя Сибири. Сохранился специальный приказ Унгерна: «… икону Иннокентия Святителя, хранящуюся у меня и найденную вахмистром Алексеем Чистяковым при разборке китайского хлама в день коронации Богдо-хана 22 февраля и в день обретения мощей Иннокентия Святителя, передать в батарею, хранить и следовать означенной иконе во всех походах. Как совпадение великих торжеств монгольского и русского народов». Интересно, что в дни празднования православной Пасхи «борец за трезвость» Унгерн поступался принципами — по его распоряжению офицерам и солдатам выдавали спиртное. Воины дивизии, исповедовавшие ислам, специальным приказом Унгерна в дни крупных мусульманских праздников освобождались от несения службы.

Добрые отношения с монгольскими ламами являлись для барона жизненной необходимостью, укрепляя его позиции среди коренного населения. Ламаизм — особую разновидность буддизма — исповедовало практически все население Монголии. Путь к сердцам кочевников, по замечанию современника, лежал через карманы многочисленного духовенства, которое в то время в глазах простого народа имело непререкаемый авторитет. Даже после полного захвата власти в стране монгольские коммунисты вплоть до начала 1930-х годов неизменно принимали в расчет религиозный фактор — настолько было сильно влияние лам. Унгерн делает щедрые пожертвования в буддистские монастыри, оплачивает услуги многочисленных гадальщиков, предсказателей будущего. Расходы на монастыри (дацаны) были весьма и весьма значительными: взнос (с краткой пометкой «на молитвы») составлял от 2 до 8 тысяч рублей, но в отдельных случаях мог

многократно превышать и эти суммы.

«Конечно, Унгерн с его интересом к мистике не мог не попытаться заглянуть за кулисы мироздания… Известен, однако, и случай, когда генерал предпринял крайне ответственную и рискованную операцию вопреки их советам», — справедливо пишет А. С. Кручинин. Примем во внимание и свидетельство Н.Н. Князева, человека, заметим, глубоко верующего, в эмиграции исправно посещавшего православный храм, певшего в церковном хоре: «Одной лишь европейской скептической усмешкой не объяснить монгольской мистики гаданий… Конечно, и в сердце Монголии, где природа и самый воздух насквозь пропитаны особенной, непостижимой для жителей городов мистикой, не меньше встречается шарлатанов, чем среди любого культурного народа, но это лишь подчеркивает поразительное искусство некоторых благочестивых чойджинов, то есть гадальщиков-прорицателей».

Своеобразным завершающим аккордом, обеспечившим Унгерну всеобщую любовь и преданность монголов, стала блестящая операция по освобождению находившегося под китайским арестом Богдо-гэгэна, предпринятая по приказу Унгерна… В конце января 1921 года к барону прибыли две сотни тибетцев. Их-то Унгерн и решил использовать для освобождения Богдо-гэгэна, составив из них отдельный дивизион под командованием прапорщика Тубанова. Прибывшие тибетцы выглядели весьма экзотичными персонажами даже для много повидавших за время пребывания в Монголии русских офицеров. Весьма красочное описание этих кочевников дает поручик Князев: «Представляя одну из разновидностей монголов, они отличаются от халхасцев и языком, и внешним видом. Прежде всего они крупнее ростом, шире в плечах, имеют не столь широкоскулое лицо, как степняки-монголы. Нос у них с горбинкой, а глаза и весь вообще облик напоминают хищную птицу. Они воинственны и поразительно выносливы: например, раненный в голову тибетец упорно отталкивал подушку, отдавая предпочтение более привычному для него краю котла. Стрелки они замечательные — на любом аллюре, сидя в седле, срезают выстрелом движущуюся цель. Вместо чашек они употребляют габала, то есть сосуды, выполненные из черепов убитых врагов». 2 февраля 1921 года переодетые в ламские костюмы тибетцы из дивизии Унгерна пробрались во дворец правителя Монголии, обезоружили китайскую стражу и на руках вынесли абсолютно слепого Богдо-гэгэна и его жену из дворца к приготовленным лошадям. Вскоре Богдо вместе с семьей был благополучно доставлен в расположение унгерновских войск. В истории мировых

спецопераций освобождение Богдо-гэгэна может быть сравнимо лишь с акцией по освобождению итальянского дуче Бенито Муссолини, захваченного в 1943 году итальянскими офицерами и заключенного под строгий домашний арест, проведенной группой под руководством Отто Скорцени. История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Но давайте представим, что было бы, окажись барон Унгерн летом 1918 года в Екатеринбурге? Думается, что в этом случае судьба царской фамилии могла бы сложиться совершенно иначе…

Успешная операция по освобождению Богдо-гэгэна деморализовала китайцев и подняла дух бойцов генерала Унгерна. К этому времени отряд Унгерна насчитывал не более 1,5 тысячи бойцов. Н.Н. Князев приводит интересные цифры личного состава по национальному (или «племенному») признаку: «Около 250 человек насчитывалось… европейцев, 200 татар и башкир, 150 бурят и примерно 600 монголов (в общее число монголов Н.Н. Князев включил и тибетцев. — *А. Ж.)*, пятую группу составляли три чахарские сотни, общим количеством до 160 всадников. Японцев к тому времени оставалось в живых не более 65 человек». 4 февраля дивизия поднялась в решающую атаку. Унгерн лично водил своих солдат на штурм белых казарм — одного из наиболее укрепленных участков обороны Урги. Перед началом атаки генерал подъехал к поручику Виноградову, об инциденте с которым мы уже рассказывали, и приказал дать выстрелом из орудия сигнал к штурму. Однако орудийный затвор заклинило в самый неподходящий момент. Тогда, по воспоминаниям очевидца, юный поручик схватил кирку-мотыгу и со всего плеча «дернул» ею по ударнику — не следовало никогда испытывать терпения барона… Через некоторое время унгерновцы ворвались уже во двор казарм. Как писал позже один из участников боя, «несчастные китайцы в крайнем испуге подняли странный вой, напоминавший мяуканье множества расстроенных кошек». Однако в самих предместьях Урги бои завязались тяжелые — на узких кривых улочках Маймачена унгерновцы понесли весьма серьезные потери. Несколько раз китайцы пытались перейти в энергичные контратаки, поддержанные артиллерийским огнем, но батареи белых стреляли куда лучше. К вечеру 4 февраля китайцы оставили столицу Монголии. Первыми покинули город начальник китайского гарнизона и все старшие офицеры, укатив на двух автомобилях. Ночью оставили Ургу и основные китайские части, двинувшись по Троицкосавскому тракту по направлению к советской границе. На протяжении нескольких верст тракт казался усеянным награбленными товарами, в панике

брошенными отступающими китайцами. На следующий день войска барона окончательно очистили город от мелких групп гаминов. Из Ургинской тюрьмы было освобождено около 60 русских офицеров, захваченных китайцами и обвиненных в шпионаже в пользу белой армии. Состояние освобожденных оставляло желать лучшего — многие из них не могли самостоятельно передвигаться. Китайцы держали русских в маленьких, грязных камерах, нетопленых и холодных. На прогулки заключенных не выпускали. Весь их рацион состоял из чашки сырой чумизы в день на человека.

По словам Н. Н. Князева, китайские власти отдали 3 февраля распоряжение отравить всех русских заключенных, и лишь паническое бегство помешало им исполнить задуманное.

5 февраля 1921 года корреспондент американской газеты Morning post передавал из монгольской столицы, что барон Унгерн встречен населением Урги с триумфом, как желанный освободитель.

Глава 12
Урга. Сжатое время

После взятия Урги войсками генерала Унгерна была восстановлена автономия Монголии. Объявить о полной независимости Монгольского государства Унгерн не решился — в сложившейся ситуации разумнее всего было проявить сдержанность, не дать Китаю повода для обращения за помощью к советскому правительству. 23 февраля 1921 года прошла торжественная и по-восточному пышная церемония, в ходе которой недавно освобожденный из китайского плена Богдо-гэгэн был провозглашен главой Монголии. «Унгерн оставался при Богдо до конца церемонии. Как главный виновник торжества он следовал верхом на самом почетном месте, то есть с правой стороны кареты. Барон наряжен в ярко-желтый тарлык (халат) и две надетые одна на другую почетные курмы (куртки). На голове его красовалась ханская шапочка. Поводья лошади и вальтрап под седлом были строго установленными для особы столь высокого сана образца и цвета», — вспоминал церемонию коронации Н.Н. Князев. Сам барон указом Богдо-гэгэна за заслуги, оказанные Монголии, был возведен в степень первого хана и удостоился почетных, но не имевших никакого реального значения и, по сути, декоративных отличий — право иметь алый с золотым ханский тарлык, паланкин зеленого цвета, желтые конские поводья, трехочковое павлинье перо на шапке и прочее. Также ламы преподнесли барону старинный золотой перстень-печатку с рубиновой свастикой, по легенде, когда-то принадлежавший самому Чингисхану.[31] Различные княжеские титулы получили заместитель Унгерна генерал Б. П. Резухин, есаул русской службы Ж. Жамболон, многие отличившиеся в боях старшие офицеры дивизии.

Однако барон прекрасно понимал, что в дальнейшем вся ситуация, связанная с его пребыванием в Монголии, будет лишь все более запутываться и осложняться. Прежде всего требовалось наладить нарушенную военными событиями жизнь монгольской столицы, воссоздать уничтоженный китайцами административный аппарат управления страной. Сам Роман Федорович, по отзывам многих близких ему людей, был щедро наделен практической сметкой, а потому в роли администратора чувствовал себя совершенно уверенно. Помимо чисто административных задач барону также предстояло решать задачи военные, а самое главное — политические, требовавшие куда

больше весьма специфического опыта, соединенного с выдержкой и гибкостью, то есть именно с теми качествами, которых Унгерн, по замечанию Н.Н. Князева, «был лишен от природы». На решение всего комплекса сложнейших вопросов и задач, стоявших перед Унгерном, требовалось, прежде всего, значительное время. А его-то как раз у барона не было совершенно.

Если у разделенного на враждующие партии Китая не имелось на тот момент достаточных сил для восстановления своего влияния в Монголии, то успехи отряда Унгерна вызывали у руководителей Советской России огромную тревогу. При активном участии Дальневосточного секретариата Коминтерна была создана Монгольская Народная партия (позже Монгольская Народно-революционная партия — МНРП), сформировано временное народно-революционное правительство в Маймачене (на русско-монгольской границе, близ Кяхты), во главе которого находился монгольский националист Д. Бодо. Народную армию возглавил проповедник скорого прихода «царства Шамбалы» главком Д. Сухэ-Батор, произведенный позже красными фальсификаторами от истории в «марксиста» и «большевика». В Иркутске на монгольском языке началось издание газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда») с эпиграфом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Советские инструкторы спешно принялись за формирование монгольской революционной армии. Только за май 1921 года «красным монголам» были переданы: более 2 тыс. винтовок, несколько тысяч ручных гранат, 12 пулеметов с патронами, походная радиостанция и даже выделено авиазвено с авиаторами. Весной 1921 года Временное народное правительство дважды (16 марта и 10 апреля) обращалось к правительству РСФСР с просьбой об оказании военной помощи для борьбы с белогвардейцами. В Москве еще зимой 1920–1921 гг. планировался поход «против орудующих в Монголии белых банд вплоть до Урги». Однако, ввиду возможного военного столкновения с Японией, возобладало мнение о целесообразности «завлечь Унгерна ближе к нашим (т. е. советским. — *А. Ж.)* границам, дабы именно он испил бы до дна чашу возложенных тягот на монгольское население и вызвал недовольство». Дальнейшее советским комиссарам представлялось «делом техники»: «силами частей Красной армии нанести Унгерну поражение, а преследование предоставить монголам». Для этой цели было принято решение о «разложении отрядов Унгерна» путем засылки советских агентов, в том числе из монголов и бурятов, об усилении агитации «среди высших князей и ламства, для того чтобы оторвать их от белых и лишить последних всякой физической и моральной почвы в Монголии».

Положение белых войск, возглавляемых генерал-лейтенантом Унгерном в самом центре Азии, являлось донельзя шатким и неустойчивым. По сути дела, барон Унгерн оказался в столице Монголии во главе небольшого, сильно поредевшего во время боев отряда. На тот момент под началом Унгерна, по оценке полковника М. Г. Торновского, служившего на различных должностях в штабе Азиатской конной дивизии, насчитывалось 5720 человек, 14 орудий и 35 пулеметов.[32] Дивизия была разделена на две бригады — 1-я бригада под личным начальством самого генерал-лейтенанта Унгерна, 2-я — под командой генерала Резухина. В состав 1-й бригады входили 1-й Конный полк (командир — есаул Парыгин) и 4-й полк (командиры — войсковой старшина Марков, позже — войсковой старшина Архипов). Кроме этого в составе бригады находились две артиллерийские батареи, пулеметная команда, Китайский, Монгольский (под командованием Бишерельту-гуна), Чахарский (Найден-вана) и Отдельный Тибетский дивизионы. В составе 2-й бригады находились 2-й и 3-й конные полки (командиры — полковник Хоботов и сотник Янков соответственно), одна батарея, пулеметная команда, Монгольский дивизион и японская рота. Все унгерновские полки имели эффектное обмундирование: разноцветные тарлыки (или терлики) — кафтаны монгольского покроя, синие, малиновые, красные, голубые рубашки и шаровары; белые папахи; широкие пояса из цветного шелка. Представители восточных народностей сохранили в армии барона свое национальное обмундирование. Как указывает Н.Н. Князев, по этим тарлыкам можно было издали распознавать своих всадников от чужих. Каждая сотня должна была иметь в головном взводе семь синих тарлыков, а разведка — три, вне зависимости от национальности всадников. Не только верхняя одежда, но и белье пошивалось из китайского шелка. «Это было очень важно… с санитарной точки зрения — шелковые одежда и белье отпугивали вшей и прочих паразитов», — отмечает историк В. В. Акунов.

Башлыки и околыши фуражек у разных частей отличались по цвету. У Татарского полка они были зеленые, у тибетцев — желтые, у штаба — алые. На погоны были нанесены серебряные трафареты, в которых сочетались изображения двуглавого орла и дракона. Каждый всадник имел за плечами винтовку, шашку, бамбуковый или камышовый ташур.

Цирики из личной охраны Богдо-гэгэна были обмундированы в красные тарлыки и носили желтые нарукавные повязки с черной свастикой (по-монгольски — «су-увастик»).

В чем ощущалась острая недостача — так это в запасах

боеприпасов и вооружения. Особенно не хватало современных и эффективных видов оружия: артиллерийских орудий, пулеметов, броневиков. Вопреки многочисленным слухам о необыкновенных богатствах, захваченных Унгерном (слитках золота, старинных китайских произведениях искусства, драгоценных камнях, запасах валюты и т. п.) еще во время пребывания на станции Даурия, уже зимой 1921 года барон начинает испытывать серьезные недостатки в финансовых средствах. Об этом сообщают многие независимые источники. Огромное количество денег перетекло в карманы монгольских лам, обеспечивавших Унгерну поддержку населения, осело в дацанах, было уплачено кочевникам за коней, скот, продукты… Правда, в Урге были захвачены деньги (в том числе и валюта), серебряные слитки и другие ценности, принадлежавшие Китайскому банку и Центросоюзу, конфисковано имущество бежавших китайских купцов (грабежи китайцев, оставшихся в Урге, решительно пресекались — простые монголы были разочарованы тем, что им не удалось поживиться за счет своих лютых врагов), состоятельных евреев и пробольшевицки настроенных русских жителей, но для ведения полномасштабной войны против Советской России всего этого явно недоставало — не больше, чем кучка песка в монгольской пустыне.

… Посещая отряд полковника Казагранди, номинально вошедший в состав Азиатской конной дивизии, генерал Унгерн привез с собой деньги на выплату жалованья чинам отряда. Вот как об этом вспоминал начальник штаба «Отдельного Русско-монгольского отряда имени полковника Казагранди» полковник Васильев: «Перед отъездом он (Унгерн. — *А. Ж.)* позвал своего шофера: «Достань-ка там мешочек», — приказал он. Минуту спустя шофер подал барону небольшой замшевый мешочек. Передавая мне эту вещь, барон сказал: «Вот здесь 1000 рублей золотом на нужды отряда. Большего жалованья чинам отряда я платить не могу. Ну а пока считайте по 30 рублей билонным серебром на каждого офицера и по 10 рублей на каждого солдата»… Деньги эти по тем временам были совершенно незначительные. Так, монголы продавали круг мороженого молока (6–7 бутылок) по цене 5 рублей, столько же стоил спичечный коробок табака, за пару самодельных сапог монголы требовали 20 рублей, немудреная овчинная шуба, необходимая во время жестоких монгольских зим, шла за 50–60 рублей… Всего же сумма расходов на жалованье чинам дивизии составляла 30–35 тыс. рублей в месяц. Помимо непосредственных расходов на жалованье военнослужащих необходимо было обеспечивать содержанием их семьи — к этому Унгерн всегда относился

крайне внимательно». «… К удовлетворению семейств денежным и пищевым довольствием он был очень взыскательным», — вспоминал о финансовой политике барона К. И. Лаврентьев, хорошо знакомый с функционированием интендантской службы Азиатской конной дивизии.

Наверное, едва ли не самой насущной из военных задач, стоявших перед Унгерном, стало пополнение его отряда. В первые же дни после занятия Урги было объявлено о регистрации военнообязанных из русского населения Урги, а затем и об их мобилизации. В дивизию влилось несколько десятков офицеров, ранее служивших в различных частях армии адмирала Колчака и волею судеб занесенных в Ургу.

Сама мобилизация, хотя и проводившаяся под страхом смертной казни в отношении уклонившихся от призыва, отнюдь не была повальной. Прибывших на одну из ургинских площадей «кандидатов в войска» Унгерн лично разбил на группы. От мобилизации были освобождены иностранцы (группе поляков, оказавшихся в Урге, Унгерн заявил, что они польские подданные, мобилизовать он их не намерен, да и не имеет права, и предложил им выехать на восток), служащие иностранных фирм, многосемейные. На площади возникали следующие диалоги:

— Семейный? — спрашивал барон.

— Да, семейный. — Где семья?

— В России.

— Направо, остаешься свободным.

— Семейный?

— Да.

— Где семья?

— Здесь. Служить.

Или:

— Многосемейный? Освобождаешься.

В результате, несмотря на мобилизацию, русские и татарские сотни выступили из Урги в неполном составе. Лишь впоследствии, после первых боев с большевиками, они были доведены до нормальной численности за счет пленных красноармейцев. Кстати, как отмечали очевидцы тех далеких событий, все красноармейцы, включенные в состав дивизии, воевали исключительно хорошо, по словам Н.Н. Князева, «служили барону верой и правдой и ни в чем не заслужили упрека».

Ежедневно в Монголию из России пребывали десятки людей, спасавшихся от развязанного большевиками террора. Большинство из бежавших, способное к несению воинской службы, зачислялось в Азиатскую конную дивизию. Несомненно,

что ГПУ с толком использовало сложившуюся ситуацию — среди потока эмигрантов практически невозможно было вычленить советских агентов, направленных с целью «разложения белогвардейских банд».

Не мог знать Унгерн и еще об одном, весьма немаловажном обстоятельстве — еще задолго до занятия Урги белыми войсками Богдо-гэгэн послал делегацию из семи человек в Советскую Россию и установил контакты с красными. В состав «великолепной» монгольской семерки входили Д. Сухэ-Батор, Д. Бодо, С. Данзан, Д. Догзом, Д. Лосол, Д. Чагдаржав и в будущем — друг и верный ученик товарища Сталина, маршал и диктатор Монголии Х. Чойбал-сан. Связь с большевиками в окружении Богдо-гэгэна не прерывали и во время пребывания в Урге самого Унгерна. Тайные контакты с большевиками поддерживали также многие из влиятельных лам, охотно при этом бравших деньги у Унгерна, в частности Джалханцза-хутухта, владевший в Западной Монголии 28 монастырями и храмами и ставший премьер-министром нового правительства освобожденной от китайцев Монголии. Монгольские светские и духовные властители действовали в соответствии с известными принципами восточной дипломатии, выражением которых являлись лицемерие и двуличие, предательство своего союзника, приводившие в изумление даже поднаторевших в подобных «дипломатических играх» британцев. (Такими же мастерами двойной игры и закулисных переговоров проявят себя позже и китайские коммунисты, и арабские националисты, то есть все те, на кого будет делать ставку в своих геополитических планах уже советское руководство.)

С подобным восточным вероломством, проявленным китайцами, Унгерну уже довелось столкнуться во время боев у урочища Баян-гол в марте-апреле 1921 года. Окруженная белыми войсками группировка китайцев приняла предложение Унгерна сложить оружие. Начальник китайского отряда дал письменное согласие на капитуляцию, тем более что барон гарантировал своим словом сохранение жизни и личного имущества своих врагов, оставлял им перевозочные средства и продукты и даже давал конвой в пути для охраны от враждебных монголов. Тем не менее из-за невнимательности, проявленной отрядом чахаров, значительной части китайцев удалось ночью сняться из лагеря и бежать. Раздраженный до последней степени вероломством китайцев, Унгерн отдал приказ: «Догнать! Рубить без пощады всех стриженых (т. е. революционеров), но монархистов (с косами) не трогать!» Правда, то были гамины. Жизнь, однако, показала, что монголы также были готовы нарушать все возможные

соглашения, если только это отвечало их интересам… Всего барон Унгерн раздал монгольским ламам не менее 150–200 тысяч золотых рублей, сумму для тех времен более чем солидную. Однако в перерасчете на общее количество служителей культа деньги, выделенные Унгерном, оказывались незначительными — всего в тогдашней Монголии насчитывалось до 150 000 лам. «Нужны были десятки миллионов рублей, чтобы купить душой и телом лам и сделать их послушным орудием в своих руках, — отмечал один из сподвижников барона. — Таких денег у генерала Унгерна не было… Ламы на 95 % плохо разбирались в «красных» и «белых», тянулись к более сильным русским, которые дадут им защиту от китайцев, да и денег у сильного больше». Ненавидевшие китайцев монголы также выражали свое недовольство гуманным отношением Унгерна к военнопленным-гаминам, защитой имущества остававшихся в Урге китайских купцов. Монголам было совершенно непонятно, почему они должны сражаться за освобождение далекой России от «красных русских» — коммунисты, большевики в тот момент являлись для монгольских кочевников далеким и отвлеченным понятием. Для самого же Унгерна Монголия продолжала оставаться плацдармом для развертывания полномасштабной борьбы за освобождение России от коммунистической власти.

Чтобы постараться понять истинные намерения барона, нам представляется чрезвычайно важным внимательно прочесть текст его письма, направленного есаулу А. П. Кайгородову, командовавшему весьма значительным отрядом (Сводный Русско-инородческий партизанский отряд войск Горно-Алтайской области), который вел партизанскую борьбу против красных в Горном Алтае и Западной Монголии. Александр Петрович Кайгородов, до войны занимавший скромный пост пограничного стражника, а в Великую войну воевавший на Кавказском фронте, получивший все свое образование в Тифлисской школе прапорщиков, являлся убежденным и бескомпромиссным противником большевизма. Своих политических взглядов на будущее обустройство России Кайгородов не афишировал. По мнению современного исследователя белоказачьего движения в Сибири В. А. Шулдякова, «Кайгородов полагал, что необходим военно-политический союз белоэмигрантских вооруженных формирований с партией эсеров и создаваемыми на территории Сибири нелегальными крестьянскими союзами». Несмотря на некоторый «левый», «проэсеровский уклон», просматривавшийся в политических взглядах алтайского есаула, Унгерну определенно импонировало в Кайгородове то, что, оказавшись вытесненным красными с территории России в Западную Монголию,

Кайгородов и не думал складывать оружие, продолжая вести вооруженную борьбу. (Впрочем, следует заметить, что Кайгородов только отчасти разделял эсеровские взгляды, да и то лишь в отношении земельного вопроса. Ближайший сотрудник Кайгородова — начальник штаба полковник В. Ю. Сокольницкий — был убежденным монархистом. Воззвание Кайгородова, обращенное к населению Горно-Алтайской области, свидетельствует скорее о правых и о националистических взглядах алтайского есаула: «Четвертый год… гнется спина русского народа под игом самодержцев-коммунистов и их приспешников — мадьяр, латышей, китайцев. Слишком легковерно народ бросился в бездну бесправия, в объятия иностранных выходцев — жидов Троцкого, Каменева и других. Увлекся красивыми словами льстецов, обещавших народу свободу, равенство, братство, прекращение войны — одним словом, все, что ни пожелает народ». Покойный историк Е. А. Белов указывал, что «отмену продразверстки и смертной казни Кайгородов называет «милостыней народу», «хитрым приемом жидов». Коммунисты преследуют одну цель — ослабление мощи великой России, «подчинение Русского богатыря жидовскому кагану».) Взгляды же есаула Кайгородова на перспективы вооруженного сопротивления большевизму были полностью созвучны взглядам барона Унгерна: Кайгородов считал, что необходимо из Монголии вторгнуться на территорию России и, используя крестьянские восстания, наступать через Бийск и Барнаул к Транссибирской магистрали. Перерыв железнодорожного сообщения между Центральной Россией и Сибирью, являвшейся в то время наряду с Северным Кавказом главным источником продовольствия, приводил к лишению советской власти возможности получать сибирское зерно. С Кайгородовым барон Унгерн был вполне откровенным и не считал себя вправе что-либо скрывать от него, вести с ним какие-то закулисные игры.

Вскоре после занятия Урги Унгерн пишет Кайгородову: «Зная Вас как человека, посвятившего свою жизнь на борьбу с большевиками, и зная Ваш авторитет среди населения Алтая, для пользы общего дела нашего прошу согласовать свои действия с моими, выходя из непогрешимого военного закона, что только в единении сила. Прошу Вас… занять Улясутай, уничтожив здесь всех китайских революционеров, не затрагивая, однако, для пользы нашего общего дела освобождения родины, самолюбия находящихся здесь высших китайских властей… По занятии Улясутая прошу немедленно связаться со мной через мой штаб в Урге, и получите совместные указания о дальнейшей с Вами

работе. Если Вам нужны оружие, деньги, боевые припасы — все может быть запрошено Вами через мой штаб, отказа не будет. Для облегчения будущего наступления в Россию прошу принять меры к тому, чтобы довести недовольство местного населения советской властью до крайних пределов, все это можно сделать путем усиленной агитации, а самое главное — лишить население всех предметов первой необходимости, привозимых в Советскую Россию из Монголии… Зная Вашу любовь к родине и глубокий патриотизм, я искренне уверен, что отзоветесь на мой горячий призыв для совместной со мной работы для освобождения дорогой для нас родины — Матушки-России…» Освобождение России от большевизма — вот что является первоочередной задачей для Унгерна. Все остальное рассматривается им лишь как подсобные средства, которые должны вести к главной цели. Повторим, с Кайгородовым Унгерну нет никакой необходимости «темнить», прибегать к дипломатическим уловкам. Ему с ним вместе воевать и, если надо, умирать. Письмо предельно конкретно: Унгерн не агитирует, не рисует грандиозных картин построения будущего Срединного государства… В сугубо военном отношении план Унгерна в общем-то представляется достаточно простым: единое наступление всех белых отрядов на советскую Сибирь, активное использование недовольства крестьян политикой большевиков, организация всеобщего крестьянского антикоммунистического выступления. И к этому имелись определенные основания и предпосылки: зимой и весной 1921 года по всей территории советской Сибири прокатились многочисленные крестьянские восстания. К мощным внутренним выступлениям, направленным против власти комиссаров, должны были прибавиться и удары извне — и весь русский народ поднимется против большевиков. «Появись сильный противобольшевицкий кулак на Руси, он будет расти как снежный ком, катящийся по рыхлому зимнему полю, увеличиваясь и увеличиваясь в объеме по мере движения до размеров, страшных для большевиков», — писал о своих надеждах тех лет один из участников Белого движения в Монголии.

Присоединившемуся к дивизии енисейскому казаку К. И. Лаврентьеву барон Унгерн обрисовал задачи своего отряда со свойственными ему четкостью и краткостью: восстановление монархии в лице Михаила Александровича, нещадная борьба с коммунистами до уничтожения не только их, но и их семейств… «Мой выход, — говорит (Унгерн — *А. Ж.),* — с востока связан с несходством моих взглядов с оставшимися генералами, которые начали «розоветь», это мне не по пути». Обратим внимание на эти слова Унгерна: действительно, ряд заслуженных белых генералов

и высших офицеров, принимавших участие в войне с красными едва ли не с начала 1918 года, стали почти в открытую наводить мосты для переговоров с победителями. Еще в декабре 1919 года произошло вооруженное выступление против власти Верховного правителя адмирала А. В. Колчака в Новониколаевске, где стояли части бывшей Сибирской армии. Выступление возглавил полковник А. К. Ивакин, выпустивший воззвание с требованием прекращения Гражданской войны и пытавшийся арестовать командующего 2-й армией генерала С. Н. Войцеховского. По счастью, в события вмешались бойцы одного из полков Польской дивизии во главе с полковником И. О. Рымшой, которые, оставаясь верными адмиралу А. В. Колчаку, сумели прекратить ивакинскую авантюру. Мятежный полковник сдался и был расстрелян. Следует отметить, что польские национальные части, воевавшие против красных на Восточном фронте (несмотря на все многовековые сложности, существовавшие в русско-польских отношениях), проявляли исключительное мужество в боях и не запятнали себя предательством или негласным пособничеством красным, подобно печально известному Чехо-Словацкому корпусу или менее известному Добровольческому полку сербов, хорватов и словенцев имени майора Благотича. «Братья-сербы» отказались выступать на фронте против Красной армии, мотивируя свое решение «необходимостью сохранить солдат для обезлюдевшей за время войны Сербии». Вместо боев с красными добровольцы-югославы из полка имени майора Благотича (около 2500 штыков и шашек!) предпочли несение гарнизонной службы, успешно совмещая ее со спекуляцией и грабежами. Измотанные в боях с красными польские части, сохранившие верность Верховному правителю России, так же, как и русские белогвардейцы, подвергались нападениям со стороны чехословаков, беззастенчиво грабивших эшелоны с польскими ранеными и членами семей польских офицеров.

Широкую известность в Белом движении, особенно в офицерской среде, получило письмо польского капитана Ясинского-Стахурека (5-я Польская дивизия), адресованное чешскому генералу Я. Сыровому. Современный польский рыцарь обращался к продажному генералу: «Не я, а беспристрастная история соберет все факты и заклеймит позорным клеймом, клеймом предателя, Ваши деяния.

Я же лично, как поляк, офицер и славянин, обращаюсь к Вам:

— К барьеру, генерал!

Иначе я называю Вас трусом и подлецом, достойным быть убитым в спину». Однако союзный главнокомандующий, французский генерал М. Жанен, «не разрешил» чешскому

генералу дуэль, а сам Сыровой постыдно промолчал.

Несомненно, рыцарское поведение польских офицеров, таких как полковник Рымша или капитан Ясинский-Стахурек, вызывало у барона Унгерна сочувствие и симпатии к полякам. В этом отношении показательна произошедшая в Монголии встреча барона Унгерна с польским офицером К. Гижицким, воевавшим в составе колчаковской армии.

«В палатке сидел мужчина среднего возраста, блондин, наполовину раздетый перед костром, на котором стоял латунный чайник. Из-под высокого лба на меня смотрели ясные, светящиеся глаза, холодные, как лед, — вспоминал несколько лет спустя сам К. Гижицкий. — … Барон Унгерн смотрел на меня неподвижным взглядом, а я… делал то же самое. По прошествии нескольких минут барон обратился ко мне с вопросом: «Почему вы поехали в Монголию, вместо того чтобы возвратиться домой?» — «Во-первых, у меня нет средств, чтобы заплатить за лошадей, во-вторых, меня отправили в Улангом не по своей воле, а затем меня отправили в Улясутай», — был мой ответ. «А почему вы воевали с большевиками… вместо того чтобы пробираться на восток?» — спросил Унгерн. Я отвечал, что, как военнослужащий, я слышал об обязанности вредить неприятелю, который грабил и уничтожал мою Родину. Барон минуту посидел в молчании, почесал сильными пальцами лоб и, протягивая мне руку, сказал: «Спасибо! Хотел бы, чтобы все те, кто меня окружает, были такими, как вы!» Он хлопнул в ладоши и позвал подбежавшего начальника штаба: «Этот человек будет жить в штабе, другие распоряжения позже». К сожалению, в отличие от поляков многие русские офицеры, забыв о своем воинском долге, предприняли попытки «поиграть» в высокую политику, искать соглашения с красными и социалистами всех мастей, что и не замедлило привести белую армию к военной катастрофе. «Армии Колчака были, без сомнения, потрясены фронтовыми неудачами, но поставили крест на борьбе многих тысяч, еще стоявших под ружьем, тыловые мятежи, которые взорвали «Белую Сибирь» изнутри, зачастую под руководством офицеров, еще не снявших русские погоны» — делает справедливый вывод историк А. С. Кручинин.

Еще более страшным актом предательства, чем «ивакинский мятеж», стала сдача без боя Красноярска красным частям командиром 1-го Средне-Сибирского корпуса генералом Б. М. Зиневичем, действовавшим в сговоре с местными эсерами. В феврале 1920 года на сторону красных перешло 17 человек из числа старших офицеров колчаковской армии (среди перешедших был и командир артиллерийской батареи штабс-капитан Л. А.

Говоров, будущий Маршал Советского Союза). «Розовение» офицерского корпуса шло такими темпами, что в сентябре 1920 года председатель Сибирского ревкома И. Н. Смирнов обратился на имя Ленина с телеграммой, в которой сообщал, что после ухода из Забайкалья японских войск в белой армии начинается брожение и желание перейти на сторону ДВР. Смирнов предлагал обратиться к белогвардейцам с воззванием за подписью Председателя Совнаркома В. И. Ленина, обещая им полное прощение при переходе на сторону советской власти для борьбы на польском фронте. Ленин направил телеграмму Смирнова для обсуждения в Реввоенсовет, где она была отклонена по настоянию председателя РВС Наркомвоенмора Л. Д. Троцкого, Председателя правительства ДРА А. М. Краснощекова и Главкома НРА Г. Х. Эйхе. Тем не менее пораженческие (или примиренческие) настроения затронули многих известных белых военачальников.

Так, в ноябре 1920 года на станции Цицикар в Маньчжурии командующий каппелевцами генерал Г. А. Вержбицкий издал приказ, в котором объявил войну с большевиками «законченной», а армию переводил «на трудовые начала». В «Демократический союз» Приморья, выступавший под лозунгом «Ни коммунизма, ни реакций!», наряду с меньшевиками и кадетами вступил известный колчаковский генерал В. Г. Болдырев. Генерал П. П. Петров открыто заявлял, что каппелевцы не хотят воевать, не веря в полный успех борьбы с большевиками. Специальное образованное большевиками в союзе с меньшевиками и эсерами Межпартийное социалистическое бюро (МСБ) создало целую сеть подпольных ячеек в белой армии…

Унгерн открыто и публично исповедовал монархическую идею, Азиатская конная дивизия шла в бой под золотого цвета знаменем, на одной стороне которого было изображение Спаса Нерукотворного с надписью «С нами Бог», а на другой были изображены вензель «М II», обозначавший имя императора Михаила II, увенчанный императорской короной и четыре коронованных гербовых орла Российской империи по углам. Само имя императора Михаила II имело для русских людей глубокий провиденциальный смысл. Михаил Федорович, Михаил I, был первым русским царем из династии Романовых. Его венчание на царство, состоявшееся 11 июля 1613 года в Успенском соборе Кремля, ознаменовало для русских людей окончание страшной многолетней Смуты (несмотря на то что военные действия продолжались еще целых пять лет), терзавшей страну, и восстановление всей полноты русской государственности. Возведение на престол Михаила II должно было подвести черту под новой Великой русской смутой, восстановить утраченную в

1917 году империю, а главное, искупить тяжелейший грех клятвопреступления, совершенный русским народом, отрекшимся от своего царя и нарушившим священную присягу Земского собора 1613 года. Бескомпромиссные монархические взгляды барона Унгерна были хорошо известны за пределами Дальнего Востока — не случайно съезд русских монархистов («Съезд хозяйственного возрождения России»), проходивший с 29 мая по 4 июня 1921 года в баварском городке Рейхенгалле направил приветственные телеграммы Главнокомандующему Русской армией барону П. Н. Врангелю, атаману Г. М. Семенову и генерал-лейтенанту барону фон Унгерн-Штернбергу.

Взгляды барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга на сам институт монархии и на фигуру последнего царя Михаила II необходимо рассматривать в двух аспектах — мистикоэсхатологическом и реальном. О «великом князе Михаиле», который восстанет в последние времена против сил Хаоса и Тьмы, — именно с ними ассоциировался в 1920-е годы большевицкий режим, — говорилось в библейской книге св. пророка Даниила: «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа своего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Книга св. пророка Даниила, XII, 1). Именно Михаил, царь последних времен, должен попытаться объединить род человеческий, чтобы привести его к спасению, удержать имперское пространство от сил распада, хаоса и деградации. Для многих православных, духовно чутких русских людей бесспорными кандидатами на роль земного воплощения не только Антихриста, но и самого «князя тьмы», «врага рода человеческого» были большевики и их признанные лидеры — Ленин и Троцкий. Вспомним хотя бы знаменитый роман Михаила Булгакова «Белая гвардия» (кстати, сам Булгаков в своем письме советскому правительству, написанном в апреле 1930 года, характеризовал себя следующим образом: «Я — мистический писатель»), созданный в самом начале 1920-х годов. В нем Булгаков соотносил образ Антихриста с фигурой Льва Давидовича Троцкого, народного комиссара по военным и морским делам: «… и трубят, трубят боевые трубы грешных полчищ и виден над полями лик сатаны, идущего за ним. — Троцкого? — Да, это имя его, которое он принял. А настоящее его имя по-еврейски Аввадон, а по-гречески Аполлион, что значит — губитель»… Политические события, разворачивающиеся в мире и прежде всего в России, заставляли вспоминать слова апостола Павла из его Второго послания к солунянам: «… ибо день тот не

придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Сол. 2, 3–4). «Противились Богу», «выдавали себя за Бога», конечно, большевики во главе с их вождями — изуверски убивали священников и верующих (вешали, жгли живьем, сажали на колья, закапывали в землю, топили на баржах), оскверняли и уничтожали храмы, иконы, мощи святых угодников земли Русской… «Сын погибели» — антихрист» (или же кто-то из его предтеч) — уже пришел в мир. Но его окончательное торжество, по словам апостола Павла, «не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2,7). Эти загадочные слова об «удерживающем теперь» толковались многими отцами Церкви (свв. Иоанн Златоуст, Феофилакт Болгарский и др.) как Римское государство, Византийская империя. Однако, после того как Византия пала под ударами турок-османов, в качестве «удерживающего» православные богословы рассматривают русского царя — единственного православного государя мировой ойкумены. После убийства большевиками царя Николая II и его семьи, на роль «удерживающего», «царя последних времен» мог претендовать только младший брат государя, великий князь Михаил Александрович.

О трагической гибели Николая II 17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге стало известно почти сразу, большевики не старались скрыть своего преступления — они лишь лгали и изворачивались, утверждая, что «расстрелян только гражданин Николай Романов», а о «местонахождении его семьи ничего неизвестно». Однако вскоре после того, как Екатеринбург заняли белые части Восточной армии, была учреждена Следственная комиссия, расследовавшая убийство царя и его семьи. Правда, слухи о чудесном спасении наследника престола Алексея и одной из царевен (чаще всего называли имя Анастасии) до сих пор продолжают будоражить умы многих легковерных людей. Но так или иначе о трагическом финале судьбы екатеринбургских узников хорошо было известно всей России. По-иному, однако, сложились обстоятельства вокруг имени великого князя Михаила Александровича.

В марте 1918 года по решению Совета народных комиссаров Михаил Александрович вместе со своим секретарем англичанином Брайаном Джонсоном был выслан в Пермскую губернию. Английский посол в Петрограде Бьюкенен порекомендовал Джонсону срочно выехать из России, но тот

ответил: «Я не оставлю великого князя в такой тяжелый момент». В Перми местные власти немедленно арестовали Михаила Александровича, однако в Пермь поступили телеграммы из Совнаркома, подписанные Владимиром Бонч-Бруевичем, главным большевицким специалистом по оккультизму, и из Петроградской ЧК за подписью Моисея Урицкого: «В силу постановления Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной советской власти». Михаил Александрович и Джонсон были освобождены, однако им было заявлено: местная власть не берет на себя никакой ответственности за безопасность великого князя и его секретаря. По сути дела, это было скрытым смертным приговором.

В ночь с 12 на 13 июня 1918 года группа вооруженных неизвестных лиц, предъявив «какой-то ордер на арест» (именно так говорилось в официальном сообщении пермских властей. — *А. Ж.)*, забрали великого князя и Джонсона из гостиницы и увезли в неизвестном направлении. «Группой неизвестных вооруженных лиц» оказались пермские чекисты и милиционеры — Мясников, Иванченко, Жужгов, Колпащиков… Михаил Александрович вместе со своим секретарем был вывезен в пролетке на старую Мотовилихинскую дорогу и без лишних слов выстрелами в голову убит пермскими чекистами. Затем политические уголовники обобрали еще неостывшие тела Михаила Александровича и Джонсона (помимо похищенных золотых часов и именного кольца Михаила Александровича с расстрелянных была снята верхняя одежда — «пальто и штиблеты», как отмечали в своих предельно дегенеративно-хамских воспоминаниях большевицкие убийцы, и «разделены между собою»), забросали их ветками и отправились в управление мотовилихинской милиции отмечать «удачное дельце»… Не приходится сомневаться в том, что подобная уголовщина отнюдь не была какой-то «местной самодеятельностью»: пермское убийство являлось лишь одним из звеньев сложной, тщательно разработанной операции по полному уничтожению династии Романовых. Расправа над Михаилом Александровичем стала своеобразной репетицией грядущего екатеринбургского убийства.[33]

В прессу большевики дали сообщения о том, что «М. Романов со своим секретарем был похищен неизвестными лицами. Ведутся энергичные розыски». Через несколько недель все, кто так или иначе помогал в Перми великому князю, принимал его у себя дома, пил с ним чай, были арестованы и расстреляны ЧК по обвинению «в контрреволюционном монархическом заговоре»… Однако тайная большевицкая уголовщина принесла обратный эффект: появились многочисленные слухи, сообщения и даже

«очевидцы» того, что Михаил Романов находится… в Омске… во Владивостоке… на юге России… принял командование сибирскими повстанцами… издал Манифест к народу с призывом к свержению советской власти… обещал созвать Земский собор для решения вопроса о будущем государственном устройстве России…

Появлялись сообщения такого рода: «В Херсонской губернии ведется попами усиленная монархическая агитация. В церквах разбрасываются прокламации, в которых говорится, что «жид» Керенский погубил Россию и что спасение — в Михаиле».

Все эти слухи о спасшемся великом князе весьма озадачили советское руководство — использование имени Михаила Александровича было способно объединить вокруг себя русских монархистов, стать своеобразным центром притяжения всего антисоветского движения. Чтобы погасить многочисленные слухи и домыслы, была запущена новая дезинформация: в телеграмме РОСТА, переданной 20 сентября 1918 года в Киев, ставший в то время центром монархического движения, говорилось: «Пермь, 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчека задержаны Михаил Романов и его секретарь. Они препровождены в Пермь». Но подобные лживые сообщения только еще более запутывали ситуацию: образ великого князя Михаила Александровича Романова зажил своей жизнью.

В конце мая 1919 года в освобожденной от красных Перми появился некий поручик Соссионкин, который объявил себя свидетелем того, как Михаил Александрович с Джонсоном «сели в моторную лодку и отплыли вверх по Каме, имея у себя строго обдуманный план дальнейших действий». Осенью 1920 года французская газета «Фигаро» публикует сообщение о том, что великий князь спасен и нашел убежище при дворе сиамского короля (Сиам — ныне Королевство Таиланд). Ходили даже разговоры о том, что Михаил Александрович в январе 1919 года проезжал через Забайкалье далее на Восток. На станции Даурия он якобы имел беседу с атаманом Г. М. Семеновым, после которой проследовал в Харбин, а оттуда — то ли в Японию, то ли в Сиам. Примечательно, что все легенды, слухи о чудом спасшемся из рук большевиков великом князе определяли его пребывание исключительно на Востоке: в Японии, в Маньчжурии, в Сиаме и, наконец, на Тибете…

Летом 1921 года, когда барон Унгерн начинает свой последний крестовый поход под золотым штандартом Михаила II против коммунистической России, на другом конце мира, в Берлине, убежденный монархист и антикоммунист, генерал и писатель, донской казак Петр Николаевич Краснов пишет

фантастический роман «За чертополохом«… Действие романа происходит приблизительно в семидесятые годы XX века. России больше нет на карте мира, на ее месте на карте мира — черное громадное пятно. СССР погиб в начале 1930-х годов в безумной попытке устроить мировую революцию, когда над Красной армией, изготовившейся к броску на Запад, взорвались газовые бомбы… Вдоль советских границ выросли гигантские заросли чертополоха, таящие неведомую заразу. Несколько десятков лет никто не осмеливается приблизиться к зараженной территории. Но вот несколько потомков русских эмигрантов вместе с немецким профессором Клейстом, движимые тоской по неведомой и угасшей родине, решаются проникнуть «за чертополох». Там, за зарослями сорняка, они обнаруживают воскресшую Святую Русь, идеальную Императорскую Россию, управляемую царем «из рода Романовых». Откуда же взялся этот Русский Царь?

Атаман Аничков (чья фамилия и судьба очень напоминают фамилию и судьбу реального белого атамана Анненкова), воевавший четыре года с большевиками в Туркестане, после поражения Белого дела и гибели своего отряда ушел в Тибет, в Лхасу. Там, в одном из монастырей, он обнаружил умирающего великого князя Михаила с сыном Всеволодом. К Аничкову присоединялись остатки врангелевской армии, русские офицеры, голодавшие в Берлине и Константинополе, служившие в войсках балканских государств. С Тибета двинулся на Русь отряд атамана Аничкова вместе с провозглашенным императором Всеволодом Михайловичем. «Император появился в Туркестане… Он сошел с Алатауских гор, а туда, по словам одних, прибыл из Лхасы, по словам других, — из Памира. Он был подлинный Романов… Около трех тысяч всадников сопровождало его… Императора сейчас же признали и присягнули ему на верность текинцы, выставившие два полка по тысяче человек на великолепных конях. Афганский эмир признал его. В Бухаре и Хиве советская власть была свергнута, восстановлены эмиры, выставившие по полку конницы в распоряжение императора… Он шел походом, медленно, как шел Тамерлан, и по мере движения его на север все покорялось ему и все признавали его… Россия лежала в обломках… Души людей были запакощены, источены коммунистическим воспитанием, тела умирали от голода и болезней… Царственный юноша только шел впереди отряда, дарил улыбку и лаской чистого сердца, прикосновением руки снимал горести и заботы изнемогших людей. Он был олицетворением сказки, он был «грезой мечты золотой», звавшей в царство радости и счастья, он только миловал и никогда не

казнил. Он был Царь — Помазанник Божий, и его имя было священно. С ним шел и его именем распоряжался атаман Аничков…»

Роман П. Н. Краснова и военно-политические планы Унгерна строятся по абсолютно одинаковой схеме: Белый Русский Царь идет с Востока, ему покоряются туземные племена, при их помощи свергается антихристова большевистская власть, в России восстанавливается монархия. Особа будущего царя является священной — он не должен обагрить свои руки кровью, даже кровью вражеской. Царь должен только миловать. «… Выжигание каленым железом язв русской жизни — дело не государево. Руки Русского Царя не должны быть обагрены кровью. Пусть уж, если нужно, кровь ложится на диктатора», — писал русский эмигрантский публицист А. В. Лодыженский. Во времена царствования Михаила I таким вождем был князь Димитрий Пожарский, во времена Михаила II «бремя вождя» выпадает на барона Романа Унгерна. Барон Унгерн точно так же, как и один из героев романа П. Н. Краснова «За чертополохом» атаман Аничков, отчетливо осознает свою неблагодарную, но необходимую миссию стать выражением «гнева государева», разгребателем большевицких авгиевых конюшен, миссию выступить в качестве «Царей поборника», который за все отомстит и все расставит на свои места.

«Барон Унгерн полагал, что после происшедшего катаклизма Россию нужно строить заново, воссоздавая ее по частям, — писал офицер унгерновской дивизии. — Но чтобы вновь собрать воедино русский народ, разочарованный в равной мере и в революции, и в Белом неудавшемся контрреволюционном движении, нужно дать некий «символ святой», по слову поэта, то есть нужно имя». Но само имя великого князя Михаила Александровича не являлось для барона Унгерна просто символом, с помощью которого возможно решать чисто политические задачи. Михаил Александрович действительно был для барона Унгерна «законным хозяином земли Русской» и «императором Всероссийским Михаилом II». Имя «государя императора Михаила Александровича» поминалось в войсках Унгерна во всех случаях, предусмотренных воинским уставом, — тому сохранилось множество свидетельств. Представляются также несправедливыми утверждения ряда мемуаристов, говоривших, что якобы Унгерн «не мог не знать, что великого князя Михаила Александровича нет в живых». Различные эмигрантские монархические организации, представители императорского дома в изгнании продолжали собирать сведения о судьбе великого князя вплоть до середины 1922 года. Находившийся на

периферии Гражданской войны барон Унгерн не мог иметь никаких официально подтвержденных сведений о гибели великого князя. О том, что Михаила Александровича Унгерн считал оставшимся в живых, свидетельствует такой факт: служба Пасхальной заутрени, проходившая в унгерновской дивизии весной 1921 года, по воспоминаниям очевидца, закончилась «под широкополосное многолетие Самодержцу Всероссийскому, Государю Императору Михаилу Александровичу». В случае, если кто-либо из присутствовавших на самой главной службе православного богослужебного цикла достоверно знал о гибели Михаила Александровича, то возглашение покойному «Многая лета» звучало бы невыразимым кощунством, обесценивавшим смысл всех возносимых молитв.

Некий Голубев (отметим, большой недоброжелатель Унгерна), служивший, по его словам, в Азиатской конной дивизии, отмечал в своих «Воспоминаниях»: «… Сам Унгерн был глубоко уверен в том, что великий князь Михаил Александрович не был убит в Перми, а действительно был увезен верными ему людьми на Восток. Дивизия также свято верила в существование великого князя, определив его местонахождение во Владивостоке, на японском броненосце. Унгерн уверял дивизию, что Михаил Александрович должен был прибыть в Монголию для принятия общего командования в наступлении на СССР…» (В данном случае ошибка мемуариста. СССР еще не существовало в мае 1921 г., когда было принято решение о наступлении в Сибирь. Речь, безусловно, идет о РСФСР. — *А. Ж.)*

Весна 1921 года ознаменовалась небывалым народным антибольшевицким восстанием в Сибири. Именно к этому времени коммунистическое насилие над населением достигло уровня произвола. Опубликованные ныне документальные свидетельства простых крестьян, казаков, сельских советских работников прямо указывают, что по преступности своих деяний и жестокости поведения коммунисты далеко превзошли все то, что полтора-два года тому назад здесь вершили колчаковские войска. «Неудивительно, — замечает омский историк В. А. Шулдяков, — что многие сибиряки почувствовали себя отчужденными от власти, угнетаемыми ею сверх всякой меры…» Именно коммунисты своими действиями предопределили и спровоцировали восстание, придав ему характер ожесточенной борьбы до конца — на уничтожение — под лозунгом, появившимся в разных очагах движения: «Победа или смерть!» Действительно, сибирское восстание 1921 года — пик участия сибирского казачества в Гражданской войне. «Никогда — ни до, ни после — не было у сибирских казаков такого отчаянного

мужества», — указывает сибирский историк. Следует заметить, что поднялись сибирские казаки уже не только против продразверстки, материальных конфискаций, насаждения сельскохозяйственных коммун. Претензии их к новой власти были куда глубже и сильнее. Сибиряки восстали против самой античеловеческой сущности коммунистического режима, характерными чертами которого были подавление всяческого инакомыслия, атеистическое беснование, полное пренебрежение казачьими традициями и обычаями. В. А. Шулдяков справедливо указывает, что сибирская деревня «встала на защиту своих попранных человеческих прав. И один из лозунгов восстания, встречавшийся в разных его очагах, весьма показателен: «Долой коммунистическое рабство!»

В изданных ныне сборниках документов, посвященных крестьянскому антикоммунистическому сопротивлению в России — «Сибирская Вандея» (М., 2001) и «Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-НКВД» (М., 2000), в донесениях и политических сводках, составленных для Центра местными властями, приведены разнообразные воззвания и лозунги, под которыми выступали повстанцы. В тех казачьих станицах и деревнях, где было сильно влияние «стариков», восставшие выступали не просто «против Советов, евреев и коммунистов», а под «старорежимными» монархическими призывами: «Долой коммунистов, не нужно товарищей!», «Братцы, поддержите погоны!», «За Царя Михаила Александровича! «За Русь, за Веру, за Царя!». В идеологии восставших самым парадоксальным образом уживались «идеалы керенщины и самый закоренелый монархизм». В некоторых местах возобновилось титулование по чинам и ношение погон. Как отмечалось в «Инструкции Тюменского губкома РКП(б)», «в заговоре принимали участие колчаковские офицеры и разные подонки общества, целью которых было не только уничтожение коммунистов, но и всей советской власти и установление монархического строя. Листовки, распространяемые ими, провозглашали царство Михаила II». В селе Новозаимское Омутинского района восставшие крестьяне подняли черные знамена с надписями белыми буквами на них: «С нами Бог и Царь Михаил II». «В районе Кусеряка, — отмечалось в сводке советского командования, — захвачено трехцветное знамя с пунцовыми цветами, здесь и появилось требование привести князя Михаила Александровича к власти». Образовавшиеся штабы народных партизанских армий распространяли в своих приказах и воззваниях слухи о якобы грандиозных восстаниях в разных частях России под руководством известных казачьих предводителей, атаманов Анненкова и Семенова, говорили, что

великий князь Николай Николаевич организовал стотысячную армию и идет повстанцам на помощь, рассказывали о «чудом спасшемся» императоре Николае II, передавали, что «царь Михаил» стоит с войсками на границе и «ждет сигнала»… Вот одна из типичных картин того времени, взятая из рассекреченного ныне отчета Пензенского губчека: «Учение секты (т. е. группы «стихийных, народных» монархистов. *—А. Ж.)* сводилось к тому, что без царя нет церкви, так как царь — помазанник Божий, а так как теперь нет помазанника Божия, следовательно, нет и церкви… По Писанщо должно быть проповедование Евангелия по всей земле, и это делалось за время царствования Романовых, теперь царя нет, но совершается тайна Божия. Настоящая советская власть есть антихрист, который имеет красное знамя называющееся драконом… свобода и война происходят по Писанию Божиему… Были вынесены заранее приготовленные флаги с монархическими и пасхальными лозунгами и рисунками Михаила Архангела, Николая II и митрополита Макария (Парвицкого, московского митрополита до марта 1917 г. — *А. Ж.).* С этими знаменами толпа с пением пасхальных молитв «Спаси, Господи, Люди Твоя» и «Боже, Царя Храни…» отправляется к монастырю совершать молебствие по случаю падения власти «антихристов». По дороге толпа несколько раз останавливалась, выслушивала речь о советской власти и ее падении и с криками: «Долой советскую власть! Да здравствует Дом Романовых!» двигалась дальше…» В результате перестрелки с местными коммунистами и чоновцами толпа была рассеяна, «главарь» восставших некто Фокин расстрелян чекистами. Но даже спустя несколько месяцев, отмечается в отчете Губчека, «монархисты не унимаются, а ищут «царя», чтобы воздвигнуть его на «престол». А вот строки из отчета Иркутского губчека за 27 мая 1921 г. (Это совсем рядом с Унгерном!): «… Отношение крестьян к советской власти враждебное… Среди бурят были случаи голодной смерти. Крестьяне относятся к бандитам сочувственно и оказывают помощь продовольствием и лошадьми». Из Тюменской губернии: «В Ялуторовском и Ишимском районах скрываются… два бандитских полка в составе 1 тыс. сабель… 343-й полк, входящий в состав гарнизона г. Тобольска, разложился. Причиной является большое количество разграбленного спирта. Установлено умышленное спаивание красноармейцев жителями Тобольска…» Вся эта информационная лавина слухов, подлинных случаев, домыслов, дезинформации, подчас сознательно распространяемой коммунистами, чтобы спровоцировать выступления, оказывала огромное воздействие не только на казаков, но даже и на крестьян, которые раньше относились к

большевикам куда более лояльнее, нежели казаки. Именно восставшие крестьяне одной из западносибирских волостей (Евсинской) написали в своей листовке-воззвании: «Этот деспотизм в тысячу раз худший царской власти». Аналогичным образом высказались крестьяне Караульноярской волости: «Лучше уж старый режим. Он все-таки во сто крат лучше советской власти». В воззвании повстанческого штаба Лапушинской волости Курганского уезда говорилось: «… Больше года мы — трудовое крестьянство Сибири — томились под игом коммунизма. Они, не давшие нам ничего, кроме арестов и расстрелов, отобрали у нас хлеб, мясо, шерсть, кожи и почти все, что мы имеем, заставили нас, не знавших никогда голода, голодать. Они, не признававшие Бога, хотели и наших детей заставить забыть Его. Они — враги наши. Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи и грабители и вообще самый негодный элемент. Кто был их вождь? Жид Троцкий, а все жиды с Рождества Христова — враги православного люда. Что ждало нас при их власти? Нас ждала гибель… Мы начали великое и святое дело — дело освобождения нашей измученной и исстрадавшейся родины от проклятого гнета коммунизма. Так доведем его до конца, выловим кровожадных зверей — коммунистов. Помните… что если эти звери — коммунисты — вернутся, они нас не помилуют. Одни из нас будут расстреляны, другие будут изнывать в тюрьмах, третьи будут снова томиться в коммунистическом гнете, и гнет этот будет более томителен, чем он был ранее…» И эмоционально, и стилистически, призыв крестьянского повстанческого штаба может быть поставлен в один ряд со знаменитым Приказом № 15, изданным бароном Унгерном. Нет сомнения, что если бы унгерновской дивизии удалось выйти на соединение хотя бы с частью бескомпромиссных, антикоммунистически настроенных повстанцев Западной Сибири, то последствия подобного союза могли (и должны были!) оказаться для советской власти самыми непредсказуемыми.

Сибирское крестьянское антикоммунистическое восстание (получившее в советской историографии не совсем точное название «Западно-Сибирского») стало самым крупным — как по количеству участников, так и по охваченной им территории — за все годы существования советской власти в России. В течение зимы-весны 1921 г. антисоветские повстанческие отряды и соединения действовали на огромной территории Западной Сибири, Горного Алтая, Зауралья и современной Республики Казахстан. По приблизительным оценкам современных исследователей, в разное время в рядах повстанцев сражалось не менее 100 000 человек, что почти в четыре раза превышало

численность «антоновцев», действовавших в Тамбовской губернии. Различные крестьянские и казачьи повстанческие армии достигали численности в несколько тысяч человек. Так, Народная армия Петуховского района, возникшая на базе отрядов 12 волостей южной части Ишимского уезда, состояла из двух дивизий, общей численностью до 6 тыс. человек. К сожалению, вооружены восставшие были крайне слабо. В той же «Петуховской армии» на 6 тыс. бойцов приходилось около 3 тыс. винтовок и всего 5 пулеметов. О тяжелой артиллерии, броневиках, аэропланах, находившихся на вооружении у Красной армии, речи даже и не шло. Особенно у повстанцев ощущался недостаток в грамотных, кадровых офицерах, имевших опыт боевых действий. Так, начальником Главного штаба Южно-Сибирской народной армии являлся вахмистр О. П. Зубков, командиром 1-й Сибирской казачьей дивизии — подхорунжий С. Г. Токарев, одним из руководителей восстания был некто Филиппов — сын дьякона села Никольское. Но самое главное — у повстанцев отсутствовал объединяющий командный центр, который руководил бы действиями разрозненных крестьянских и казачьих отрядов. Все повстанческие группы оказались крайне слабо связанными между собой. А без стратегического руководства восстание (пусть и самое многочисленное) неизбежно было обречено на неудачу. Именно таким руководящим координационным центром, определявшим стратегические военные и политические задачи антикоммунистического восстания, надеялся стать барон Унгерн.

В свою очередь, общее количество бойцов и командиров регулярных красноармейских частей и иррегулярных коммунистических формирований, принявших участие в подавлении Сибирского восстания (или как его еще называли — «Сибирской Вандеи»), достигало численности целой армии. «Боевые действия, которые в феврале — апреле 1921 г. велись на охваченной восстанием территории, по своим масштабам, результатам и военно-политическим последствиям вполне можно приравнять к самым крупным армейским операциям периода Гражданской войны», — указывает современный исследователь В. И. Шишкин. На подавление восстания была переброшена из Европейской России 5-я Кубанская отдельная кавалерийская бригада, одна из лучших боевых частей Красной армии, личный состав которой обладал большим боевым опытом (бойцы дивизии воевали с белыми армиями под Астраханью, на Волге, на Дону и Северном Кавказе, а затем с белополяками в Польше и Белоруссии). Повстанцы, дезорганизованные отсутствием единого командования, испытывали дефицит даже обычного стрелкового оружия — основную массу вооружения составляли самодельные

пики, пешни, вилы. Штабами повстанцев мобилизовались для ковки пик все кузнецы, ремонтные артели, трудовые мастерские. Насколько отчаянно готовились к бою с Советами, видно из того, что в Омутинском районе для ковки пик, за недостатком кузнечных горнов, использовались бани. При полном отсутствии артиллерии, дефиците легкого стрелкового оружия, без пулеметов и патронов в полевых схватках повстанцы терпели поражение за поражением — они просто не могли противопоставить красным достаточной массы оружейного и пулеметного огня. Но защиту своих селений, станиц, деревень проводили великолепно, стойко держась при самых тяжких условиях: под артиллерийским обстрелом, пулеметным огнем, в окруженных красными горящих деревнях…. «В д. Травное бандиты оборонялись, будучи окруженными пехотой и кавалерией. Приходилось с боем брать, бомбами и поджогами, каждый дом. После нескольких часов уличного боя помкомполка т. Лушников был убит, наши части понесли сильные потери убитыми и ранеными до 120 человек, был выбит почти весь комсостав, много красноармейцев обморозилось… 21 февраля при наступлении на Новотравное наблюдается прежняя картина: вошедшие в деревню части обстреливаются буквально из каждого дома, сарая и крыш и пр. Наши части бомбами выбивали бандитов из каждого дома, поджигали дома, артиллерией разбивали каменные постройки, но сломить сопротивление не удалось, и наши части, пробывшие в цепях весь день и понесшие большие потери обмороженными, отошли на исходные позиции», — докладывал командир 85-й Стрелковой бригады Красной армии Н.Н. Рахманов. На борьбу с восставшими крестьянами коммунисты бросали самые лучшие, отменно укомплектованные воинские части. Под станцию Исилькуль, захваченную повстанцами, была направлена одна из самых боеспособных частей Красной армии — Образцовый учебный отряд Высшей военной школы Сибири, базировавшейся в Омске. Как отмечает историк В. А. Шулдяков, «отряд состоял из слушателей (частично на командных должностях) и отборных красноармейцев». Отряд был прекрасно вооружен: при общей численности 800 человек в отряде было 8 пулеметов, 2 трехдюймовых орудия. В боеприпасах отряд не испытывал ни малейшей нужды. При подавлении восстания коммунисты применяли самые жестокие меры в отношении не только непосредственно восставших, но членов их семей. Кровавый урок, преподанный советской властью, должен был навсегда отложиться в памяти не только современников восстания, но и у последующих поколений. Пленных повстанцев, не расстрелянных

«по горячим следам», сразу после боя передавали в распоряжение Чрезвычайной тройки Представительства ВЧК по Сибири. В ее состав входили: председатель К. И. Мосолов, члены — Бородихин и Александровский. Только 23 февраля 1921 года тройка Мосолова приговорила к расстрелу 30 казаков станицы Николаевская. Еще 15 николаевцев — казаков и крестьян — были расстреляны 5 марта. Известны постановления тройки, по которым было расстреляно 18 казаков станицы Селоозерской, 23 казака станицы Лосевской. Зафиксирован случай, когда одним списком приговорили к расстрелу 232 человека — крестьян и казаков станиц Аиртавской, Зерендинской, Лобановской Кокчетавского уезда. При этом большинство из станиц были совсем небольшими: так, Лосевская насчитывала 236 душ мужского пола, Селоозерская — 268, Николаевская — 598. Причем это данные на январь 1916 года — с этих пор население казачьих станиц только уменьшалось.

После расстрелов местные ячейки РКП(б) проводили тотальную конфискацию имущества: изымались не только лошади, молочный скот, транспортные средства, упряжь и т. п., но и личные вещи повстанцев и членов их семей: одежда, обувь, посуда, часы, постельное белье. Шел самый циничный и неприкрытый грабеж. Коммунисты рылись в казачьих сундуках и забирали все, на что «положили глаз». Затем награбленное имущество делилось между своими, на глазах у всех, ничуть не стесняясь местных жителей. Вслед за войсками в станицах и деревнях появлялись чекисты. Получившее ныне широкое распространение понятие «зачистка» — одно из самых «замечательных» коммунистических изобретений времен войны с собственным народом. По доносам осведомителей производились аресты. Для поощрения стукачей был создан особый секретный фонд товаров первой необходимости. Фонд пополнялся за счет вещей осужденных и расстрелянных. Из него каждому доносчику выдавали в месяц 7 аршин ситца, 4 аршина сукна, пару сапог, полушубок, пимы, а также чай, сахар, соль, мед, мыло и спички…

От ряда станиц после боев с применением артиллерийского огня (естественно, со стороны красных) не осталось, по словам В. А. Шулдякова, «буквально камня на камне». В некоторых станицах число убитых красными карателями жителей превышало несколько сотен человек. «Еще не подведены общие итоги, но громаднейшие разрушительные последствия восстаний вполне очевидны. Десятки тысяч убитых повстанцев, и, таким образом, лишенные иногда большей части взрослого мужского населения деревни… — все это дополняет общую картину кровавого хаоса и разрушения», — писал в Политическом отчете

(апрель 1921 г.) секретарь Тюменского губкома Коммунистической партии Сергей Агеев. Это был самый настоящий геноцид, организованный преступной организацией РКП(б) во главе с Ульяновым-Лениным, направленный в первую очередь против лучшей части русского народа.

Ложью оказались заверения красных о «применении широкой амнистии участникам восстания». Уже в августе 1921 года председатель Тюменского губчека П. Студитов предлагает: «… вопрос… к которому нужно подойти осторожно и тактично, — это изъятие явившихся главарей и активистов: как бы ни устроить это так, что во время изъятия разбегутся. На этот счет у меня есть… следующий план:… взять их на строгий учет, подготовить на них какой-либо побочный материал (т. е. просто сфабриковать, «пришить» дело. — *А. Ж.)* и забрать всех враз. Затем произвести широкую огласку среди крестьян в сторону их изобличения в преступлениях, вредных для крестьян, так, чтобы крестьянство сочувственно отнеслось к их арестам. Эту часть подготовки придется провести до их ареста. Вообще же сказать о времени затрудняюсь, ибо придется учитывать политическое положение и настроение крестьян. Полагаю, что целесообразнее провести эту операцию (т. е. аресты амнистированных повстанцев. — *А. Ж.)* перед зимним временем, когда меньше уже будет расположения бегать в лес». Нет, коммунисты вовсе не собирались «исправлять перегибы» и «мириться с крестьянством» — они лишь вновь продолжили громоздить горы бессовестной лжи.

Откуда же Унгерн мог черпать информацию о крестьянских восстаниях и всеобщем народном недовольстве Советами, которая в значительной степени определяла его политическую линию поведения? По словам близкого к Унгерну Н.Н. Князева, «барон мог получать политические новости через ургинскую радиостанцию. Из этого источника он знал о восстании в Тобольской губернии и о партизанском движении в Забайкалье и в Приморье. Вне сомнения, он был осведомлен о зарождении во Владивостоке белого правительства, возглавлявшегося братьями Меркуловыми. Больше же всего барон интересовался сведениями о настроениях и чаяниях казачьего населения ближайших к Монголии станиц и поэтому всегда опрашивал беженцев и Забайкальской области. Если даже принять во внимание подозрения в том, что красные власти подсылали к барону своих агентов с провокационной информацией, с целью подтолкнуть на немедленное выступление, психологически понятно, что слишком субъективный по природе барон мог из своих опросов получить те данные, которые соответствовали его собственному душевному состоянию. Не из тех ли типично беженских повествований,

напоминавших заученный урок, барон почерпнул уверенность в том, что казачье население Забайкалья видит в нем единственного избавителя от советской власти?»

В данном случае обратим внимание на замечание Князева о беженских повествованиях, «напоминавших заученный урок». В конце марта 1921 года ЦК РКП(б) проводит специальное заседание, посвященное мерам «по разложению войск барона Унгерна в Монголии». Разработкой операции по внедрению в белогвардейские части красной агентуры руководил лично полномочный представитель ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский. О том, насколько значительной и массовой была инфильтрация чекистов в белогвардейское движение, может свидетельствовать и такой факт: через несколько лет вся жизнь русского Харбина, центра белой эмиграции на Дальнем Востоке, без лишних слов была поставлена под контроль многочисленными агентами советских спецслужб. Против такого мощного потока большевицких разведчиков контрразведка Унгерна ничего поделать не смогла. По словам М. Г. Торновского, белые «были плохо или совершенно не осведомлены о работе большевистских эмиссаров и не уничтожили очагов пропаганды. Капитан Безродный три месяца слонялся по Западной Монголии, ища крамолу среди русских, а просмотрел большевистский очаг в Хытхыле. А Н. Князев, сидя в Урге, не знал и ничего не предпринял против очага в Алтан-Булаке. Агитационной и противобольшевистской работы ни монгольское правительство, ни штабы генерала Унгерна никакой не вели и не пытались даже наладить ее». Чекистам удалось завербовать бывшего управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева, который, в свою очередь, привлек к агентурной работе нескольких бывших служащих Иркутского губернского управления, оказавшихся в Маньчжурии и Приморье и имевших тесные связи в среде дальневосточных белогвардейцев. В результате непрофессиональных действий белой контрразведки даже в окружение самого Унгерна под именем офицера фон Зоммера сумели внедрить чекиста Б. Н. Алтайского… Непосредственно на местах красная агентура широко внедрялась и в многочисленные группы беженцев, искавших спасения от большевицкого террора на территории Монголии и Китая. Как мы отмечали выше, советской разведкой были завербованы или подкуплены даже многие монгольские вожди, входившие в том числе и в окружение Богдо-гэгэна. У самого же Унгерна агентурная сеть на территории советских Забайкалья и Сибири фактически полностью отсутствовала. Точных и проверенных сведений по реальной политической обстановке, складывавшейся в Забайкалье и

Сибири весной 1921 года, а тем более крайне необходимых сведений о дислокации и состоянии частей Красной армии получить барону было просто-напросто неоткуда. Лишь незадолго до своего выступления Унгерн отправляет в пограничные с Монголией забайкальские станицы войсковую разведку под начальством Тубанова, того самого бурята, который выкрал с тибетцами Богдо-гэгэна из его «Зеленого» дворца во время штурма Урги. «Конечно, Тубанов был отчаянный головорез и решительный не по разуму проходимец, — отмечал в своих воспоминаниях Д. П. Першин, — но он никак уж не годился к выступлению в роли политического разведчика…» Разведывательная миссия Тубанова вылилась на деле в грабеж и убийства местного населения, которое в результате отказало в поддержке унгерновским войскам. Внимательный и беспристрастный свидетель Першин отмечает в своих воспоминаниях: «Главное несчастье барона Унгерна было в том, что он был одинок и вблизи его не было людей, знающих и осведомленных о том, что происходило за тесным кругом вне его походной жизни. Ахиллесовой пятой Унгерна была плохая информация, или, вернее, отсутствие таковой, и он мало знал о том, что делалось за Байкалом и на границе Монголии, не говоря уже про Иркутскую губернию и Западную Сибирь».

Рассказы беженцев о массовых крестьянских и казачьих выступлениях против коммунистов, о проводимой в РСФСР политике «красного террора» укрепили барона во мнении начать широкомасштабный освободительный поход весной 1921 года. Согласованно должны были выступить подчиненные барону белопартизанские отряды Кайгородова, Казанцева, Казагранди, Бакича… С Дальнего Востока атаман Г. М. Семенов писал Унгерну о своем предстоящем выступлении против большевиков с армией, состоящей из трех групп: Амурской — генерала Е. Г. Сычева, Уссурийской — генерала Н. И. Савельева и Гродековской — генерала Ф. Л. Глебова. Следует заметить, что белые части, собиравшиеся в поход против Советской России, были крайне немногочисленны — так, вся семеновская армия насчитывала около 4000 человек. Совокупная численность антикоммунистических повстанческих отрядов, действовавших на советской территории, оставалась практически неизвестной, но в реальности вряд ли превышала несколько тысяч человек. Основной расчет делался на вооруженное сопротивление в тылу у большевиков, которое с переходом советской границы регулярными частями белой армии должно будет приобрести еще более массовый характер и перерасти в общенациональное восстание. О так называемой теории снежного кома, на которой

строил свои политические расчеты барон Унгерн, мы уже говорили выше… [34] 21 мая 1921 года генерал-лейтенант Р. Ф. Унгерн-Штернберг издает свой знаменитый Приказ № 15, озаглавленный как «Приказ русским отрядам на территории Советской Сибири», открывший новый, трагический и последний этап в жизни барона Унгерна.

Глава 13
Последние бои

По воспоминаниям офицеров Азиатской дивизии, авторами Приказа № 15 являлись известный нам литератор Ф. Оссендовский и бывший присяжный поверенный К. И. Ивановский, бежавший от красных из Владивостока, застрявший в Урге и назначенный Унгерном начальником штаба Азиатской дивизии вместо полковника Дубовика. Собственно, удивительного в данном факте ничего нет — в прямые обязанности начальника штаба войскового соединения и входит подготовка для командующего текстов подобных приказов, директив, распоряжений и т. д. Несомненно одно: текст приказа создавался при непосредственном участии самого Унгерна — он является своеобразной квинтэссенцией политических, религиозных, историософских взглядов барона, изложенных им ранее в многочисленных письмах и частных беседах. «Приказ этот, безусловно, представлял собою нечто большее, чем простая оперативная директива, — пишет А. С. Кручинин, — и недаром он начинался в торжественном стиле манифеста:

Я — начальник Азиатской Конной Дивизии Генерал-Лейтенант Барон Унгерн — сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплоченной империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасывался от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя. Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916–1917 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева —

Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца. Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин Земли Русской — Император Всероссийский Михаил Александрович, видевший шатанье народное и словами своего ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского». После идеологической «вводной части» следовало изложение детального плана военных действий против красных с указанием направлений военных операций всех подчиненных генералу Унгерну отрядов, давались указания по вопросам снабжения, мобилизации населения и т. д. Но особо пристальное внимание у всех историков и литераторов, занимавшихся бароном Унгерном, вызывал пункт 9 Приказа № 15. Пункт этот гласил: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с их семьями. Все имущество их конфисковывать».

Еще ниже приводились разъяснения и обоснования: «Старые основы правосудия изменились. Нет «правды и милости». Теперь должны существовать «правда и безжалостная суровость». Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало в душе человеческой, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград. Помнить, что перед народом стал вопрос «быть или не быть».

Часто строки из приказа цитируются лишь для того, чтобы вновь заклеймить Унгерна как «кровавого безумца, убивающего без особого разбора и своих, и чужих». Выше мы уже неоднократно указывали, что пресловутая унгерновская жестокость не носила патологического или личностного характера. Причина ее кроется в особенностях средневекового мировоззрения барона, каковое невозможно адекватно оценивать, исходя из установок современной цивилизации. Хотелось бы обратить внимание обличителей барона еще на один момент. Пункт 9 — отнюдь не новация Унгерна, а всего лишь ответная реакция на действия большевиков. Первыми безжалостно уничтожать своих политических и военных противников «вместе с семьями» начали именно они. Именно большевиками был введен институт заложничества, когда в ответ на покушения,

направленные против красных вождей, уничтожались тысячи мирных обывателей, виновных лишь в том, что принадлежали они к «контрреволюционным классам»: дворянству, духовенству, купечеству, кулачеству…

В любой советской газете за 1918–1920 годы, центральной или провинциальной, желающие обнаружат страшные «расстрельные» списки женщин, детей, стариков… Списки на целые газетные полосы людей, убитых без суда и ни за что — всего лишь за свое происхождение. Откроем «Известия Пермского губисполкома» за 11 сентября 1918 года — «Список заложников, расстрелянных по постановлению губчека». В мартирологе 41 человек: «бывший жандарм», «бывший офицер», «бывший пристав»… Еще можно понять, за что были убиты «бывший жандарм» или «бывший пристав», — люди подобных профессий были для большевиков «цепными псами царского режима». Но далее по списку: «горный инженер», «учительница», «приказчик», «сестра милосердия», «монах», «эстонский пастор»… Конечно, Гражданская война отнюдь не рыцарский турнир. Японская, Первая мировая, Гражданская войны — все они приучили к убийству. Расстрелы, рубка, «допросы с пристрастием» — все это было и у белых (хотя и в неизмеримо меньших масштабах, чем у красных). Но между красным и белым террором существовало принципиальное различие. На него верно указал историк Юрий Фелыптинский: «Белой армии как раз и была присуща жестокость, свойственная войне вообще. Но на освобожденных от большевиков территориях никогда не создавались белыми организации, аналогичные советским ЧК, ревтрибуналам и реввоенсоветам. Но никогда руководители Белого движения не призывали к расстрелам, к гражданской войне, к террору, к взятию заложников. Белые не видели в терроре идеологической необходимости, поскольку воевали не с народом, а с большевиками. Советская власть, напротив, воевала именно с народом (в этом нет ни тени преувеличения, поскольку Гражданская война была объявлена всему крестьянству, всей буржуазии, то есть интеллигенции, всем рабочим, не поддержавшим большевиков). За вычетом этих групп кто же оставался, кроме голого слова «пролетариат»?» Большевистская нечеловеческая жестокость вызывала отвращение даже у политических союзников — анархистов, левых эсеров. Приказ Унгерна — лишь ответная реакция на трехлетний «беспредел» красных палачей, когда людей расстреливали, сжигали заживо, сдирали кожу, морили ядовитыми газами, добивали пулями и голодом в концлагерях, топили в реках крестьянских детей, сажали на кол священников, на площадях устраивали

показательные порки и расстрелы. Ни один самый лютый «крепостник», ни одна пресловутая «салтычиха» не зверствовали, да и просто не могли зверствовать так в царской России над крестьянами, как делали народные «освободители» — большевики. Никто до коммунистов, никакие иноземные захватчики, не убили столько русских крестьян и рабочих, священников и дворян, детей и стариков. В конце XX века то, что проделали большевики с русским народом, стали обозначать словом «геноцид».

К 1921 году «революционная партия» вела уже почти столетнюю войну против исторической России. Революционеры в этой войне использовали все подручные средства: пули, бомбы, динамит, ядовитые газы… Но, как только силы, противостоящие «революционной партии» (будь то самодержавная монархия или Белое движение), пытались использовать против нее средства физического подавления, с «левой» стороны начались причитания о «кровавых палачах», «столыпинских галстуках», «царских опричниках», «белых садистах». До сих пор многие историки и литераторы рассуждают о «преступлениях царского режима» или о «колчаковском терроре». Все подобные заклинания являются следствием единственного принципа взаимоотношений с лагерем власти, которого на протяжении целого столетия неуклонно придерживались левые силы в России. Сформулировать данный принцип можно следующим образом: «Нам вас можно убивать, а вам нас — нет»[35]. Подход барона Унгерна к террору был совершенно иным: «Что нам — то и вам».

… Поход Унгерна на Советскую Россию вызывал недоуменные вопросы даже у близких соратников барона.

23 мая 1921 года начальник штаба отряда Кайгородова полковник В. Ю. Сокольницкий стал свидетелем движения колонны унгерновской конницы по направлению к советской границе. «Войска шли в блестящем порядке, и я как-то невольно перенесся мыслью к старому доброму времени. Равнение было как на параде. Не было отсталых. Длинная колонна из конницы и артиллерии оставляла за собой версты, идя на неведомое: победить или умереть. Яркая одежда полков: монгольского, китайского, бурятского рябила глаза… — вспоминал годы спустя Сокольницкий. — … Барон — стройный худощавый блондин с энергичными глазами, живой, бодрый. После короткой беседы барона с незнакомым мне офицером был принят и я. Наш разговор и искреннее желание барона оказать возможную помощь отряду Кайгородова расположили меня к нему. Я был, положительно, в восторге от него. Моя поездка с целью иметь свидание с бароном оказалась не напрасной. Мне было оказано

внимание, доверие и охотное желание удовлетворить всем, что можно дать… Дивизия Унгерна шла напролом с девизом «Да здравствует Император Михаил II!» и грозила небывало суровыми карами коммунистам и их семьям… Хотелось крикнуть: «Не спешите! Закрепитесь прочно здесь, в Монголии. Соберите все, что могут дать средства ваши, по части разведки духа народного; сговоритесь по всему фронту, установите короткую связь… и тогда — с Богом, за работу во славу императора, громко провозглашая его имя при удаче».

Свой главный удар барон Унгерн направил на город Троицкосавск, расположенный в долине реки Кяхты, в нескольких верстах от русско-монгольской границы. Н.Н. Князев называл Троицкосавск «ключом всего стратегического плана» барона Унгерна. Для овладения городом барон вывел из Урги все наличные силы, оставив в монгольской столице лишь военное училище (60 чел.), комендантскую команду (150 чел.), интендантские мастерские и лазарет.

Унгерн вел свои войска параллельно с трактом. Этим маневром он обеспечивал, с одной стороны, скрытность движения, а с другой — хорошие корма для лошадей. Однако внезапность нападения была сорвана командиром отдельного Чахарского дивизиона Найден-ваном. Воспользовавшись тем, что он находился на тракте, вне поля зрения барона, Найден-ван решился на сепаратный налет на приграничный город Маймачен. 3 июня 1921 года цирики Найден-вана разгромили передовую заставу Сретенской кавалерийской бригады армии ДВР и ворвались в Маймачен. «В упоении своего блестящего успеха чахары с полным самозабвением отдались родной стихии — грабежу, — писал позже поручик Князев. — Но в 14 часов того же дня они были с треском выбиты из Маймачена, причем Найден-ван получил ранение, а его помощник попал в плен». Тем не менее за несколько часов пребывания в городе чахары успели превратить Маймачен в развалины, перебив заодно всех жителей-китайцев, не успевших бежать в Троицкосавск.

Уход Чахарского дивизиона из Маймачена нельзя назвать отступлением — это было самое настоящее бегство. «Своим паническим видом они произвели крайне невыгодное впечатление на подошедшие… унгерновские части, — вспоминал все тот же Князев. — 4 июня Унгерн отдал чахарам весь остаток полноценного ямбового серебра и отправил их в Ургу якобы на формирование. В действительности же он, к общему удовольствию, прогнал их от себя. Не задерживаясь в Урге, чахары ушли на родину». Что касается собственно унгерновских войск, то и они неожиданно двинулись в обход Троицкосавска.

Почему же барон не обрушился на город внезапно, в своем излюбленном, «фирменном» партизанском стиле? Вместо того чтобы с ходу вступить в бой за город, атаковать красных, Унгерн неожиданно делает крюк и заходит в Кударинскую станицу (50 верст на восток от Троицкосавска)… Причина такого маневра заключалась в том, что местные казаки обещали выставить для борьбы с большевиками целый вооруженный, хорошо подготовленный полк, как только барон со своими войсками появится у них в станице. Однако вместо вооруженных добровольцев в Кударе Унгерна поджидал станичный сход, собиравшийся всего лишь обсудить возможность сбора добровольцев. На сходе станичники заняли осторожную позицию: казаки заявили, что готовы пойти с бароном добровольно, но требуют гарантий неприкосновенности для их семей на случай большевицких репрессий — родственники добровольно присоединившихся к белым подлежали взятию в заложники с последующим расстрелом. Гарантией должен был стать приказ о мобилизации населения, который надлежало по требованию казачьего схода издать Унгерну: таким образом казаки всегда могли оправдаться перед большевиками — они, дескать, пошли к белым под угрозой оружия.

Однако Унгерн категорически отказался от подобного компромисса: «Или ступайте добровольцами, или же мне вас не нужно», — заявил он казачьему сходу. «Вследствие решительного отказа от мобилизации ни к барону, ни к Резухину пополнений так и не поступило, несмотря на явное в иных местах сочувственное отношение к ним, — вспоминал Н.Н. Князев. — Барон Унгерн искренне считал, что если он с жертвенным жестом протягивает руку братской помощи казачьему населению, жаждущему освобождения от советской власти, то никто не имеет права отказаться от принятия этой жертвы». Для барона, искренне верившего, что повсюду «найдутся честные русские люди», готовые бескорыстно присоединиться к нему для борьбы с совдепией, подобное рассудительное отношение казаков стало тяжелым ударом. Несмотря на то что Унгерн был крайне раздражен своей первой открытой неудачей, он 5 июня обходит Троицкосавск и отрезает гарнизон города от сообщения с базами. «По совершенно непонятным соображениям барон начал бои за обладание Троицкосавском вяло, как-то неуверенно, то есть не в свойственном ему стиле, — вспоминал Н.Н. Князев. — Чем это объяснить? Может быть, отсутствием у него соответствующего настроения?» Тем не менее в ночь с 5 на 6 июня барон произвел личную глубокую разведку позиций красных, проникнув в глубь расположения противника. Бой начался рано утром 6 июня

атаками унгерновцев на северо-восточную окраину города. К 18 часам Русский дивизион ротмистра Забиякина подошел вплотную к городским окраинам. С сопки Забиякин рассмотрел в бинокль, как красные солдаты митинговали на площади. Очевидно, они обсуждали вопрос о сдаче города. Забиякин доложил об увиденном Унгерну и попросил разрешения войти в город. Однако барон ответил: «Я на митинги не хожу и тебе не советую…» и приказал дать отдых войскам. Итак, еще один день был потерян, и потеря эта оказалась для белых роковой — ночью в Троицкосавск прорвался один из полков 35-й советской дивизии… На рассвете 7 июня отдохнувшие белые части вновь перешли в наступление. Однако преимущество и в численности, и в вооружении было уже на стороне красных. Барон Унгерн прилагал максимальные усилия к тому, чтобы лично поспевать всюду, желая сохранить возможный контроль над ходом боевых действий. Дважды лично он водил свои сотни на занятые противником высоты, но обе попытки успеха не принесли. Тем временем красные, получив новые подкрепления в виде двух пехотных батальонов и артиллерийской батареи, перешли в наступление. Бой шел до темноты. Ночью окрестности города затихли. «Для нас, превратившихся… из нападающей стороны в обороняющуюся, в этой затаившейся тишине вырастали тревожные призраки», — вспоминал поручик Князев. Этими «призраками» оказались бойцы красной Сретенской бригады, которые под покровом ночи прошли хорошо знакомыми им глухими лесными тропами через слабоохраняемый юго-восточный участок фронта белых, оказавшись у них в глубоком тылу.

8 июня советские войска силами полка пехоты повели наступление на левый фланг белых со стороны Ургинского тракта. Унгерновцы стойко оборонялись, а сам барон, по свидетельству очевидцев, «комбинировал в голове какой-то контрманевр». Но все изменилось после того, как сретенцы открыли из засады артиллерийский и пулеметный огонь по обозу белых. В тылу поднялась паника. «Обозники порубили постромки и устремились через сопки на юг, без дорог, по кратчайшему направлению. В разбросанных по отдельным вершинам… сотнях создалось представление, что мы окружены: помилуйте, глубоко в тылу гремит неприятельская артиллерия… Унгерновцы начали отходить…» — вспоминал те жуткие минуты Н.Н. Князев. Положение усугубилось ранением самого Унгерна: он был ранен шальной пулей «в седалищную часть туловища». Ранение было легким, но весьма болезненным: пуля застряла возле позвоночника. Героическим усилием воли Унгерн заставил себя

вскочить на коня, но, выехав из зоны обстрела, сам слезть с седла уже не смог. Выглядел тогда барон как тяжелобольной: он осунулся, совершенно пожелтел, а после перевязки долго лежал без движения.

Находившийся поблизости поручик Князев так описывает ситуацию с ранением Унгерна: «… Барон отказался от носилок. Он поехал верхом. Всего лишь три дня он позволял себе роскошь садиться на коня и слезать с помощью вестового. Унгерн проклинал свою рану — и не только потому, что она лишила его необходимых сил в самый критический момент: он считал подобное ранение оскорбительным для офицера. «Лучше бы меня ранили в грудь, в живот, куда угодно, но не в это позорное место», — говорил он не раз в первые дни после Троицкосавска».

При отступлении от Троицкосавска белые потеряли 6 орудий, несколько пулеметов, денежный ящик и, наконец, икону Ургинской Божьей Матери. Красные захватили свыше 100 пленных, преимущественно монголов и китайцев. По свидетельству очевидцев, русские сотни понесли в боях и при отступлении «ничтожные потери».

Военные аспекты последнего похода Азиатской конной дивизии многократно и подробно изложены как в мемуарной (воспоминания А.С. Макеева, Н.Н. Князева, М. Г. Торновского), гак и в современной исторической (работы Е. А. Белова, А. С. Кручинина, С. Л. Кузьмина) литературе. Все авторы — и очевидцы событий, и современные российские историки — сходятся в одном: главным ударом для Унгерна стало даже не болезненное поражение в боях под Троицкосавском, а совершенно равнодушное отношение местного населения, в том числе и казачества, к вступившим на российскую территорию белым войскам. Никаких ожидаемых массовых выступлений против большевиков не произошло. Число добровольцев, пополнявших дивизию, исчислялось десятками, но никак не тысячами человек. В этом-то и заключался весь трагизм положения Унгерна — от военного поражения можно было оправиться, собрать силы и нанести по красным новый удар. Но без активной поддержки местных жителей все эти планы превращались в бессмыслицу. Как мы уже отмечали, будучи лишенным полноценной правдивой информации о положении дел на подвластных большевикам территориях, дивизия генерала Унгерна двинулась на Советскую Россию в самый неподходящий политический момент. На западных границах РСФСР установилось относительное спокойствие: последний оплот Белого движения на юге России — Крым — был взят большевиками в ноябре 1920 года. С Польшей красные заключили мирный договор. Крупнейшее Сибирское

крестьянское восстание, потрясшее всю Россию зимой-весной 1921 года, было подавлено большевиками самым жесточайшим образом. Об ожесточенности красных карателей говорят телеграммы, посланные Ленину председателем Сибревкома И. Н. Смирновым: в одной из них сообщалось, что при подавлении восстания в только Петропавловском уезде убито 15 тыс. крестьян, а в Ишимском — 7 тысяч. «… В ходе подавления западно-сибирского крестьянско-казачьего мятежа коммунисты уничтожили несколько десятков тысяч человек», — отмечает В. А. Шулдяков. Русские хлеборобы получили в 1921 году кровавый и жестокий урок. В «Сводке Тюменского губчека о состоянии бандитизма в губернии» от 16 июня 1921 года отмечалось: «Тюменский район в настоящее время от банд почти совершенно очищен. Небольшие группы и отдельные личности бандитов скрываются в северной части уезда… Активности пока никакой не проявляют, а не выходят лишь потому, что боятся правосудия… Туринский уезд от банд очищен, и сведений о нахождении бандитов нет… Уставшие бандиты намереваются разойтись по домам, но боятся расправы и правосудия». На местах коммунистические власти принимают постановления «О добровольной явке повстанцев». Понимая, что одними военными методами справиться с восставшими крестьянами и казаками невозможно, Советы решили пойти на временное тактическое политическое отступление. «Конечно, велики были жертвы и разрушения, которые произвели эти повстанцы, но мы должны простить их за их темноту, слепоту и несознательность. И мы уверены, что они раскаются в своих преступлениях», — говорилось в воззвании 3-го Тюменского губернского съезда советов.

Среди большевиков бытовало мнение, что с русским крестьянином «можно обращаться только двумя способами — пряником или палкой до бесчувствия». По законам жанра после усиленного употребления в дело палки должен настать черед и пряника. В марте 1921 года X съезд РКП (б) провозгласил переход к новой экономической политике. После нескольких лет проведения политики «военного коммунизма» в стране вновь была разрешена свобода торговли. Раздавив при помощи массового террора широкое народное антикоммунистическое движение, большевики пусть частично, в сильно урезанном виде, но удовлетворили ряд экономических (но никак не политических!) требований русских крестьян. По словам Н.Н. Князева, «перед нашим «визитом» в Забайкалье (т. е. вступлением войск Унгерна в пределы РСФСР. — *А. Ж.)* население знало о переходе к свободной торговле и временно было удовлетворено

этим правительственным мероприятием. При таком положении дел барон в лучшем случае мог рассчитывать лишь на прохладное равнодушие широких казачьих масс к его партизанскому налету».

В утверждении большевиков о том, что «русский крестьянин отличается чрезвычайно узким кругозором», при всем его цинизме содержалась значительная доля истины. Действительно, русский крестьянин, и в прямом, и в переносном смысле, редко когда заглядывал дальше пределов околицы родной деревни или станицы. Такое «местничество» русского крестьянина, казака, предпочитавшего не удаляться далеко от своего селения, учитывал и барон Унгерн. В своем Приказе № 15 он писал: «При мобилизации бойцов пользоваться их боевой работой по возможности не далее 300 верст от места их постоянного жительства. После пополнения отрядов… кадром новых бойцов прежних, происходящих из освобожденных от красных местностей, отпускать по домам». Но в данном случае Унгерну пришлось столкнуться со своеобразным «политическим местничеством»: сельские массы, деморализованные красным террором, уставшие от войны, шедшей, казалось, уже бесконечно — восьмой год, начиная с августа 1914 г., — предпочли в очередной раз поверить лживым обещаниям коммунистов, что «НЭП — всерьез и надолго». Поверив в 1917 году ленинским посулам «мира, земли и свободы», русский мужик получил братоубийственную войну, красный террор, продразверстку, трудовую повинность, закрытие церквей… Поверив в 1921 году новой приманке в виде «свободы торговли», крестьяне просто не могли осознать, что никакой НЭП не отменяет коммунистического тоталитарного режима с его беспощадным репрессивным аппаратом. «… Русские люди в 1921 году не переболели большевизмом», — с горечью констатировал Н.Н. Князев. До свертывания НЭПа и начала сплошной коллективизации и массового раскулачивания оставалось около семи лет…

После того как шансы на немедленные массовые народные выступления в Забайкалье не оправдались, войскам Унгерна было необходимо достичь хоть какого-нибудь значительного военного успеха на территории Советской России. Только в этом случае оставалась еще возможность рассчитывать на вооруженную поддержку казаков в борьбе с большевицкой властью. Анализируя психологию участников массовых народных движений, русский историк Н. И. Костомаров писал: «В нестройных мужичьих мятежах всегда бывает так, что и малый успех привлекает к мятежу огромные массы, и малая неудача отнимает у них дух». Именно этим обстоятельством — надеждой на крупную военную

победу, которая подтолкнет народное восстание, — и объясняется решение Унгерна дать краткий отдых своим войскам в лагере, устроенном на берегу реки Селенги, после чего продолжить вооруженную борьбу с советской властью. Д. П. Першин упоминал о планах Унгерна пробраться в Западную Монголию, где он мог бы объединить под своим командованием все белые отряды, которые находились друг от друга на значительных расстояниях, ничем не были связаны и «действовали вразброд, кому как Бог на душу положит…»

Однако вокруг барона уже начиналась эпидемия предательств, и первыми удар в спину нанесли именно монголы, на которых так рассчитывал Унгерн. Военный министр монгольского правительства Максаржав-ван, назначенный Богдо-гэгэном командующим Западным округом и отправленный в Улясутай для успокоения западных монгольских аймаков, верно оценил новую расстановку сил и переметнулся к красным. «В Улясутае и окрест его, — вспоминал Д. П. Першин, — под видом усмирения якобы белых этот палач устроил жестокое избиение с грабежами безоружных, много лет живущих русских торгующих». Считают, что в улясутайской резне, устроенной красными монголами под предводительством Максаржава, решившими выслужиться перед большевиками, было убито свыше 150 русских поселенцев и беженцев, в том числе женщины и дети. Позже министр-предатель уничтожил белые отряды есаулов Ванданова и Безродного, посланные Унгерном в Улясутай. При этом совершавший обряд принесения в жертву пленных лама Максаржава съел сердце есаула Ванданова. Позже — «подвиги» Максаржава были по достоинству оценены монгольским революционным правительством: Максаржав-ван стал военным министром Монгольской Народной Республики (МНР). В ответ на эту беспощадную резню подчинявшийся Унгерну атаман Казанцев устроил погромы в нескольких монгольских монастырях, убивая лам и послушников вне зависимости от их отношения к революционному правительству. Это была уже национальная война. В результате западный фланг белых, включавший в себя отряды Казанцева и Кайгородова, оказался отрезанным от частей Азиатской конной дивизии.

Не лучше обстояло дело и в других местах — бригада полковника Казагранди была отбита от советской границы и вообще действовала чрезвычайно пассивно. Позже Казагранди отказался идти на соединение с частями барона, как это ему было приказано, а повернул в глубь Монголии, где никаких красных в помине не было. По слухам, Казагранди планировал уйти в Тибет. Унгерн, раздраженный бездействием Казагранди и вообще

относившийся к нему с подозрением («… барон был готов считаться с Казагранди, как с военачальником, совершившим много подвигов во время командования Боткинской дивизией, — вспоминал Н.Н. Князев. — Казагранди же не смог взять верный тон. Он явно трепетал перед бароном и заискивающе любезничал, то есть вел себя несолидно и именно в том стиле, который барону чрезвычайно не нравился»), обвинил его в измене и приказал расстрелять.

Воспользовавшись тем, что Урга была фактически оставлена белыми войсками, большевики двинули в Монголию экспедиционный корпус под командованием бывшего прапорщика К. А. Неймана. 27 июня экспедиционный корпус перешел монгольскую границу и двинулся на Ургу. По мнению А. С. Кручинина, действия Унгерна в данной ситуации «окончательно развеяли легенду о его «монгольских химерах».

«Группировка Неймана, на три четверти состоявшая из пехоты, — пишет Кручинин, — опрометчиво подставляла фланг и тыл соединившимся на Селенге конным бригадам Унгерна и Резухина. И если бы «панмонголист» Унгерн хотел защитить от красного нашествия Монголию и «священную особу» Богдо-гэгэна, ему ничего не стоило бы наброситься на ползущую по кратчайшему пути на Ургу советскую пехоту и на степных просторах, используя маневренные качества своего «войска», растрепать ее в пух и прах». Но Монголия более не интересует Унгерна ни в политическом, ни в военном отношении — он видит желание монголов «тянуть на сторону Советской России», видит их стремление прибиться к сильному, вообще характерное для менталитета восточных народов. Унгерн вновь собирается идти на север, в Советскую Россию, чтобы «увеличить свои силы надежными войсками», а главное — вызвать мощное народное антибольшевистское восстание, которое бы в корне могло изменить соотношение сил в Сибири и на Дальнем Востоке.

Даже спустя много лет современники Унгерна, офицеры его дивизии, принимавшие участие в последнем походе барона, продолжали задаваться вопросом: «Была ли это все авантюра, как многие думали, или серьезное идейное дело?» Похоже, что верный ответ удалось найтй енисейскому казаку К. И. Лаврентьеву, писавшему: «Мне кажется, что если называть авантюрой, то нужно назвать этим все отряды, не только Унгерна, но и Бакича, Кайгородова, Казанцева, Казагранди, Шубина, Остроухова, Шишкина, Анненкова и им же несть числа… Нет, так относиться нельзя. Все они преследовали цель — борьбу с большевиками, а время было такое, что в могущество и долголетие большевиков никто не верил и верить не хотел,

почему все отряды не оставались на местах, а старались выйти к границе в бой. И это как раз всех и погубило».

М. Г. Торновский давал гораздо более критические оценки как военно-политическим планам Унгерна, так и его личным качествам: «Отсутствовали самокритика, анализ и дар предвидения. Походы в Нерчинском районе, около Акши, в. Кударинском районе, кажется, должны были убедить генерала Унгерна, что население Забайкалья не пойдет не только с семеновцами, но и вообще с белыми против красных, и тем не менее наперекор судьбе и стихии он шел искать союзников в 1-м отделе того же войска и не нашел их. Не найдя в Забайкалье, он решил уйти в Урянхай (Тува. — *А. Ж.),* перезимовать и по весне поискать в Енисейской области, забывая, что власть большевиков за зиму еще более окрепнет и ему с ней не справиться». Правда, далее М. Г. Торновский не выдерживает критический тон и воздает должное действиям барона Унгерна: «Поход на Русь — исторический, блестящий кавалерийский рейд, когда за месяц исходили вдоль и поперек 1-й отдел Забайкальской области — страну, равную целому государству, делая в сутки по сто и больше верст, стиснутые превосходными, регулярными частями Красной армии, и ни разу противник «не прищучил» и не побил унгерновцев, тогда как они били красных везде, нанося им огромный урон, и уходили безнаказанными».

Какими мерками можно определить «авантюрность» тех или иных действий или замыслов барона Унгерна? Мерками пресловутого «здравого смысла»? Но если вставать на точку зрения «здравого смысла», то в подобном случае «авантюрой» может показаться любая борьба против превосходящих тебя численно и материально сил врага. Не подобной ли «авантюрой» будет выглядеть борьба белого Крыма или белого Приморья — крохотных осколков России — против огромной туши красного зверя? Под определение «авантюры» попадут в таком случае и Тамбовское восстание, и так называемый «Кронштадтский мятеж»…

Бессмысленными авантюрами покажутся рейды боевиков РОВС, и партизанские действия отрядов «Братства Русской правды», своими акциями наводивших ужас на чекистов, коммунистических функционеров и советских работников из приграничных районов… Не «авантюрой» ли, в конце концов, выглядели поступки первых христиан, приступивших к проповеди своего учения, — всего лишь нескольких десятков рыбаков и бывших мытарей? Но именно подобные им «безумные авантюристы» превращали всю мудрость мира в подлинное безумие, и сила, казавшаяся неодолимой, гибла, а столпы и

истуканы, выглядевшие неколебимыми, рушились и превращались в прах. Способность действовать вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения высоко ценилась средневековыми рыцарями, с миром которых соотносил и свои поступки барон Унгерн. Как человек, наделенный средневековым восприятием истории, он понимал, что кроме физической истории, истории «в реальном времени», существует также и сверхчувственная Сакральная История, в которой правят не жестокие и глупые победители, а правит Божественный Промысел. Простому смертному не дано понять Его действий, он только может следовать по пути Долга и Верности. Путь, по которому шел Роман Федорович Унген-Штернберг, — путь рыцаря Крестовых походов, путь японского самурая — Бусидо. «Служение идеалу — сердцевина Бусидо», — говорит современный исследователь самурайских традиций А. Р. Басов. Барон Унгерн служил прежде всего своим идеалам, и эти идеалы были для него несравненно более ценными, чем собственная жизнь. Принцип рыцарского служения царскому дому Романовых, белой идее был доведен бароном до абсолюта — высшей ценности бытия и смысла жизни.

… Раздробленная при отступлении бригада барона стягивалась к Карнаковской заимке и уртону Ибицык. Здесь в глубокой горной долине отряд отдыхал три дня. Сюда же, с докладом Унгерну, прибыл из Урги комендант города подполковник Сипайлов. Запоминающуюся характеристику Сипайлова дает в своих записках Н.Н. Князев: «Если считать, что кто-нибудь, например генерал Резухин, являл собой идеальный лик Азиатской конной дивизии, то Сипайлов олицетворял собой оборотную сторону того самого лица и вообще всего дела барона Унгерна. Отрицательная сторона вооруженной борьбы с ее жестокостью, хитростью и озлоблением соответственно преломилась у Сипайлова: хитрость — в мрачное коварство, жестокость — в садизм, а озлобление — в кровожадность. Этот моргающий подслеповатый урод продолжительное время пользовался большим доверием барона, который знал, что люди, подобные Сипайлову, находятся во вражде с окружающей средой, почему у них, по мнению барона, никогда не могло явиться оснований что-либо утаить от своего начальника. Как верный пес, такой человек уцепится в каждого, на кого укажет ему хозяин… Многое из области так называемых унгерновских зверств должно быть всецело отнесено на единоличный счет этого человека».

Сипайлов доложил барону, что обнаружил в Урге 3,5 пуда золота, похищенного из Ургинского банка войсковым старшиной Архиповым, незадолго перед тем вступившим в командование 4-м

полком. Своим докладом Сипайлов попал в самую чувствительную точку: с одной стороны, барон, как известно, относился в высшей степени нетерпимо к казнокрадству, личному обогащению и любой недобросовестности в денежных делах, а с другой стороны, финансы Азиатской конной дивизии находились в плачевном состоянии после утраты денежного ящика под Троицкосавском. Архипова арестовали, он во всем признался и был голым привязан к дереву на берегу реки на съедение комарам. Н.Н. Князев указывал, что этот случай произвел на всю дивизию неизгладимое впечатление…

В это же время Унгерну донесли о злоупотреблениях Сипайлова в должности коменданта Урги, проявленных им после ухода основных частей барона. Унгерн отдал письменный приказ генералу Резухину повесить Сипайлова, как только тот привезет на Селенгу архиповское золото (барон был вынужден отпустить Сипайлова в Ургу за деньгами). Однако Сипайлову удалось узнать о своей опале, и он, не возвращаясь к Унгерну, бежал в Маньчжурию.

Несмотря на поражение под Троицкосавском, Унгерн решает продолжить военную борьбу в Забайкалье. Азиатская конная дивизия располагается лагерем на берегу Селенги. Под руководством барона проходят тактические занятия, ведется подготовка к новым походам и тяжелым боям. М. Г. Торновский, возглавлявший в тот момент интендантскую службу дивизии, определял ее численный состав в 2700 человек. 18 июля 1921 года дивизия отправляется в свой последний поход… У Унгерна еще имелся выбор: или уходить в знакомую и не вполне еще чуждую Монголию, или вновь двинуться в Забайкалье. Барон принимает второе решение, несмотря на то что этим шагом, по выражению Н.Н. Князева, «навсегда захлопывалась страница его монгольской великодержавности».

Итак, генерал-лейтенант Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг возвращается со своим войском в Россию. Часы его судьбы начинают вести уже обратный отсчет. За несколько дней дивизия барона проходит более 200 верст. Красноармейские гарнизоны отходят в глубь страны почти без сопротивления. Дивизия проходит через крупные поселения, казачьи станицы. Унгерновцы идут парадным строем, с развернутыми знаменами и песнями: «Марш вперед, друзья в поход… К вам бароновцы идут, наливайте чары…» Репрессиям подвергались только комиссары и ответственные советские работники. По заведенному Унгерном порядку в селениях размещались только комендантская команда и интендантство. Строевым чинам, в том числе и офицерам, строго запрещалось даже заходить в крестьянские и казачьи дома.

«Но изредка, под благовидным предлогом, офицеру можно было проникнуть за запретные стены частных жилищ, конечно, с известным риском нарваться на самого «дедушку» — барона», — отмечает Н.Н. Князев. Во время одного из таких визитов в казачий дом Князеву удалось разговориться с пожилым казаком на военные и политические темы. По словам Князева, казаки в ходе беседы изложили ему «любопытный взгляд на советскую власть»: о ней они говорили без особого энтузиазма, но свои главные надежды связывали с возвращением… свободы торговли! «С остальными особенностями строя они были готовы тогда мириться» — сделал Князев свой вывод. «Жители довольно радушно угощали… (ведь мы расплачивались полноценной валютой!), но вели себя подчеркнуто-осторожно. Чувствовалось, что они до ужаса боятся и нас, и последствий нашего визита» — еще одно впечатление от встречи с затерроризированными забайкальцами.

В ночь на 29 июля Азиатская конная дивизия подходит к деревне Ново-Дмитриевке, лежащей на речке Иро. В деревне расположилась 109-я дружина особого назначения (ДОН). Еще не поднимался туман от земли, когда унгерновцы со всех сторон обрушились на красных. Никакого боя фактически не было: большинство «доновцев» предпочли сдаться на милость победителей. Пытавшиеся бежать коммунисты и комиссары пали под ударами сабель. В это время Унгерну донесли, что с севера к деревне движется большой отряд красных, не менее 100 бойцов, усиленный артиллерийским дивизионом из 8 орудий. Это был Иркутский комендантский батальон — отлично экипированная и подготовленная красная часть. Артиллеристы унгерновцев еще до начала боя успели затащить два орудия на одну из ближайших сопок и открыли огонь прямой наводкой по позиции красных. Красноармейцы понесли большие потери от шрапнельного огня и скоро утратили способность сопротивляться. Окончательно добила Иркутский батальон атака монгольской конницы во главе с Бишерельту-гуном: не выдержав их атаки, красные стали отходить по склонам сопок на север, но были отрезаны силами 1-го Конного полка… Пленные были выстроены в две шеренги. «Генерал Унгерн обходил пленных, со многими милостиво разговаривал, — вспоминал подполковник Торновский. — Человек 25–30 из числа желающих принял на службу в Азиатскую конную дивизию, остальным приказал похоронить убитых красноармейцев, а раненых взять с собой и с миром идти по домам». Сколько из этой тридцатки пленных, перешедших на сторону Унгерна, было чекистов и провокаторов? Вопрос риторический — ответа на него мы никогда не узнаем. Но то, что

агенты красных внедрились в дивизию Унгерна, показал дальнейший ход событий.

В то время когда Азиатская конная дивизия вела бои у деревни Ново-Дмитриевка, экспедиционный корпус красных под командованием бывшего прапорщика К. И. Неймана перешел советско-монгольскую границу и двинулся на Ургу. В состав корпуса входили бойцы Красной армии, народно-революционной армии ДВР, монгольские революционные части во главе с Сухэ-Батором и Чойбал-саном — всего более 10 000 человек. Корпусу были приданы 20 артиллерийских орудий, 2 броневика и 4 аэроплана. Силы красных значительно превосходили силы всех подчиненных барону Унгерну отрядов, действовавших на территории Монголии и современной Тувы. Прикрытие Урги Унгерн поручил хорунжему Немчинову, выделив ему Тибетский дивизион (всего около 300 сабель) и несколько пулеметов. Отряд Немчинова дал красным частям два боя: на реке Иро и на перевале у Махотая (150 верст к северу от Урги). Естественно, сколько-нибудь серьезного сопротивления красным отряд Немчинова оказать не мог и был разбит. Оставшиеся в живых тибетцы ушли в Ургу к Богдо-гэгэну, а сам Немчинов с несколькими сопровождающими и советником Унгерна монгольским князем Жамболон-ваном двинулись по направлению к озеру Буирнур. По пути Жамболон отстал от Немчинова, не желая бросить свой караван из семи верблюдов, груженных, по выражению Н.Н. Князева «благоприобретенным в Урге имуществом». В результате вместе со своими верблюдами Жамболон нарвался на красных монгол, был ими ограблен и расстрелян. Не позаботился об эвакуации Урги и печально известный комендант города подполковник Сипайлов, думавший лишь о спасении собственной шкуры как от красных, так и от барона. В результате его предательских действий в Урге были оставлены около 200 раненых унгерновцев, а также офицерские семьи. Все они попали в руки советских войск, которые вошли в монгольскую столицу 9 июля 1921 года… В 10 верстах от города представители монгольского революционного правительства и Красной армии были встречены начальником дворцовой гвардии, который приветствовал новых властителей от имени хутухты. По сообщению Монгольского телеграфного агентства (МОНТА), «весь город наполнен гарцующими всадниками, вся Урга была на улицах. Правительство (Монгольское революционное правительство. — *А. Ж.)* и командиры частей (Красной армии. — *А. Ж.)* получили от хутухты в знак дружественного отношения красные шелковые шарфы; беспрерывно являются представители монастырей и других слоев населения, принося подарки и

выражают благодарность за освобождение от банд Унгерна». На состоявшемся позже празднике «победы монгольской народной революции» в процессе «всенародного ликования» значительное количество «белых русских», не успевших бежать из Урги, было принесено в жертву «революционному партизанскому знамени»: «монгольские ленинцы» вырывали из груди у пленных сердца и съедали их. В числе «принесенных в жертву» оказался и начальник белой контрразведки Филимонов. Впрочем, как отмечает историк В. В. Акунов, «пир победителей длился недолго». Главком революционной армии Д. Сухэ-Батор, успевший съездить на поклон «махатме Ленину» в Москву, скоропостижно скончался 20 февраля 1923 года; вероятнее всего, он был отравлен. Премьер-министр, министр иностранных дел Д. Бодо, отважившийся на весьма нелестные отзывы в отношении советских «кураторов» и «советников», был освобожден от всех постов и казнен большевиками в Урге в 1922 году как «контрреволюционер», поддерживавший связи «с американским консулом, Джа-ламой и русскими белогвардейцами». Хатан Баторван Максаржав, которому так доверял барон Унгерн, тоже успел побывать в Москве и вскоре отправился на тот свет также не без помощи яда — в конце 1926 года у него неожиданно развился паралич рук и ног. Через несколько месяцев «неутешные» соратники проводили Максаржава в последний путь. Не пройдет и десяти лет, как Монголия окажется в состоянии глубокого кризиса — политического, экономического, социального. Восстания… Тысячи погибших… Огромный материальный ущерб — поголовье скота сократилось на треть. В1938 году советник НКВД Голубчик докладывал в Москву об «успехах» в строительстве социализма в Монголии: «из 771 монастыря 615 обращены в пыль. Работает 26 храмов. Из 85 тысяч лам числятся в ламах 17 338 человек». Куда же делись остальные 70 000? Наивный вопрос! Остальные — либо арестованы и расстреляны, либо «перешли в светское состояние»… Как отмечалось в заявлении ТАСС (июль 1990 года), «некоторые граждане МНР, включая ряд руководящих деятелей МНРП и членов правительства, были незаконно осуждены и погибли в СССР…» Репрессии начинались под прямым давлением тогдашних советских руководителей и Коминтерна, в них принимали активное участие советские инструкторы и советники. Особый акцент делался на истреблении древних монгольских родов и уничтожении национальных традиций и реликвий. Под руководством советников из НКВД — Чопяка, Голубчика, Кичикова («В начале 1930-х гг. высшее руководство СССР стало вплотную, непосредственно заниматься монгольскими

делами», — указывает современный российский монголовед С. К. Рощин). МВД Монголии, возглавляемое маршалом Х. Чойбалсаном, произвело кардинальную чистку всех монгольских аристократических родов, в том числе и известных потомков рода Чингисхана. Целые семьи уводились в степь, чтобы там расстрелять их и похоронить в безымянных братских могилах. Кого-то из Чингисидов отправили в ГУЛАГ в Сибири, где они работали до смерти или таинственно и бесследно исчезали. Волна гонений уничтожила целое поколение монгольских историков, лингвистов, археологов и других ученых, как-то связанных с темой Чингисхана и Монгольской империи. Примерно в 1960-х годах, спустя 800 лет после рождения Чингисхана, его духовное знамя — сульдэ — исчезло из хранилища, где его держали коммунисты. Вот что пишет об этом американский ученый Дж. Уэзерфорд: «В XVI веке один из его потомков, лама Данабадзар, построил монастырь, предназначением которого было хранить и защищать это знамя. Через бури и потрясения истории, вторжения и гражданские войны пронесли буддийские монахи из тибетской секты Желтых шапок это великое знамя, но и они ничего не смогли противопоставить тоталитарному режиму XX столетия. Монахов перебили, а духовное знамя исчезло». С тех пор о сульдэ Чингисхана нет никаких сведений… [36] Но все это будет много позднее… А мы возвращаемся к барону Р. Ф. фон Унгерн-Штернбергу и его дивизии в лето 1921 года от Рождества Христова…

31 июля под дацаном Гусиноозерским Унгерн наголову разбил регулярные части Красной армии: подразделения красных, с которыми вступила в бой Азиатская дивизия, только что прибыли из Тобольской губернии, где принимали участие в подавлении крестьянского восстания. В бою красные потеряли около 100 человек убитыми, до 400 — пленными. В качестве трофеев унгерновцы захватили 2 артиллерийских орудия, 6 пулеметов, канцелярию полка и денежный ящик. Канцелярию генерал Унгерн приказал не разбирая сжечь. А жаль. Из этих бумаг можно было почерпнуть много полезных сведений, в том числе и о наличии красной агентуры, внедренной в состав Азиатской дивизии. Весьма интересные впечатления, оставшиеся после допроса пленных красноармейцев, передает Н.Н. Князев: «Эти двадцатилетние дети, все новобранцы-сибиряки, с невинным видом поведали нам жуткую повесть о том, как они «расколошматили» своих отцов, боровшихся за кровное крестьянское достояние. Мы искренне удивлялись тогда искусству советского правительства, организовавшего усмирение

крестьян руками их собственных детей».

Пленные были оставлены в Гусиноозерском, причем им был выделен трехдневный запас продуктов. «Не вернулись туда (в Гусиноозерское. —*А. Ж.)* только 24 коммуниста», — сообщает в своих записках Н.Н. Князев. Комсостав полка и политработники были расстреляны. Дивизия оставила дацан и двинулась в дальнейший поход на север по тракту Нижнеселенгинск — Верхнеудинск. В урочище Загустай, в нескольких десятках верст от Верхнеудинска, Унгерн объявил дневку. Стоянка была вызвана не столько потребностью дать отдых людям и лошадям, сколько тем, что надо было принимать ответственное решение и продумать дальнейшие действия. Н.Н. Князев являлся непосредственным участником и свидетелем последних дней Азиатской конной дивизии. Он имел возможность в эти дни лично наблюдать барона Унгерна, беседовать с ним. Именно потому так важны для нас его свидетельства. «Вполне достаточно было 260–280 верст похода по Забайкалью, чтобы посеять в душе барона сомнения в сочувственном отношении казаков к его идее возобновления борьбы против коммунистов. До очевидности также сделалось ему понятно, что весенние восстания повсюду основательно подавлены. Немного, таким образом, осталось надежд на долю барона… Что же ему следовало делать?», — двадцать лет спустя задавался вопросом Князев. Надежды на поддержку извне не было — слухи о предстоящем наступлении армии атамана Семенова вдоль линии железной дороги Маньчжурия — Чита оказались только слухами. Между тем красные продолжали преследование Азиатской дивизии, изматывая ее в многочисленных мелких стычках и боях. Каждый раз после подобных столкновений красные были вынуждены отступать, но дивизия теряла людей. Потери красных во всех вместе взятых боях только убитыми составили не менее 2,5 тыс. человек. Потери же Азиатской конной дивизии, по позднейшим подсчетам, за время всего похода в Забайкалье составили: убитыми — около 200 человек, тяжело ранеными — свыше 50 человек, дезертировавшими — 120 человек. За это время дивизия получила пополнение из перешедших на сторону Унгерна красноармейцев и добровольцев-казаков 120 человек. Следовательно, дивизия в своем составе почти не уменьшилась и была вполне боеспособной. «Но горе было в том, — отмечал один из офицеров дивизии, — что моральный дух в ней был убит, оставалось мало патронов, еще меньше — снарядов…» Случилось самое страшное: произошел моральный надлом людей, в умы офицеров запало сомнение в целесообразности немедленного возобновления борьбы против советской власти. Над дивизией

словно нависла черная туча. Чувство потерянности и безысходности возникало даже у самых близких к Унгерну офицеров. Показательна реакция такого преданного лично Унгерну человека, каким был его заместитель, генерал Резухин. Позже Н.Н. Князев вспоминал услышанные им слова Резухина, обращенные к одному из офицеров: «Будь я проклят, если когда-нибудь и что-нибудь сделаю для них (казаков и крестьян). Я искренне хотел помочь им сбросить большевиков, но — раз они не поддержали нас — пусть сами разделаются с большевиками». Устало помолчав несколько минут, Резухин добавил: «Эх, хотя бы месяц пожить под крышей… А сейчас принять ванну и улечься в постель с чистым бельем»…

«Я был бы очень удивлен, если бы оказалось, что генерал Резухин не мечтал в тот момент об уходе в Маньчжурию…» — замечает Князев. Однако в Маньчжурию Унгерн не собирался. О том, почему для Унгерна был неприемлем поход в Маньчжурию и куда он собирался двигаться на самом деле, свидетельствует один из самых объективных и взвешенных источников — Д. П. Першин: «В сторону Маньчжурии на восток барон Унгерн ввиду расхождения и разногласия с атаманом Семеновым не пойдет, кроме того, у него в Маньчжурии не имелось влиятельных связей, что было видно из того, что, когда в бытность его в Урге он бился как «рыба об лед», ища патронов и предметы военного снаряжения, из Маньчжурии даже обещания снабдить его таковым не получил. При личном докладе автора записок (т. е. самого Першина. — *А. Ж.)* на предложение его обратиться в Маньчжурию за тем или другим, барон только безнадежно махнул рукой и ничего не ответил». Исходя из нескольких бесед с бароном Унгерном, Дмитрий Першин, человек умный и проницательный, представлял себе действия барона следующим образом: «После кяхтинской неудачи у барона была главная мысль пробраться как-нибудь через Урянхайский край в Среднюю Сибирь, т. е. Минусинский край, в русскую гущу Енисейской губернии, а затем оттуда в Западную Сибирь, чтобы среди сибирского крестьянства поднять антибольшевикское (гак в тексте. — *А. Ж.)* движение, но эта затея барона ясно показывала, что он совершенно не знал о том, что творилось в Сибири, где большевики уже укрепили свои позиции и стояли полной ногой». Можно было предположить, что после похода в Забайкалье Унгерн разочаровался в своих надеждах на массовое народное выступление, однако именно в июле-августе 1921 года в Горном Алтае и на Чуйском тракте весьма успешно действовал отряд есаула Кайгородова. Из числа местных крестьян ему даже удалось создать «1-й повстанческий лесной полк». К Кайгородову

присоединился белопартизанский отряд Чегуракова. «Партизанско-повстанческое движение против коммунистов охватило районы Чуйского тракта и верховья рек Чарыш и Песчаная». В этих краях действовали и белоповстанческий отряд енисейских казаков под началом есаула Казанцева, остатки Оренбургского корпуса Бакича и Народной дивизии Токарева. Восстание то затухало, то снова разгоралось, но окончательно было подавлено лишь в самом конце декабря 1921 года. Отряд Кайгородова перезимовал в ущелье реки Аргут, вырыв для спасения от морозов землянки, и весной 1922 года возобновил вооруженную борьбу с коммунистами. Так что в августе 1921 года ситуация на западном направлении отнюдь не представлялась безнадежной.

О желании барона уйти на зимовку в Урянхайский край пишут и другие авторы, непосредственные участники трагических боев августа 1921 года. «По мере того как Унгерн уклонился на запад, по дивизии поползли слухи, что им принято решение уходить в Урянхайский край на зимовку… Можно честно сказать, что весть об урянхайских дебрях была принята с чувством крайней тревоги, в силу простого самосохранения… Никто не ожидал ничего утешительного от похода в тот край. Барон остро интересовался вопросом, пойдут ли за ним в Урянхай. Он спрашивал об этом нескольких офицеров и получал самые бодрые ответы…» — описывал августовские дни 1921 года поручик Н.Н. Князев. А вот свидетельство М. Г. Торновского, оказавшегося в те дни в составе бригады генерала Резухина: «… примерно 8 или 9 августа стало точно известно, что дивизия идет в Урянхайский край. Такая весть была принята всеми чинами дивизии с большой тревогой. Все понимали, что, уходя в Урянхай, они будут обречены на гибель». Давайте здесь остановимся и подумаем: почему все были уверены в предстоящей собственной гибели? Смогли же бойцы отряда Кайгородова перезимовать в глухой тайге? Очевидно, истина кроется в другом: подавляющее большинство чинов Азиатской дивизии разуверилось в успешности борьбы с большевизмом и не разделяло амбиций барона на продолжение войны. Во всяком случае, в данный, конкретный момент. Все также понимали, что «дедушка» от своего не отступится — он будет воевать с коммунистами до конца, пока не найдет свою смерть или… Или не победит их! Но в такой исход событий, похоже, не верил никто. Бессмысленно (как казалось господам офицерам — именно они были движущей силой брожения) погибать под красными пулями и шашками также никто не хотел. Война забрала у людей все силы, а фанатизма и убежденности барона Унгерна у них, увы, не

оказалось. Они не готовы были идти с бароном ни в Урянхай, ни в Тибет, ни куда бы то ни было — только в Маньчжурию, на восток, где ждали отдых, чистые постели, женщины…

Кстати, откуда взялась так называемая тибетская версия дальнейшего движения Азиатской дивизии? Ее приводит в своих воспоминаниях Н. М. Рябухин (писавший под псевдонимом Рибо), выходец из оренбургских казаков, бывший одно время личным врачом атамана Дутова, служивший в отряде генерала Бакича. Николай Рябухин, по-видимому, представлял собой фигуру типичного русского либерала, любящего умные разговоры за стаканом чая, завышенно оценивающего собственные способности и прекрасно разбирающегося во всех вопросах бытия. Барон Унгерн интуитивно определил сущность Рябухина во время первой встречи: «Это правда, что вы убежденный социалист? — Нет, неправда Ваше Превосходительство… В рядах вашей дивизии служат несколько моих приятелей-селян, оренбургских казаков, которые давно знают меня. Они хорошо знают… каково мое отношение к крайним партиям и большевикам…

Барон на минуту задумался, наконец, отведя глаза от моего лица. «Хорошо, — в конце концов бросил он. — Я не особенно доверяю Дутову и остальным из этой шайки. Все они кадеты и шли в одной упряжке с социалистами… Во всяком случае… я не потерплю никакой преступной критики или пропаганды в моих войсках!»

После этой встречи Рябухин возненавидел Унгерна. Этой ненавистью наполнена буквально каждая страница его воспоминаний. Не случайно Рябухин оказался одним из организаторов заговора против Унгерна и даже взял на себя руководство уничтожением ближайшего окружения барона. В своих воспоминаниях он пытался оправдать участие в заговоре тем, что не мог вынести многочисленных жестокостей Унгерна. Непосредственно Рябухин в конкретных действиях заговорщиков участия не принимал, поскольку, по отзывам сослуживцев, был патологическим трусом. Так и во время антиунгерновского мятежа «Рябухин струсил и не выполнил своих обязательств». В воспоминаниях Рябухин рассказывает, как ночью к нему пришел его земляк и сослуживец по армии Дутова Иван Маштаков, которого незадолго до этого барон произвел в офицеры. Маштаков рассказал, что подслушал разговор Унгерна и Резухина, из которого понял, «что барон хочет вести дивизию через пустыню Гоби в Тибет с тем, чтобы поступить на службу Далай-ламе в Лхасе. На робкое возражение Резухина, что дивизия вряд ли способна пересечь пустыню и будет обречена на гибель от недостатка воды и продовольствия, барон цинично заметил, что

людские потери его не пугают и что это его окончательное решение…» Конечно, Рябухин — источник крайне ненадежный; к тому же он мнил себя человеком творческим, писал «с фантазиями», на что позже указывал и Н.Н. Князев. Уже в наши дни «тибетская версия» вызвала множество спекуляций и фантастических версий. Приведем здесь лишь одну из многочисленных современных сказок, посвященных Унгерну. Эту историю отличает безусловный авторский талант. Прозвучала на волнах уже несуществующего «Радио 101» в программе «Finis mundi», которую вел ныне известный политолог Александр Дугин.

«Унгерн поднялся, принес карты, развернул их. Положив одну на траву, бамбуковой тростью начертил воображаемый маршрут и сказал, обращаясь к своему верному помощнику генералу Резухину:

— Побольше фантазии, Борис Иванович. Мы поднимаемся вверх по Селенге. Тем хуже для Урги. Надо выбирать. В Западной Монголии скрываются остатки белых армий. Они начнут стекаться к нам. Не все же атаманы и казаки умерли. И мы вместе идем дальше на запад. Сейчас мы на Алтае. Горы, пещеры, ущелья, пастухи, которые все еще верят в воплотившегося бога войны. Мы без труда сможем перейти границу Западного Туркестана.

— В Синцзяне тебя тут же арестуют китайцы.

— Мы быстро с ними расправимся и пойдем дальше. На юг. Надо пройти через весь Китай. Тебя пугает такая перспектива, Борис Иванович? Но страна разваливается, революция там в самом разгаре. Единственное, с кем мы можем столкнуться, — это трусливые мародеры и дезертиры. Всего какая-то тысяча километров, и мы — в неприступной крепости. И можно начать все сначала. Абсолютно все.

— Тибет?

— Да. Крыша мира. В Лхасе — далай-лама, высший жрец буддизма. По сравнению с ним хутухту занимает третью ступень иерархии. Я с самого начала допустил ошибку: центр Азии не совсем в Монголии. Это только самый внешний круг — щит. Нам надо идти в Тибет.

Он исступленно колотил бамбуковой тростью по карте там, где была горная цепь Гималаев.

— Там, на вершинах, мы найдем людей, которые еще не забыли своих арийских предков. Там, на головокружительной границе Индии и Китая, возродится моя империя. Мы будем говорить на санскрите и жить по принципам Ригведы. Мы обретем забытый Европой закон. И вновь засияет свет Севера. Вечный

закон, растворившийся в водах Ганга и Средиземноморья, восторжествует.

Барон поднялся. Глаза его сверкали. Голос срывался на хрип. Ввалившиеся от усталости щеки покрывала светлая щетина. Он откинул волосы со лба, обнажив огромных размеров лоб. Одинокой и хрупкий командир поглощенного тьмой веков народа. Он продолжал:

— Мой орден будет на вершинах гор. Между Непалом и Тибетом я открою школу, где буду учить силе, которая нужна еще больше, чем мудрость.

С лихорадочно-блестящими глазами он прокричал:

— Все готово! Меня ждут в Лхасе! Я открою секрет рун, пришедших с Севера и спрятанных в тайниках храмов. Мой Орден монахов-воинов превратится в еще невиданную доселе армию. И Азия, Европа и Америка затрепещут…

— Нет, — сказал Резухин, — нет.

Впервые маленький генерал посмел восстать против Унгерна. Но на этот раз это было выше его сил. Он больше не мог безоговорочно подчиняться. И забыл о дисциплине и дружбе. Его руки дрожали, а глаза наполнились слезами. Он снова повторил:

— Нет, Роман Федорович! Нет.

Барон вздрогнул и посмотрел на него. Казалось, что это «нет» внезапно разрушило его мечту: так неожиданно сорвавшаяся лавина сметает приютившийся над обрывом буддийский храм, и он летит в пропасть с мельницами для молитв и бонзами в шафрановых одеяниях.

— Мне не дано понять твоих планов, — объяснил Резухин. — Я знаю только одну армию — царскую. И одну религию — христианство. Но дело не в этом. А в том, что мы никогда не дойдем до Лхасы. Посмотри на карту. Нам не преодолеть китайского Туркестана. А Маньчжурия от нас в двух шагах. Достаточно только захотеть и пойти на восток.

— Никогда! — закричал Барон. — Только Тибет…

Унгерн почти один. С ним кучка тех, кто не погиб и остался верен. Чья честь, как и у него, тоже верность. Унгерн едет по алтайским нагорьям на любимой кобыле Маше и видения охватывают его…

> «Вот над монастырем-крепостью развевается золотой стяг с подковой и солнечным знаком Чингисхана. Волны Балтийского моря разбиваются о громаду Тибета. Восхождение, вечное восхождение на Крышу Мира, где царят свет и сила. Восхождение…»

Серая лошадь споткнулась о камень. И мечта тут же исчезла,

поглощенная маревом, окутавшим знойную землю».

Один из наиболее глубоких исследователей истории Гражданской войны А. С. Кручинин в своих рассуждениях и выводах не столь «романтичен» и «экзотичен», но зато куда более убедителен, опровергая «тибетскую версию».

«Посмотрим, однако, хотя бы на географическую карту. Во всех передвижениях Азиатской конной дивизии после отказа от прорыва к Верхнеудинску наблюдается… ярко выраженный «дрейф» на юго-запад. Помимо условий местности, где теснины ограничивали свободу передвижения колонны и в известной степени задавали его направление, причинами могли стать и догадки генерала, что большевики будут ловить его в районе Урги и восточнее, и, конечно, планы дальнейших действий. Но Тибетом здесь, очевидно, и не пахнет.

Помимо того что пришлось бы преодолеть расстояние чуть ли не в две с половиной тысячи верст через солончаки Монголии, зловещие пески Гоби и неприступные горные хребты, — не слишком ли это даже для Унгерна?! — для продвижения в Тибет ему следовало идти на юг, а не на юго-запад, где на пути сразу бы вставали дополнительные препятствия в виде хребта Хангай и Монгольского Алтая; а ведь география Монголии, в отличие от далекой горной страны, была известна достаточно неплохо. Именно общее направление движения дивизии, существование в Кобдо и Улясутае подчиненных Унгерну группировок… позволяют с большой долей уверенности реконструировать стратегическую идею, генерала».

В уже упоминавшемся нами некрологе, посвященном памяти барона Унгерна и опубликованном на страницах пражской «Русской мысли» в 1922 году, упоминается еще один вариант движения Унгерна — в направлении границы с Туркестаном. «Туркестанский вариант» по-настоящему никогда и никем не анализировался; однако заметим, что в Средней Азии вооруженная борьба с советской властью продолжалась с переменным успехом вплоть до начала 1930-х годов. К совместной деятельности с силами, подчинявшимися вождям среднеазиатских племен, Унгерн всегда проявлял повышенный интерес. Чрезвычайно внимательно относился барон и к религиозным нуждам мусульман, служивших под его началом, — в мусульманских подразделениях имелись муллы, на время религиозных праздников отменялись любые занятия. Вспомним также и роман П. Н. Краснова «За чертополохом» — восстановление монархической власти в России начинается именно с Туркестана и Средней Азии…

Однако, рассуждая о планах барона, мы не можем исключить

и некоего «компромиссного варианта», подобного тому, что излагает в своей книге «Легендарный барон» Н.Н. Князев. По его мнению, мысль об отступлении в Тибет могла прийти Унгерну в тот момент, когда он, преданный собственными офицерами, пережив покушение, оказывается среди монгольских всадников, казалось бы, сохранивших верность своему командиру. Князев пытается реконструировать ход размышлений барона: «Не все еще потеряно, — вероятно, думалось барону, вновь охваченному никогда не покидавшей его энергией. — Ведь со мной целый, в сущности, полк верного мне князя и десятка два казаков — русских и бурят, готовых разделить мою судьбу до конца. Я пойду с ними в Тибет. Там живут воинственные племена, не чета этим вот монголам, разбежавшимся от нескольких выстрелов взбунтовавшихся дураков. Я объединю тибетцев. Мне поможет далай-лама, которому не напрасно же я послал в подарок 200 000 даянов…» Таков был, вне сомнения, ход мыслей барона, потому что за чаем, остро смотря в глаза, Унгерн в упор спросил монгольского князя: пойдет ли тот за ним в Тибет?» Таким образом, возможное решение барона двинуться в Тибет оказывалось спонтанным, вызванным предательством и бунтом собственных войск. Но все эти разные версии мы можем принимать или отвергать с большей или меньшей долей вероятности — в мысли барона Унгерна нам проникнуть не дано. Несомненным было одно: подавляющее большинство русских и монгольских офицеров, казаков, всадников не хотели идти ни в далекий и непонятный Тибет, ни в суровый Урянхайский край; оба варианта были для них неприемлемыми, им хотелось лишь одного — уйти в Маньчжурию, вырваться наконец из тисков этой опостылевшей войны.

Заговор против барона Унгерна возник среди офицерской верхушки Азиатской конной дивизии. Цель у заговорщиков была одна — убить Унгерна и уходить на восток. Заговорщики прекрасно понимали, что барон никогда им не подчинится. Офицерский заговор против Унгерна и последовавшие за ним мятеж, убийства преданных барону людей удивительно напоминают события февраля-марта 1917 года — генералы вкупе с «общественностью» против императора Николая II, вооруженный бунт, те же убийства не пожелавших изменить присяге… Очевидно, что алгоритмы любого предательства, начиная с предательства Иуды, оказываются удивительно схожими.

Во главе офицерского заговора встали полковники Евфаритский, Хоботов, Костромин, Кастерин, есаул Макеев, войсковой старшина Львов, сотник Маштаков, роль

«общественности» исполнял доктор Рябухин, взявший на себя также и «идеологическое обеспечение» заговора. Многие из этих офицеров были выдвинуты самим бароном, получили из его рук свои звания и награды. Еще раз напомним читателям об активных действиях агентов красной разведки, оказавшихся в ближайшем окружении барона. «При заметном числе в рядах дивизии пленных красноармейцев и не подвергавшихся серьезному отбору русских беженцев из Урги присутствие среди унгерновцев советской агентуры отнюдь не выглядит чем-то нереальным, и если она действительно существовала, то работала весьма успешно», — пишет А.С. Кручинин. Его предположения подтверждают воспоминания поручика Н.Н. Князева о последних днях Азиатской дивизии, буквально физически ощущавшего нарастание внутреннего напряжения: «В унгерновском лагере было отнюдь не благополучно… В солдатской среде шло брожение, которое впервые проявилось числа 15 августа… 18 августа тревожные симптомы настолько усилились, что многие из офицеров не могли не почувствовать это нарастание опасных настроений. Татары-пулеметчики, например, предупредили своего командира, что кто-то подал в полках идею перебить всех офицеров и уходить на Дальний Восток: «Но ты, г. капитан, не бойся, мы спрячем тебя и не выдадим», — говорили татары… Иными словами, в бригаде барона Унгерна к вечеру 18 августа сложилась типичная для гражданской войны картина разложения воинской части. Дальше должен был последовать неизбежный взрыв».

Первым был убит верный барону генерал Б. П. Резухин. Именно безграничная преданность своему командиру стоила Резухину жизни. Интересны слова, которыми один из заговорщиков, полковник Кастерин, обосновывал необходимость убийства своего начальника: «Всем нам, господа, жаль Резухина, но что же делать? Если он останется в живых, разве мы можем поручиться, что он согласится на наше требование вести нас на Дальний Восток? Если он не расстреляет нас теперь, то, вероятно, уничтожит при первой возможности. Поэтому пусть лучше умрет один Резухин, чем погибнут многие».[37] Итак, маховик предательства, запущенный в феврале 1917 года, вполне логично привел к подобной «бухгалтерии», которой никогда не знало русское офицерство. Чувство самосохранения оказалось сильнее таких понятий, как Честь, Долг и Верность. На убийство Резухина, которого застрелили среди группы окружавших его казаков, практически никто не отреагировал. Лишь личный адъютант генерала, ротмистр Нудатов, выхватил наган, чтобы застрелить убийцу, но один из заговорщиков, войсковой старшина Слюс,

схватил ротмистра за руки со словами: «Успокойтесь, успокойтесь, все кончено…» И Нудатов в состоянии полной прострации отошел в сторону. «Офицеры и казаки разошлись по сотням, словно ничего особенного не случилось, будто всему именно так и надлежало произойти», — вспоминал позже один из очевидцев расправы над Резухиным. Случившееся очень напоминало картины расправ с «реакционными» генералами и офицерами в дни «великой бескровной» 1917 года… Возглавивший бригаду Резухина полковник Кастерин повел бригаду в Маньчжурию, правда, побросав в спешке пулеметы, пушки и даже вьючный обоз.

О планах заговорщиков в отношении Унгерна свидетельствует один из вдохновителей мятежа, врач Рябухин: «Попытаться застрелить барона, убив также Бурдуковского, ординарцев-экзекуторов и тех людей из комендантской команды, кто был наиболее предан Унгерну. Это следовало сопроводить обстрелом лагеря комендантской команды из пушек, что должны были сделать наши артиллерийские офицеры. Мы планировали арестовать старого полковника Дмитриева, если он воспротивится заговорщикам». Подчеркнем, что все это происходило фактически под носом у красных, которые «сидели на хвосте» унгерновской бригады. Отнюдь не о войне с большевиками думали замыслившие убийство своего командира офицеры (хотя те из них, кому посчастливилось остаться в живых, в своих эмигрантских сочинениях и воспоминаниях настойчиво выставляли себя убежденными «врагами большевиков» и всячески подчеркивали собственные «выдающиеся заслуги» перед Белым движением), а о том, как ценой предательства спасти собственную шкуру. В ночь с 18 на 19 августа была обстреляна палатка Унгерна, стоявшая в лагере на особицу. Один из участников событий вспоминал, что в палатку даже бросили две гранаты. Однако заговорщики настолько трусили, что не смогли попасть в барона. Ни пули, ни осколки Унгерна не задели. Через некоторое время издали донесся знакомый высокий и резкий фальцет барона. Практически все свидетели этой страшной ночи вспоминали, что голос Унгерна произвел на всех отрезвляющее впечатление, стрельба, шедшая по всему лагерю, прекратилась. «Все замерли, — вспоминал М. Г. Торновский, — каждый в тот момент подумал в магическом зачаровании: «Барон, вот пойдет-то расправа!» Таково было первое впечатление от неожиданного появления Унгерна. Командующий попытался восстановить порядок, организовать собравшиеся к выступлению части. Унгерн скакал вдоль лагеря на своей серой кобыле Машке. Возле артиллерийского дивизиона заметил полковника Дмитриева и

осадил лошадь. «Ты куда собрался бежать? Испугался того, что несколько дураков обстреляло мою палатку? Поворачивай назад! Не в Маньчжурию ли тебе захотелось?» И пушки, уже вывернувшие на дорогу, по воспоминаниям очевидца, стали послушно загибать в сторону своей бивачной стоянки.

Однако те, на кого мог бы положиться барон, были убиты во время первоначальной суматохи. Погиб известный Бурдуковский, о смерти которого никто не сожалел, погибли ординарец Унгерна прапорщик Перлин, вахмистр Бушмакин, командир японской сотни капитан Белов. Н.Н. Князев писал о гибели верных Унгерну офицеров: «Если Бурдуковский и К поплатились за свое усердие в исполнении смертных приговоров, то убийство Белова не может быть оправдано никакими доводами. Белов, державшийся с большим достоинством, боевой офицер… виновен лишь в том, что к нему, как образцовому офицеру, барон начал за последнее время посылать офицеров на исправление». В данном случае Князев недоговаривает: Белов был «виновен» перед заговорщиками в том, что оставался верным воинской присяге и своему командующему, т. е. среди десятков так называемых офицеров он повел себя как настоящий белый воин и русский офицер.

Возле пулеметных команд навстречу Унгерну выскочил есаул Макеев, ранее убивший капитана Белова, и несколько раз выстрелил в барона из револьвера. Пули снова даже не задели Унгерна. Унгерн вздыбил кобылу, сделал крутой разворот и скрылся в тумане предрассветного утра. Он оставил свою дивизию теперь уже навсегда. После ночной неразберихи (многие думали, что на лагерь напали красные партизаны) заговорщики предложили возглавить 2-ю бригаду арестованному ранее начальнику штаба Островскому. Было решено идти в Хайлар, где находился старый друг барона — китайский генерал Чжан Куню[38]…

Ранним утром 19 августа барон Унгерн прискакал в расположение своих монгольских частей, которые после ночного панического бегства из лагеря приводили себя в порядок на обширном лугу на берегу небольшой речки, впадающей в Селенгу. Он оставался в монгольском отряде Бишерельту-гуна (или Сундуй-гуна) от одного до двух дней. С бивака, откуда в роковую ночь 19 августа спешно снялась 2-я бригада, было подобрано брошенное имущество, оружие. Последним из русских, кто видел барона, был командир монгольского отряда хорунжий Шеломенцев. Именно ему приказал Унгерн пригнать к стоянке гурт овец, брошенный ушедшей бригадой, и выдать монголам мяса столько, сколько они смогут съесть. Унгерн продолжал

верить в надежность монгольских всадников, для которых он был избавителем от китайского владычества. Воевать с красными у монголов не было никакого резона, но сопровождать его в Тибет, полагал Унгерн, они вполне могли. Однако у монголов были совершенно другие планы: как и все восточные люди, они полностью преклонялись перед силой. Сила явно была теперь не на стороне Унгерна. По словам Шеломенцева, Унгерн предложил русским офицерам выбор: оставаться вместе с ним или двинуться вслед за ушедшими частями в Маньчжурию. Шеломенцев и два офицера изъявили желание покинуть барона. Унгерн не выказал никакого неудовольствия, простился с офицерами и пожелал им счастливо добраться до своих семей. Теперь с ним оставались только прапорщики Попов и Шишилихин, 18 нижних чинов из русских и бурят и 3 ординарца штаба дивизии. То, что случилось в дальнейшем, приблизительно одинаково описывают (с незначительным отклонением в деталях) разные мемуаристы. Предоставим слово М. Г. Торновскому, дающему более подробную картину:

«Через два дня Шеломенцева догнали три офицера и три казака… 21 августа на походе к генералу Унгерну подошел пешим Бишерельту-гун и попросил у генерала спички… Унгерн отпустил повода на шею коня и стал шарить в карманах тарлыка… Использовав беспомощное положение на седле генерала Унгерна, Бишерельту-гун ловким движением стащил его с седла. Монголы связали Унгерна по рукам и ногам крепкими сыромятными ремнями, оставили палатку, положили в нее бога войны, укрыли тарлыком.

Покончив с генералом Унгерном, монголы принялись избивать русских инструкторов и перебили всех кроме тех трех офицеров с вестовыми, кои увидали первыми поступок монголов с генералом Унгерном и, предчувствуя беду, «стреканули» в кусты…» Отметим только еще раз полное бездействие офицеров, оставляющих своего командира в руках врага. Действительно, с таким людским материалом даже мечтать о победе над красными не приходилось… Это было последнее предательство, с которым довелось столкнуться генералу Р. Ф. Унгерн-Штернбергу. Неоднократно цитировавшийся нами А. С. Кручинин отметил чрезвычайно важную деталь в характере барона: «Он сам был жесток, и нередко — чрезмерно и неоправданно, он мог под влиянием минутной вспышки расправиться со своими же, но он никогда не предавал доверившихся ему людей…»

22 августа (по другим сведениям, 20 августа) 1921 года небольшой красный разъезд (17 человек) атаковал превосходящий отряд монголов (до 80 человек). Связанный

Унгерн, увидев приближение красных, во весь голос кричал монголам команды: «Рассыпаться в цепь! Красные идут, в цепь!» Как указывал в своем докладе командир красных, «военком Щетинкин»: «Растерявшиеся монголы от неожиданности парализовались, что и способствовало захвату всех без потерь». Даже будучи безоружным и плененным, барон Унгерн продолжает вести с красными свой последний бой. Этот бой не закончился и после того, как связанный барон перешел в руки своих врагов (хотя назвать и предателей-монголов «друзьями» язык не поворачивается). Ему предстоит еще одно сражение — уже без оружия и на красной территории.

Глава 14
Последняя глава, или Большевицкий театр

Обстоятельства последнего месяца жизни барона Унгерна известны нам исключительно по советским источникам: протоколы допросов («опросные листы») «военнопленного Унгерна», отчеты и рапорты, составленные по материалам этих допросов, доклады и донесения в Центр и, наконец, материалы судебного заседания по «делу бывшего начальника Азиатской конной дивизии генерал-лейтенанта Романа Федоровича барона Унгерна фон Штернберга». Насколько мы можем доверять подобным источникам? Протоколы допросов, отчеты, доклады, которые составлялись красными «для внутреннего потребления», в какой-то мере могут служить объективным источником информации, характеризующим самого барона Унгерна и проливающим некоторый свет на обстоятельства его последних дней. Необходимо помнить только следующее: никакого равного, откровенного и «задушевного» разговора у Унгерна с большевиками быть не могло. Красные оставались для него врагами, и с ними барон продолжал вести свою войну вплоть до финального залпа расстрельной команды. Читая протоколы допросов, необходимо «держать в уме» не только то, о чем Роман Федорович говорит со своими визави, но то, о чем он предпочитает умалчивать, чего недоговаривает. Что же касается материалов судебного дела, с ними все более или менее ясно. Революционный советский «суд» изначально не задумывался как классический «буржуазный» судебный процесс, во время которого две равных стороны — обвинение и защита — пытаются установить некую истину, выяснить степень вины или же невиновности подсудимого. Любой приговор, вынесенный советским «правосудием» по политическим делам, носил сугубо пропагандистские функции: он должен был «послужить хорошим уроком» всем возможным контрреволюционерам, чтобы «все бароны, где бы они ни были, знали, что их постигнет участь барона Унгерна». В отношении барона П. Н. Врангеля эти слова прозвучали мрачным пророчеством… Суд, а вернее судебный фарс над Унгерном, являлся простой формальностью — его решение было предопределено, они принималось на политическом уровне и на самом «верху».

Рассказывая о последних днях жизни барона Унгерна, мы

будем весьма часто пользоваться словом «говорят». Данное слово, наверное, не слишком хорошо характеризует историка — раз он употребляет выражение «говорят», значит, сам ничего точно не знает. Но мы действительно не знаем, просто не можем знать доподлинных фактов и обстоятельств последних дней жизни Романа Федоровича. Он находился в руках врагов, и те совсем не желали оставлять о бароне какую-нибудь память. С точки зрения большевиков, само имя барона Унгерна вообще лучше всего было бы вычеркнуть из русской истории вместе с прочими «царями и графьями» и оставить там только Ленина, Свердлова, Троцкого, мифического «рабочего Василия» и прочих пролетарских «героев». Но если не получается вычеркнуть совсем, то необходимо нарисовать образ барона, по словам Михаила Булгакова, «самыми черными красками». Еще при жизни барон Унгерн стал превращаться в живую легенду, в миф, дань которому отдали даже сами большевики, — вспомним песню о «черном бароне». А пересказ легенды вполне уместно начать этим словом — «говорят».

Итак, говорят… Говорят, что когда красные вместе с плененным бароном переправлялись через одну из речек, Унгерн сделал попытку утопиться, но захватившие его красноармейцы не допустили этого и в целости доставили барона в штаб партизанского командира Щетинкина…

… Говорят, что когда Щетинкин, храбро воевавший во время Великой войны и ставший георгиевским кавалером, увидел связанного Унгерна, он приветствовал его восклицанием: «Здорово, барон!» Унгерн тяжелым взглядом окинул с ног до головы расфранченного красного командира с офицерским Георгием на груди и ответил: «Был ты Щетинкин, а теперь подлец!» (Подругой версии, вместо «подлеца» барон Унгерн употребил непечатное слово.)[39].

… Говорят, что барона перевозили в открытом автомобиле, сопровождаемым двумя сотнями всадников из Кубанской дивизии в лихо заломленных папахах, с развевающимися красными башлыками…

… Говорят, что большевики, бывшие большими любителями по части театральных эффектов, или, как ныне модно говорить, «инсталляций», посадили Романа Федоровича в звериную клетку, установили ее на открытую платформу и таким образом доставили его в Новониколаевск. Вовсе не из-за того, что они испытывали какое-то уважение к воинским доблестям барона, а для пущего театрального эффекта они оставили Унгерну и генеральские погоны, и Георгиевский крест, чтобы, по выражению Н.Н. Князева, «преподнести почтеннейшей публике заключенного

в клетку «человека-зверя» в самом лучшем его оформлении»…

(Отметим, что рассказ о клетке для Унгерна, содержащийся в книге Н.Н. Князева «Легендарный барон», также приводится и в записках В. И. Шайдицкого «На службе Отечества». Другие известные нам источники о «клетке для барона Унгерна» не упоминают. Однако, учитывая любовь большевиков к устроению различных «красных карнавалов», «мистерий-буфф» и прочих «игрищ бесовских», подобной «инсценировки» перевозки пленного белого генерала нельзя исключать. Для сравнения посмотрим, как было «оформлено» сожжение тела генерала Корнилова большевиками, захватившими весной 1918 года станицу Елизаветинскую. Вот как, со слов очевидца, описано это событие в газете «Уральская жизнь» от 26 июня 1919 года, выходившей в Екатеринбурге: «2 и 3 апреля, после отхода корниловской армии из-под Екатеринодара, большевики, прибыв в станицу Елизаветинскую, убедились воочию, что Корнилов похоронен в местной церковной ограде… Торжеству большевиков не было конца, и сейчас же было решено отправить тело… в Екатеринодар для обозрения «революционным народом.

… 3 апреля по Красной улице двигалось шествие, своим видом отодвинувшее нашу жизнь на несколько сот лет назад, в Средние века… Окруженные всадниками в красных костюмах с густо вымазанными сажей лицами, с метлами в руках медленно двигались дроги. На них покрытый рогожей лежал в нижнем белье труп генерала Корнилова, как громко возвещали народу прыгавшие вокруг дикари. Запряженной в дроги лошади вплетены были в гриву красные ленты; а к хвосту прикреплены генеральские эполеты. Вокруг телеги толпа баб, разукрашенных красными лентами, с метлами, кочергами и лопатами, дальше — мужчины с гармошками и балалайками… Все это пело, играло, свистело, грызло семечки и улюлюкало. Процессия медленно двигалась по улице; желающие… плевали и глумились над трупом, предвкушая удовольствие от картины сожжения трупа. Наконец, труп подвезли к вокзалу Черноморской ж.д.; толпа волнуется, все хотят посмотреть, как будут сжигать на костре генерала. Бабы с детьми пробираются вперед, труп снимают с повозки и кладут на штабель дров, облитых керосином… Через несколько времени толпа начинает расходиться от удушливого дыма; более любопытные остаются у костра». Добавим только, что именно против такой толпы барон Унгерн и воевал вполне адекватно — средневековыми же методами.)

… Говорят, в Иркутске барону большевики, «точно хватаясь, показывали ему ряд присутственных мест, где их бюрократическая машина шла полным ходом. Барон на все с

любопытством смотрел и часто, выходя из учреждений, резко и громко замечал: «Чесноком сильно пахнет, зачем у вас столько жидов?» (Д. П. Першин).

… Говорят, что на судебном процессе над бароном Унгерном в Новониколаевске присутствовало несколько корейцев, прежде служивших в Азиатской конной дивизии и специально посланных из Харбина «на разведку о судьбе барона» бывшим командиром Корейского батальона подполковником Н. Ф. Кимом.[40] Вернувшись, они рассказывали, что во время суда барон издевался над судьями и большевичкой властью до тех пор, «когда один из комиссаров подошел сзади к генералу и выстрелил ему в затылок».

… Говорят, что барону в ночь перед расстрелом удалось бежать из тюрьмы при помощи преданных ему лиц, а вместо барона чекисты расстреляли очередного смертника, каковых у них всегда в запасе было довольно… Говорят, что после побега барон сильно опростился, одевался под простого мужика и примкнул к тайной дружине «Сынов России». Пока барон выжидает — он хочет вновь поднять белое знамя лишь тогда, как только для этого наступит подходящий момент: народ успокоится, разочаруется в большевизме и поймет, что тот выпущен «в мир» тайными врагами России, работавшими под эгидой масонства, ибо масоны боялись России как оплота православия и монархизма, как символа единения и силы.

… Говорят, что барон был спасен от расстрела красным командармом Василием Блюхером. Мучаясь от нехватки профессиональных военных, Блюхер предложил Унгерну роль «военспеца», а потом помог бежать через Китай в Бразилию. Там европеец, похожий на барона Унгерна, заслужил своим отчаянным бесстрашием прозвище Tiger man. По поводу последней легенды справедливо заметила Инесса Ломакина, автор книги «Грозные Махакалы Востока»: «Наши чекисты не стреляли мимо». От себя заметим: «Красные командиры» благородству и чести не были обучены и почитали их за «старорежимные штучки». Собачья преданность родной партии и животный страх перед нею заменяли блюхерам и Ворошиловым все.

Что мы сами можем вынести из строчек протоколов допросов барона, записанных полуграмотными советскими писарями? Из них мы можем сделать один весьма важный вывод, характеризующий Р. Ф. Унгерна прежде всего нравственно: барон ни о чем не просил красных и никого не предал. Унгерн спокойно говорит о своих монархических взглядах, о своих политических убеждениях, нисколько не раскаивается в них. Он говорит: «… из

монархистов только я один на целом свете». Он не желает подстраиваться под допрашивающих, не льстит им. На вопрос: «Каково ваше впечатление от нашей пехоты и конницы?» — весьма язвительно отвечает: «Даже обидно видеть, до чего русские дошли: мелкие, маленькие ростом». На конкретные вопросы, касающиеся боевого состояния белых частей, их взаимодействия, характеристики и местонахождения отдельных, известных Унгерну лиц, отвечает уклончиво и, по сути дела, не говорит ничего.

«Вы получали пополнение из Маньчжурии?» — «Нет, вы ошибаетесь, ни одного патрона не получал». — «Где сейчас Мациевский?» — «Не знаю». — «Где находится профессор Оссендовский?» — «Он был очень короткое время». — «Когда вы вели бой на Калганском фронте, вы часть своих сил оставили там?» — «… Теперь не знаю. С мая месяца потерял с ними всякую связь». — «Как вы думаете, что с этой группой?» — «Никакого представления не имею». — «Имеете ли вы связь о своими старыми соратниками в Забайкалье? Вы посылки к ним отправляли. И посылка 10–12 человек в Селенгинский район… Было это с разведывательной или политической целью?..» — «Нет, никого не посылал». — «Вы подчинили себе Кайгородова, Казанцева; Бакича — не удалось… На что теперь они могут рассчитывать?» — «Судьба играет роль. Приказ остается бумагой». И такие многозначительные ответы «ни о чем» даются Унгерном практически на любой конкретный вопрос: «Численность своей дивизии определить точно не может, штаба у него не было, всю работу управления исполнял сам и знал войска только по числу сотен». «Действовал вполне самостоятельно и связи в полном смысле слова ни с Семеновым, ни с японцами не имел». «Управлял своими войсками единолично и непосредственно путем отдачи приказаний лично или через ординарцев». «Точную численность при выходе с Совтерритории не знает, также не имел штаба и учета не вел». «… Подчиненных ему начальников не знает, лишь Бакича. Оставшиеся в Монголии отряды… возможно, разбегутся». «В Гусиноозерском дацане было зарыто несколько винтовок, число не помнит. Винтовки были лишние, и этим цели никакой не преследовал».

«Рассуждая о чем угодно, — пишет А. С. Кручинин, — Унгерн незаметно для своих собеседников, которые так, кажется, об этом и не догадываются, отводит любые вопросы, связанные с состоянием дивизии, бывшим и нынешним, и реальными планами координации действий от Кобдо до Владивостока».

Примечателен и еще один факт: и во время следствия, и во время судебного процесса всю ответственность за карательную

политику, проводимую против красных и их пособников, Унгерн единолично берет на себя, не списывая ничего на своих подчиненных. «Я приказал расстрелять бывшего начальника Монгольской экспедиции Гея — он был аферист, я расстрелял Казагранди — он был вор, и многих им подобных…» — «Кто отдал приказ расстрелять служащих Центросоюза?» — «Я». — «Почему?» — «Они служили советской власти». Лишь на совершенно провокационный вопрос: «Вам известно было, что трупы людей перемалывались в колесах, бросались в колодцы и вообще чинились всякие зверства?» — барон отвечает: «Это неправда». Однако правда советское правосудие нисколько не интересует. Все давно уже решено. Об этом, не стесняясь, говорит в своей речи обвинитель Ем. Ярославский: «Трудно сомневаться в том, каков будет приговор революционного трибунала… Приговор, который сегодня будет вынесен, должен прозвучать как смертный приговор над всеми дворянами, которые пытаются поднять свою руку против власти рабочих и крестьян… Дворянство… является в настоящее время совершенной ненормальностью… это отживший класс… это больной нарыв на теле народа, который должен быть срезан».

Вопрос о судьбе Унгерна решало большевицкое Политбюро (ПБ) и лично Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин. Он передает по телефону для членов ЦБ: «Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять». Пометка рукою Троцкого: «Бесспорно. Троцкий». Пометка технического секретаря ПБ: Сталин не возражает, Каменев, Зиновьев согласны… Политбюро постановило: решение высшей партийной инстанции практически дословно совпадает с ленинской телефонограммой.

Историк Е. А. Белов так прокомментировал вмешательство Ленина в определение судьбы барона Унгерна: «17 января В ЦИК и Совет народных комиссаров приняли постановление об отмене смертной казни в отношении врагов советской власти. Видимо, Ленин не хотел, чтобы «публичный суд» воспользовался этим постановлением и оставил Унгерна в живых». Отметим только, что никакие «постановления ВЦИК и СНК об отмене смертной казни» не помешали большевикам в декабре — январе 1920/21 годов хладнокровно вырезать в Крыму несколько десятков тысяч белых офицеров, сложивших оружие и принявших решение отказаться от борьбы с советской властью. И все-таки в данном случае Ильич решил подстраховаться.

Заседание революционного трибунала по делу Р. Ф. Унгерн-Штернберга открылось в 12 часов дня 15 сентября 1921 года в помещении новониколаевского театра «Сосновка». Коллегию трибунала возглавлял председатель Сибирского отдела Верховного трибунала при ВЦИК Опарин. В состав коллегии вошли командир красных сибирских партизан А. Д. Кравченко, а также Габишев, Гуляев, Кудрявцев. О представителе обвинения большевике Губельмане, спрятавшемся за псевдоним Емельян Ярославский, мы уже писали. Чтобы придать «революционному правосудию» видимость законности, Унгерну был назначен защитник — бывший присяжный поверенный Боголюбов. Процесс над Унгерном объявили открытым, и его довольно подробно (разумеется, в рамках советской цензуры) освещала местная газета «Советская Сибирь».

С целью усиления «солидности обвинения» принялись фабриковать документы, подтасовывать факты, пока еще большевики не до конца набили себе руку в таком ответственном деле — настоящее мастерство придет позднее! — вытянули «дело Мясоедова» (акцентировать на нем внимание «революционное правосудие» не решилось — поднимать вопрос о «немецких шпионах» в то время было небезопасно, далеко не все еще успели забыть, что именно с помощью немцев большевики объявились в России и пришли к власти), придумывали «перемалывание трупов в мельничных жерновах» (хорошо хоть не переработку трупов на мыло!), «связь с японскими империалистами».

Коммунистическая власть разыгрывала патриотическую карту уже в самом начале Гражданской войны. Марксистский лозунг «У пролетариев нет отечества» был заменен на «Социалистическое Отечество в опасности!» Белых клеймили как наемников иностранного капитала, воюющих против русских рабочих и крестьян. Особенно много псевдорусской патриотической демагогии было использовано в войне с «белополяками» в 1920 году. На эту удочку попались и многие царские офицеры, начиная с известного генерала Брусилова, который и сам составлял подобные же призывы к русским офицерам в пользу большевиков, патриотические по форме и провокационные по сути. Обращение к идее русского патриотизма оказалось выигрышным и привлекло к красным немало обманутых людей. Патриотическая «великорусская» демагогия была использована и обвинителем Унгерна — Ем. Ярославским. Впоследствии зарекомендовавший себя одним из самых активных погромщиков христианства, врагом православной церкви, «воинствующий безбожник» Ярославский в своей обвинительной речи лицемерно обличал предков Унгерна — рыцарей-крестоносцев — за разграбление

православных святынь Византии. Ярославский поносит прибалтийских баронов с «патриотических» великорусских позиций: «Прибалтийские бароны, которые в буквальном смысле, как паразиты, насели на тело России и в течение нескольких веков эту Россию сосали». В своей речи он изображает барона Унгерна морально разложившимся типом, который «постоянно пьет», «роняет честь офицерского мундира», который «привык бить людей по лицу, потому что он — барон Унгерн, и это положение позволяло бить ему по лицу подчиненных, тех самых крестьян, которые не имеют права принимать участия в государственных делах…» Рисуя мрачный и страшный образ барона, обвинитель врал по мелочам — рукоприкладство Унгерн применял исключительно по отношению к офицерам, которые, с его точки зрения, не исполняли должным образом свой воинский долг. «Тех самых крестьян», казаков, простых солдат, о которых на словах так пекся Ярославский, Унгерн никогда не бил и другим офицерам бить не позволял. Нет смысла перечислять все страшные обвинения в адрес Унгерна, которыми изукрасил свою речь Ярославский. Они благополучно перекочевали из 1920-х годов в современную историческую и художественную литературу, посвященную Унгерну, на страницы газет, журналов, на многие интернетовские сайты.

В своей речи Ярославский определил Унгерна как «религиозного человека», причем религиозного «не только формально, а на самом деле…» Это было, пожалуй, едва ли не единственным справедливым утверждением, прозвучавшим в речи обвинителя. Речь защитника Боголюбова фактически ничего не решала — она представляла лишь необходимую в данном случае формальность. В концовке своего выступления защитник солидаризировался с обвинителем: «Каков же должен быть ваш приговор? Конечно, здесь не может быть вопроса:… обвинительная речь прямо и твердо указала, какой должен быть приговор» (Хорош «защитник»! — *А. Ж.)*. Боголюбов просит о смягчении участи Унгерна на том основании, что «для такого человека, как Унгерн, расстрел, мгновенная смерть, является самым легким концом его страданий… В этом отношении барон Унгерн примет с радостью это милосердие… Было бы правильнее не лишить жизни барона Унгерна, а заставить его в изолированном каземате вспоминать об ужасах, которые он творил». Закончил свое выступление «защитник» Боголюбов словами: «… простору выбора революционного трибунала я предоставляю подсудимого».

Не будем винить несчастного «бывшего присяжного поверенного» за столь «оригинальный» способ защиты своего

подопечного. Что поделать? Назначили по разнарядке, приговор предрешен заранее, и помочь участи подсудимого не может никакой защитник, будь то хоть сам Кони или Плевако.

Последние слова процесса и последние слова барона Унгерна дошедшие до нас:

«Председатель трибунала Опарин: Подсудимый Унгерн, вам предоставляется последнее слово. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Унгерн: Ничего больше не могу сказать».

Барон Унгерн довел свой бой до конца, до последнего патрона. Что-то говорить, объяснять, изливать душу перед «выдвиженцами хамьими», перед «каиновым племенем», заседающим напротив него за столом, покрытым кумачом, не имеет никакого смысла. В 3 часа 15 минут дня по московскому времени, или в 17.15 по новониколаевскому, трибунал приговорил «бывшего генерал-лейтенанта барона Романа Федоровича Унгерн фон Штернберга, из дворян Эстляндской губернии, 35 лет, по партийности монархиста, подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Приговор окончательный и ни в каком порядке обжалованию не подлежит».

На следующее утро, 16 сентября 1921 года, приговор был приведен в исполнение. Место захоронения барона Унгерна остается неизвестным и по сей день.

В одной из своих пореволюционных статей, задумываясь над глубинными причинами поражения Белого дела, известный русский писатель Д. С. Мережковский проницательно заметил: «Кто в России люди с сильной волею? Пугачевы, Разины, Ленины, Троцкие… Почти у всех русских людей религиозная совесть сжигает, испепеляет религиозную волю, как дерево… Почти все лучшие русские люди в революции до конца жертвуют, но не до конца действуют. Не потому ли вся Россия сейчас — жертва, какой еще мир не видел?» Действительно, в истории русской революции, как и в истории Гражданской войны, мы знаем тысячи и тысячи примеров святой жертвенности русских людей: мужчин и женщин, офицеров и священников, простых крестьян и представителей самых аристократических фамилий. Показательны слова Николая II из его телеграммы, посланной в Петроград М. В. Родзянке: «Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага родимой матушки-России. Посему Я готов отречься от Престола…» Жертва, принесенная Николаем II, была велика и огромна — недаром последний русский царь вместе со своим семейством причислен Русской православной церковью к лику святых. Сотни тысяч людей принимали смерть от рук большевиков, как и подобает

подлинным христианам: с честью и достоинством, нередко благословляя своих палачей. Однако, размышляя о «великой жертве России», Мережковский говорит о том, что для победы над большевизмом необходимо качество, совершенно необычайное для большинства русских людей, а именно — «преобладание действенной воли над жертвенной». Именно наличие подобной «действенной воли» так отличало барона Унгерна от остальных вождей Белого движения. Но в этом же заключалась и трагедия барона, и его одиночество: выражаясь спортивной терминологией, Унгерн слишком высоко поднял планку. Но вся беда окружающих его людей, соратников, заключалась в том, что лично барон мог слишком многое. «Он ни от кого не требовал большего, чем делал сам», — вспоминал об Унгерне один из его офицеров. Но та степень самоотречения, аскетизма, упорства, ненависти, с которыми барон Унгерн воевал против большевиков, оказалась недоступной для его окружения. Они — приближенные Унгерна, его офицеры, казаки — были нашими современниками, людьми пускай начала, но уже XX века. Барон же был родом совсем из другого столетия — он органично смотрелся бы в походах крестоносцев за Гроб Господень, в войнах испанской реконкисты, идущим на Новгород в рядах опричного войска Иоанна Грозного… Именно этой «неотмирностью» барона и объясняется тайна его посмертной судьбы. Мы уже говорили, что имя барона Унгерна было окружено легендами еще при жизни. О характере этих легенд замечательно высказался Д. П. Першин: «Эти-то легенды показательны тем, что с именем барона всегда связывалось не личное его честолюбие, не желание нажиться и стать у власти, а определенное стремление борьбы с большевизмом для спасения России, даже его жестокость объясняли только крайней необходимостью поддержки дисциплины и чтобы имя его соратников не было замарано интересами наживы и кармана». Да, в жизни, в действиях Унгерна было много насилия, жестокости, порой даже несправедливости. Но все его поступки были обусловлены непримиримостью к коммунизму и большевикам, священной ненавистью к «разрушающим саму душу народа». Для победы над красным безумием, захватившем Россию в начале XX века, он был готов пожертвовать (и пожертвовал!) самой своей жизнью, совершая дела и поступки, которые многим казались безумными, жестокими, неоправданными. По прошествии нескольких лет это поняли и оценили многие из тех его приближенных, что были недовольны бароном, устраивали против него заговоры, готовились убить его. Этот парадокс прекрасно объяснил полковник М. Г. Торновский, которого никак нельзя отнести к

числу безусловных почитателей барона Унгерна. «Прав он был или не прав в своих способах проведения белой идеи — вопрос второстепенный, но он был ярко выраженный борец за эту идею до последнего вздоха, не терпевший компромиссов, — размышлял Торновский в 1942 году. — … Время изглаживает все тяжелое, темное, и память сохраняет все светлое и героическое, чем жили и к чему стремились в борьбе за светлое будущее свое и Родины… Личность Унгерна многогранна, и к нему нельзя подходить с обычной меркой. Редеющая уже масса унгерновцев чтит своего начальника. «Глас народа — глас Божий», и суд его правый. Вместе с коренными унгерновцами склоняю голову перед памятью генерала барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга».

Хотелось бы вспомнить слова итальянского историка Ф. Кардини, писавшего, что «средневековый рыцарь и для нас, сегодняшних людей, граждан мира, лишенного покровов сакральности, прекраснее какого-нибудь банковского служащего». Действительно, как мы уже отмечали выше, у многих современных молодых людей личность и история барона Унгерна вызывают такой интерес, с каким не может сравниться интерес ни к одному из участников Гражданской войны в России. Почему? На этот вопрос мы попытались дать свой ответ на страницах этой книги. Замечательно, на наш взгляд, высказался один из деятелей современной российской контркультуры А. Михайлов, автор авангардного сочинения «Межлокальная Контрабанда»: «В то время как голубчик Голицын и корнет Оболенский искали работу таксистов в городе Париже, генерал барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг продолжал насмерть сражаться с красными негодяями. «Золотое знамя победит красную тряпку», — любил повторять барон и по большому счету оказался прав».

… В детстве нам очень хотелось, чтобы герои прочитанных нами любимых книг не погибали, не умирали. Очевидно, подобное детское ощущение сохранилось и у многих тех, кто каким-то образом был причастен к судьбе барона Унгерна. Иначе чем можно объяснить огромное количество «достоверных» легенд, слухов, свидетельств очевидцев о том, что Унгерн счастливо избежал казни и остался жив? Некоторые из таких слухов мы привели выше. Напоследок позволим себе еще одну историю — историю, которую привел в своих воспоминаниях М. Г. Торновский:

«В Шанхае пришлось видеть фотографию, на которой сняты трое лам. Один старый лама благообразный, почтенный. Это, как мне объяснили, настоятель одного из наиболее почитаемых монастырей где-то в Бирме. Другой — противоположность —

маленький ламенок, так лет 15–17. Посредине высокий, худой лама лет 42–45 и до поразительности похож на Р. Ф. Унгерн-Штернберга. Молодой ламенок… якобы является сыном генерала Унгерна от брака с его китайской принцессой.

Легенда говорит, что высшие ламы Монголии не остались безучастными к судьбе бога войны. Они следили за его жизнью, и когда его привезли в Новосибирск, то, зная заранее, что его там расстреляют, они купили алтайских шаманов, чтобы они теплое, еще не подвергнутое разрушению тело бога войны вывезли в горы, где их ожидали искуснейшие далай-ламы. Они оживили его, залечили раны и через Тибет доставили в один из почитаемых и стариннейших монастырей в Бирме, куда был перевезен и сын генерала Унгерна из Пекина.

По существу легенды ничего не могу сказать. Но на фотографии, несомненно, подлинный Унгерн. Если это искусственная инсценировка фотографа по чьему-то заданию, то ее нужно признать весьма удачной.

Не допускаю мысли, чтобы Новосибирское ГПУ, расстреливая генерала Унгерна, было так наивно, что не убедилось в его смерти и глубоко и, пожалуй, скрытно не закопало бы его тело. Слишком ответственная на них была возложена задача. Тем не менее, фотография остается фактом. Судя по времени, когда я видел фотографию (1937 г.), его сыну — если он был и есть — могло быть примерно 16–17 лет».

Заключение

25 мая 1922 года в новониколаевском театре «Сосновка» открылся новый судебный процесс. На этот раз перед революционным трибуналом предстали соратник Унгерна генерал А. С. Бакич и еще 16 человек: 15 офицеров и 1 священник. Председательствовал в трибунале Опарин, одним из членов коллегии был Вележев, обвинителем выступал Ем. Ярославский (Губельман) — все лица, хорошо знакомые нам по процессу барона Унгерна. Основной задачей обвинения, как указывает современный биограф А. С. Бакича историк А. В. Ганин, было увязать деятельность Бакича с происками эсеров — в Москве готовили крупный показательный процесс по делу социалистов-революционеров с привлечением иностранных гостей. Решение трибунала можно было предсказать заранее: генерал А. С. Бакич был приговорен к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу «под гром аплодисментов зрителей». В уже упоминавшейся нами книге, посвященной генералу А. С. Бакичу, А. В. Ганин указывает, что «по законам Российской Федерации он (А. С. Бакич. — *А. Ж.)* до сих пор считается осужденным обоснованно».

Несколько лет назад Верховный суд Российской Федерации отказался пересматривать решение по делу генерал-лейтенанта барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга. До сих пор «осужденными обоснованно» считаются сотни героев Белого движения. Вся их «вина» заключается в том, что они отказались подчиниться уголовно-политической шайке, финансировавшейся из зарубежных источников и захватившей власть в России в октябре 1917 года, и с оружием в руках отстаивали многострадальную Родину от красного террора, голода, безбожия, духовного оскотинивания — короче, боролись против коммунистов и советской власти.

Памятников героям Белого дела установлены считаные единицы. Как правило, занимаются этим благородным делом небольшие группы энтузиастов, которым приходится преодолевать невероятную косность и сопротивление местных властей, угрозы в свой адрес от представителей различных левацких группировок. Памятники героям русского сопротивления подвергаются уничтожению и осквернению. Так, автор книги «Тамбовское восстание 1918–1921 гг.» тамбовский писатель Б. Н. Сенников сообщает об уничтожении в его родном городе в ночь на 1 мая 2001 года памятного знака участникам антисоветского крестьянского восстания. «Неизвестные лица»

(этот удобный эвфемизм употребляется, как правило, сотрудниками правоохранительных органов — на самом деле эти «неизвестные лица» прекрасно известны всем и каждому) угрожали уничтожить установленный недавно в Иркутске памятник адмиралу А. В. Колчаку. Зато «украшают» русские города и села многочисленные истуканы В. И. Ульянова-Ленина и других, более мелких деятелей «коммунистического и рабочего движения». За ними следят, их охраняют, из скудных местных бюджетов выделяют средства «на поддержание памятников истории и культуры». Улицы и целые районы крупных и мелких городов продолжают именоваться в память тех, кто расстреливал царскую семью, травил ядовитыми газами русских мужиков, взрывал храмы и монастыри. Все это происходит под разговоры о консолидации российского общества, о возвращении страны к ее историческому прошлому. Но пока на государственном уровне не будет восстановлена справедливость в отношении всех участников белой борьбы, подобные благие разговоры останутся ни к чему не обязывающим словоблудием и пустыми звуками.

Завершая эту многострадальную книгу, ждавшую своего издателя более 8 лет, мне хочется выразить благодарность и признание всем, кто поддерживал меня, помогал материалами, советами, да и просто любовью и участием:

— моей жене Наташе — без ее любви и неоценимой помощи я вряд ли бы завершил свою работу;

— моему редактору, прекрасному русскому историку Вольфгангу Акунову;

— иерею о. Роману Бычкову; моим близким друзьям: Дмитрию Баранову, Сергею Герасимову, Владимиру Дубровскому, Игорю Дмитриеву, Анатолию Макееву, Кириллу Монастырскому, Михаилу Лёвину, Игорю Лавриненко, Андрею Третьякову, Сергею Яшину.

notes

Примечания

1

Первый перевод книги Ф. Оссендовского на русский язык вышел в 1925 году в Риге. В русском переводе книга называлась «Люди, звери и боги». В настоящем издании мы цитируем книгу Ф. Оссендовского по переводу, вышедшему в 1994 году в издательстве «Пилигрим». Перевод выполнен Валерией Бернацкой, книга в данном переводе называется «И звери, и люди, и боги».

Интересные подробности о судьбе Ф. Оссендовского сообщала советская «Литературная газета». В номерах «ЛГ» от 15 и 22 октября 1969 года была опубликована статья польского литературоведа А. Милоша под заголовком «Тайна сокровищ барона Унгерна».

В номере от 15 октября 1969 года читаем:

> «Неизвестно, кто был инициатором, но встреча Оссендовского с Унгерном наконец состоялась в кочующем монгольском монастыре Ваинур на берегу реки Орхон. Разговор, видимо, был дружеский, так как Оссендовский гостил потом у Унгерна более недели — с 3 по 11 мая 1921 года. В это время они нанесли совместный визит ламе Джелубу в монастыре Нарабанчихур или Чандан, где лама на обугленной лопатке черной овцы предрек Унгерну, что ему осталось жить всего 130 дней. Оссендовскому лама предсказал, что «он умрет, когда Унгерн ему напомнит, что пришло время расстаться с жизнью». Ни Унгерн, ни Оссендовский не приняли всерьез этого предсказания и вскоре о нем заоыли. Неделю спустя Унгерн оставил Ургу (Улан-Батор) и направился с 10-тысячной армией на север, намереваясь добраться до южного берега Байкала и отрезать Дальневосточную республику от Советской России. 8 августа 1921 года в бою у Гусиного озера, который длился весь день, барон был разбит. А 22 августа кавалеристы 35-го полка сибирской дивизии Красной армии взяли его в плен. Военный суд в Новониколаевске приговорил его к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 13 сентября 1921 года, по редчайшему совпадению точно на 130-й день после визита к ламе Джелубу».

Оссендовский находился в это время уже в Японии. Узнав о

смерти Унгерна, он первый вспомнил предсказание ламы, и в первую минуту его охватил страх. Но потом он успокоился: ведь уже не было в живых того, кто должен был напомнить о расставании с жизнью, и, значит, на этот раз лама ошибся. В1922 году Оссендовский возвратился в Польшу и с тех пор безвыездно жил в Варшаве. Свои путешествия и приключения на Дальнем Востоке он описал в изданной в 1925 году книге «Через страну богов, людей и зверей». Однако оказалось, что в своих размышлениях о предсказании Оссендовский допустил ошибку. Об этом в номере «Литературной газеты» от 22 октября 1969 года сказано:

«В 1944 году после поражения Варшавского восстания Оссендовскому удается вырваться из подожженной гитлеровцами Варшавы и укрыться в пригородном местечке Подкове Лесной…

И вот теперь мы подходим к наиболее сенсационному повороту всей этой истории. Не так давно на страницах «Жиче Варшавы» была опубликована серия статей Витольда Михайловского, где описывается жизнь Оссендовского и событие, которое произошло в Подкове Лесной в одну из январских ночей накануне освобождения польской столицы Советской армией. 10 января 1945 года перед виллой, где нашел убежище Оссендовский, остановился военный «опель». Из него вышел лейтенант Доллерт из контрразведки армии нацистского военного преступника генерала фон дем Баха-Желевского (так в тексте, обычно фамилия генерала в русской транскрипции пишется Бах-Зелевски. — *Примеч. А. Ж.)* и потребовал немедленного свидания с писателем.

Беседа продолжалась до утра. Никто не знает о ее содержании, так как гитлеровец пригрозил домашним, что за малейшую попытку подслушивания они будут подвергнуты самому суровому наказанию. Известно только, что перед уходом Доллерт получил от писателя экземпляр eit) книги «Через страну богов, людей и зверей». А так как Оссендовский не имел собственного экземпляра, Доллерт получил книгу, принадлежавшую другу писателя — Борисевичу.

Через день 67-летний писатель скоропостижно скончался. А вскоре выяснилось, что в корешке переплета книги, отданной Доллерту, зять Борисевича — доктор Ягельский — спрятал микрофильм с описанием открытия, позволяющего предотвратить коррозию металла. Сразу же после войны было сделано все, чтобы найти лейтенанта Доллерта. Но Доллерт, который разыскивался как военный преступник, исчез бесследно. Между тем выяснилось, что его настоящая фамилия… барон фон Унгерн и он племянник и единственный наследник кровавого барона!»

2

Современный военный историк и геральдист В. В. Акунов дает следующее описание герба барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга: «Щит четверочастный с малым серебряным щитком в середине, в коем золотая шестиконечная звезда над зеленым трехглавым холмом. В первой и четвертой частях в голубом поле три золотые лилии (2 + 1). Во второй и третьей частях в золотом поле серебряная роза с золотым внутри венчиком и тремя из нее зелеными листьями в опрокинутый вилообразный крест. На щите шведская баронская корона, и над ней два коронованных дворянских шлема. Нашлемник: правый — столб из сплетенных в косицу серебряных и золотых прутьев между золотым и голубым орлиными крыльями; левый — шестиконечная золотая звезда между двумя павлиньими хвостами по шесть перьев каждый (2 + 2 + 2). Намет пересеченный голубым с золотом по зеленому с серебром в шахматы».

3

Н.Н. Князев, также служивший во время Гражданской войны под началом барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга, в своей книге «Легендарный барон» (Харбин, 1941) дает несколько иные сведения: «Русская линия происходит от барона Карла-Лудвига, вступившего в службу при императрице Анне Иоанновне в 1740 г. Три сына Карла-Лудвига дослужились до генеральских чинов. Один же из них, Карл Карлович, скончавшийся в 1799 г. в чине генерала от инфантерии, стоял в первом ряду храбрейших людей суворовского времени» (с. 14).

4

Оказавшийся после революции в эмиграции «семеновец» А. А. фон Лампе в своей книге «Пути верных», вышедшей в Париже в 1969 году, отмечал особые заслуги своего полка, «спасшего в 1905 году Москву, а может быть, и всю Россию, от того, что мы увидели 12 лет спустя…»

5

Константин Федорович Унгерн-Штернберг после 1917 года покинул Россию, служил в китайском отделении германской компании «Сименс» и проживал в Шанхае. По сведениям Л. Юзефовича, в 1930-х годах Константин перебрался в Австрию, служил в вермахте. Весной 1945 года он был убит в Вене, в номере отеля, вместе со своей женой Леонией.

6

В своих воспоминаниях М. Торновский писал, что отец Романа — барон Теодор-Леонгард Унгерн фон Штернберг — был убит в 1906 году во время революционных выступлений в Прибалтике. В действительности, отец Романа не был убит, но во время беспорядков было разграблено и сожжено его имение. Унгерн-старший, страдавший сильнейшим нервным расстройством и одно время лечившийся в клинике для умалишенных, умер в Петрограде в 1918 году.

7

Соколов-Кречетов — Сергей Алексеевич Соколов (1878, Москва — 1936, Париж), литературный псевдоним Кречетов. Окончил юридический факультет Московского университета. Поэт-символист второго ряда. Основатель и владелец издательства «Гриф», один из основателей журнала «Золотое руно». Издатель «Стихов о прекрасной даме» А. Блока, сборников А. Белого, К. Бальмонта, М. Волошина, В. Ходасевича и др. русских поэтов. Участник Первой мировой войны, офицер-артиллерист. В 1915–1918 гг. — в немецком плену. Участник Белого движения с весны 1919 года. Служил в Отделе пропаганды Вооруженных сил Юга России (ОСВАГ). С 1920 года — в эмиграции. С 1922 года — директор издательства «Медный всадник» (Берлин), публиковавшего книги П. Н. Краснова («От двуглавого орла к красному знамени», «Белая свитка», «За чертополохом»), И. С. Шмелева, И. А. Бунина. Руководитель антибольшевицкой подпольной организации «Братство Русской Правды» (1922–1934), издавал одноименный журнал. Отряды БРП вели партизанскую деятельность в ряде пограничных областей СССР: в Белоруссии, на Дальнем Востоке. БРП имело благословение предстоятеля Русской православной церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого). В 1934 г. Соколов был выслан из Германии как «нежелательный элемент» — ему припомнили его масонские связи. Умер в 1936 г. в Париже от опухоли мозга.

8

Восприемником (то есть крестным отцом) Жамсарана Бадмаева, в крещении Петра, был император Александр III. Отсюда и отчество, данное Бадмаеву, — «Александрович».

9

Об обстоятельствах пребывания далай-ламы XIII в Урге в начале XX века, о роли России в судьбе духовного вождя буддизма см. прекрасную книгу востоковеда И. И. Ломакиной «Великий беглец». М., 2001.

10

Скорее всего, причиной трагической гибели А. Д Хитрово стало то, что, исполняя обязанности русского вице-консула в Кяхте во время Гражданской войны, он был сторонником и оказал содействие вводу китайских войск в Кяхту, т. е. на русскую территорию. Хитрово мотивировал свое обращение к китайцам тем, что контрразведка атамана Г. М. Семенова «залила кровью Троицкосавские казармы, где были убиты сотни ни в чем не винных людей, и таковое кровопролитие можно было остановить только военной силой…» (См. *Першин Д. П.* Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. С. 363.) С точки зрения Унгерна, подобные действия расценивались как прямая измена, т. к. китайцы, попав на русскую территорию, совершенно не собирались ее оставлять.

Подтверждением тому может служить безуспешная борьба с международным терроризмом, которую ведет современный западный мир. «Международные террористы», как правило, выходцы из исламских стран, которые отторгают основополагающие принципы современной цивилизации, являются как раз «людьми средневекового сознания». Полная победа над ними в рамках современной цивилизационной парадигмы представляется практически невозможной.

12

В традициях кавалерийских частей русской армии было в порядке вещей, когда офицер доплачивал подчиненным из своего кармана. «За все смотры полагалось давать нижним чинам по чарке водки или по бутылке пива и пирогу, а иногда и то и другое вместе. На эскадронные праздники командир эскадрона и офицеры отпускали из своих личных средств суммы на угощение вахмистра и эскадрона». (См. кн. Белосельский-Белозерский С. С. «История лейб-гвардии Конного полка». Т. 3. Париж, 1964.) Кавалерия в императорской России, отмечает военный историк Г. С. Чувардин, воспринималась как типично рыцарский род войск.

13

Вновь намек на причастность Р. Ф. Унгерна к «измене» будет озвучен в 1921 году, во время заседания революционного трибунала, государственным обвинителем Е. Ярославским (Губельманом): «Один из ваших родственников судился с Мясоедовым за измену?»

Унгерн: «Да, дальний родственник». В дальнейшем, по ходу процесса, эта тема развития не получила — слишком уж «скользкой» была она для самих большевиков. Но попытка, как говорят ныне, диффамации налицо.

14

Александр Михайлович Крымов — один из наиболее перспективных старших офицеров русской армии начала XX века. Родился в 1871 году, окончил Академию Генерального штаба. Во время учебы в академии был близок к военному неформальному кружку, организованному думцем А. И. Гучковым, получившему название «Петербургской военной ложи». В 1916 году произведен в генерал-майоры и назначен начальником Уссурийской конной дивизии. Зимой 1916/17 г. принимал активное участие в подготовке дворцового переворота, направленного на отстранение императора Николая II. После февральского переворота был произведен в генерал-лейтенанты и в марте 1917 г. назначен командиром 3-го конного корпуса после увольнения за монархические настроения действующего командира корпуса графа Ф. А. Келлера (о нем — см. ниже). Добился включения в состав корпуса Уссурийской конной дивизии. Один из руководителей так называемого корниловского выступления в августе 1917 г. После провала «мятежа», 31 августа 1917 года, по официальной версии, покончил с собой — застрелился.

15

Подробнее на данную тему см. исследование историка и философа Юрия Соловьева «Могила Рюрика и возвращение Государя». Б/м, 2004.

16

Федор Артурович Келлер — один из немногих старших офицеров Императорской армии, сохранивших верность присяге. Родился 12 октября 1857 года, происходил из семьи обрусевших шведов. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в качестве вольноопределяющего 1-го лейб-драгунского Московского полка. В 1905 г. принимал участие в подавлении революционной смуты в Украине и Царстве Польском. Пережил несколько покушений. С 1907 г. флигель-адъютант императора Николая II, генерал-майор свиты Его Императорского Величества. С начала Первой мировой войны — начальник 10-й кавалерийской дивизии, командир 3-го кавалерийского корпуса. После февральских событий 1917 г. — в отставке. Проживал в Харькове. В ноябре 1918 года принял предложение возглавить формировавшиеся в Пскове части Отдельного Псковского добровольческого корпуса — «Северную армию», которая, в отличие от других частей белой армии, должна была выступать под лозунгом восстановления монархии. Граф Ф. А. Келлер заявил, что через два месяца поднимет «Императорский штандарт над священным Кремлем». Патриарх Тихон направил Ф. А. Келлеру вместе с епископом Камчатским Нестором шейную икону Божией Матери «Державная» и просфору. Следуя во Псков, задержался в Киеве, где по просьбе своего знакомого по службе в Императорской Гвардии гетмана П. П. Скоропадского возглавил вооруженные силы Украинской державы и попытался организовать сопротивление наступающим петлюровским частям. Однако под напором превосходящих сил украинских «сичевиков» офицерские дружины были рассеяны, петлюровцы вошли в Киев. В ночь с 20 на 21 декабря (ст. ст.) 1918 г. граф Келлер был арестован вместе с двумя адъютантами: полковником Пантелеевым и штабс-ротмистром Ивановым. По дороге в Лукьяновскую тюрьму Ф. А. Келлер и его офицеры были расстреляны в центре Киева у памятника Богдану Хмельницкому. Формирование единственной в Белом движении монархической армии не состоялось.

17

Известно, что маршал Жуков избивал своих подчиненных, причем не только офицеров, но и генералов (см. Суворов В. «Тень Победы». М., 2003), не встречая даже и намека на сопротивление. В Советской армии диалог, подобный тому, что состоялся у Унгерна с Парыгиным, был в принципе невозможен, а младший офицер, схватившийся за револьвер при угрозе избиения со стороны какого-нибудь «красного маршала», был бы немедленно расстрелян. Понятие «офицерская честь» (в том смысле, как понимали его в Русской Императорской армии) для Советской армии являлось пустым звуком.

18

В угоду сепаратистским настроениям, воцарившимся после февральских событий среди малых народностей, верховным командованием был отдан приказ о выделении из воинских частей солдат-инородцев для создания из них национальных воинских формирований. «После такого приказа, — вспоминал позже Г. М. Семенов, — мы рисковали не найти ни одного русского человека во всей нашей армии, ибо все стали находить в своей крови принадлежность к какой-либо народности, населявшей великую Россию, и на этом основании требовать отправки… в соответствующий пункт в тылу для зачисления в свою национальную часть».

19

Напомним, что в известном «Марше Корниловского полка» были следующие строки: «Мы былого не жалеем, \ Царь нам не кумир, \ Мы одну мечту лелеем: \ Дать России мир». И далее: «За Россию, за свободу, \ Если в бой зовут, \ То корниловцы и в воду, \ И в огонь пойдут».

20

«Политическая программа генерала Корнилова» по своей сути являлась краеугольным документом для всего Белого движения. Это была типичная программа буржуазного либерально-демократического движения. Вся полнота государственной власти передавалась Учредительному собранию, которое провозглашалось как «единственный хозяин земли Русской» и должно было «окончательно сконструировать государственный строй».

21

Армиском — Армейский исполнительный комитет, выборный орган, возникший после Февральской революции 1917 года и состоявший из солдат и офицеров данной армии.

22

Известный лозунг «Земля — крестьянам!» был величайшей ложью большевиков. По подсчетам специалистов, раздача крестьянам помещичьих и государственных земель ни в коей мере не могла разрешить аграрного кризиса, поскольку прирезка составила бы всего по 0,8 гектара на семью. Российский земельный вопрос заключался не в нехватке земли у крестьян, а в устаревших способах землепользования, экстенсивности крестьянского хозяйства. Даже если бы большевики выполнили свои обещания, то наделение крестьян помещичьей землей привело бы не к расцвету сельского хозяйства, а к сохранению малоэффективных способов земледелия и к новому росту трудностей. Всех, кто интересуется данным вопросом, отсылаем к работе российского историка Л. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». (М., 1998.)

23

В контексте противостояния китайской экспансии необходимо рассматривать и тесное сотрудничество Г. М. Семенова с японскими военными кругами. Япония отнюдь не желала, чтобы Китай, воспользовавшись русской революцией и распадом Российской империи, резко усилил свое влияние в Азии. Кроме того, в японских правительственных кругах было достаточно последовательных и принципиальных противников большевизма, считавших, что японская армия должна поддержать Белое движение хотя бы из чувства самосохранения — дабы не допустить распространения большевизма в Азии, в том числе и на острова Японского архипелага.

24

О манере барона Унгерна смотреть в глаза собеседнику упоминают почти все, кто лично встречался с бароном. «… Глаза этого человека не забыть вовек: они буквально смотрят насквозь, и малейшее увиливание от них в сторону, чувствуется, будет грозить тебе самыми неожиданными последствиями», — вспоминал один из визави барона.

25

Интересно сравнить «приказание», данное священнику бароном Унгерном, со случаем, происшедшим во времена царствования Николая II, который описывает в своей книге «Крестный путь» Ф. Винберг. Богатый гвардейский офицер полюбил девушку-протестантку, оказавшуюся в России одинокой, без знания русского языка. Девушка согласилась выйти за него замуж. Но, не имея согласия родственников на неравный брак и отчасти поддавшись легкомысленным настроениям, царившим в кругах блестящей петербургской молодежи, офицер заказал в одной из церквей заздравный молебен, на который пригласил свою возлюбленную и близких друзей. После окончания молебна все дружно поздравили молодую пару с мнимым венчанием. Офицер же, подав в отставку, отправился с молодой женой в собственное поместье, где, прожив долгую и счастливую жизнь, заимев нескольких детей, скончался. Своей возлюбленной он так и не нашел сил признаться в том, что венчания не было. После его смерти она осталась с детьми на руках и без всяких прав на положенное ей наследство. Вдова обратилась за помощью в высокие инстанции. Дело дошло до государя. Тот, ознакомившись с делом, вызвал министра юстиции и спросил, что можно сделать. «Закон здесь бессилен», — развел руками министр. «Ошибаетесь, — возразил Николай. — Вы не знаете силы Царского Миропомазания». И при изумленном министре начертал на прошении резолюцию: «Вменить молебен в венчание». Разумеется, барон Унгерн, не освященный благодатью Царского Миропомазания, не посягал на исправление церковных таинств. Однако с императором Николаем II его роднит евангельское желание поступать «не по букве, а по духу» закона.

26

Сергей Александрович Нилус, 28 августа 1862—14 января 1929 года) — русский духовный писатель, автор книг «Великое в малом», «На берегу Божьей реки», «Близ есть, при дверех».

Отметим, что знак «плюс» изображается в виде Креста, несущего Божественное начало, символа христианства, в то время как «минус» — знак отрицания — является выражением разрушительного дьявольского начала.

28

См. О двусмысленной политической позиции посла Российской империи в Пекине Н. В. Кудашева, граничившей с предательством интересов Белого движения, в работах: *Ганин В А.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 116 и *Фомин С. В.* Убиты и… забыты. Алапаевские мученики. // «Русский вестник», № 2,2005. С. IV.

29

О последующей судьбе баронессы Е. П. Унгерн известно немного. Ее имя было внесено в фамильную биографию рода Унгернов — «Унгариа» (Рига, 1940). По сведениям, сообщаемым М. Г. Торновским, в 1940 г. проживала в Государстве Маньчжоу-Го, при дворе императора Пу-И в Чаньчуне, на вдовьем положении.

30

В. А. Кислицын в эмиграции проживал в Харбине. Возглавлял движение монархистов-легитимистов (т. е. сторонников великих князей Кирилла Владимировича и Владимира Кирилловича) на Дальнем Востоке. Скончался в 1944 г.

31

Свастика — «гамматический крест», «гаммадион» — древнейший солярный символ, «знак полюса» (Р. Генон), священный знак во многих религиях, в т. ч. и христианской. В буддизме свастика является третьим из 65 знаков Будды, обнаруженных в отпечатке его стопы. «Бытование свастики у монголов объясняют как добуддийскими традициями Тибета, так и влиянием скифской цивилизации и учением Шакьямуни», — указывает историк Р. В. Багдасаров. Священный для буддистов знак свастики стал эмблемой сформированного по ходатайству атамана Г. М. Семенова Монголо-Бурятского конного полка имени Доржи Банзарова. (Подробнее о свастике см.: *Багдасаров Р. В.* Мистика огненного креста. М.: Вече. 2005.

Следует заметить, что военные историки дают примерные, ориентировочные данные о численности войск барона Унгерна и его союзников, причем иногда противоречивые. Современный военный историк В. В. Акунов определяет численность Азиатской конной дивизии в 10 500 человек, с 21 артиллерийским орудием и 35 пулеметами. Е. А. Белов оценивает общую численность войск, подчиненных Унгерну, в 7000 чел.

33

Спустя несколько месяцев один из участников убийства великого князя, А. В. Марков, был командирован Пермским губисполкомом в Москву по вопросу о выделении средств для культурно-просветительных мероприятий — убийца и уголовник Марков занимал пост губернского комиссара культуры! В Кремле Марков рассказал Свердлову об убийстве Михаила Александровича. Свердлов отвел Маркова к Ленину. Тот, поздоровавшись, спросил у Маркова: «Ну, рассказывайте, как вы там расправились с Михаилом?» Марков рассказал, не забыв упомянуть и об англичанине — Джонсоне. Замечательна была реакция вождя: «Хорошо!» — воскликнул Ленин, но предупредил, чтобы об этом нигде не было оглашено, т. к. «англичане могут предъявить нам иск, и расплачивайся тогда советская власть всю жизнь со всеми родичами его». Расплачиваться за свои преступления советская власть и большевики чрезвычайно не любили.

Этот принцип «двойной морали» активно востребован и в начале XXI века, например, в международной практике: албанцам можно убивать сербов, осуществлять депортации гражданского населения — сербам же подобного «не дозволяется». Политологи называют подобный подход «принципом двойных стандартов».

Этот принцип «двойной морали» активно востребован и в начале XXI века, например, в международной практике: албанцам можно убивать сербов, осуществлять депортации гражданского населения — сербам же подобного «не дозволяется». Политологи называют подобный подход «принципом двойных стандартов».

36

Сульдэ (или сульдс) — духовное знамя Чингисхана — копье, к древку которого чуть ниже наконечника были привязаны пряди от грив лучших коней. Духовное знамя всегда оставляли на открытом воздухе, под «Вечным Синим Небом», которому поклонялись монголы. Пока воин был жив, знамя из конского волоса несло его судьбу, после смерти дух воина, согласно поверьям монголов, переселялся в сульдэ. У Чингисхана было два таких знамени: «мирное сульдэ» из белого конского волоса, утраченное в Средние века, и «черное сульдэ» — для войны. Монголы отождествляли «черное сульдэ» с душой Чингисхана. Многие ученые, (в частности, упоминаемый выше современный американский историк Джек Уэзерфорд) предполагают, что «военное сульдэ» было уничтожено коммунистическим режимом Монголии в период борьбы с «религиозными пережитками». В то же время известен интерес Сталина к личностям двух монгольских завоевателей: Чингисхана и Тимура. Могилу последнего эксгумировали 22 июня 1941 г., а также было предпринято несколько неудачных попыток экспедиций в область горы Булхан Халдун (местс предполагаемого захоронения Чингисхана).

В III Рейхе также испытывали интерес к Монгольской империи. Эрих Хёниш, профессор университета Фридриха-Вильгельма в Берлине, подготовил немецкий перевод «Сокровенного сказания монголов». Трудности военного времени задержали публикацию — тираж «Сказания» был напечатан летом 1941 года…

37

Осознанно или нет, но Кастерин практически дословно повторяет слова иудейского первосвященника Каиафы, объяснявшего иудейским старейшинам необходимость ареста и казни Христа: «… что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». (Иоанн, 11,50).

38

А. С. Кручинин пишет: «Чжан Куй-У (так у А.С. Кручинина. — *А. Ж.)* оказался на высоте, в обмен на сданное унгерновцами оружие выплатив денежную компенсацию, предоставив продовольствие и проезд до станции Пограничная, откуда вновь начиналась русская, подвластная белым территория». Узнав о печальном конце Азиатской конной дивизии, Чжан Куню сказал: «Извините меня, но мне так больно слышать об этом. Барон Унгерн был прекрасный человек и мой большой друг». Впоследствии генерал Чжан Куню был убит по приказанию китайского маршала Чжан Цзолина.

39

После пленения барона Унгерна бывший штабс-капитан русской армии, позже красный партизан, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, «Железный батыр» (почетное звание присвоенное Щетинкину монгольским революционным правительством), Петр Ефимович Щетинкин прожил немногим более шести лет. Жизнь Щетинкина оборвалась в Монголии. Обстоятельства его смерти запутаны и доныне. Щетинкин был командирован в Монголию советским правительством в качестве инструктора Государственной внутренней охраны (ГВО), учрежденной в июле 1922 года и выполнявшей функции монгольской ЧК — ОГПУ. Летом 1927 года Щетинкин был убит в Улан-Баторе, по официальной версии, «в результате пьяной драки». По другой версии, — знаменитый сибирский партизан был застрелен по приказу главного инструктора ГВО Якова Григорьевича Блюмкина, известного работника органов ВЧК — ОГПУ, бывшего левого эсера, одного из убийц германского посланника Мирбаха в Москве, в июле 1918 года… В сентябре того же, 1927 года монгольское руководство приняло решение отправить советского инструктора Я. Г. Блюмкина на родину «за явное превышение полномочий и вмешательство во внутренние дела страны».

40

Подполковник Николай Федорович Ким, кореец, православного вероисповедания, кадровый офицер, закончил Иркутское военное училище в 1912 году, командовал Корейским пешим батальоном в составе Азиатской конной дивизии. В июне 1920 года принимал участие в тяжелых боях против красных у станции Борзя. Корейский батальон понес тяжелейшие потери и прекратил свое существование. Оставшиеся в живых чины батальона были распущены Унгерном по домам, а командир батальона — Н. Ф. Ким — получил назначение от барона в Харбин.